Филологический факультет
Вятского государственного гуманитарного университета

15-17 октября 2003 года

проводит Всероссийскую научно-практическую конференцию

«Актуальные проблемы современной филологии»

Начало конференции 15 октября в 10.00
в главном корпусе университета

Планируется заседание следующих секций по лингвистике и литературоведению:

Лингвистика

- Проблемы акустической, артикуляторной и функциональной фонетики;
- Семантика и функционирование слова, словосочетания и предложения;
- Текст как объект лингвистического анализа;
- Вопросы лексикографии и терминографии;
- Словообразование и его связи с лексикой и грамматикой;
- Вопросы истории русского языка;
- Культура речи и риторика;
- Диалектологические исследования;
- Современное языкознание и школа.

Литературоведение

- Дискуссионные вопросы теории литературы и литературной критики;
- Проблема текста, диалог автора и читателя;
- Тенденции развития современного литературного процесса;
- Опыты литературоведческого анализа;
- Актуальные проблемы современной методики изучения литературы в высшей школе;
- Проблемы изучения зарубежной литературы и литературной критики;
- Русская классическая литература: исторический дискурс и новые подходы к изучению;
- Фольклор и современная культура.

Предполагается публикация сборника статей до конференции.

К участию в конференции приглашаются преподаватели вузов, учителя школ, работники Института усовершенствования учителей, студенты, представители средств массовой информации, творческая интеллигенция.

Культурная программа конференции включает посещение мастерской дымковской игрушки, экскурсии по храмам и литературным местам г. Кирова, экскурсию в музей вятских промыслов г. Слободского, посещение театра.

...92, г. Киров, ул. Ленина, 111, к. 325.

Вятский государственный гуманитарный университет

ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научно-методический журнал

№ 8

Киров
2003

ББК 74.58.Я5
В 38

Главный редактор:

В.С. Данюшенков

Редакционная коллегия

Е.М. Вечтомов (зам. главного редактора),
В.Т. Юнгблюд (зам. главного редактора),
Е.О. Галицких (отв. секретарь),
В.А. Бердинских, А.М. Слободчиков,
В.Н. Оношко, Н.О. Осипова, В.Ф. Юлов,
Е.В. Алалыкина (перевод)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Ленина, 111,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (издательство)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова
Компьютерная верстка: О. Редькина

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

ISBN 5-93825-075-7

© Вятский государственный гуманитарный университет, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Данюшенков В.С. Проблемы вуза в условиях переходного периода....6

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Юлов В.Ф. Вера как ментальное состояние сознания....9
Вечтомов Е.М. Единство математики....13
Владыкина Е.Ф. Проблема личности в русской философии XX века (Василий Розанов, Лев Шестов)....15
Счастливцева Е.А. За пределами феноменологической редукции Г.Г. Шпета (объективация субъекта)....20
Осипова Н.О. Парадоксы глобализации: к одной научной дискуссии....23

ИСТОРИЯ

Балыбердин Ю.А. Монархические организации Вятско-Камского региона в период первой российской революции....28
Зырянова А.В. Дипломатия Великобритании и Соединенных Штатов в отношении России: 1914-1917 гг. 33
Фукалов В.О. У. Черчилль и англо-американские отношения в период «странной войны»....37
Костин А.А. Вопросы государственного устройства Югославии во внешней политике США в 1943-1945 гг. 43

КРАЕВЕДЕНИЕ

Валеев Н.М. К.И. Невоструев – выдающийся историограф города Елабуги (к 130-летию со дня смерти)....47
Кустова Е.В. Вятская городская дума в структуре городского управления в конце XVIII – начале XIX в. 50
Слободчиков А.М. Исследователь Великой Отечественной войны....54
Кликашева А.Н. К истории изучения рек Кировской области....59
Пичугина Е.В., Рябов В.М. Особо охраняемая природная территория «Бор на Лобани»....61

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Поздеев В.А. Отражение диалога культур в фольклорной пародии....65
Ануфриев А.Е. Дистопический мир в повести С. Бельского «Под кометой»....70
Банина Е.Н. Специфика основания оценочности метафор разных частей речи в современном английском языке....73
Савина С.Н., Редькина О.А. Фонетические особенности диалектов федеральной земли Саарланд (на материале говора города Саарбрюкен)....76
Байкова О.В., Саппок К. Восприятие диалектно окрашенной немецкой речи российских немцев Кировской области (по экспериментальным данным)....79
Береснева В.А. Претерит во внутренней речи в современном немецком языке....85

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Яновская М.Г. Педагогические принципы активизации эмоциональной сферы учащихся....89
Данюшенков В.С., Барамзина С.А. Формы обучения в условиях личностно ориентированной парадигмы образования....94

Галицких Е.О. Воспитательный потенциал университета: осмысление идей А.А. Ухтомского.....98
Степанова А.Д. Развитие и совершенствование дополнительного образования как социально-педагогическая проблема.....101

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Семенов А.Н. О строении полутел.....105
Чермных В.В. Ламбековское представление полумодулей.....107
Котельников Е.В. Автоматное программирование А.А. Шалыто.....109
Баскин З.Л. Промышленный газохроматографический эколого-аналитический контроль.....113

УЧЕНЫЕ – ШКОЛЕ

Шишкин Е.А., Копосова С.А. Проведение факультатива в 10-м классе по решению химических задач.....121
Исупова Н.И. Об особенностях обогащающей модели обучения.....125
Башмакова С.Б. Коррекционная работа учителя в свете общей теории деятельности.....131

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Перевощикова Т.Н. О конечных полукольцах.....135
Широков Д.В. Условия дистрибутивности решетки конгруэнций полуполя непрерывных положительных функций.....137
Бобров Ю.А. Эколого-географический очерк видов семейства *Pyrolaceae* Dumortier.....141
Машковцева В.В. Миссионерская деятельность вятского братства Святителя и Чудотворца Николая среди старообрядцев.....145
Казаков А.В. Образные парадигмы с левым компонентом «рука».....150
Кропотова Л.В. О структуре лексического значения и содержательных связях словозначения.....153
Кощеева Е.С. Административно-исполнительное производство в РФ.....159
Созинова Е.А. Изменение законодательства о лицензировании.....162

ПЕРСОНАЛИИ 164

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Осипова Н.О. «Русская художественная культура в темах, образах и символах 1913 года»: итоги научной встречи.....167
Поспелова Н.И. Межрегиональная научная конференция «Интеллектуальная элита России XX века: столица и провинция».....169
Юлов В.Ф., Юсупов В.З. Диалог с белорусскими коллегами в стенах Вятского гуманитарного.....171

CONTENTS

Yulov V.F. Belief as a mental state of consciousness
Vechtomov E.M. Unity of mathematics
Vladykina E.F. The problem of a person in russian philosophy of the XX century (Vasili Rozanov, Lev Shestov)
Schastlivtseva E.A. Out of exstraordinary reduction G.G. Spete (objectivite subjecte)
Osipova N.O. Paradoxes of globalization: in addition to scientific discussion
Balyberdin Yu.A. Monarchical parties of Vyatka-Kama region at time of First Russian Revolution
Zyryanova A.V. Diplomacy of Great Britain and the United States concerning Russia during the period of 1914-1917
Fukalov V.O. W. Churchill and british-american relations at the time of «False war»
Kostin A.A. Questions of a state system of Yugoslavia in foreign policy the USA, 1943 – 1945
Valeev N.M. Nevostruev K.I. – outstanding historiograph of Jelabuga-sity (130-years from day of death)
Kustova E.V. Town Duma of Viatka in the structure of town's government in the late XVIIIth – early XIXth centuries
Slobodchikov A.M. The researcher of the Great Patriotic war
Klikasheva A.N. To the history of exploring of Kirov Region rivers
Pichugina E.V., Ryabov V.M. The especially restricted natural territory «The Coniberous forest on Loban»
Pozdeev V.A. The reflection of culture's dialogue in the folk-lore's parody
Anufriev A.E. Distopic world in Sergey Belsky's narrative story «Under the Comet»
Banina E.N. Particular features of evaluation basis of metaphors of speech in modern English
Savina S.N., Redkina O.A. Phonetic variatios of the dialects in the federal state of Saarland (using the dialectal speech of the town of Saarbrucken)
Baikova O.V., Sappok K. Perception of dialectally-colored German speech of the Germans of the Kirov Region
Beresneva V.A. Prдteritum in substitutionary narration in modern German
Yanovskaya M.G. Pedagogical foundations of stirring up of student's emotinal sphere
Danushenkov V.S., Baramzina S.A. Forms of teaching in terms of person-oriented education
Galitskikh E.O. Educational potential of the university: thinking over A.A. Ukhtomsky's ideas
Stepanova A.D. The development and perfecting of additional education as a social and pedagogical problem
Semenov A.N. About structure of division semirings
Chermnykh V.V. Lambek representation of semimodules
Kotelnikov E.V. State-based programming by A.A. Shalyto
Cizhikova N.P., Prokashev A.M., Pakhomov M.M., Pupysheva S.A. Preminary results mineral reseach loss-like loams of the Vjatka Prikamje
Baskin Z.L. Industrial gaschromatography ecologo-analitical control
Shishkin E.A., Koposova S.A. Conducting of extra cariculum class with chemical tasks in the 10th form
Isupova N.I. About some features of enriching model of training
Bashmakova S.B. Correctional hachers work in the comnion theory of activity
Perevoshchikova T.N. About finite semirings
Shirokov D.V. Conditions of distributivity of the lattice of congruences on the semifield of continuous positive functions
Bobrov Yu.A. To ecology and geography of *Pyrolaceae* Dum. species
Mashkovtseva V.V. Missionary activity of Vyatka Saint wonder-worker Nikolay Brotherhood among the old-believers
Kazakov A.V. Image Paradigms with the word «Hand» as their left component
Kropotova L.V. About lexical meaning of the word and substantial relations of the wordmeanings
Koscheeva E.S. Administrative executive execution in Russian Federation
Sozinova E.A. Change legislation on licensing
Personnels
Osipova N.O. «The Russian artistic culture in the themes, characters and symbol of 1913th year»: results of scientific meeting
Pospelova N.I. Interregional scientific conference «Intellectual elite of Russia of XXth century: capital and province»
Yulov V.F., Yusupov V.Z. Dialogue nith Byelorussian colleagues nithin the precincts of Vyatka University of Humanities

В.С. Данюшенков

ПРОБЛЕМЫ ВУЗА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Прошел год с того момента, когда наш вуз стал гуманитарным университетом. Вуз вырос количественно: 14,5 тысяч студентов обучаются по 65 специальностям высшего и среднего профессионального образования. Университет стал представлять собой сложную многокомпонентную систему, организационную основу которой составляет структура, достаточно типичная для вузов – ректорат, факультеты, кафедры. При этом важнейшей особенностью университета является многонаправленность его деятельности, которая обусловливает весьма сложные функциональные и организационные связи внутри вуза.

Университет из профильного, отраслевого стал учебным заведением российского масштаба, способным удовлетворять потребности населения не только Кировской области, но и других регионов в разных профессиях. Вопросов не стало меньше, наоборот, некоторые стали носить явно методологический характер. Например:

1. Какова специфика развития гуманитарного вуза, возникшего на базе педвуза, и его стратегическая деятельность?

2. Успешно ли работает наша система контроля качества обучения в условиях конкуренции?

3. Оптимальна ли система управления вузом в условиях выживания?

4. Стоит ли внедрять многоступенчатую систему образования?

Ответы на данные вопросы неоднозначны.

А если их рассматривать в свете модернизации высшей школы и решений VII съезда Российского Союза ректоров, то верные ответы можно получить, определив миссию университета в регионе, и на ее основе создать стратегию планирования деятельности вуза.

Приведем выдержки из выступлений участников VII съезда ректоров России.

В.В. Путин, Президент РФ:

• Мы достигли многих успехов в демократическом строительстве, в формировании цивилизованного рынка. Однако все понимаем, что еще очень многое предстоит. И задача отечественного образования в том, чтобы помочь пройти этот переходный период быстро, грамотно, эффективно.

• Теперь нельзя дать ребенку образование однажды и на всю жизнь. И уже мало даже учиться всю жизнь. Приходиться учить учиться... Именно так в передовых вузах и поступают.

В.А. Садовничий, Президент Российского Союза ректоров:

• Государственность, всесословность и фундаментальность образования – вот принципы, на которых традиционно строилась и развивалась система высшего образования России.

В.М. Филиппов, Министр образования РФ:

• У нас реализуется на базе Российского Союза ректоров классическая и, может быть, единственная пока модель того, что записано в Законе об образовании, – что управление образованием должно носить государственно-общественный характер... Надо, чтобы этим путем мы шли и в регионах.

В.А. Бордовский, ректор РГПУ:

• Сегодня в международном сотрудничестве необходимо переходить на новый уровень: от обмена результатами с зарубежными партнерами к совместной деятельности по общим правилам.

Можно привести еще ряд высказываний со съезда, которые отражают тенденции изменений высшей школы России.

Осмысление решений съезда ректоров, мировых тенденций в образовании и практики действительности показало радикальное изменение образовательной среды. В традиционной образовательной среде знание оставалось в стенах университета и передавалось от профессора к студентам. В новой образовательной среде существуют разнообразные и многочисленные способы получения информации. В результате ни преподаватель, ни студент не привязаны к университету как единственному источнику приобретения знаний. Высшее образование приобретает рыночный характер. Многочисленные поставщики знаний разрабатывают различные программы и новые способы обучения. Например, 10 лет назад бизнес электронного обучения не существовал. А сейчас этот бизнес имеет оборот в 20 млрд. долларов и постоянно растет.

В XXI веке тот, кто сможет управлять знанием, будет обладать значительными преимуществами по сравнению с остальными.

Следовательно, высшее образование станет еще более важным фактором для экономического успеха регионов и государства. Хотя прямой перенос моделей бизнеса в образование невозможен и не нужен,

ДАНЮШЕНКОВ Владимир Степанович – доктор педагогических наук, профессор, академик АПСН, РАЕН, ректор ВятГГУ
© В.С. Данюшенков, 2003

тем не менее перед университетами сегодня стоит тот же вопрос, что и перед коммерческими организациями: каким образом университет может работать эффективнее, экономичнее, выпуская «продукцию» более высокого качества? Хороша ли репутация у вуза в области достижения им своих целей? Каков его рейтинг по сравнению с другими вузами данной категории в отрасли?

Это особенно важно, когда в России будут выделены ведущие вузы, а для них – дополнительные средства сверх нормативов.

Попасть в число таких вузов – одна из главных задач и нашего университета. Для этого надо иметь свое «лицо», свой «имидж», связанный прежде всего:

1) с качественной подготовкой специалистов, востребованных на рынке труда России и за рубежом;

2) наличием уникальных научных школ, признанных в России и за рубежом;

3) наличием большого числа диссертационных советов по разным отраслям знаний;

4) прекрасной учебно-материальной базой для проведения занятий на высоком научно-методическом уровне;

5) отличной спортивно-оздоровительной и культурной инфраструктурой для удовлетворения потребностей студентов;

6) развитой информационной базой;

7) научно организованной самостоятельной работой студентов;

8) наличием широкой сети международных связей как в учебной, так и научной деятельности.

Всего этого можно достичь путем оптимизации имеющегося учебного и научного потенциала университета с опорой на выработанные в вузе десятилетиями традиции и их интегрирование с современными тенденциями в образовании. Это выделение групп специальностей, где мы особо сильны, и их всемерное развитие; это создание современной структуры управления вузом; это делегирование полномочий ректората тем структурным подразделениям, которые самостоятельно и эффективно осуществляют учебно-воспитательную и научную деятельность студентов и т.д. Например, Институт управленческих кадров (директор – доктор юридических наук В.В. Куликов), который открыл три направления по аспирантуре, организовал Центр переподготовки управленцев по 72, 500, 1760-часовой программам (руководитель – кандидат юридических наук А.И. Стахов) на коммерческой основе, получил два заказа Министерства РФ на разработку программных материалов; несколько научных грантов. Это хороший пример для других директоров и деканов факультетов.

Сегодня ректорат и группа ученых университета осмысливают миссию вуза в регионе, а на этой основе вырабатывают цели гуманитарного университета, которые направлены на обеспечение жизнедеятельности и непрерывности его развития.

Кроме того, в условиях ограниченности ресурсов, нестабильности заказчиков, конкуренции жизненно необходимым становится определение стратегии деятельности вуза. В связи с этим мы вместе с начальником учебно-методического управления

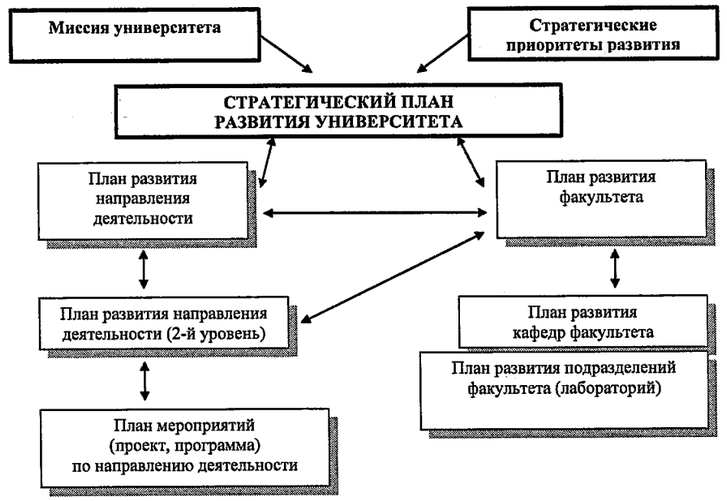


Рис. 1. Структура плана развития университета

доц. В.В. Ковровым участвовали в семинаре на базе Уральского государственного университета по стратегическому планированию в вузе. Результаты обучения позволили нам создать структуру плана развития университета (см. рис. 1).

Концептуальные основы общеуниверситетского плана проектируются на структурные подразделения и тематические направления деятельности университета. По такой же схеме мы создали план развития образовательной сферы университета (см. рис. 2).

Вся эта деятельность направлена на получение конечного продукта вуза, удовлетворяющего потребности общества.

Наш вуз выпускает несколько видов «продукции»:

- специалистов (различного уровня подготовки);
- научную продукцию (новые идеи, технологии и т.д.);
- книжную продукцию;
- электронную продукцию;
- кадры высшей квалификации.

Выпускаемая продукция – это те внутренние ценности, которые создает вуз. Внешние ценности вуза – формирование социума в регионе.

Количество и качество выпускаемой университетом продукции характеризует уровень управленческой, учебной, научной и хозяйственной деятельности.

Рис. 2. План развития образовательной сферы университета

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

В.Ф. Юлов

ВЕРА КАК МЕНТАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ

В статье анализируется феномен веры и его трактовки в христианском учении. Автор обращается к идеям европейских философов (А. Бергсон, Х. Ортега-и-Гассет, Дж. Р. Серль и др.), рассматривает вклад в христианскую теоретическую традицию русских мыслителей (В. Зеньковского, Н. Бердяева, С. Трубецкого и др.). Работа ищет ответы на вопросы о тождественности веры знанию, о сложности или простоте веры, о ее содержании.

Эпистемология XX и XXI веков пересматривает традиционную недооценку феномена веры. Оказалось, что все частные формы веры (религиозная, практическая, научная и т.п.) существуют в виде проявлений веры как фундаментального состояния человеческого индивида. Выявление общезначимых характеристик затруднено плюрализмом концепций. И все же такое исследование необходимо, и его следует начать с христианского учения, где тема веры впервые была выдвинута и подвергнута рефлексии.

Религиозные трактовки веры: тенденциозное и перспективное. В библейских текстах образ веры несёт разные контекстные смыслы – от обыденной уверенности до веры в Бога. Отцы церкви внесли уясняющие различения. Прежде всего, они разделили чувства и знания (ум, разум), с одной стороны, и веру – с другой. Особо подчеркивалась граница между интеллектом и верой. «Ведь одно дело – верить, и другое – понимать» [1, с. 28]. Если душа есть образ и подобие Творца, то все её модусы являются Его даром человеку. Но способности души неравноценны, вера выше разума, ибо лишь она вместе со свободной волей и любовью в конечном счете приведет личность к Богу. Проблематичной оказалась связь веры с разумом: то ли вера противостоит разуму (Тертуллиан), то ли она едина с ним (Августин, Аквинат). Последнее решение родило свою дилемму – сперва поверить в Истину, потом понять ее (Августин); или понять, чтобы верить (Абеляр).

Русские мыслители внесли в христианскую теоретическую традицию новые аспекты. В. Соловьев исходил из того, что познающему человеку предмет дается тремя основными способами: ощущением, мышлением и верой. Если первое открывает единичную специфику, второе – общие признаки, то вера утверждает безусловное существование предмета. Она выступает той основой, на которой способны действовать чувства и мысли. Приоритет веры определяется не только тем, что она удостоверяет объективность, но и тем, что вера устанавливает внутреннее единство познающего с познаваемым, преодолевая онтический и психический разрыв между ними [2, с. 718-720].

Встроившись в эту логику опровержения кантовской непознаваемой «вещи-в-себе», С.Н. Трубецкой (1862-1905) внес свои дистинкции. Являясь духовным центром души, вера имманентна чувству и мысли, которые не могут выйти в реальность вне человека, ибо чувство ограничено телесной конструкцией индивида, а знание страдает отвлеченностью. В свою очередь вера свободна от этих недостатков и способна быть имманентной объективной реальности. Сочетание «субъектной» и «объектной» имманентностей делает веру проводником чувственности и мышления в познавательной деятельности [3, с. 651-670].

Оригинальное отличие веры от знания ввел Н.А. Бердяев. Если знание ориентируется на объект, логику и доказательство, то оно в сути своей принудительно и несвободно, ибо находится в подчинении как внешнего познаваемого объекта, так и внутренних норм. Вера же, являясь интеллектуальной интуицией, свободна от внешних рамок и выражает дерзновенный поиск духа. В условиях тварного мира вера не может заменить знание и она помогает ему конституироваться. Вера утверждает исходные начала познания: правила практического опыта, аксиомы и постулаты научной теории. Среди ее различных форм выделяется религиозная вера, осуществляющая богопознание, что дает основание считать ее высшим знанием, проникающим в бесконечность абсолюта [4, с. 37-50, 89].

Основной пафос позиции Бердяева поддержал В.В. Зеньковский, но он сместил акцент с **ratio** на **sensus.** Более перспективной он признал формулу Б. Паскаля «дух = сердце + разум». Любые виды рационализма обречены на деформирующие упрощения, ибо они игнорируют роль важного и непростого чувства – веры. Она является тем «сердцем», которое задает ритм работы разума посредством духовно-чувственной интуиции смысла бытия. Такое ценностное переживание определяет целевой замысел познания и через него ориентирует любой поиск мысли [5, с. 34-40].

ЮЛОВ Владимир Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ВятГГУ
© В.Ф. Юлов, 2003

Для построения общезначимой теории веры в религиозно-философских воззрениях нужно выбрать перспективные компоненты. Представляется, что трактовка веры в качестве третьей способности, отличной от чувственности и интеллекта, несет на себе тенденциозность религиозного подхода. Здесь вполне уместно требование «бритвы Оккама», в контексте которого вполне можно обойтись возможностями двух областей сознания – психики и интеллекта. Как раз в эту диаду вписываются как формула Паскаля, так и рассуждения В.В. Зеньковского.

Вера поддерживает динамику жизненного порыва, непрерывно захватывая будущее настоящим. После появления эволюционной теории Ч. Дарвина многие ученые и мыслители стали усматривать в инстинктивном поведении животных истоки человеческой веры. Так, Б. Рассел и Дж. Сантаяна весьма часто употребляли выражение «животная вера». Первый трактовал ее в виде такого состояния, в котором животное действует в отношении того, что актуально и внешними чувствами ему не дано. «Если испытывающее жажду животное настойчиво спускается в долину, то я склонен думать, что оно «верит», что там есть вода, и в этом случае налицо имеется вера без слов в то, что находится за пределами опыта этого животного» [6, с. 133]. Рассел полагал, что животная вера включает в себя относительно простое и бессловесное знание, но не сводится к нему. В ней есть нечто такое, что не добавляется к знанию, а образует с ним что-то подобное сплаву, который не поддается разложению.

К самым глубоким основам жизни отнес веру А. Бергсон. По его мнению, она является сущностной характеристикой жизненного порыва, который автоматически ведет организмы от настоящего к будущему. Действуя инстинктивно, животное уверено в самом себе и ничего не ставит между целью и актом ее достижения. Эту непосредственность инстинкта поначалу унаследовал древний человек, его органы тела продолжали перерабатывать элементы внешней материи в энергетический материал, как это и делают животные. Но наряду с таким способом люди стали изобретать неорганические инструменты, и данную новацию инстинкт обслуживать не смог. Из недр инстинкта выделился ум (разум), став основой открытия и применения искусственных орудий. Однако в этой области ум не может предвидеть все, и обширные зоны непредвиденного он отдает на откуп вере. То, что ум оставил в качестве гнетущей и страшной полосы неопределенности, вера заполняет сонмом дружественных сил (духов), которые способны победить вредоносные влияния. И когда дикарь пускает стрелу в животное, его надежда на успех базируется на вере, которая страхует его от страха, идущего от неизвестности. Таким образом, вера есть тот дар инстинктивного жизненного порыва, который продолжает выручать человека в сложных ситуациях, где пасует ум [7, с. 139-163].

Должна ли вера быть тождественной знанию? Концепция Бергсона весьма оригинальна, и не все в ней общезначимо. К последнему можно отнести ряд соображений, согласующихся с современным уровнем понимания. Прежде всего, следует согласиться с тем, что вера – это не только достояние человека, она присуща высокоразвитым формам жизни. На каком-то этапе эволюция сформировала веру для организации сложной деятельности и она стала необходимым уровнем психики. Между ею и информационным содержанием интеллекта завязались тесные зависимости. Могла ли вера подменить знание и стать его инстинктивной самостоятельной предпосылкой? С положительным ответом Бергсона трудно согласиться. Французский мыслитель оперировал явно узким представлением об уме – интеллекте, сведенным к логическому разуму. Но согласно современным понятиям зоопсихологии рамки интеллекта распространяются не только на высших животных, но и на менее развитые формы жизни [8].

Может быть, веру следует понять в качестве особого состояния интеллекта? Некоторые авторы согласны с тем, что вера есть состояние ума. Но если признать такую позицию, то размышление находит в ней смысловые тупики. Допустим, что уверенность имманентна знанию, которое сохраняется и воспроизводится памятью. Тогда встает вопрос о различии функций последней и веры, его решение требует введения какого-то особого пласта интеллекта, отличного от знаний. Здесь налицо явно искусственная ситуация. Более простой выход сводится к признанию чувственно-психического положения веры, что и демонстрируется большинством авторов. Так, весьма четкую демаркацию провел К. Юнг, у него все виды уверенностей находятся по другую сторону интеллекта. Поэтому все противоречия веры и разума, которыми пестрит литература, надуманны, ибо под маской веры чаще всего скрываются когнитивные конструкции. Для конфликта между верой и знанием нет никакой почвы, обе стороны необходимы, ибо по отдельности нам недостаточно одного знания или одной веры. «Вполне можно вообразить себе такое состояние сознания, когда мы просто знаем, вдобавок и верим в то, что кажется нам по тем или иным основаниям вероятным» [9, с. 227].

Примечательно то, что Юнг особо отметил свою позицию как психологическую. С этой точки зрения легче обнаружить психическую природу веры. Но какие признаки могут указывать на нее? Думается, что, прежде всего, это интенциональность, характерная для высоких слоев психики.

Интересный анализ интенциональности дал Дж. Р. Серль, оттолкнувшийся от классического определения Ф. Брентано – направленность на некий предмет. Вполне справедливо он разделил все психические явления на ненаправленные и направленные. К первому типу относятся те переживания, которые мы назвали аффективной психикой (беспричинные – уныние, тревога, восторг и т.д). Второй тип образуют

те ментальные события, которые имеют определенные предметы. В качестве примера Серль привел веру в то, что нечто имеет место. И это весьма симптоматично, так как тема веры получилась в его статье сквозной. Серль вопрошает: что репрезентирует вера как вера? Он полагает, что ответ может быть дан (по крайней мере частично) в терминах логических свойств веры. Как таковая вера есть пропозициональное содержание, выраженное в психологическом модусе, который детерминирует направление соответствия от мышления к миру [10, с. 111].

Хотя Серль использовал выражение «психологический модус», учета подлинной психической специфики веры у него не получилось. Он не вышел за узкие рамки рационалистического логицизма. И Серль здесь далеко не исключение, в ловушках этой позиции оказались мыслители самых различных мировоззренческих ориентаций. Это можно проследить на ходе рассуждений А.Ф. Лосева. Его исходный принцип – на всех этапах истории в человеке пребывает мифичность, выражающая феноменально-символическое становление личности. Модусами личностного плана являются вера и знание. Вера есть вера в какой-то определенный предмет, и если он наделяется четкими признаками, то это означает знание предмета. «Итак, вера в сущности своей и есть подлинное знание; и эти две сферы не только не разъединимы, но даже и неразличимы» [11, с. 497]. Предметом веры может быть что угодно: Бог, материя, человек и т.д. Важно лишь не уклониться от диалектики мифа и признать равноправную ценность и веры и знания. Диалектическое объединение этих двух сторон дает ведение, или гносис. Хотя для его утверждения требуется жизненный опыт, синтез является чисто логическим [11, с. 584-585].

Вера сложна (единство психического состояния и содержания) или проста (чувственный компонент верования)? Другой вариант синтеза предложил К. Ясперс. По его мнению, у веры есть субъективная и объективная стороны, образующие целостность. Если первая является психологическим состоянием, выражающим личностную убежденность («я верю»), то вторая характеризует содержание веры или знание некоторого предмета («вера во что-то»). Абсолютизация субъективного аспекта дает веру без предмета («верование»), игнорирование же его конституирует объективные истины науки и мертвые догматы. Вера едина живым чувством личности, которая знает нечто и убеждена в этом [12, с. 423].

Конечно, на фоне рационализма Серля и Лосева позиция Ясперса более предпочтительна. Здесь вера обрела подлинно психический модус – некоторое чувственное состояние, неотделимое от индивида, и лишь этим она стала отличаться от знания. Но нужно ли последнее включать в состав веры? Тут возникают законные сомнения. Уже то, что Ясперс выделил две разные стороны, говорит о реальности их аналитического расчленения, у которого возможны онтические основания. В жизни индивидов вполне случаются такие состояния, где за чувственным покровом не бывает определенных знаний. Как их учесть, не теряя достоинства союза веры и рационального содержания?

Думается, что выход из этого положения можно найти, обратившись к понятию верования с соответствующим значением. Его истоки лежат в творчестве Ч.С. Пирса, где понятие верования занимает ключевое место. Примечательно то, что американский исследователь ставил задачу, близкую к нашей, – как отличить понятия, фигурирующие в науке, от знаний обыденно-практического плана? Его решение и состояло в разработке конструкта «верование», имеющего структуру из двух компонентов: суждение, исходя из которого человек действует (рационально-действенная сторона), и чувство убежденности (чувственный аспект). Ни одна из двух сторон не включает другую, они лишь сопровождают друг друга [13, с. 37-38].

Схема Пирса ясна и разумна, в ней верование как несет содержательные черты интеллекта, так и разделяет специфику чувственной психики. Последнее и является собственно верой – особым ментальным состоянием, отличным от знания как содержания верования. К такому же мнению пришел и Б. Рассел. Допустим, мы имеем весьма важные и общие утверждения о действительности, которые можно назвать «базисными суждениями». Посредством дедуктивной логики из них можно выводить частные следствия (объяснения и предсказания) и подвергать эмпирической проверке. Но если мы говорим о том, что базисные суждения заслуживают доверия, то здесь предполагается специфический чувственный опыт. Он является сугубо личностным и с трудом описывается словами [14, с. 15]. Для нас здесь важно одно – доверие к знаниям Рассел отнес к особой чувственности.

Вера бытийственными скрепами закрепляет знание в личностном сознании, придавая ему покой. Когда Серль утверждает, что у веры есть одна интенциональность – репрезентировать направление соответствия «от мышления к миру», то такой монизм вполне понятен, ибо знание у него подмяло веру как чувственное состояние. Но если мы признали двойственную структуру верования, то следует согласиться и на дуализм интенциональностей. С направленностью знаний все ясно, они ориентированы на познаваемые объекты. Другое дело – вера, ее векторность пока неопределенна. Ясно лишь одно, ее интенциональность должна отличаться от ориентации интеллекта. Если его истинностная направленность «от сознания к миру» не присуща верователной психике, то ей остается только внутренний мир самого сознания. При данном раскладе вполне очевиден такой поворот мысли – интенциональным предметом веры выступает знание.

В своем исследовании игровой деятельности (HOMO LUDENS) Й. Хейзинга противопоставил игре веру. Если суть игры сводится к приданию любому множеству динамики ему и его элементам, то вера создает в сознании устойчивость и успокоение.

«Нельзя отрицать и того, что стойкая и непоколебимая вера приносит полный покой уму» (Ч.С. Пирс). Нам представляется, что такая оппозиция весьма перспективна для понимания веры. Если ее главная функция сводится к закреплению знаний, то это требует лишь разъяснений, связанных со структурой сознания. И здесь весьма эвристичны рассуждения Х. Ортеги-и-Гассета на тему «идеи и верования».

Позиция испанского философа близка концепции Пирса. Убеждения-верования он отличает от идей, которые исчерпывают свою роль и содержание тем, что их только мыслят. Верование есть такая «идея, в которую еще и верят. Вера не является операцией «интеллекта», а есть функция живого организма как такового…» [15, с. 79-80]. Эти два пласта занимают различные положения в сознании людей. Идеи (мнения, теории и т.п.) приходят извне и образуют внешний пласт, элементы которого весьма подвижны и легко теряются в острых ситуациях. Верования же представляют собой наиболее глубокий базисный слой жизненной архитектоники. Если идеями владеют, просто думают и мыслят, то верованиями живут, они владеют нами [15, с. 82; 16, с. 110; 17].

Мысли Ортеги достаточно прозрачны. В сознании индивида существуют две области. Внешний и поверхностный слой образован знаниями без веры, идеи далеки от самости (я) и весьма неустойчивы (приходят и уходят). Внутренним ядром являются верования, они близки психическому центру, устойчивы и определяют жизненное поведение. На какие свойства веры наводят эти положения? Прежде всего, подтверждается догадка об основной интенциональности веры – она направлена на некоторые знания. Если какое-то представление возникает в сознании, то оно поначалу пребывает на его периферии и, не имея ценностных якорей, рискует затеряться среди второстепенной информации. Но вот когниция хорошо зарекомендовала себя в жизненных действиях, она оценивается как важный элемент, перемещается ближе к ментальной психике и закрепляется ею как верование. Стало быть, вера укореняет знание, делает его сугубо внутренним достоянием индивида, превращая верование в самый ценный ресурс жизнедеятельности.

Со взглядами Ортеги перекликается весьма важный тезис М. Бубера. Если в рациональное мышление вступает лишь часть моего бытия, то в вере всегда представлено все мое бытие [18, с. 234]. Хотя Ортега характеризует сознание в категориях внешнего и внутреннего, а Бубер – в понятиях части и целого, речь идет у них об одном и том же сущностном аспекте. Субъектный мир личности имеет два разных способа существования – без веры и с верой. Там, где отсутствует вера, знания (идеи) существуют поверхностно, они мало значат для жизни индивида. Ими обладают, их имеют и ими даже пользуются, но они пребывают еще «вне души», и поэтому их бытие частично. В мире же веры все наоборот, убеждения здесь бытийствуют в интимных глубинах личностного со-знания, ими живет сама «душа», наделяя их всей полнотой жизненных переживаний.

Ортега полагал, что верования имеют свое иерархическое строение, на фундаментальные убеждения опираются вторичные верования. Из этого значимого соображения можно вывести важную характеристику веры. Ее закрепляющее действие имеет степени укорененности или разную «длину» детерминации – от очень коротких до весьма длинных «расстояний» когнитивного пространства. Если верование находится на границе интеллекта и ментальной психики, значит «якорь» веры самый короткий. Соответствующее удаление от этой границы как центра «душевной» самости к внешней периферии разума увеличивает длину вероватёвного «якоря», и при достижении верхнего предела действие веры прекращается. Отсюда начинается область «идей», существующих без веры и имеющих иерархическое строение рационального характера.

Итак, вера является фундаментальным состоянием сознания. Именно она укореняет некоторые единицы нашего знания, делая их убеждениями или верованиями. Успешная деятельность иногда прерывается проблемными ситуациями, что означает переход от веры к другому состоянию – сомнению. Их связь может быть предметом последующих размышлений.

Примечания

1. *Августин Аврелий.* О свободе воли //Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья: В 2 т. Т. 1. СПб., 2001.
2. *Соловьев В.С.* Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988.
3. *Трубецкой С.Н.* Основания идеализма // Трубецкой С.Н. Соч. М., 1994.
4. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
5. *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии. М., 1996.
6. *Рассел Б.* Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957.
7. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 1994.
8. *Зорина З.А., Полетаева И.И.* Зоопсихология. Элементарное мышление животных: Учеб. пособие. М., 2001.
9. *Юнг К.Г.* Йога и Запад // Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
10. *Сёрль Дж.Р.* Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М., 1987.
11. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.
12. *Ясперс К.* Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1997.
13. *Пирс Ч.С.* Вопросы относительно некоторых способностей, приписываемых человеку // Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М., 2000.
14. *Рассел Б.* Исследование значения и истины. М., 1999.
15. *Ортега-и-Гассет Х.* История как система // Вопросы философии. 1996. № 6.
16. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? М., 1991.
17. *Ортега-и-Гассет Х.* Идеи и верования // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
18. *Бубер М.* Два образа веры // Бубер М. Два образа веры. М., 1995.

Е.М. Вечтомов

ЕДИНСТВО МАТЕМАТИКИ

В статье обосновывается единство математики, анализируются основы единства различных разделов математики. Показано, что для любого конечного непустого множества X существуют теснейшие взаимосвязи между алгебраической, порядковой и топологической структурами на X.

I. Основные положения. Рассмотрим важнейшие аспекты, объединяющие различные математические дисциплины в единое целое – в *математику*. Дадим сначала общую характеристику математике (см. [4]).

Математика изучает универсальные абстракции, укорененные в бытии посредством категорий *формы* и *количества*. Она вездесуща, широко применима к окружающей действительности через многочисленные модели, создаваемые математиками как по внутреннему побуждению и логике науки, так и благодаря запросам практики. Таким образом, объектом математики как науки служат самые разнообразные проявления формы и количества, рассматриваемые в наиболее общем и чистом виде. А предметом математики являются математические структуры и математические модели той или иной реальности.

Математику часто делят на фундаментальную и прикладную составляющие. Такое деление условно и не очень-то правомерно. Считается, что фундаментальная математика создает и исследует абстрактные математические структуры, следуя внутренней логике своего развития, а прикладная математика имеет дело с математическими моделями реальности. Задачи и теории фундаментальной и прикладной математики различаются только способом своего возникновения – из самой математики или из практики. Фундаментальная и прикладная математики – это единая теоретическая, фундаментальная, чистая математика. Помимо математики как таковой существуют приложения математики в предметных областях науки и практики (в физике, химии, биологии, экономике, социологии, технике, производстве и т.д.).

Чистая математика подразделяется на содержательную математику, формальную математику и метаматематику. Почти вся классическая математика излагается содержательно-аксиоматически. Формальная математика изучает формальные математические теории, при этом формально аксиоматизируется и логика рассуждений. Метаматематика исследует свойства и интерпретации формальных математических систем.

В математике можно также (в определенной мере условно) выделить непрерывную и дискретную математики, которые друг без друга не обходятся. Непрерывная математика оперирует идеями и понятиями непрерывности, предела, актуальной бесконечности, континуума и воплощается в математическом анализе, топологии, классических геометриях. Дискретная математика имеет дело с конечными последовательностями вполне определенных действий, вычислений, преобразований. Дискретная математика включает в себя конструктивную математику, которая содержит конечную математику, объемлющую в свою очередь компьютерную математику. Заметим, что в последнее время все чаще дискретная математика отождествляется с компьютерной математикой. Теоретически компьютерная математика является частью формальной математики.

Укажем теперь более конкретные, специфические положения, утверждающие единство математики. Во-первых, вся математика пронизана такими основополагающими понятиями, как *доказательство* и *функция*. Доказательство есть отражение причинно-следственных связей в логической, дедуктивной форме. Некоторые считают даже, что «математика – это доказательство». А понятие функции математически отражает категорию движения. Математические науки условно делятся по методам доказательств и видам изучаемых ими функций, а стало быть, имеют общую методологическую почву. Так, алгебра изучает алгебраические операции, геометрия – геометрические преобразования фигур, математический анализ – свойства числовые функции, теория вероятностей – вероятностную меру и т.д. Такие важнейшие математические понятия, как производная, интеграл, мера, гомоморфизм (в самом широком смысле), суть функции.

Во-вторых, все математические дисциплины базируются на строгой логике, используют единый символический язык.

В-третьих, объединяющим современную математику началом является фундаментальное понятие *математической структуры*, понимаемой как множество с заданными на нем отношениями. Н. Бурбаки определили математику как учение о математических структурах. Ими было выделено три основных типа математических структур: алгебраический, порядковый и топологический [1]. Математические структуры «говорят» на языке теории множеств. Понятие алгебраической операции выражает идею вычисления. Порядковая структура – это упорядоченное множество; отношение порядка на нем позволяет сравнивать элементы «по величине». Топологическая структура выражается в понятии топологического пространства, формализующего идеи непрерывности и предельного перехода. Кроме указанных типов математических структур можно также отметить пространства с мерой, формализующие понятие величины, и структуры инцидентности, включающие различные геометрии и теорию графов.

Алгебраическая, порядковая и топологическая структуры теснейшим образом связаны друг с другом. Известные теоремы Г. Биркгофа и П.С. Александ-

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой алгебры и геометрии ВятГГУ, член-корреспондент РАЕН
© Е.М. Вечтомов, 2003

дрова утверждают, что для конечных структур существуют естественные взаимно-однозначные соответствия между дистрибутивными решетками (алгебра), упорядоченными множествами (порядки) и T_0-пространствами (топология). Структуры инцидентности взаимосвязаны как с алгеброй, так и с геометрией. Большинство конкретных математических объектов является переплетением двух или более типов структур, согласованных между собой. Поэтому в математике так много синтетических дисциплин, начиная с геометрической алгебры древних греков, тригонометрии и аналитической геометрии (метод координат), вплоть до современных алгебраической геометрии, алгебраической топологии, топологической алгебры, дифференциальной геометрии, дифференциальной алгебры, вероятностной теории чисел и т.п.

Далее, класс всевозможных математических структур фиксированной сигнатуры образует *категорию*. Между данными объектами существуют морфизмы, сохраняющие их структуру. В алгебре это гомоморфизмы, для упорядоченных множеств – изотонные отображения, в топологии – непрерывные отображения. Среди морфизмов пар объектов выделяются изоморфизмы, фактически отождествляющие эти объекты. Появившаяся в середине XX века теория категорий также является общим языком современной математики.

Было строго доказано, что теоретико-множественный и категорный языки равносильны, то есть имеют равные выразительные возможности. Но они принципиально отличаются своим подходом к исследованию математических объектов. Математические структуры изучают внутреннее строение объектов: их элементы, отношения между элементами, подобъекты. А теория категорий изучает объекты через их связи (морфизмы), то есть внешним образом. Оказывается, внутренний анализ любого математического объекта эквивалентен внешнему его рассмотрению как члена сообщества родственных объектов. Это, а также многочисленные теоремы строения, двойственности (например, Понтрягина, Стоуна, Гельфанда, Хьюитта, Пристли), характеризации, определяемости (см. [2]) еще раз указывают на единство математики.

II. Взаимосвязь фундаментальных математических структур. Укажем такие связи. Пусть X – произвольное *топологическое пространство* с *топологией* τ, являющейся по определению множеством всех открытых подмножеств пространства X. Относительно отношения включения $\subseteq$ топология τ представляет собой полную *дистрибутивную решетку*. Определим на топологическом пространстве X также *квазипорядок* ρ:

$x\rho y$ означает $[x]\supseteq[y]$ для любых $x, y\in X$,

где $[x]$ – это замыкание в X одноточечного множества $\{x\}$. Бинарное отношение ρ на X рефлексивно и транзитивно, т.е. является квазипорядком. Имеем $[x]=\{z\in X: x\rho z\}$ при любом $x\in X$.

Обратно, возьмем *квазиупорядоченное множество* X относительно квазипорядка ρ на нем. Подмножество Y в X называется его ρ-*идеалом* (ρ-*фильтром*), если $x\in X, y\in Y$ и $x\le y$ ($x\ge y$) влекут $x\in Y$. Множество J всех ρ-идеалов и множество F всех ρ-фильтров в X служат топологиями на X, превращающими X в дуальные симметрические пространства. Топологическое пространство назовем *симметрическим*, если всевозможные пересечения его открытых множеств также открыты. Для полученного симметрического пространства X с топологией J равносильны включения $[x]\supseteq[y]$ и $x^0\subseteq y^0$, где через z^0 обозначается наименьшая открытая окрестность точки z из X.

Топологическое пространство X называется T_0-*пространством*, если для любых двух его различных точек найдется открытое множество в X, содержащее ровно одну из этих точек, что равносильно соотношению:

$[x]=[y]$ влечет $x=y$ для любых $x, y\in X$.

Теорема 1 (П.С. Александров, 1935 г.; см. [7, теоремы 56 и 57]). *На любом множестве X существует всзаимно-однозначное соответствие между симметрическими топологиями и квазипорядками, задаваемое отображениями ρ и J. При этом симметрическим T_0-пространствам $\langle X,\tau\rangle$ отвечают упорядоченные множества $\langle X,\le\rangle$.*

Рассмотрим далее категорию **T** всевозможных симметрических пространств $\langle X,\tau\rangle$ с непрерывными отображениями в качестве морфизмов и категорию **K** всех квазиупорядоченных множеств $\langle X,\rho\rangle$ с гомоморфизмами, т.е. отображениями, сохраняющими отношение квазипорядка. Любое отображение $f: X\to Y$ будет морфизмом (непрерывным отображением) в категории **T** тогда и только тогда, когда оно будет морфизмом (гомоморфизмом) в категории **K** для соответствующих объектов X и Y. В силу теоремы 1 имеет место

Теорема 2. *Категории **T** и **K** изоморфны между собой. В частности, изоморфны и их полные подкатегории, объектами которых являются симметрические T_0-пространства и упорядоченные множества соответственно.*

Пусть теперь $\langle A,+,\cdot,\le,0,1\rangle$ – дистрибутивная решетка.

Элемент $a\in A$ называется: *неразложимым* (в сумму), если $a\ne 0$ и для любых $b, c\in A$ равенство $a=b+c$ влечет $b=a$ или $c=a$; *простым* (неразложимым в произведение), если $a\ne 1$ и из $a=bc$ следует, что $b=a$ или $c=a$ при любых $b, c\in A$.

В случае решетки L всех замкнутых множеств топологического пространства X неразложимыми элементами будут замыкания $[x]$ точек x из X. Если для T_0-пространства X верно обратное, то X называется *трезвым* пространством. Поэтому по решетке L замкнутых множеств трезвого пространства X легко восстанавливается само пространство X. Заметим, что конечные T_0-пространства трезвые.

Покажем, как по конечной дистрибутивной решетке A с $1\ne 0$ найти такое упорядоченное множество X, чтобы решетка J всех порядковых идеалов ($\le$-идеалов) в X была изоморфна A. В качестве X возьмем множество всех неразложимых элементов решетки A. Оно

не пусто, поскольку содержит атомы решетки A. Будем рассматривать X как упорядоченное подмножество в A с индуцированным порядком. Тогда для любого $a\in A$ легко усмотреть эквивалентность следующих условий:

1) $a\in X$;

2) порядковый идеал $\{x\in X: x\le a\}$ в X главный;

3) фильтр $B=\{b\in A: b\ge a\}$ решетки A *простой*, т.е. $b+c\in B$ влечет $b\in B$ или $c\in B$ при любых $b, c\in A$.

Можно установить изоморфность решеток A и J (см. [6, с. 161-162], [5, с. 90] или [3, § 12]).

Теорема 3 (Г. Биркгоф, 1933). *Любая конечная дистрибутивная решетка A изоморфна решетке J всех порядковых идеалов некоторого конечного упорядоченного множества X, определенного однозначно с точностью до порядкового изоморфизма.*

Заметим, что система множеств J задает на X топологию T_0-пространства.

Для данной конечной дистрибутивной решетки A с $1\ne 0$ построим соответствующее упорядоченное множество X несколько иным способом. Пусть *Spec A* – упорядоченное по включению множество всех простых идеалов решетки A. Напомним, что собственный идеал P в A называется *простым*, если $ab\in P$ влечет $a\in P$ или $b\in P$ для всех $a, b\in P$. Отметим, что в любой решетке переход к дополнению осуществляет биекцию между множествами ее простых идеалов и простых фильтров. Поскольку наша решетка А конечна, то ее идеалы главные. Поэтому соответствие между множеством всех простых элементов $a\in A$ и множеством *Spec A* простых идеалов $\{c\in A: c\le a\}$ взаимно однозначно. Кроме того, упорядоченные подмножества (с индуцированным порядком) всех неразложимых элементов и всех простых элементов любой конечной неодноэлементной дистрибутивной решетки (порядково) изоморфны. Следовательно, из теоремы 3 вытекает

Теорема 4. *Всякая конечная дистрибутивная решетка A изоморфна решетке $J(Spec\ A)$ всех порядковых идеалов упорядоченного множества простых идеалов в A.*

Наконец, пусть дан гомоморфизм $f: X\to Y$ квазиупорядоченных множеств. Рассмотрим решетки $J(X)$ и $J(Y)$ всех ρ-идеалов для X и Y. Тогда отображение f^{-1}: $J(Y)\to J(X), f^{-1}(U)\in J(X)$ для каждого ρ-идеала U квазиупорядоченного множества Y является решеточным гомоморфизмом, сохраняющим все точные грани.

Укажем обратное соответствие для конечных дистрибутивных решеток A и B. Возьмем произвольный решеточный гомоморфизм $\alpha: B\to A$, сохраняющий 0 и 1. По теореме 4 фактически мы имеем решеточный гомоморфизм $\alpha: J(Spec\ B)\to J(Spec\ A)$. Для каждого $P\in Spec\ A$ полагаем:

$f(P)$ есть наибольший элемент в $\alpha^{-1}(\{Q\in Spec\ A: Q$ не содержит $P\})$. Получаем изотонное отображение f: $Spec\ A\to Spec\ B$, порождающее исходный гомоморфизм: $\alpha=f^{-1}$.

Заметим также, что множество *Spec A* с топологией $J(Spec\ A)$ называется *стоуновским* пространством произвольной дистрибутивной решетки A, по которому восстанавливается сама решетка A [5, с. 137-142]. С точностью до гомеоморфизма стоуновские пространства конечных дистрибутивных решеток – это в точности конечные T_0-пространства.

Суммируя сказанное о конечных структурах, получаем следующую теорему:

Теорема 5. *Следующие категории попарно эквивалентны:*

(1) категория конечных дистрибутивных решеток и их гомоморфизмов, сохраняющих 0 и 1;

(2) категория конечных упорядоченных множеств с изотонными отображениями;

(3) категория конечных T_0-пространств с непрерывными отображениями.

В заключение отметим, что материал и тематика второй части данной статьи допускают дальнейшую разработку и новые исследования.

Примечания

1. *Бурбаки Н.* Архитектура математики // Очерки по истории математики. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. С. 245-259.

2. *Вечтомов Е.М.* Вопросы определяемости топологических пространств алгебраическими системами непрерывных функций // Итоги науки и техн. ВИНИТИ. Алгебра. Топология. Геометрия. Т. 28. М.: ВИНИТИ, 1990. С. 3-46.

3. *Вечтомов Е.М.* Теория решеток. Киров: Изд-во Киров. гос. пед. ин-та, 1995.

4. *Вечтомов Е.М.* О философии математики. Киров: Изд-во Вятского гос. пед. ун-та, 2000.

5. *Гретцер Г.* Общая теория решеток. М.: Мир, 1982.

6. *Стенли Р.* Перечислительная комбинаторика. М.: Мир, 1990.

7. *Stone M.* Applications of the theory of Boolean rings to general topology // Trans. Amer. Math. Soc. 1937. V. 41. № 3. P. 375-481.

Е.Ф. Владыкина

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА (ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ, ЛЕВ ШЕСТОВ)

В статье представлены антропологические и персоналистские размышления русских мыслителей Василия Розанова и Льва Шестова. Темы человека, личности, драматизма человеческого существования рассматриваются в традициях русского религиозного экзистенциализма.

Антропологический поворот в европейской философии, совершенный в XIX-XX вв., в полной мере обнаруживает себя в традициях русской религиозной философии. Это не удивительно, поскольку целый ряд

ВЛАДЫКИНА Елена Федоровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ВятГГУ

© Е.Ф. Владыкина, 2003

специфических особенностей последней фактически обнажает суть этого поворота. Достаточно указать на ярко выраженный персоналистический характер русских философско-мировоззренческих построений. При этом персонализм понимается как неразрывная связь между Словом и личностью человека. Русскому мыслителю недостаточно *знать*, что сказано или написано, его внимание обращено к молчаливой мысли поступков, движений сердца, к скрытой мысли, таящейся в сложном подвижном рисунке индивидуального лица.

Русская философия замечательным образом сливается с художественной литературой, в которой и разрабатываются основные философские проблемы. В сочинениях Льва Толстого, Федора Достоевского, в поэзии Тютчева и Фета философские идеи выступают в специфически русской – практической, ориентированной на жизнь форме. Размышляя об особенностях русского мировоззрения, С.Л. Франк, гениальный русский мыслитель, обращается к примерам из русской литературы. Он говорит о таланте Достоевского, о его способности проникать в тайные и темные бездны человеческой души, она для него не маленькая и производная область, но имеет бесконечные глубины, и «в мгновения истинной страсти затопляется общими метафизическими силами бытия как такового». С. Франк приводит стихотворения Тютчева, в которых бездны ночи родственны безднам души, а содержание нашего бодрствующего сознания, как земля океаном, омывается грезами – необозримой областью мистического бытия.

Обращение к внутреннему духовному опыту постижения мира, «сосредоточенность не на мире объектов, а на внутреннем мире человека» придают русской религиозной философии в лице целого ряда её представителей экзистенциалистский характер. В размышлениях о гуманизме Н.А. Бердяева, в экзистенциальных интуициях Л. Шестова, в стремлении В.В. Розанова преодолеть «стену», «заглянуть в чужую душу», в теории субстанциальных деятелей Н. Лосского, в публицистических прозрениях Г. Федотова неизменно обнаруживается верность теме предназначенности человека. Тайна человека осмысливается отнюдь не как умозрительная и чисто познавательная проблема, она трактуется в спектре духовно напряженного жизненного и, прежде всего, нравственного опыта.

Ставя во главу угла личность, русская персоналистическая традиция одновременно утверждает: «личности нет, если нет ничего, что выше её» [1; с. 59]. Абсолютный характер высшего начала, добро в человеке, всецело зависящее от его свободного подчинения высшему началу, соотнесение человека с надмирным, всечеловеческим – эта тема постоянна в русской философской рефлексии.

Обратимся к некоторым аспектам учений русских философов, позволяющим представить себе специфику отечественной философии в постановке и решении проблем человека и личности.

В.В. Розанов: экзистенциалистские зарисовки – метафизика пола и метафизика души. «Собственно мы хорошо знаем – единственно себя» [4; с. 378], и Розанов пишет о себе: «Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слез. И их вечное пререкание – моя жизнь» [Там же; с. 217]. И нередко в этой жизни радость сменялась отчаянием: «Все погибло, все погибло, все погибло. Погибла жизнь. Погиб самый смысл ее. Не усмотрел» [Там же; с. 570]. Страх бессмысленности ужасает, но и перед этим ужасом розановское страдающее «Я» иронично восклицает: «Родила червяшка червяшку. Червяшка поползала. Потом умерла. – Вот наша жизнь» [Там же; с. 571]. Наше обращение к розановской концепции человека не случайно начинается с этих фрагментов. Уже в них высвечиваются темы розановского философствования. Жизнь, смысл жизни, кратковременность человеческого существования, стремление приблизиться к собственному Я.

Особенности «философского сектантства» – интерес к скрытым, глубинным пластам душевной жизни, порою невероятной запутанности человеческой мысли, интерес к «метафизике пола», «метафизике души», тайнам жизни с её сокровенным смыслом – все это в полной мере обнаруживаем в философии Розанова, философии, которую он сам назовет «философией жизни». Ощущение жизни обострено чувством глубинной действительности. Розанов убежден, что «сама душа метафизична», она не может ограничиться одними явлениями. «Метафизика – жажда», «и поистине она не иссохнет». Это «голод души». Беспределен человек, и самая суть человека – беспредельность. Метафизика служит выражением этой беспредельности. «Все ясно». Человек скажет: «Ну, так я хочу *неясного*». «Напротив, все темно. Тогда он орет: «Я жажду *света*». «Беспредельный» человек Розанова бессознательно жаждет «другого», иного; он устремлен *«за край»*. Даже если бы он все «до кончика» узнал, *«до конца»*, все равно он подошел бы к стене (ведения) и сказал: «Там *что-то есть*» (за стеною). Зная, что умрет, человек хочет знать, «что будет *после смерти*» [7; с. 43].

В поисках ключа к тайнам жизни с их сокровенным смыслом Розанов пытается приблизиться к своему собственному «Я». Экзистенциальное, как переживание человеком своего «Я» было необычайно обострено в Розанове. Иначе как объяснить появление в печати его «Уединенного», его «Опавших листьев» или «Эмбрионов». Розанов ясно видит все свои недостатки и несовершенства и посвящает в них читателя, нимало не смущаясь этим. Он ни на кого не похож. В себе «угрюмый и печальный. Не знающий, что делать». «Близко к отчаянному положение». На людях, при лампе – «чай пью». «Обман ли это?» – вопрошает Розанов и сам отвечает: «Не очень. Решительно, я не лгал им и при них. Никогда». Тем не менее «полная реальность» Розанова не для «других» [Там же; с. 43]. В нем есть освещенная часть, а есть неосвещенная. «Освещенное было *истинно так*», а об неосвещенной я не рассказывал» [Там же; с. 43]. Многое было сокрыто за этой «неосвещенной» частью – и мучительное чувство одиночества, и сильнейшее ощущение «*пустоты около себя*». Настолько велико было это ощущение « *пустоты безмолвия* и *небытия* вокруг и *везде*», что Розанов напишет в «Уединенном»: «Я едва знаю, едва *верю*, едва *допускаю*, что мне «современничают» другие люди» [4; с. 255]. «Все люди «не по дороге друг другу». И нечего притворяться... Все люди – solo» [7; с. 37]. «Я» есть «я», и это «я» никогда не станет «ты» [Там же].

В стремлении преодолеть невидимую черту между «я» и «ты» раскрывается глубочайший пласт философской антропологии Розанова. Он преисполнен желанием понять «абсолютную значительность человека», понять, что радость и свет в его сердце, на каждом отдельном лице – есть лучшее, высшее и драгоценнейшее в истории» [5; с. 179]. «Успокоить одно встревоженное сердце, утолить чью-нибудь тоску – это больше и выше, нежели сделать самое блестящее открытие или удивить мир ненужным подвигом» [Там же]. Недостойно рассматривать человека как средство для чего-то, ступень к чему-то. «Человек вовсе не хочет быть только средством... Он просто свободный человек, со своей скорбью и со всеми радостями, с особенными мыслями, которые его занимают... [6; с. 169]. Мысль, что «человек в самом деле делает историю», он считает самой «яркой нелепостью», человек в истории лишь «живет, блуждает безо всякого ведения – для чего, к чему?» [3; с. 161]. «Самые движения столетий», считает Розанов, определялись не «всеми в страхе ожидаемыми фактами» [Там же; с.162], а случаем, «выросшим из щели», из «дыры» и «небытия» [6; с. 453], и иллюзиями. «Наши иллюзии творят жизнь не менее, чем самые заправские факты» [Там же, с. 337].

Но сознание реальности неутешительно, и весьма сомнительна идея, что счастье есть цель человеческой жизни. Цель в ином, более соответствующем природе человека. И он определяет цель человеческой жизни так: «Истина, добро и свобода суть главные и постоянные идеалы, к осуществлению которых направляется человеческая природа в главных элементах своих – разуме, чувстве и воле... И так как идеалы эти ни в коем случае не могут быть признаны дурными, то и природа человеческая в своей первоначальной основе должна быть признана добротою, благою» [Там же, с. 169].

Из соответствия природе произрастает еще одно стремление Розанова – «уродниться» миру через каждое мгновение и каждую мелочь действительности, ибо «самое *существенное* – просто *действительность*» [4; с. 378]. «Просто действительность» постоянно вплетена в канву розановской «философии жизни». Важными оказываются такие «мелочи», такие «мимолетности», которые в любом другом авторстве показались бы лишними и ненужными. У Розанова эти «нечаянные восклицания», «жизнь души», «опавшие листья души» – являют собой некое импрессионистское миросозерцание, где слиянно присутствуют и автор и читатель. Оба – смятенные и смиренные, дерзкие и покорные, восторженные и страдающие одновременно. «Смысл – не в Вечном; смысл в мгновениях» [Там же; с. 628]. «У меня есть какой-то фетишизм мелочей. Мелочи суть мои «боги» [Там же; с.413]. Эти мелочи Розанова рождают радость, восторг перед жизнью, изумление перед самим фактом бытия. «Живи каждый день так, как бы ты жил всю жизнь именно для этого дня» [Там же; с. 203]. Вот и на традиционный вопрос русского человека «Что делать?» Розанов внешне незатейливо отвечает: «Как что делать: если это лето – чистить ягоды и варить варенье; если зима – пить с этим вареньем чай» [3; с. 287]. Такая незатейливость в этом и других случаях даст повод Н. Бердяеву назвать Розанова «гениальным обывателем». В одном из писем к Э. Голлербаху Розанов пишет, что «в сущности он занят только собою, но так особенно, что, занимаясь лишь собою, – и занят вместе целым миром». Именно это замечание – «занят целым миром» – помогает нам понять, сколь важны «мелочи» Розанова в постижении им идеалов «истины, добра и свободы», ибо для воплощения этих идеалов совсем не обязательно отрываться от реальности каждого мгновения. Реальность мелочей, реальность повседневности – способ укоренения Розанова в вечности. «Все, что принадлежит минуте – принадлежит и вечности» [7; с. 48]. «Мелочи», «паутинки быта» Розанова становятся универсальным способом осмысления и восприятия мира, они всегда есть «нечто», это всегда значительная и значимая мимолетность. Через «мелочи» мир входит в человека – человек «уродняется» миру в процессе его чувственного восприятия.

Но наряду с «паутинками быта» есть у В. Розанова сокровенная, можно сказать, главная тема, и многим она кажется незначительной и даже не очень приличной для всестороннего обсуждения. Тема эта – пол, семья, любовь. К «теме», которую сам Розанов находит талантливой, он приходит через глубокие личные страдания.

«Тайна пола» – величайшая тайна. Из этой тайны рождается розановская «метафизика пола». Здесь широко и всесторонне исследуются проблемы семейной жизни, разводов и незаконнорожденности, холостого быта и проституции, их отражение в законах и религии. Идеал Розанова на все годы и бурные времена – в семье, все члены которой любили бы друг друга. Розанов ищет «священное» обоснование семьи. Эти поиски приведут его к мысли, что священной субстанцией семьи может быть только религиозно осмысленный пол; пол в человеке – это не функция, не орган, но всеобъемлющий принцип жизни; это и теистическое и космологическое жизнеполагающее начало. Связь пола с Богом для Розанова важнее, чем связь ума с Богом. Современный мир, в силу позитивистс-

2 Заказ 1831

ки пренебрежительного отношения к полу как чисто природному началу, нарушает гармоническое единство плоти и духа. В результате семья разваливается и возникает отношение к полу как воплощению скверны, греха и разврата. Но зарождение жизни освящено Богом. Оно не может быть греховным, порочным – на этом настаивает Розанов и поясняет: «Нет собственно грязных предметов, а есть способ грязного воззрения на них...». В этих словах для нас «ключ» к «философии пола» Розанова. Разврат, проституция, убийство «незаконнорожденных» детей есть, по его мнению, как раз следствие «грязного» взгляда на пол, обездушивания пола из-за расторжения его связи с Богом. Неизбывную боль разделения плоти и духа в современном мире он воспринимает как объективную драму человеческого существования.

Бог Розанова – Бог совершенно особенный. «Мой Бог – бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность». Как в бесконечности, Розанов чувствует себя в Боге и «далеким знанием знает Главизна мира обо мне и бережет меня» [4; с. 629]. Такой образ непосредственной связи делает Розанова проповедником религии жизни, религии земли. «Жизнь в Боге и для Бога» – есть жизнь именно здесь, на земле. Она предел блага, красоты и добра. В одной из своих статей он скажет: «...Если бы я был великим иереем, я сотворил бы религию *здесь* и *здешнего*, и уверен, тогда бы нас гораздо лучше судили и *там*, если вообще есть *там*, что, впрочем, и неинтересно, раз уж все положено *здесь*» [2; с.168]. «Имманентным пантеизмом», «мистическим натурализмом», обожествлением натуральных таинств жизни назовет розановское мироощущение Н. Бердяев.

Л. Шестов: только интуиция способна уловить иррациональную суть личности. Свое видение задач философии он определил афоризмом: «Научить человека жить в неизвестности...» [8; с. 52], – человека, который всего более боится неизвестности и прячется от нее за различными догматами. Всё философское творчество Шестова есть поиски «подлинного в человеке», попытки проникновения в иррациональную и непостижимую сущность человека.

В определенных обстоятельствах всякий человек ощущает в себе потрясающее стремление осмыслить судьбу и предназначение своего собственного существования, как и существования всего универсума. Обращенность конкретного индивида (а Шестова не может интересовать абстракция «человека», а непременно, и только, отдельная эмпирическая личность или человек в его экзистенциальном определении) к жизнесмысловым и миросмысловым проблемам, к «началам» и «концам» оставляет человека один на один с «проклятыми» вопросами: смысла жизни, смерти, природы, Бога. В подобных ситуациях люди обращаются к философии за ответом на мучающие их вопросы. «...В литературе, – иронизирует Шестов, – давних времен заготовлен большой и разнообразный запас всякого рода общих идей и мировоззрений, метафизических и позитивных, о которых учителя начинают вспоминать всякий раз, как только начинают раздаваться слишком требовательные и неспокойные человеческие голоса» [9; с. 12]. Среди этих общих идей и мировоззрений он выделяет два направления поисков путей к ответам на эти «проклятые» вопросы: Афины и Иерусалим, эллинское и библейское начала европейской мысли, вечные истины в античной философии и сферу откровения. Противопоставив два начала – по сути это противопоставление есть противопоставление «живого» человека и «принципов», истин философии, Шестов приходит к отрицанию истин разума. Мир «законов природы» – говорит он, – есть кошмарный сон, от которого мы должны были бы пробудиться. Смысл противопоставления: неправда разума не в том, чем он по существу обладает, а в том, что в отречении от свободы (а корень этого отречения, по Шестову, – в этической сфере) человек ориентирован в разуме не на его творческие зарения, а на неизменность и необходимость. И мучительность ситуации состоит в том, что разум оставляет человека один на один с его заботами и тревогами.

Разум разочаровывает Шестова, прежде всего, потому, что не дает личности примирения с действительностью, с миром, в котором жизнь – «бессмысленный, отчаянный крик или безумное рыдание». Разуму неведома «тайна вечного» – смерть, это «самое непонятное», самое «неестественное из всего, что мы наблюдаем в мире». И пытаясь успокоить человека, разум лишь обманывает его, уводит от действительности. Шестову мучительно осознавать, что «на весах Иова скорбь человеческая оказывается тяжелее, чем песок морской», что «стоны погибающих отвергают очевидности» [10; с. 44].

Не следует думать, что нападки Шестова на разум приводят его к познавательному скептицизму. Все можно познать, и знания могут быть неограниченными. Однако в определенном, можно сказать, экзистенциальном смысле они оказываются ненужными. Одна за другою перед нами возникают картины умирания Ивана Ильича, мучения «подпольного» человека Достоевского, откровения неистового Плотина, вопли Иова, – через смерть, катастрофы и каторги высвечивается некое изначальное заблуждение человека. Связано это заблуждение с тем, что человек предпочитает надежность разума вместо таинственной, ничем не обеспеченной парадоксальной свободы веры. И не Бог нужен людям, но – гарантии. Кто в состоянии «дать» или создать иллюзию этих гарантий, тот и станет для них Богом.

Трагедии из жизни не изгонят никакие общественные переустройства... Экзистенциальная философия Шестова настроена не на «понимание», а на «жизнь» («праведный жив будет верой») [см.: 10; с. 19]. Жизнь переживалась им как «свобода индивидуального существования», как чудо, как «творческая мистерия» и неограниченная возможность. Когда Шестов желал подчеркнуть, что речь идет о настоящих реальностях,

он употреблял определение «живое»: «живая истина», «живое существо», «живой человек» – в отличие от излюбленного философами «человека вообще». Ужасным представляется ему совет Спинозы: «Не смеяться, не плакать, не ненавидеть, а понимать...». Напротив, говорит Шестов, человек должен был бы кричать, вопить, смеяться, насмехаться, протестовать. Снова упоминает он библейского Иова, который к великому возмущению своих мудрых друзей, стенал и вопил...

Шестову всякий душевный покой подозрителен, ибо земля, на которой мы обитаем, отнюдь не располагает к этому. Он любил тех, кто, как Паскаль, «ищут, стеная». Обращаясь снова и снова к категории «жизни», он каждый раз подчеркивает, что жизнь – это творчество, непредсказуемость и свобода. Даже смерть, а тема смерти практически присутствует во всех его работах, рассматривается им в контексте перехода личности от одного порядка состояния мира к другому. Смерть имеет прямое отношение к человеческому существованию. «Смерть есть самое неестественное, таинственное и загадочное из всего, что вокруг нас происходит» [11; с. 247]. У смерти свои истины, свои очевидности, свои возможности и невозможности.

Размышления Шестова о смерти ассоциируются с понятиями страха, ужаса и одиночества. В «Откровениях смерти» он напишет: «Чтоб был великий восторг, нужен великий ужас...» [11; с. 49]. В главе «На страшном суде» из этих «Откровений...» он размышляет над последними произведениями Л. Толстого. Он считает, что Толстому было дано слышать и понимать загадочный язык смерти. Имеются в виду рассказы Толстого «Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник». «Смерть перерезывает все невидимые нити, которыми мы связаны на земле с себе подобными существами. И абсолютное одиночество, полнее которого нет ни на дне морском, ни под землей, – одиночество, которого не выносят...» [11; с. 136]. «Последний закон на земле – одиночество», – напишет Шестов в «Апофеозе...» [8; с. 92].

Но еще есть *обыденность* и *случай*; *обыденность* и *насилие* – едва ли не главные черты действительности. «Подпольный» человек Достоевского жалок, но «нормальный человек», то есть человек, живущий в том же подполье, только не подозревающий, что подполье есть подполье, и убежденный, что его жизнь есть настоящая, высшая жизнь... такой человек даже в «подпольном» герое вызывает гомерический хохот. И герои Достоевского не одиноки! Страшный вопль Гоголя: «Скучно жить на этом свете, господа!» – относится, считает Шестов, не к худшим из нас (Чичиковым, Ноздревым, Собакевичам и т.п.). Речь идет о лучших. Это они – «живые автоматы, заведенные таинственной рукой и не дерзающие нигде и ни в чем проявить свой собственный почин, свою личную волю. Некоторые, очень немногие, чувствуют, что их жизнь есть не жизнь, а смерть» [11; с. 50].

Герои Толстого «уходят» из жизни по воле ужасающего коварного случая. Случай еще не пограничная ситуация, это некая обыденность. Шестова он интересует своей бессмысленностью и массовидностью. Это пустяк особого рода – глупый, алогичный, – но он ставит человека на границе бытия в мире. «Когда “случай” нас подводит к пропасти, когда после многих лет беспечной, спокойной жизни вдруг, как у Гамлета, пред нами восстает какое-нибудь грозное, доселе не представлявшееся даже возможным “быть или не быть” – начинает казаться, что какая-то новая, загадочная – может, благодатная, может, враждебная сила направляет и определяет наши действия» [11; с. 208]. Случайность – вот что лишает жизнь всякого объективного смысла.

Каждый из нас навсегда скрыт от посторонних глаз в абсолютно непроницаемой оболочке своего тела. «Природа, – говорит Шестов, – устроила так, что один человек совсем и не замечает, даже *не смеет* знать другого» [11; с. 212]. А само существо, именуемое Я, что оно может знать о себе и желать? Для Я, непосредственно себя воспринимающего, так ли уж важны «приговоры по чисто внешним признакам» – добрый, вспыльчивый, одаренный и т.п.? Конечно, как космическое и общественное существо, он обязан применять их, когда сталкивается с миром, следующим своим собственным законам, с миром необходимости; но разве они не тяготят и не уродуют его?

«Основная черта каждого человека есть непостоянство, и привилегией непостоянства он больше всего дорожит: непостоянство ведь есть жизнь и свобода» [11; с. 212]. Однако это непостоянство раздражает ближних, да и для самого Я оказывается опасным свойством, как опасной оказалась, вопреки советам древних, и заповедь «Познай самого себя». «Ясно, – подчеркивает Шестов, – что правило “познай самого себя” есть правило человеческое. Смысл его в том, чтоб каждый ценил и мерил себя так, как его ценят и меряют окружающие люди» [11; с. 213].

Шестову грустно осознавать, что Я очень хрупко по сравнению с силой, находящейся вовне, но еще более его тревожит то обстоятельство, что, привыкая иметь дело только со своим изображением «как оно отражается на поверхности бытия», человек «разучился видеть свою сущность». Более того, то, что «внутри», постепенно теряет присущие ему свойства. И человек привыкает «знать» о себе только то, что знают другие. Но если бы он захотел и смог взглянуть на свое действительное Я, то «настоящее его Я показалось бы ему уродливым, и бессмысленным, и безумно страшным», потому что оказалось бы оно «ни с чем не сообразным и не похожим ни на что из того, что мы обычно считаем должным и законным». И не исключено, что от этого настоящего (сущностного) Я он бросился бы к «являющемуся», с ним, по крайней мере, спокойнее, ибо «пред неправедным и корыст-

ным судом других» оно «все же не так беспощадно обличается, как наше действительное Я» [11; с. 213].

«Необходимость» осаждает Я и «снаружи» и «изнутри», несмотря на это личность желает *быть* (курсив автора) и не желает ничего «скрывать и прятать, как то приходится сейчас делать». По-настоящему личность начинается тогда, когда восстает против обыденности и необходимости, когда предстает в дерзновении свободы и творчества. Творчество, – считает Шестов, – универсальная характеристика подлинного мира, это – прерывистость, это скачок, в результате которого «из ничего» рождается небывалое, неизвестное. Но творчество – это и небывалая мука, смешанная с небывалым восторгом. В творчестве существование человека предстает как начало, не имеющее конца, как открытость к бесконечности, как бесконечная возможность и возможность бесконечности... [см.: 9; с. 136-141].

В одной из ранних работ («Шекспир и его критик Брандес») Шестов скажет, что человека можно понять, лишь живя всей его жизнью, сходя с ним во все бездны его страданий вплоть до ужаса отчаяния и восторгов художественного творчества и любви. Однако в поисках того главного, что желает для самого себя существо, именуемое «Я», а оно желает «быть», Шестов приходит к реалиям непостижимого и именно непостижимое, непостижимость Бога, непостижимость Абсолюта становится для него основанием «изначальной ориентации человека в мире».

Русская философская традиция с размышлениями о личности и человеке представлена в ограниченных рамках настоящей статьи лишь двумя выдающимися представителями отечественной философии. Следует при этом заметить, что вся русская философия в буквальном смысле слова является пространством философско-антропологической мысли. Это пространство безбрежно и включает концепции различных мировоззренческих ориентаций. Мы предложили вниманию читателя одну из них – экзистенциалистскую.

Примечания

1. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990.
2. *Иванов-Разумник.* Творчество и критика. Статьи критические 1908-1922. Пб., 1922.
3. *Розанов В.В.* Соч. Т. 1 (Религия и культура). М., 1990.
4. *Розанов В.В.* Соч. Т. 2 (Уединенное). М., 1990.
5. *Розанов В.В.* О легенде «Великий инквизитор» // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М., 1991.
6. *Розанов В.В.* Сочинения. М., 1990.
7. *Розанов В.В.* Последние листья. 1916 год // Наше наследие. 1990. № 45.
8. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. Л., 1991.
9. *Шестов Л.* Начала и концы. СПб., 1908.
10. *Шестов Л.* Киркегард и экзистенциальная философия. (Глас вопиющего в пустыне). М., 1992.
11. *Шестов Л.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.

Е.А. Счастливцева

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИИ Г.Г. ШПЕТА

(объективация субъекта)

Статья посвящена одному из значительных моментов творчества Густава Шпета, в котором рассматривается коллективная природа сознания, не сводящаяся исключительно к его логико-понятийной структуре. Раскрывается механизм вещного заполнения слова-понятия, остающийся «по ту сторону» феноменологических скобок, в котором ведущая роль отведена акту полагания.

Логико-исторический метод Густава Шпета, выросший из глубин феноменологического учения Гуссерля, аналогичен проведению феноменологической редукции, оставляющей за скобками [см.: 4, с. 624] все относящееся к эмпирическому миру (шпетовский «антипсихологизм»).

Во «Внутренней форме слова» Г. Шпет прямо говорит: обозначив объект рассмотрения (социально-культурную среду), попробуем произвести «принципиальную редукцию с целью получения чистого, не эмпирического предмета исследования. В объект входит, по Шпету, и со-объект, то есть субъект, опосредовавший социокультурный объект и ставший вследствие этого объектом. (Надо сказать, Шпет никогда не отождествлял субъекта, собственно, с «я», для него субъект превращается в объект в результате «коллективного» творчества и становления духовного содержания сообщества индивидов («индивидуально-психологических единиц»), данных объективно, как и вещи эмпирического мира.) Когда человек пребывает во взаимной связи с другими, подобными ему существами, он уже не субъект как таковой, а «коллектив», приобретший индивидуально-типические черты, и потому он – объект изучения, изучения его реакций на те или иные переживания. Теряя свои я-черты, субъект как предмет исследования принимает характеристику типического, коллективного, общего и таким образом элиминируется в объект. Это превращение представляет собой особую страницу в творчестве Г.Г. Шпета.

Если логико-исторический метод Шпета основан на редукции, сведении объекта к слову-понятию как атрибуту работы чистого сознания-«логоса», которое, в конечном итоге, способно нам что-то сообщать благодаря корреляции между предметом сознания и действительностью, то для Гуссерля способность понимания скрыта в совпадении наших представлений о предмете с самой реальной вещью.

СЧАСТЛИВЦЕВА Елена Анатольевна – аспирант кафедры философии ВятГГУ
© Е.А. Счастливцева, 2003

Гуссерлю ценой многих усилий посчастливилось убедить нас в реальном существовании вещей и объектов, которые, как он полагал, хотя и не даны нам, но о которых мы хотя бы можем иметь логическое суждение сообразно возникающим в нас представлениям. По меньшей мере, мы обладаем сознанием предмета благодаря уникальной способности нашего сознания быть постоянно направленным на какой-либо объект. И эта направленность становится единственной константой, не меняющейся ни при каких обстоятельствах. Она, можно сказать, превращается во всеобщий, объективный закон. С ее постоянностью приходит и наша уверенность в обладании некими реальными предметами, ощущаемыми нами как глубокая принадлежность нашего сознания.

Теория Г. Шпета о внутренней форме слова позволяет рассматривать понятие как динамический, диалектический процесс постоянного движения слова-понятия в сторону его вещного заполнения. Слово тогда становится понятием, когда оно осмысливается. Но что осмысливаем мы? Осмысливать мы можем только то, что непосредственно подлежит нашему созерцанию. Для Шпета не существует проблемы в объективном существовании вещей вокруг нас. Реальные вещи подлежат осмысливанию, и в этом процессе представления нашего сознания (предметы) становятся понятиями. Им придается определенный статус значения, которое может выражаться нами согласно правилам логики и синтаксиса. Если принять терминологию Э. Кассирера, можно сказать, что понятия – это символы, под которыми первобытные люди понимали не что иное, как сами вещи: след, оставленный врагом, они принимали за самого врага и т.д. [см.: 2, с. 294]. Точно так происходит и в современном сознании при идентификации следов (отпечатков) с поверхностью идентифицируемой вещи. Предполагаемая вещь должна определенно совпасть со своим «следом», или, выражаясь философским языком, знаком.

По Шпету, онтология связана с полаганием, «простым подразумеванием», поэтому, когда мы предполагаем какую-либо вещь (или знак), мы ждем на самом деле реального, действительного заполнения полагаемой вещи. Происходит будто наложение конкретной вещи на наше полагание, совмещающееся в сознании как одно и то же, то есть предмет. Предмет, таким образом, уже осмыслен. И, если он обобщен, становится понятием. Но тем и хорошо понятие, что под ним всегда нечто подразумевается. Пустых, незаполненных понятий не существует, ведь таково свойство нашего сознания – оно направленно.

Слово – промежуточное звено между понятием и вещью. Оно не просто звуковой комплекс, а последовательность ступеней от словесно-идеального до чувственно-эмпирического. Только через слово может быть выражена наша мысль. Бессловесной мысли не существует, как не существует беспредметного языка. Слово всегда служит средством выражения, поэтому его необходимо рассматривать в качестве коррелята значения или смысла [см.: 8, с. 83].

Понятия же являются формой более общей и не зависят от используемого языка [см.: 8, с. 107]. Истинная природа отношений между актами суждения и предметом может быть раскрыта лишь из «анализа самих «значений» предметов, на которые [предметы] направлены эти акты. Слово в данной цепи рассуждений выступает знаком, сообщающим значение предмета. То, о чем сообщается в слове (главная функция слова – сообщение), и составляет собственное его содержание, в котором только и можно искать его значение [см.: 8, с. 110, 115].

Значения до нас доходят только в форме понятий (логической форме). Однако логика, называя предмет, не должна превращаться в логику «вещей» [см.: 8, с. 119]. Она выполняет, в частности, функцию терминирования, чтобы доказать «строгость, точность, обоснованность» логических целей. Форма слова есть своеобразное отношение его к самим значениям, в котором сказывается «специфичность функции наименования» и «оформленное содержание» слова-предмета [см.: 8, с. 117-118].

За пределами феноменологической редукции Шпет оставляет целый мир социальных отношений. И именно этот живой мир можно изучать. Но и здесь философ верен своей «антипсихологической» традиции. Редукция, сведение разума до логически-интуитивных пределов схваченного в единстве предмета лишь только метод для утверждения целостной концепции логико-исторического познания, в рамках которой Шпету удалось обойти психологические превратности на пути к смыслу реальности.

В отличие от психологии, феноменологический метод предполагает изучение языка не как деятельности субъекта, а как sui generis (происхождение) социальной вещи – знака как такового. Данный подход обращен к основанию объективного словесного предмета. Внутреннее правило самого языка предопределяет образование слова-понятия. В конкретной структуре языкового сознания в целом находятся основы его изучения. Слово рассматривается Шпетом как предмет социальной науки о языке, как звук, сопряженный со смыслом (чувственный знак), и смысл, запечатленный звуком (понимаемый смысл), как единый объект фонетического и семасиологического образования. В таком едином звуко-смысловом объекте субъект вообще исчезает. Язык, становясь социальной вещью, обнаруживается как ЭнЭсгеЯб, обстоящая как действенная и единая константа. У Гумбольдта Г.Г. Шпет замечает, что артикуляционное чувство относится к «интеллектуальной области», так как оно направлено на определенное значение. Основу стилистики, синтаксиса и другой техники языка Шпет находит не в деятельности субъекта, а в самом предмете и его содержании. Законы образования понятий есть «спонтанный процесс смысла в его движении», а не продукт деятельности психологического субъек-

та; и «логические основы всякой языковой техники», и сам субъект существуют, только подчиняясь объективным формам и законам. Отсюда субъект остается в стороне как проблема чужой научной области – психологии.

Внутренняя форма слова есть отношение знака и смысла. Языковое сознание – словесно-логическое сознание закономерности жизни и развития языка в целом [см.: 7, с. 169-170]. Синтез, по Гумбольдту, осуществляющийся в том или ином языке, – это не абстрактно-логический акт и не психологический процесс, но акт, имеющий социальный характер. Именно этим определены границы ЭнЭсгеЯб, измеряющейся объемом формы конкретного языка [см.: 3, с. 23].

В языковом строе мы обнаруживаем не просто мысленное действие синтетического акта, но такое состояние, при котором осуществим переход данного акта в звуковое образование. Средствами такого перехода выступают глагол, союз и относительное (союзное) местоимение. При помощи глагола мысль «покидает свою внутреннюю обитель» и переходит в действительность. Союз играет роль соединения всех мыслимых единств и притом в нужной последовательности, отчего сохраняется связь причины и следствия как реального положения вещей в природе. То же можно сказать и о союзном местоимении, с той лишь разницей, что при его посредстве соединяются субъект и его действие в согласованном и принятом в отдельном языке порядке, причем остается нетронутым смысловое содержание отдельно взятой мысли [см.: 1, с. 198-199, 214-215].

Если для Гумбольдта движущей силой языка является дух, то для Г. Шпета само понятие духа требует непременно логического объяснения, в противном случае оно не может служить средством понимания процесса саморазвития языка. Г. Шпет исключает «дух» из своего учения. Именно поэтому он настаивает на реформе всей логики, которая, по его мнению, станет основой «живой словесной диалектики» [см.: 7, с. 170-171]. Не внутренняя форма языка – ведущая методология словесной науки, а внутренняя форма слова-понятия становится его методологическим принципом. Формы такого принципа (алгоритмы и методы как формы высказываемых положений) суть «подлинно диалектические формы, развивающиеся по своим целям как словесно-логическим идеям». Данным методом как действительно научным находится единственное оправдание их возможностью и ее модальным применением (интерпретацией).

Слово для Шпета есть «прообраз всякой культурно-социальной «вещи». Слово тогда слово, когда под ним нечто подразумевается.

Любая социальная вещь в мыслительном процессе рассматривается нами как знак. Слово в своей основной функции может выступать всеобщим знаком, заменяющим всякий другой знак, поскольку оно есть средство и условие общения.

Таким образом, слово – универсальное средство выражения любой социальной вещи. Поскольку логические формы отвечают вообще всяким, идеально-предметным формам, становится ясным взаимоотношение словесной формы (как формы внешнего запечатления) и онтических форм социального предмета, в котором [во взаимоотношении] реализуется смысловое содержание данного предмета [см.: 7, с. 182-183].

Обычно закономерность, пишет Г.Г. Шпет, ищут в самом субъекте, а так как под ним понимают некую совокупность психических, волевых актов, то приходят к выводу, что психологическая наука – самая важная в определении субъекта. Однако эта наука подчиняется естественным законам и не может быть выражена через логику сознания.

Действия субъекта производят овеществление бытия в результате сопричастности его культурно-историческому творчеству. Так субъект становится объектом социального рассмотрения, ведь сама по себе идея бездейственна, и для ее претворения требуется деятельное участие субъекта. Через вещи-объекты – реализаторы идей – мы узнаем и принимаем самого объективного субъекта, точнее, социального субъекта, образующего объективную форму, на которую направленно наше понимание.

Таким образом, всякая социальная вещь может рассматриваться как «объективированная субъективность» в реализованной идее как социально-культурная – предмет «истории» – и как «субъективированная объективность» – предмет «социальной психологии».

Продукт творчества социального субъекта заключает в себе источник знания о субъективности [см.: 7, с. 221]. Следовательно, социальная субъективность понимается Г.Г. Шпетом не просто как набор психологических характеристик субъекта, а как продукт культурно-исторического процесса, под которым скрываются объекты коллективной мыслительной деятельности по созданию («очувствованию») предметов социальной значимости. Эти предметы и составляют «объективное духовное содержание», свободное от какого бы то ни было психологизма по типу логического смысла суждения. Данное объективно духовное содержание является «объектом и поводом» «для душевных реакций» каждого отдельно взятого индивида или его коллектива. В первом случае мы говорим о субстанциональном объекте, во втором – об идеально-типическом [см.: 5, с. 353-354].

В процессе осмысления (интерпретации) духовной реакции отдельного индивида или его коллектива происходит раскрытие индивидуальной (конкретный духовный уклад человека) или коллективной природы «вещей». В том и в другом случае такое постижение идет путем проникновения в предметное выражение конкретных значений «вещей» с помощью значащей функции [см.: 6, с.561]. Оно и есть то логическое выражение, через которое нами постигается смысл вещей реального, действительного окружающего мира.

Раскрытие коллективной природы «вещей» и составляет задачу философской онтологической науки, решить которую Густав Шпет поручает социологии (истории), а также этнической психологии, изучающей конкретный духовный уклад человека [см.: 6, с. 563-566].

Примечания

1. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. *Кассирер Э.* Избранное. Индивид. Космос. М.; СПб., 2000.
3. *Рамишвили Г.В.* Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
4. *Чубаров И.М.* Шпет Густав Густавович // Русско-философский словарь. М., 1999. С. 623-624.
5. *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию // Г.Г.Шпет. Психология социального бытия. М.; Воронеж, 1996.
6. *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.
7. *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта) // Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М.; Воронеж, 1996.
8. *Шпет Г.Г.* Язык и смысл // Логос. 1996. № 7. С. 81-122.

Н.О. Осипова

ПАРАДОКСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: К ОДНОЙ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

В статье рассматриваются некоторые социокультурные аспекты, связанные с генезисом и трансформацией гендерных проблем в контексте глобализационных процессов. Гендер как категория культуры, с точки зрения автора, обладает двойственностью идентификации: будучи, с одной стороны, отражением культурных процессов, с другой – глобализационных, гендер выступает одновременно как в качестве «катализатора» глобализационных сдвигов, так и в роли разрушителя цивилизационной экспансии на культуру.

Предлагаемая статья является результатом участия в одной научной дискуссии, предпринятой на страницах одного из последних изданий философского альманаха «Глобальный мир» и открывшейся публикацией К.З. Акопяна [1], где содержались некоторые положения, касающиеся, в частности, проблемы, связанной с пределами глобализации в ее соотнесенности с культурными процессами. Источником моей рефлексии является суждение, не вызывающее, казалось бы, никаких возражений, но ставшее точкой пересечения в спорах участников этого, безусловно, интересного и серьезного диалога, а именно: глобализация как цивилизационный процесс не может не оказывать воздействия на культуру, вовлекая ее в глобализационное поле, культура же, в свою очередь, представляя безграничную в своей динамике и метаморфозах сферу духовности, является «фактически единственным естественным препятствием… как гипотетической, так и фактической ее экспансии…» [1, с. 68], неся при этом неизбежные потери, претерпевая мутационные изменения, но неизбежно (в силу своей гибкости) находя новые возможности сохранения своего статуса и одновременно оставаясь неизбежным фактором цивилизационных (=глобализационных) процессов. В пространстве этого союза (паритетности) принципиально важным видится и положение о «пульсации» цивилизационного мира – уплотнении, компактности, целостности, «гомогенности», и одновременно расширении, многомерности его культурных горизонтов. Налицо парадокс: чем стремительнее и агрессивнее вводятся новые параметры цивилизационных сдвигов, тем выше степень симультанности культурных парадигм, тем активнее они противостоят этим сдвигам.

Нельзя не согласиться с выводом К. Акопяна и о том, что результатом воздействия цивилизационных процессов на культуру является возникновение «многообразных специфических форм, которые, не разрывая полностью своих связей с культурой, становятся некими “культурно-цивилизационными гибридами” (в лучшем случае) или “мутантами” (в худшем) …» [1, с.53]. Речь идет, в частности, и о тех категориях, появление которых связано с процессами глобализации, с социокультурной ее представленностью. Такой категорией и является пресловутый гендер и связанное с ним гендерное поле с его социальными, художественными, экономико-правовыми составляющими, что превращает его в своего рода цивилизационный «фантом», стремительно осуществляющий свою экспансию практически на все сферы жизни, унифицируя и стандартизируя их. Написано о гендере много, говорить о нем модно (один только список литературы на эту тему как в зарубежных, так и в отечественных изданиях занял бы не один десяток страниц). Недавно десятилетие гендерных исследований отметили и в России, хотя на Западе понятие было введено в середине 1980-х годов, да и сама сфера гендерных исследований сформировалась как реакция на становление и активизацию феминистского движения, колыбелью которого явилась Франция, где в 1960-1970-е годы были созданы знаменитые произведения С. де Бовуар («Второй пол») и Э. Сиксу («Смех Медузы»), ставшие своеобразной установкой к действию уже в США. Совершенно ясно, что и феминизм, и

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии ВятГГУ
© Н.О. Осипова, 2003

спровоцированный им интерес к гендеру как к «антифеминистической вакцине» явились последствием глобализационных (цивилизационных) сдвигов в виде «культурно-цивилизационных гибридов», пронизывающих практически все сферы жизни – начиная с макроэкономических процессов и кончая массовой культурой. Но и на уровне довольно серьезных исследований говорят, например, о гендерном поле в художественных текстах, языке, религиозных учениях, философии, деятельности социальных институтов и т.д. [2]. Таким образом, система гендера является одновременно и социокультурным конструктом, и семиотическим инструментом, и системой представлений, и продуктом различных социальных технологий, в том числе и искусства. На основе исследований историко-генетических и функциональных пластов культуры можно выделить четыре основных уровня культурного космоса, являющихся формообразующими компонентами миропорядка. Это уровень *канона,* основанный на первичных жизненных ориентирах, ценностях, обыденном сознании; уровень *парадигмы*, которая тоже связана с законом миропорядка, но осуществляет его иным способом – с помощью заданного образца, законодательства, средств массовой информации, образования, то есть она «рукотворна». Далее можно говорить об уровне *слова-логоса* и, наконец, об уровне непосредственного бытия, в котором проявляется картина (или картины) мира человека, народа, эпохи, внутриэтнических и межэтнических типов сознания. В подобной (заметим, достаточно условной) иерархии гендерная система закономерно относится к парадигматическому фактору, одновременно не утрачивая связей и с остальными. По сути дела, и феминизм, и гендер и явились теми культурными стереотипами, которые были порождены условиями глобализации социокультурного пространства, так как в основе категории гендера находится социальный *пол* в отличие от биологического, а потому он может играть роль комплексного механизма, технологии, нормативной стратегии, самоорганизующейся системы, универсальной в рамках создания единого социокультурного пространства, которое формируется не только рыночными отношениями, открытым культурным обменом, влиянием западных стандартов, но и ситуацией постмодерна с ее тенденцией к стиранию гендерных различий. В современном технократическом обществе активность названных процессов связана с унификацией мужских и женских ролей, со все большим вниманием к аспектам дипломатии, культуры управления, снижением энергозатрат в тех или иных видах работы, с активизацией правовых и психологических факторов сферы производства и, наконец, с расширением культурно-гуманитарной сферы общества в целом, что, в частности, проявляется в экспансии гендера в сферу искусства и иных коммуникаций, когда общество столкнулось с конкретно-историческом вкладом женского начала в воспроизводство новых социальных и культурных форм и общественных отношений. Таким образом, гендер – это конструкция «концептуальная и основанная на опыте, индивидуальная и общественная, кросскультурная и специфически культурная, физическая и духовная, а также политическая»[3], одним словом, типичный «продукт» глобализации, ее семиотическая составляющая. Идеи создания альтернативных женских наук и сепаратной женской культуры, хотя исходят от женщин, носят чисто рациональный характер, обусловленный современными научными представлениями, нацеленными на «плюралистическое общество, построенное не по сложно-подчиненному, а по сложно-сочиненному принципу, исключающему любые формы господства, насилия и подавления личности» [4]. Общество глобалистического толка с его человеческой гомогенностью и универсализмом, диктатом разума, просвещения и цивилизации привело к возникновению тех практик в женском образовании и профессиональной идентификации, которые маркированы как мужские, а универсальная мораль противопоставлялась двойной морали. Исследователи указывают при этом на мысль У. Блэкстона (1723-1780), автора «Комментариев к законам Англии», что право есть начало универсальное и не имеет пола [5]. Эгалитарный феминизм, который пришел в Восточную Европу как средство демократизации общества путем движения общества к гендерному равенству, стал своеобразной маскировкой монополизации определенной системы знаков и кодов, набора клише, с помощью которых тиражируется определенный комплекс цивилизационных отношений (в русле гендерного дискурса, в частности, часто муссируется мысль о маскулинности Запада, доминирующего над женственной диссонансной культурой России). Ради справедливости стоит сказать, что истоки «женского вопроса» (или философии пола) лежат отнюдь не в плоскости глобализационных процессов, будучи связаны либо с утопическими идеями равенства полов (социалисты-утописты, например [6]), либо с философско-религиозными исканиями [7]. Но все создаваемые учения не затрагивали смысл патриархатной в своей сути цивилизационной модели, тогда как в последние десятилетия проблема заключается не столько в эмансипации женщин (что собственно и отстаивают феминистские практики), сколько в своеобразном перераспределении социального пространства между представителями разных полов, когда не маскулинная по своей сути культура, облеченная властью, агрессией, приоритетом силы и волевой направленности, является доминантой правовых, социально-политических, экономических отношений, а более гармоничная, так называемая эгалитарная, где господствует принцип симметрии гендерных отношений. В этом смысле гендерная система культуры не постулирует приоритет (даже исходящий из требований равенства) феминной парадигмы, ключевой метафорой которой является метафора «угнетения», дискриминации, или патриархатной парадигмы, ни даже их формального па-

ритета – она утверждает перераспределение (или расширение) границ установившихся полоролевых стереотипов с целью их адаптации к условиям глобального бытия. Эту задачу и пытаются осмыслить многочисленные институты, занимающиеся гендерными исследованиями, начиная с истории традиционных культур, так называемой гендерной ментальности [8].

Между тем, как показывает опыт функционирования категории гендера как культурологического и цивилизационного феномена одновременно, она в то же время вовлечена в мощные потоки духовных процессов, идентифицирующих национальную составляющую каждой культуры. Более того, чем активнее гендер конституируется в качестве своеобразного компонента «глобальной реальности», универсальной культуры и стереотипов глобального бытия, тем интенсивнее он обнаруживает свою связь с духовным опытом человечества , который (и здесь вновь согласимся с К. Акопяном) реализуется в чувственно-эмоциональной сфере. Вектор этого развития во многом определяется национальным менталитетом культуры, который неизбежно оказывается втянутым в гендерное поле социума, становясь антиглобалистским фактором. Доказательством тому служит весьма показательный факт: с появлением на Западе и у нас первых гендерных исследований, феминистских организаций и периодических изданий, появились серьезные работы аналитического характера о традициях русской культуры, национальном своеобразии проявления категорий женское/мужское, роли гендерного фактора в русской истории и философии. Анализ гендерного поля в художественных (литературном, живописном, музыкальном, масс-медиальном, кинематографическом и др.) текстах способствует не только поиску новых социокультурных параметров межэтнического общения («язык гендерных знаков»), но и выстраиванию внутриэтнических связей, влияющих на сложившиеся полоролевые стереотипы. В частности, в свете лингвокультурологических факторов учитывается подобная дифференциация, в особенности в сфере концептов. Так, например, в русском языке функционирует термин «пол», включающий в свое культурное поле ядро гендерного концепта. И если в англоязычном лингвистическом «массиве» термин гендер (gender) призван был подчеркнуть не природную (sexus), а социокультурную причину межполовых различий, то в русском языке «пол» не идентичен «sexus», хотя и включает в себя определенные характеристики метафоры телесности. Когда мы начинаем выстраивать методологию гендерных исследований, то неизбежно попадаем в национальное поле культуры, формируемое вненаучными факторами, говорим о «мужских» и «женских» эпохах, типах коммуникативного общения, мужском Логосе и женской софийности… Вот почему беспокойная философская мысль России, обращаясь к проблеме пола, видела в ней совокупность множества сторон – от собственно сексуальной до общекультурной с ее онтологическим, религиозным, метафизическим дискурсом. Отсюда и философия женственности, имеющая на русской почве глубокую религиозно-философскую традицию. Справедливости ради надо отметить, что вся русская классическая литература, не говоря уже о XX веке, пронизана мотивами о сотериологической миссии женщины, восходящей к архетипическим моделям женского начала, связанного с символом национальной русской идеи, в основе которой лежит материнское начало с его идеей жертвенности, любви, заботы, асексуальности... В конструировании русского варианта гендерной составляющей культуры сложился и традиционный миф о русской женщине, о соотнесенности мужского и женского типов культурного сознания, подкрепленный примерами из русского фольклора (активная роль женских персонажей в сказках), древнерусской словесности, художественным воплощением в русской классике (Пушкин, Тургенев, Достоевский), включая и достаточно сложные формы его прочтения у позднего Толстого («Дьявол», «Крейцерова соната»), в утопической модели Чернышевского, в философии славянофильства и русской религиозной философии (Розанов, Вл. Соловьев, Бердяев) [9]. А пресловутое решение женского вопроса в постреволюционном культурном пространстве и насильственная социализация природно-женского в тоталитарной и посттоталитарной государственной модели обусловили если не явно негативное, то вполне индифферентное отношение российских современниц к феминистским притязаниям прозападного образца на уровне обыденного сознания. Вполне вероятно, впрочем, и то, что, как полагают некоторые аналитики, слово «феминизм» в русском массовом сознании ассоциируется с «коммунизмом», «марксизмом-ленинизмом» и иными «измами», «к которым в России выработался стойкий иммунитет, как ко всякой идеологии…» [10]. Опираясь на фольклор, произведения русской литературы и искусства, можно выделить истоки традиционных моделей гендерного поведения. В частности, высказывается мысль о том, что в эпоху Домостроя сложились довольно устойчивые стереотипы гендерного поведения, характерные для русского национального менталитета (или, как принято говорить, гендерного менталитета), когда поглощение личности семьей и расширение семьи за пределы родства делало невозможным наличие классического патриархата и бесконтрольности мужской власти: главой семьи оказывался не муж, часто и подолгу отсутствующий, а община (достаточно яркое отражение эта особенность нашла в поэме Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», что свидетельствует об устойчивости традиции), а вслед за общиной главная роль определялась не по полу, а по старшинству и могла сохраняться, например, за бабушкой (ситуация, также довольно часто встречающаяся в русской литературе [11]. Очевидно, в известной мере именно по этой причине в некоторых формах статус русской женщины уже к XIX веку был выше, чем на

Западе (проблемы женского образования, просвещения, несмотря на непоследовательные реформы и «откаты» в этой сфере, относились к числу приоритетных, что и обусловило социально-политический статус женщины в контексте формирования русской демократической интеллигенции: «курсистка», учительница, видевшая свою великую миссию в просвещении народа, фельдшерица и т.д.). На подобном феномене и «сработала», по-видимому, упомянутая нами модель женщины-труженицы в фантомах советской идеологической стратегии, о чем уже достаточно писалось в специальной литературе. Вообще гендерный подход к изучению русской культуры позволяет выявить новые грани ее трансформации и эволюции (например, кросскультурное изучение XVIII века, вектор развития которого был обусловлен «женской» монархической доминантой, которая формировала нормы, стереотипы, взгляды, целые общественные институты и проекты). И в этом отношении ясно, что гендер может стать либо самоорганизующейся системой, включающей культурные символы и нормы (как это имело место, например, в семейной традиции на Руси, о чем шла речь выше), либо вариантом своеобразного культурного «эксгибиционизма» [12], или, как его определяют американские социологи, «гендерного дисплея», то есть выставления напоказ, намеренного выделения, подчеркивания, утрирования полоролевых функций в общественных нормах, стереотипических представлениях (не исключено и столь же намеренное их «снятие» в моделях «унисекс»). Классическим образчиком подобного типа является современная реклама [13], к которой более всего подходит выражение «делать гендер», но с учетом «гендерной ментальности» (специалисты четко разграничивают визуально-содержательный план рекламной продукции, рассчитанной на западные гендерные стереотипы и российские).

Как свидетельствует обращение к многочисленным источникам, довольно активно на этот процесс «гендеризации» культуры откликнулось прежде всего художественное творчество, которое оказалось наиболее дееспособным и перспективным в противовес общественным организациям и институтам (заглохшая активность женского депутатского корпуса, многочисленных женских общественных движений). По-видимому, востребованность (в частности, читательская) художественной прозы, созданной женщинами (Т. Толстая, Л. Петрушевская, Н. Садур и др.), обусловлена ситуацией постмодерна с его стихией иррациональности, игры и разрушения стереотипов – женское сознание здесь более изобретательно и непредсказуемо. Но это вовсе не значит, что в произведениях названных авторов четко идентифицируется так называемый «женский дискурс», который выражается в интересе к повседневной, частной жизни, семейным отношениям. Последнее, безусловно, может иметь место как в тематике, так и в стилевой манере письма, особенно лирического (примером гендерного анализа текстов Пушкина и Цветаевой может служить не очень корректная попытка выделить универсальные антитезы двух типов поэтического мышления, хотя автор понимает условность такого деления, справедливо полагая, что «добрая половина всего созданного мужчинами органически принадлежит "женской"… культуре, тогда как многое из созданного женщинами – "мужской"» [14]. Хрестоматийными являются высказывания о том, что наиболее адекватно, полно и глубоко женскую психологию и женские характеры удавалось воплотить именно писателям-мужчинам (Пушкин, Достоевский, Толстой, Бальзак, Мопассан, Флобер, Золя… – даже неискушенный читатель сможет легко продолжить этот ряд, дополнив его именами художников или композиторов), чего нельзя сказать об обратном… Гендерная проблематика не исчерпывается женскими проблемами – есть и мужские. В противовес феминистическим концепциям нельзя ломать гендерные стереотипы или вовсе отказываться от них, особенно в их национально-культурной наполненности, когда через гендерный подход может осуществляться познание мира в целом, а также себя и другого в этом мире. Интересным опытом в этом плане представляется недавно вышедший двухтомник современной японской прозы (одним из инициаторов и переводчиков его был Г. Чхартишвили), начиная с оформления и дизайна с использованными в их идее комплексом **янь/инь,** символизирующими космос восточной культуры, и заканчивая содержательным наполнением этой идеи (каждый том представлен соответственно мужской и женской прозой). При этом составители вовсе не претендуют на критерии феминного и маскулинного в системе оценок, но создают органическое представление о духовной составляющей современной прозы Японии, которая, оставаясь в рамках национального сознания, испытывает влияние вестернизации – не только на художественном уровне, но и на уровне социокультурных оценок, и гендерная составляющая здесь особенно заметна. Не буду здесь давать оценку этому процессу, ограничусь лишь его констатацией, свидетельствующей о втягивании культуры в процесс глобализации.

Таким образом, гендерный концепт позволяет исследовать более широкий круг вопросов и по-новому взглянуть и на феномен пола, и в целом на сложившуюся андроцентричную картину мира. К сожалению, во многих западных и отечественных источниках гендерные исследования зачастую приравниваются к феминистским, отличаясь все той же агрессивной феминистской критикой сексизма. Гораздо более плодотворен, как представляется, культурологический подход к проблеме, при котором социализация ролей выстраивается более органично и независимо от конкретной социальной установки. В частности, уже давно искусствоведы говорят о «мужских» и «женских» художественных стилях и эпохах в художественной культуре, исходя из их «парности» (так, отмечают диалектическую бинарность барокко и классицизма, романтизма и реализма, символизма и неоклассицизма как форму единства мужских и женских стилей). По-видимому, этим и объясняется постоянно «вспыхивающее» в культуре барочное начало как проявление «женской» художественно-эстетической доминанты. Таково, например, экспрессивное прочтение барокко у Ортеги-и-Гассета («Воля к барокко», 1915) с лежащей в его основе «природностью», внутренней незавершенностью, заключающими в себе первоначало всех форм (может быть, именно это и вызывало негативное отношение к культуре барокко у многих искусствоведов и философов (Бургхардт, Ницше). Если бы гендерные параметры переносились на анализ художественной культуры (а это на сегодняшний день наиболее слабо представленная область гендерных методов), то вслед за современным исследователем можно было бы назвать барокко в его постоянном возрождении и обновлении «стилем музыки и страсти», летящих форм, «танцующих свой танец» [15].

Завершая эти краткие заметки «по поводу», вовсе не претендующие на обстоятельный анализ сложных процессов, происходящих в функционировании гендерных систем, вновь зададимся вопросом: так что же есть гендер по отношению к глобализационным сдвигам? Их порождение или фактор сопротивления? Как социально-демографическая категория, как социальная конструкция, организующая модель социальных отношений в разделении труда, средствах массовой информации, – это категория, всецело располагающаяся в поле притяжения глобализационных процессов; как культуроформирующий фактор, включающий символическую, духовную, природную составляющие, гендер располагается вне границ этих процессов, оставаясь своеобразной «матрицей», «онтологическим основанием ценностей», константой, которая, восходя к архетипическому фонду культуры, будет (пользуясь выражением Ю. Лотмана) всегда «пронизывать ее по вертикали», выступая одновременно как в качестве «катализатора» глобализационных сдвигов, так и в роли «разрушителя» цивилизационной «экспансии» в культуру.

Примечания

1. *Акопян К.З.* Пределы глобализации (культура в контексте глобализационных процессов) // Материалы…семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 5. М., 2002. С. 5-70.

2. Помимо института гендерных исследований у нас в стране, не говоря уже о Западе, существует множество специальных сборников и журналов, большинство из которых имеют явную феминистическую направленность. А в 2000 году в Москве состоялась первая в России международная конференция «Гендер: язык, культура. Коммуникация», организованная при поддержке Министерства образования РФ, где были затронуты практически все аспекты гендерных исследований, в том числе и на уровне межкультурной коммуникации. Большой интерес, в частности, представлял совместный русско-немецкий проект «Гендерная дифференциация в культурологии на примере России», который ставит задачу верификации западных гендерных теорий в области гуманитарных наук в российском культурном пространстве.

3. *Абубикирова Н.И.* Что такое «гендер»? // ОНС. 1996. № 6. С. 124.

4. *Чучин-Русов А.Е.* Гендерные аспекты культуры // ОНС. 1996. № 6. С. 142.

5. См.: *Козлова Н.Н.* Гендер и вхождение в модерн // ОНС. 1995. № 5.

6. *Королева Т.* Социалисты-утописты и женский вопрос // Преображение. 1998. № 6. С. 23-28.

7. См.: *Горичева Т.М.* Христианство и феминизм. СПб., 1992; *Рябов О.В.* Русская философия женственности (XI-XX века). Иваново,1999; *Осипович Т.Е.* Победа над рождением и смертью, или Женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX-XX веков // Преображение. 1998. № 6. С. 174-182.

8. Обзор основных направлений гендерных исследований приведен в реферате: *Федосеева Н.* Проблема гендерного неравенства // Преображение. 1996. № 4. С. 5-20.

9. О. Рябов указывает на встроенность мифа о русской женщине в общую идею синтеза европейских и азиатских ценностей. Женщина являет собой третий путь, синтезирующий все достоинства и Востока, и Запада. См.: *Рябов О.В.* Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филологические науки. 2000. № 3. С. 28-37.

10. *Митина О.В.* Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах // ОНС. 1999. № 3. С. 190.; См. также: *Воронина О.А.* Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // ОНС. 2000. № 4. С. 9-21.

11. *Иваницкий В.* Русская женщина и эпоха «Домостроя» // ОНС. 1995. № 3; *Курильски-Ожвэн Ш.* Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // ОНС. 1995. № 5.

12. *Акопян К.З.* Обнаженность смысла, свобода от ложных глубин или безмысленность обнаженности? (Эксгибиционизм как тенденция в культуре XX в.) // Сквозь границы. Культурологический альманах. Киров, 2002. С. 85-89.

13. См., напр.: *Грошев И.В.* Полоролевые стереотипы в рекламе // Психологический журнал. 1998. № 3. С. 119-134.

14. *Чучин-Русов А.Е.* Указ. соч. С. 148.

15. *Надъярных М.* Изобретение традиции, или Метаморфозы барокко и классицизма // Вопросы литературы. 1999. Вып. 4. С. 110.

ИСТОРИЯ

Ю.А. Балыбердин

МОНАРХИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЯТСКО-КАМСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статья посвящена анализу процесса возникновения и деятельности монархических организаций в Вятско-Камском регионе в период первой российской революции. Как известно, в 1905-1907 гг. в стране появилось множество всевозможных политических партий и организаций, подавляющее большинство которых враждебно относилось к существующему строю. Этим партиям противостояли монархические организации, сыгравшие свою роль в политической истории России. Именно о них и идет речь в данной статье.

В начале XX века, особенно после опубликования Манифеста 17 октября, в России, в том числе и обширном Вятско-Камском регионе, включающем в себя нынешнюю Кировскую область, Удмуртию, а также часть Марийской и Татарской республик, появилось огромное количество всевозможных партий и организаций. В большинстве своем это были структуры, враждебно относившиеся к существующей власти: социал-демократы, эсеры, анархисты, кадеты и другие. Они делали все, чтобы ограничить или уничтожить ненавистное им самодержавие. Этим партиям противостояли монархические организации, которые в Вятско-Камском регионе были представлены Вятской народной монархической партией (ВНМП) и отделами общеимперского Союза Русского Народа (СРН). Возникновение и деятельность этих партий, стоящих на защите самодержавного строя и монархической идеи, до настоящего времени не получили должного освещения. Об их работе имеются лишь отдельные упоминания в книгах по истории Кировской области, Удмуртской и Марийской республик [1]. В книгах, изданных по этой проблеме в центральных изданиях, даже упоминаний о них нет [2].

В статье делается попытка проанализировать процесс организации и деятельности названных партий в период первой российской революции.

БАЛЫБЕРДИН Юрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВятГГУ
© Ю.А. Балыбердин, 2003

Самой многочисленной и авторитетной партией в регионе была Вятская народная монархическая партия (ВНМП), образованная весной 1906 года.

Ее образование приветствовалось широкими кругами вятского общества, а газета «Вятский вестник» назвала известие о предстоящей регистрации партии «приятной новостью». «Выступление ее на сцену как раз в то время, когда в интеллигентном обществе и в широких кругах крестьянского населения замечается сильная потребность объединиться для защиты порядка против людей, лицемерно прикидывавшихся друзьями народа, но заливших русскую землю братскою кровью, – писала газета, – несомненно привлечет к ней симпатии всех здравомыслящих людей» [3].

Основой программы ВНМП стала программа известной дворянско-аристократической организации «Русское собрание». Местная организация приняла без изменения 9 пунктов этого документа, взяв на вооружение и лозунг «Русского собрания» – «За веру, царя и Отечество!» [4]. В программе партии была четко определена ее цель – «объединение русских людей для общей работы устроения дорогого нашего отечества – России в духе монархической идеи» [5]. Для достижения своей цели монархисты собирались «разъяснять народу политические и экономические идеи, принципы и взгляды, агитировать и проводить установленным в законе порядком членов Общества в государственные учреждения». Кроме того, партия намеревалась решать задачу «недопущения никаких волнений, смут и насилий, могущих разрушить или ослабить государство» [6]. Но необходимо отметить, что некоторые добавления, внесенные ВНМП в программу «Русского собрания», были весьма существенны. Например, вятские монархисты внесли поправку в лозунг «Россия для русских!» и в интерпретации ВНМП он стал звучать «Россия первее всего для русских!». Составители программы дополнили ее требованиями защиты «интересов крестьянского и рабочего сословий и вообще бедного класса», а также необходимости ограничения земельной собственности и введения необходимого налога [7]. Важным моментом программы являлось и то, что, отмечая главенство православной церкви, ВНМП выступала за полную свободу прочих вероисповеданий.

Таким образом, по сравнению с программой «Русского собрания» в переделанном документе была значительно смягчена националистическая направленность, декларировалась веротерпимость, и в целом программа была более либеральной.

Устав партии, состоящий из 7 частей, включал 42 параграфа. С точки зрения логики и стиля Устав кажется безукоризненным. В нем предусмотрено все: цели и структура партии, способы деятельности, права и обязанности, отчетность, имущественная ответственность, порядок открытия собраний, подсчет голосов, передача дел и т.д. Не случайно Устав прошел регистрацию без всяких замечаний. Подобное «произведение» со всеми его формулировками – не творчество членов партии. Здесь налицо создание, автором которого явился человек, набивший руку в составлении административных документов. По-видимому, им был губернский секретарь И.А. Сухов, особые заслуги которого были отмечены на первом же собрании. В соответствии с Уставом (§ 2) в партию могли вступать «русские подданные обоего пола, достигшие совершеннолетия, без различия сословий, состояний и вероисповеданий». Наряду с действительными членами партии Устав (§ 9) предусматривал и почетных. Почетным членом мог стать тот, кто оказал или мог оказать организации «особенное сочувствие или услугу в достижении ее целей». Почетные члены были освобождены от взносов и могли исполнять лишь добровольно взятые поручения. Член ВНМП был обязан «распространять взгляды партии среди своих знакомых… а также давать детям своим прочное религиозно-нравственное воспитание» (§ 13). Кроме того, лица, состоящие в партии, должны были удерживать однопартийцев от дел, которые могут навредить партии (§ 14). Главным органом партии являлось общее собрание, созываемое не реже двух раз в год. Оно решало все важные вопросы, избирало комитет и ревизионную комиссию, заслушивало их отчеты. Состоящий из 7 человек комитет включал председателя, товарища председателя, секретаря, казначея и трех членов. Комитет избирал председателя, управлял делами партии, созывал общее собрание (§ 19). Председатель комитета был наделен большими полномочиями. При равенстве голосов председатель имел два голоса, он мог лично решать срочные вопросы, в том числе и финансовые (§ 29).

Существовавшие в регионе отделения партии имели свои комитеты, подчинявшиеся Вятскому комитету, а общее собрание ВНМП являлось руководящим органом для всех отделений партии.

Анализ программных положений, Устава и деятельности ВНМП позволяет заключить, что партия была всесословной, открытой для всех представительной организацией, имевшей внутреннюю демократическую структуру.

Для успешной работы необходимо было собрать в ряды ВНМП как можно больше патриотически настроенных людей, готовых активно работать в партии. Еще в марте 1906 года «Вятский вестник», сообщая об организации в г. Вятке Народно-монархической партии, предсказывал ей в будущем большой успех. Газета отмечала, «что эта партия будет со временем одной из многочисленных по количеству своих членов, так как она очень близка простому народу». В своем первом же воззвании ВНМП призывала население губернии «объединиться в рядах своих под девизом «За веру, царя и Отечество» на пользу Родины и во славу своего возлюбленного Монарха Николая II». Запись в партию всех желающих производили в г. Вятке П.Г. Тихонов, А.Л. Синцов и А.И. Малых. У этих лиц можно было получить устав и программу партии. Кроме того, члены ВНМП решили расширять свою деятельность в пределах всего Вятско-Камского региона, приглашая в Вятку жителей «уездных городов и поселений» [8]. И действительно, у ВНМП нашлось немало сторонников.

Патриотический характер программы, пропаганда порядка, законности, сильной государственной власти привлекли в партию не только чиновников, духовенство, монархическую интеллигенцию, но и часть зажиточного крестьянства. Из донесений вятского полицмейстера следует, что в г. Вятке на 16 ноября 1907 года было 983 члена партии, а в соответствии с сообщением уржумского исправника, в этом уезде, в том числе и марийских волостях, работало 10 подотделов ВНМП. Всего на территории региона насчитывалось 19 подотделов. Наиболее крупные, кроме Вятки, были в гг. Глазове (Удмуртия, 200 человек) и Уржуме (101 человек).

Следует, однако, отметить, что формирование отделов нередко проходило формально. Так, в селе Хлыново председатель местного отдела партии Никулин записал соседа, приказчика Скопина в партию. В ответ на отказ Скопина быть членом партии Никулин сказал: «Если не делом, то хотя бы численностью ты должен помочь искоренению крамолы и смуты» [9].

Количество членов ВНМП было немалым в сравнении с другими партиями. В конце 1907 года социал-демократов было 1637 человек, эсеров 1291, кадетов 579, октябристов 150 [10].

В число действительных членов-учредителей партии вошли известные, пользующиеся авторитетом люди: вятские купцы И.А. Малых, А.Л. Синцов и П.Г. Тихонов, делопроизводитель губернского правления, коллежский асессор А.А. Пьянков, надворный советник С.В. Курбановский, губернский секретарь И.А. Сухов, управляющий вятским отделением государственного банка, статский советник А.И. Световидов. В соответствии с Уставом образовавшаяся партия избрала комитет, председателем которого стал А.И. Световидов. Но поскольку циркуляр министерства финансов не давал возможности А.И. Световидову возглавлять партию, общее собрание решило ходатайствовать перед министерством о разрешении Световидову остаться председателем комитета ВНМП. Заступающим место председателя комитета стал губернский секретарь Сухов. Кроме того, была избрана ревизионная комиссия в составе двух человек. ВНМП пользовалась широкой поддержкой вятских властей и духовенства. В числе почетных членов партии были губернатор С.Д. Горчаков и вице-губернатор А.Ф. Шкловский, епископ Вятский и Слободской о. Филарет и епископ Глазовский о. Павел.

Особенностью создания ВНМП являлось то обстоятельство, что она появилась без какого бы то ни было толчка со стороны властей и стала действовать самостоятельно, не входя в центральные монархические партии, связь с которыми, впрочем, не игнорировалась. Отличительной чертой деятельности ВНМП было и то, что партия, возникшая в период спада революции, не решала задачи подавления революционного движения, не имела крайне реакционных и националистских лозунгов, а потому ее призывы к порядку и спокойствию становились популярны в народе, уставшем от беспорядков и смуты. Деятельность ВНМП была достаточно разносторонней. Большое внимание партия уделяла аграрному и рабочему вопросам, понимая, что от их правильного решения зависит судьба государства. Неотъемлемой частью их пропаганды была критика программ и действий революционных партий. «Решение аграрного вопроса, – говорил лектор-монархист на одном из рабочих собраний в г. Вятке, – в улучшении способов хозяйствования, повышении культуры земледелия, в колонизации земли. Всякое отчуждение земли, которое предлагают левые, недопустимо, ибо ведет к бесхозяйственности и развалу экономики. Если экспроприировать землю, то последуют требования экспроприации предприятий и денег. Рабочий вопрос надо решать введением 9-часового рабочего дня, учреждением примирительных камер» [11]. В апреле 1907 года партия обратилась с воззванием «Православные русские люди!», в котором призывала своих единомышленников к возрождению России на принципах православия, самодержавия и христианства. Комитет ВНМП призывал патриотов «пробудить в русских людях национальное самосознание» путем пропаганды истории народа [12]. С целью пропаганды патриотических идей партия организовала общедоступные бесплатные чтения в Народном доме г. Вятки. Чтения начинались и заканчивались пением гимна, в них принимали участие церковные хоры, исполнявшие духовные песни и отрывки из опер. Организаторы использовали в лекциях «туманные» картины, что способствовало популярности вечеров. Теоретики партии считали, что главной причиной русской смуты было забвение традиционных ценностей – православия, самодержавия и главенства русской нации. Лекции должны были выполнять воспитательную функцию, внушать людям идеи законности и порядка, важности веры в жизни человека. При анализе тематики чтений четко просматриваются направления исторического и религиозно-нравственного плана: «Краткая история Русского государства», «1812 год», «Жизнь святителя и чудотворца Николая», «Соловецкая обитель» и другие. Как правило, после окончания публичных чтений проходили общие собрания ВНМП, которые начинались молебном или общей молитвой и исполнением гимна. На собраниях также читались лекции, статьи, членов партии знакомили с монархической литературой. В отличие от публичных чтений, лекции здесь были серьезными и носили теоретический характер.

Одним из важных моментов в жизни партии летом 1907 года был приезд в губернию о. Иоанна Кронштадтского. Это событие широко освещалось в местной периодической печати. Депутация вятских монархистов была тепло принята Иоанном Кронштадтским, а деятельность партии была им одобрена. Состоялась совместная молитва. Это событие способствовало росту авторитета партии в народе, который в подавляющем большинстве был православным.

Одним из мероприятий, организованных ВНМП, был детский праздник 30 июля 1907 года, в день рождения наследника Алексея Николаевича. В 8 часов утра в мужском Трифоновом монастыре собрались члены ВНМП и посторонние лица с детьми, а также дети из дома призреваемых городских благотворительных учреждений им. П.П. Клобукова. После молебна, отслуженного преосвященным Павлом, дети пошли в Народный дом, где им был предложен чай и завтрак, пел хор любителей, исполнялся народный гимн. После завтрака дети отправились на прогулку в сквер Александровского сада, где их сфотографировали на память с преосвященным Павлом, а одну карточку решили послать наследнику престола Алексею Николаевичу. После прогулки дети пошли в Народный дом, где им показывали «туманные картины», несколько сказок, «с большим вниманием прослушанных детьми. Затем состоялись танцы и игры». На празднике для ребят играл оркестр Котельничского батальона. «На лицах детей были заметны радость и оживление, и они благодарили распорядителей за устройство праздника, который надолго сохранится у них в памяти». Родители детей, участвовавших в прогулке, также «благодарили распорядителей за разумно устроенное для детей развлечение». Подобные мероприятия также способствовали росту популярности партии в вятском обществе.

Несмотря на то что ВНМП являлась самостоятельной организацией, ее руководство было в курсе политической жизни России и имело связи с центральными монархическими партиями. Например, для участия во Всероссийском съезде объединенных русских людей в июле 1907 года ВНМП командировала двух «достойных и доверием облеченных депутатов – председателя Ю.М. Адеркаса и казначея А.Л. Синцова…». Из послания в адрес съезда видно, что летом 1907 года перед партией стоял целый ряд серьезных задач, с которыми ей было сложно справиться в одиночку. Так, во время общих собраний ВНМП не раз звучали призывы казначея Синцова платить взносы в связи с бедственным положением партийной кассы. Синцов отмечал, что средства партии «ограничены» или даже «очень ограничены» [13]. Этим обстоятельством объясняется просьба партии к объединенному съезду «оказать по мере сил возможности материальное вспомоществование…». Кроме того, ВНМП просила командировать в Вятку опытных людей для «организации отделов в пределах Вятской губернии». Партия

просила съезд посодействовать ей в деле прекращения высылки в губернию «политических ссыльных, экспроприаторов и прочих преступников… за переполнение таковой означенным ссыльным элементом и вследствие крайнего вредного влияния их на местное население, в особенности во время предстоящих выборов в Государственную думу» [14].

Вятские монархисты были также всерьез обеспокоены настроениями учителей и поэтому предлагали «принять соответствующие меры к назначению наилучшего состава педагогического персонала, дабы поднять уровень нравственного воспитания…». ВНМП указывала на необходимость изолировать школы «от всего вредного и наносного, как-то – от педагогов, примыкающих к левым партиям, от политической агитации и от сообщества с крайними левыми органами печати» [15].

ВНМП печатала и покупала брошюры, газеты, книги и прочие патриотические листки «для распространения в народе», издавала свой печатный орган «Свободное слово» под редакцией Спасской, проводила агитационную работу «по организации провинциальных отделов», устраивала народные патриотические чтения «как для взрослых, так и для детей обоего пола…».

В телеграммах ВНМП не раз выражала верноподданнические чувства императору Николаю II, высказывала уважение главе правительства П.А. Столыпину, получая в ответ благодарности. Приветственные телеграммы ВНМП отправила в мае 1907 года в адрес председателя IV Всероссийского монархического съезда в Москве, а в июне – Дубровину, называя его «русским витязем» и «доблестным воином за Веру, Царя и Отечество».

А в августе 1907 года «Вятский вестник» сообщил, что императрица Александра Федоровна благодарит детей «за выраженные во всеподданейшей телеграмме от 5 августа Его императорскому Высочеству наследнику цесаревичу чувства» [16].

Активное участие приняла ВНМП в подготовке к выборам во II Государственную думу. На собрании партии 14 января 1907 года было решено вступить в предвыборный блок с Союзом 17 октября, а также голосовать за представителя духовенства. В числе четырех намеченных партией кандидатов в выборщики наряду с двумя членами ВНМП, И.А. Суховым и В.А. Мышкиным, были председатель Вятского отдела Союза 17 октября Н.Г. Гусев и священник о. В.В. Верещагин. Члены ВНМП получили печатные бюллетени, воззвание партии и избирательные списки на собрании 21 января 1907 года. Кроме того, отпечатанные типографским способом бланки рассылались избирателям и вывешивались в городе. Правая пресса вела широкую агитационную кампанию в пользу своих кандидатов. «Вятские епархиальные ведомости» и «Вятский вестник» активно поддержали правые партии.

Сохранившиеся номера «Вятского вестника» прямых и грубых выпадов против конкретных лиц не содержат, но в них есть предупреждения о грядущем пожаре, демократах, бомбистах. Наряду с этим в газетах много сведений о жизни и быте крестьян, народном образовании, рассказы о знатных земляках – Е. Кострове, П.И. и М.И. Чайковских, Ф.И. Шаляпине, Н. Дуровой. Большинство этих публикаций написано или членами ВНМП, или людьми, близкими к ним по убеждениям. Однако все эти материалы были невелики, по сравнению с материалами, содержащимися в газетах и листовках социал-демократов и эсеров. Усиленная работа правых партий дала свои результаты. На городских выборах 25 января были избраны в выборщики четыре правых кандидата, намеченных ВНМП [17], что говорит о большом авторитете правых в губернском центре.

Позиции правых усилились не только в Вятке. Например, в Глазове (Удмуртия) на выборах в I Думу монархисты получили 42 записки, а на выборах во II Думу – 244 и сумели провести в выборщики своего кандидата. Все это свидетельствовало о том, что позиции правых в городах региона усиливались, так как именно в городах они вели работу наиболее активно. Но существовавшая система выборов в I и II Думы давала огромное преимущество в губернском избирательном собрании выборщикам от волостей – крестьянам. Последних было 148 из общего числа в 200 человек. В деревне, как известно, было сильно влияние эсеров, в результате чего позиции левых в губернском избирательном собрании оказались сильнее, а преимущество правых в ряде городов (Вятка, Уржум) было сведено на «нет». По подсчетам корреспондента «Вятского края» о представителях волостей в губернском избирательном собрании, на одного правого приходилось пять «прогрессистов», или левых. Как и следовало ожидать, при такой расстановке сил левые одержали безоговорочную победу – все тринадцать избранных депутатов представляли левые силы. Объясняя причины поражения на выборах, правые отмечали несовершенство избирательной системы, малоинтеллигентность губернии, деятельность земства, распространявшего крамольные идеи на народные деньги [18]. Итак, несмотря на активную поддержку властей, духовенства и растущий авторитет ВНМП, она не сумела провести в депутаты ни одного своего кандидата. После поражения на выборах ВНМП послала адрес императору с выражением верноподданнических чувств и сожалением по поводу того, что «часть выборщиков послала левых членов».

ВНМП продолжала оказывать поддержку правительству, критиковала левых депутатов за пьянство и отсутствие веры, послала председателю Думы телеграмму, где выражалось возмущение «дерзостью членов Государственной думы, принадлежащих к левым партиям», которые позволили себе «сидеть во время приветствия Думе от имени государя императора и исполнения народного гимна…» [19]. Роспуск II Государственной думы был воспринят членами ВНМП с удовлетворением. 3 июня 1907 года на собрании ВНМП председательствующий Тихонов зачитал Указ

о роспуске Думы и пояснил причины, его вызвавшие. На имя П.А. Столыпина была отправлена телеграмма о поддержке роспуска Думы. После роспуска II Государственной думы ВНМП сразу начинает подготовку к новым выборам. Уже 8 июля на общем собрании ВНМП звучит призыв «энергичнее продолжать деятельность» в связи с приближающимися выборами в III Думу.

Наряду с предвыборной борьбой партия вела активную идеологическую работу, дискутировала с левыми партиями, нейтрализуя их влияние на массы.

В отличие от революционеров, призывавших к ниспровержению государственного строя, монархисты отстаивали идеи патриотизма, православия и незыблемости самодержавия. Будучи противниками массовых выступлений, они призывали народ к порядку. Эти положения, безусловно, импонировали большей части населения губернии, которое в своей основной массе было законопослушным. В некоторых источниках утверждается, что монархисты в борьбе с революционерами прибегали к террору, но подтверждений этого обнаружить не удалось.

Монархические организации региона были представлены, кроме ВНМП, отделениями общеимперского Союза русского народа.

Первый отдел СРН был открыт в г. Глазове 13 декабря 1906 года с согласия товарища председателя Совета СРН Пуришкевича [20].

Уполномоченным учредителем отдела Союза в Глазове был отставной лесничий, коллежский советник М.П. Смыков, который и стал председателем Глазовского отдела СРН. Позднее были образованы отделы в ряде сел Глазовского уезда.

СРН также объявил об открытии своего отдела в гг. Вятке, Царевосанчурске, в Яранском уезде и г. Котельниче.

По воспоминаниям Кузьмина, Санчурский отдел СРН возник в противовес революционному кружку самообразования с целью защиты «царизма и интересов капитала».

Глазовские монархисты отмечали необходимость противостоять революционерам, которые задались «преднамеренной целью волновать общество и вводить политический разврат в непросвещенную народную среду посредством устной речи, открытой и тайной печати, пуская в обращение ложь и самую низкую клевету на лиц высокопоставленных и занимающих высокие административные посты и даже на самого Помазанника Божия, чтобы таким путем подорвать авторитет всякой власти и расшатать крепость и могущество дорогой нашей родины».

Образовавшийся отдел СРН выступил под девизом «Православие, Самодержавие и Народность».

Программа СРН в основном совпадала с программой «Русского собрания», но имелся и ряд отличий. Так, в программе СРН были глубже рассмотрены аграрный, рабочий, национальный вопросы.

По крестьянскому вопросу партия поддерживала мероприятия Столыпинской реформы, включая продажу крестьянам казенных земель, помощь переселенцам, предоставление крестьянам права выхода из общины и закрепление за ними земли в частную собственность.

По рабочему вопросу партия выступала за государственное страхование рабочих и сокращение рабочего дня.

По национальному вопросу предложения были черносотенными.

Программа СРН имела и некоторую социальную направленность. В ней конкретно говорилось о строительстве больниц, храмов, организации касс взаимопомощи, рабочих артелей, сберегательных товариществ, библиотек, чайных и т.д.

Для проведения в жизнь программных установок отделы СРН нуждались в пополнении своих рядов патриотически настроенными гражданами. С этой целью в газете «Вятский вестник» Глазовский отдел СРН помещал объявления с призывом вступать в ряды партии, сообщая, что члены партии будут снабжены литературой и ознакомлены с программой [21].

Членами СРН могли быть только русские люди православного вероисповедания.

Отделы партий в Вятской губернии подчинялись непосредственно Главному совету СРН.

Отделы имели свою внутреннюю структуру и атрибуты. Так, Санчурский отдел «легально имел помещения, знамя и правление союза». Председателем правления был сын купца И.А. Кудрявцев, казначеем – В.А. Токарев и секретарем – И.С. Шибаев. Кроме того, были еще два члена правления – крестьянин Д. Петухов и гражданин г. Яранска Шемякин. По количеству членов на конец ноября 1907 года отделы

ВНМП	Количество членов	СРН	Количество членов
г. Вятка	983	г. Вятка	неизвестно
Уржумский отдел	96	с. Ернур Яранского уезда	101
В 10 селах Уржумского уезда	10	г. Глазов	более 200
		Глазовский уезд	14
		г. Котельнич	40
ИТОГО:	**1089**		**355**

СРН в губернии уступали ВНМП примерно в 3 раза, что можно легко вычислить из таблицы (см. пред. стр.) [22].

По данным С.А. Степанова, отделы и подотделы СРН в конце 1907 года насчитывали 355 человек (Глазов – 200, Глазовский уезд – 54, Яранский уезд – 101). По данным уездных исправников, получается несколько иная раскладка по отделам, но итоговая цифра совпадает [23]. Персонально удалось установить лишь ряд членов СРН в губернии. Это председатель Глазовского отдела М.П. Смыков, члены этого же отдела В.А. Фролов и Макаров, члены Котельничского отдела В.Н. Куршаков и Д.В. Шильников, председатель Санчурского отдела И.А. Кудрявцев и члены этого же отдела В.А. Токарев, И.С. Шибаев, Д. Петухов и Шемякин. Таким образом, членами отделов СРН были люди разных сословий, например, Смыков – чиновник, коллежский советник, отставной лесничий, И.А. Кудрявцев – сын купца, В.Н. Куршаков и Д.В. Шильников – купцы, Д. Петухов – крестьянин.

Уже на первом заседании 20 декабря 1906 года Глазовский отдел СРН постановил выразить «чувства сердечной признательности…» губернатору «за решительные меры, принятые против злонамеренных людей, вступивших на опасный путь политических приключений и задавшихся преднамеренною целью волновать общество и вводить политический разврат в непросвещенную народную среду…» [24]. Отдел Союза в основном распространял обращения и воззвания СРН, адресованные русским людям, русской армии и избирателям и иногда организовывал манифестации. Но каких-либо активных действий он не вел. Санчурский отдел СРН занимался только тем, что «в особо торжественные дни устраивал манифестации с крестными ходами, расклеивал объявления, призывал граждан на защиту царя-батюшки и на борьбу с крамолой».

В Вятке отдел СРН активной деятельности тоже не вел.

СРН принял участие в выборах во II Думу и добился определенных успехов в Глазове и Котельниче, где, по всей видимости, партия пользовалась некоторой популярностью. Так, в Котельниче из 4 выборщиков двое – члены СРН – купцы В.Н. Куршаков и Д.В. Шильников, а в Глазове из 4 выборщиков один член СРН – Макаров. Но, как известно, монархистам не удалось провести ни одного своего представителя в Думу. В дальнейшем, во время работы Думы, Глазовский отдел СРН потребовал роспуска Думы за то, что часть депутатов сидя слушала приветствие государя и народный гимн.

Итак, монархические организации Вятско-Камского региона являлись проправительственными и открыто заявляли о своих целях – нейтрализации революционных сил, поддержке самодержавия и православной веры. Представляя правое крыло в политической жизни региона, они характеризовались отсутствием экстремизма в программах и деятельности, были массовыми и всесословными. В период первой российской революции монархические партии, призывая народ к спокойствию и порядку, оказывали большую поддержку местным властям в ослаблении революционного движения, которое на территории региона не стало массовым.

Примечания

1. Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1965; Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск: «Удмуртия», 1968; Очерки истории Марийской организации КПСС. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1968.
2. История политических партий России. М.: Высш. шк., 1994; Правые партии. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998.
3. Вятский вестник. 1906. 3 сент.
4. Вятские губернские ведомости. 1906. 11 янв.
5. ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 43. Л. 4в.
6. Вятский вестник. 1906. 27 марта.
7. ГАКО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 43. Лл. 4а – 4в.
8. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 157. Л. 82.
9. Вятский наблюдатель. 1907. 10 янв.
10. *Киселев И.Н., Корелин А.Н., Шелохаев В.В.* Политические партии в России // История СССР. 1990. № 4. С. 87.
11. Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1992. С. 113.
12. Вятский вестник. 1906. 7 ноября.
13. Вятский вестник. 1908. 6 февр.
14. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1с. Д. 7. Л. 9.
15. Там же. Лл. 9, 10.
16. Вятский вестник. 1907. 1 мая.
17. Вятский вестник. 1907. 28 янв.
18. Вятский вестник. 1907. 16 февр.
19. Вятский вестник. 1907. 18 марта.
20. ГАКО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 287. Лл. 10, 16.
21. Вятский вестник. 1906. 29 дек.
22. ГАКО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 287. Лл. 10, 16.
23. Там же. Л. 16.
24. Вятский вестник. 1906. 24 дек.

3 Заказ 1831

А.В. Зырянова

ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ: 1914-1917 гг.

Дипломатия Великобритании и Соединенных Штатов в отношении России в 1914-1917 гг. характеризовалась различиями и противоречиями, но политика этого периода содержала в себе основы будущих совместных действий во время союзной интервенции в Россию в 1918-1919 гг.

Первая мировая война принесла миру новый мировой порядок, сопровождавшийся изменением в геополитических и стратегических приоритетах ведущих

ЗЫРЯНОВА Ангелина Владимировна – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ
© А.В. Зырянова, 2003

держав. Это была война за гегемонию в мире: Россия и Великобритания продолжали политику XIX века. Германия и Франция также продолжали курс, обусловленный итогами франко-прусской войны. Определить место России в системе мировых держав в 1914-1917 гг. и выделить концептуальные особенности англо-российских и американо-российских взаимоотношений в 1914-1917 гг., в основном, с опорой на материалы Архива внешней политики Российской империи – эти вопросы и станут предметом дальнейшего рассмотрения.

Хронологические рамки статьи охватывают период с начала первой мировой войны до падения самодержавия в России в феврале 1917 г., то есть предметом рассмотрения статьи будет дипломатия Великобритании и Соединенных Штатов в отношении царской России.

Место России в Антанте, а также в целом англо-российские отношения в 1914-1917 гг. определялись, в первую очередь, историческими факторами соперничества двух стран в XIX веке. По мнению исследователей из Института российской истории РАН [1], в начале XX века недоверие к Англии в российском обществе было традиционным. При этом парадокс заключался в том, что Россия часто становилась союзницей Великобритании вследствие различных геополитических и прочих обстоятельств, что, конечно, сказывалось на отношении к ней со стороны руководства страны и общества в целом, «но затем все быстро возвращалось на свои места» [2]. Эта инерция, по мнению авторов, «была преодолена лишь в 60-80-е годы нашего века, когда Англия потеряла статус мировой державы» [3]. Соответственно, по мнению В.А. Емеца, накануне первой мировой войны «требовалась решительная ломка стереотипов в общественно-политическом сознании правящих кругов и целых социальных групп населения» [4].

Несмотря на то, что Россия и Англия были союзницами в войне, российская сторона постоянно ощущала антагонизм, сопутствовавший их взаимоотношениям в 1914-1917 гг. Первый секретарь посольства России в Японии в 1914-1917 гг. Л.В. Урусов оценил отношение к России стран-участниц войны как «исторический каламбур»: «Наши враги [не считают] нас сколько-нибудь серьезными противниками – а наши друзья всемерно опасаются нас» [5]. Он постоянно сетовал на то, что англичане не обращали внимание на победы русских и отмечал, что «судьба России угрожала судьбам Англии. Англичане нас до сих пор мало понимали и совсем не чувствовали» [6]. Взаимоотношения России и Англии следовали в русле этого «каламбура»: если Россия победит Германию, то «гегемония в Европе перейдет к нам – и Англия признает нас своим очередным врагом…» [7], поэтому для России хуже не стало бы, если одновременно были бы повержены и Германия и Англия (это замечание было сделано на фоне сообщений об активизации выступлений мусульманских подданных Британской империи, о которых Урусов отзывался, впрочем, с нескрываемым одобрением) [8]. Резюме русского дипломата было предельно категоричным: «...русско-английский антагонизм, который намечался в будущей схеме мировой политики уже созрел настолько, что сделался предметом обсуждения в серьезной прессе обеих стран» [9], то есть пока Германия не побеждена, России «обеспечено полное содействие Англии», а когда Россия повергнет Германию, «то политическая картина настолько изменится, что будет сдана новая карта» [10].

В дипломатических кругах Антанты и нейтральных стран уже в конце 1914 г. бытовало мнение, что Британия мало сил вкладывала в военные действия и «воевала до последнего русского солдата» [11]. Для советской исторической науки Англия в годы первой мировой войны была одной из империалистических держав, которая разжигает ужасы войны и угнетает рабочий класс. Н.А. Ерофеев в 1959 г. верно отметил, что политика Англии по отношению к другим странам Антанты отличалась «эгоизмом и бесцеремонностью» [12]. По мнению исследователя, Англия «стремилась использовать тяжелое военное положение союзников для достижения своих корыстных целей» [13], чтобы поставить их, в первую очередь Россию, в финансовую зависимость. Кроме этого английская дипломатия нередко действовала так, что противоречила интересам русского союзника: например, в апреле 1915 г. был заключен тайный договор, по которому часть славянской территории на Балканах была передана Италии в обмен на ничего не обязывающий договор, по которому Италия выбирала момент вступления в войну по своему желанию. Этот шаг, как заключает Ерофеев, предупреждал усиление России в этом регионе [14].

Место России в Антанте в период с начала войны до начала 1917 г. определялось тем, что основной груз военных действий был возложен на нее. Российское дипломатическое руководство было уверено в том, что слово России было решающим. Так, когда в январе 1917 г. в дипломатических кругах союзников обсуждалась речь президента В.Вильсона в Сенате, посвященная будущим Четырнадцати пунктам, министр иностранных дел России М.Н. Покровский заявил иностранным представителям в Петрограде, что, «хотя это обращение и не было сообщено державам дипломатическим путем, я, тем не менее, не усматриваю … необходимым для *нас* реагировать на это выступление» [15]. В случае, если союзники «решат желательным не оставлять без *возражений*» речь американского президента, то ответ должен «ограничиться лишь краткой формулой» [16] (которая также была представлена). Официального ответа от союзников не последовало.

Отношение американцев к России в годы войны также не было однозначным. Русская дипломатическая служба в 1914 г. сообщала о распространении русофильских настроений в США, что в первую очередь отражалось в печати [17] и, например, в организации курсов по изучению России (так как с началом войны появилась потребность развивать торговые отношения [18]). Несмотря на то, что американская печать этого периода характеризовалась «бесцензурностью и бесцеремонностью», она всегда придерживалась некоторой корректности по отношению к иностранным представителям. По сообщениям газет, германофобские настроения в Америке были сильны уже в начале войны. Что касается симпатий американцев к союзникам, то они прошли через некоторые изменения. Продолжая желать успеха всем врагам Германии, Америка действовала в соответствии со следующим выражением, бытовавшим в дипломатических кругах того периода: «Американцы, согласно предписанию президента, строго нейтральны, так как им совершенно безразлично, который из союзников раздавит Германию, только бы она была раздавлена» [19]. Русский посол в США Ю.П. Бахметьев дал достаточно точную оценку отношению американцев к странам Антанты. Англия потеряла в глазах американцев свой «исторический венец непобедимости на морях и умелой распорядительности вообще», так как «могущественнейший флот в мире» по общепринятым традициям должен был бы «смести» с морей и океанов «нахальный» германский, а в действительности английское Адмиралтейство растерялось и было не готово к ответному удару. Россия в глазах американцев стала «колоссом силы», она как пример разума, спокойствия и «скромности», – но «в сравнении с немецким бахвальством» – смогла объединиться против «врага человечества и цивилизации» под руководством государя императора [20].

С другой стороны, по мнению современного историка Б.Д. Козенко, несмотря на то, что США и Российская империя являлись близкими соседями, «вряд ли их отношения можно было назвать добрососедскими» [21]. Это было связано с тем, что, во-первых, Россия в экономической деятельности ориентировалась главным образом на Западную Европу, во-вторых, российские и американские предприниматели постоянно сталкивались в Европе, Китае и других странах Азии [22]. Российский император также не был проникнут симпатией к американцам, что было связано с его недоверием к американским идеалам и республиканским институтам [23]. Р.Ш. Ганелин замечает, что официальными лицами Соединенных Штатов и обществом в целом владел «страх перед перспективой усиления влияния Российской империи в Европе, заставлявший даже побаиваться победы Антанты в целом» [24].

Стремление Соединенных Штатов выбраться с обочины мировой политики в центр вызывало раздражение России, единодушное с союзницами по блоку. В целом европоцентристская ориентация России и активность антирусских настроений в Соединенных Штатах в значительной степени провоцировали напряжение в американо-российских отношениях.

В конце 1914 г. стало ясно, что война затягивается, в результате чего появилась другая тенденция, в результате которой обе стороны стали стремиться к установлению экономического сотрудничества. Это определило теплое отношение между Соединенными Штатами и Россией в 1915-1916 гг.

По мнению русского дипломатического корпуса, эти симпатии необходимо было поддерживать через американскую печать, чтобы произвести благоприятное впечатление на промышленные круги Америки и общественное мнение вообще [25]. Первый секретарь посольства России в Вашингтоне И.Л. Лорис-Меликов отметил, что «при настойчивой и умелой постановке просветительской кампании в Америке… нетрудно будет завоевать симпатии американского народа и установить экономическое и политическое сближение с этой страной» [26]. В отличие от англичан американцы «восхищались русским духом и твердостью императора», внушая русским дипломатам, что именно Россия играла определяющую роль в разгроме Германии, а не союзники и что только Россия может обеспечить «всеобщий мир и безопасность… на столетия» [27].

В 1915 г. наступает «миротворческий» период в политике американского президента Вудро Вильсона. По воспоминаниям Л.С.Урусова, русская общественность до предела была раздражена миротворческими изысками американского президента В. Вильсона [28] и по-прежнему не воспринимала Соединенные Штаты всерьез. Первое же предложение Вильсона о посредничестве было отклонено русским императором как преждевременное [29].

Посол Российской империи в Вашингтоне Ю.П. Бахметьев язвительно отозвался о стремлении США выступить посредником в войне и о «заветной мысли [президента] войти в историю с блестящим титулом умиротворителя Европы» [30]. Мирную ноту Вильсона 1916 г. Ю.П. Бахметьев назвал «довольно любительскими предложениями» [31].

В этой ситуации русских дипломатов занимал вопрос о том, почему Америка, так обогатившись во время войны, «находится теперь в невыносимом положении»? Была ли связана невыносимость положения Америки с немецкой подводной блокадой и «строгостями» английской блокады? В российских правящих и дипломатических кругах сложилось представление о мирной ноте президента как о попытке доказать, что Америка не думает о Германии, а всецело сочувствует союзникам. Но результат ее, как считали в России, получился обратный задуманному – радость немцев и ликование желтой прессы [32]. Итак, этот документ был воспринят союзниками скорее как недоразумение, хотя из него вытекала очень сложная дипломатическая процедура.

Анализируя отношение мировой печати и дипломатических кругов к ноте президента Вильсона, Ю.П. Бахметьев сделал следующие выводы: предполагаемого сначала сговора между Вильсоном и нем-

цами не было; «неумелое, несвоевременное, неуместное и непонятное» вмешательство Вильсона преследовало личную цель президента войти в историю величайшим из всех президентов. Резюмируя, русский дипломат заметил, что президент Вильсон не только честолюбив, но и «крайне тщеславен и злопамятен»; он может, пренебрегая интересами страны, следовать «личной мстительности». Поэтому самым мудрым решением будет ответить президенту «в самом дружеском духе» с благодарностями за участие, акцентируя внимание на человеколюбивых чувствах президента и надеждах на приближение мира. К миру стремятся все страны Сердечного согласия, следуя идеям, выдвинутыми США, но в данный момент представить конкретные мирные требования невозможно «по военным обстоятельствам» [33]. Юрий Бахметьев верно определил опасность «мести» президента и его расчет оказался правильным, так как американская печать с «восторженным одобрением» встретила ответ России [34]. Хотя сама нота во всех странах Антанты была отвергнута.

В целом, анализируя значение американо-российского партнерства к началу 1917 года, российский дипломатический корпус сделал следующие выводы. Соединенные Штаты с началом войны проявляли заинтересованность в происходящей борьбе и своеобразную солидарность со странами Согласия, поэтому необходимо обеспечить поддержку российских интересов Америкой при территориальных и иных комбинациях по окончании войны. Основными вопросами должны были стать польский, еврейский, вопрос о проливах и о сферах влияния на Кавказе и в Персии. В этих вопросах вашингтонская администрация, проявляя свой интерес, по мнению русского дипломата И.Я. Коростовцева, должна была учитывать преимущественные права России [35].

Великобритания и Соединенные Штаты в отношении царской России проводили различную политику. В целом внешняя политика Вильсона значительно отличалась от традиционного британского следования собственным интересам – это было связано с тем, что обе политики, в сущности, были непримиримы. Во второй декаде XX века две англосаксонские нации пытались закрепить за собой первенство в решении международных вопросов. Британская империя, пользуясь условиями первой мировой войны, пыталась уничтожить давнего соперника на международной арене (в 1914-1917 гг. Англия участвовала в войне силами русской армии). Но то, что объединяло обе державы, – это восприятие России в соответствии со словами министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура: «Россия всегда была страной сюрпризов, и она остается таковой в настоящее время» [36], поэтому по отношению к ней надо было проводить особую политику. Но по иронии судьбы и стечению обстоятельств роль России в мировых событиях в 1917-1918 гг. в силу происходивших в ней социальных и политических изменений стала стратегически важной.

Примечания

1. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М.: РАН ИВИ, 1998.
2. Там же. С. 275.
3. Там же.
4. Там же. С. 276.
5. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 340. Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД (далее – Коллекция…). Оп. 786. Д. 1. Дневник Урусова. 1914-1917 гг. Л. 31.
6. Там же. Л. 37-37 об.
7. Там же. Л. 29.
8. Там же. Л. 77 об.
9. Там же. Л.74 об.
10. Там же. Л. 147.
11. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1914 г. Д. 393. Л. 67. Letter from His Majesty's Counsul-General at Moscow. Nov. 25th/ Dec. 8th 1914.
12. *Ерофеев Н.А.* Очерки по истории Англии 1815-1917. М.: Изд-во ИМО, 1959. С. 219.
13. Там же. С. 221.
14. Там же. С. 222. Также о переговорах Англии с Италией см. АВПРИ. Ф.133. Канцелярия министра. Оп. 470. Д. 125. Англия. Dossier special. (1)
15. АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 611. Л. 119. Секретная телеграмма российским представителям в Париже, Лондоне, Риме. 12/25 января 1917 г.
16. Там же.
17. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1914 г. Д. 49. Л. 13-16 об. Подлинник. Донесение Ю.П. Бахметьева С.Д. Сазонову.
18. АВПРИ. Ф. 134. «Война». Оп. 473. Д. 42. Л. 10. Копия. Телеграмма Ю.П. Бахметьева в МИД. 13/26 марта 1915 г.
19. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1914 г. Д. 49. Л. 48-50 об. Подлинник. Донесение Ю.П. Бахметьева С.Д. Сазонову. Вашингтон, 5/18 декабря 1914 г.
20. Там же.
21. *Козенко Б.Д.* Несостоявшееся сближение: США и Россия в 1914-1917 годах // Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. (Далее – Пролог…) М.: Наука, 1999. С. 140.
22. Там же. С. 140-141.
23. Там же. С.141.
24. История внешней политики и дипломатии США. 1867-1918. М.: Наука, 1997. С. 339.
25. АВПРИ. Ф. 134. «Война». Оп. 473. Д. 42. Л. 79-79 об. Копия. Телеграмма Ю.П. Бахметьева в МИД. Вашингтон, 28 мая/ 10 июня 1915 г.
26. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1915 г. Д. 60. Л. 214. Копия. Телеграмма Ю.П. Бахметьева в МИД. Вашингтон, 20 июля/2 августа 1915 г.; АВПРИ. Ф. 134. «Война». Оп. 473. Д. 170. Л. 5-15. Подлинник. Записка первого секретаря посольства России в Вашингтоне И.Л. Лорис-Меликова «О сближении России с Америкой»
27. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1916 г. Д. 54. Л. 120. Подлинник. Донесение Ю.П. Бахметьева Б.В. Штюрмеру. Ньюпорт, 18/31 июля 1916 г.
28. АВПРИ. Ф. 340. «Коллекция…». Оп. 786. Д. 1. Дневник Урусова. 1914-1917 гг. Л. 39.
29. Международные отношения эпохи империализма. М., 1934. Сер III. Т. 6. Ч. 1. С. 151.
30. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1916 г. Д. 53. Л. 229. Копия. Телеграмма Ю.П. Бахметьева в МИД. Вашингтон, 7/20 декабря 1916 г.

31. АВПРИ. Ф. 134. «Война». Оп. 473. Д. 137. Л. 161-162. Копия. Телеграмма Ю.П.Бахметьева министру иностранных дел Н.Н. Покровскому. Вашингтон, 8/21 декабря 1916 г.
32. Там же.
33. АВПРИ, Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1916 г. Д. 53. Л.235-237. Копия. Телеграмма Ю.П. Бахметьева Н.Н. Покровскому. Вашингтон, 11/24 декабря 1916 г.
34. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1916 г. Д. 53. Л.257-258. Копия. Телеграмма Ю.П. Бахметьева в МИД. Вашингтон, 31 декабря 1916 г. /13 января 1917 г.
35. АВПРИ. Ф. 134. «Война». Оп. 473. Д. 189 (1). Л. 47-48. Подлинник. Записка члена МИД И.Я. Коростовцева Н.Н. Покровскому. Петроград, 26 января/8 февраля 1917 г.
36. Speech by Mr. Balfour, British Secretary of State for Foreign Affairs, in Parliament, March 14, 1918. // Russian-American Relations. March 1917-March 1920. Documents and Papers. N.Y.: Harcount, Brace and Howe, 1920. P. 90.

В.О. Фукалов

У. ЧЕРЧИЛЛЬ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД «СТРАННОЙ ВОЙНЫ»

В статье рассматриваются взгляды У. Черчилля на взаимоотношения Великобритании и США в период «странной войны». В статье анализируется процесс развития англо-американских отношений и место Черчилля в нем. Главный акцент делается на изучение факторов, оказавших влияние на внешнеполитическую концепцию Черчилля и на механизм принятия решений в сфере отношений Лондона и Вашингтона.

«Странная война» явилась прелюдией к полномасштабным военным действиям в Европе, одновременно она была и прелюдией к новому, активному, этапу английской политики в отношении США. В то же время «странная война» была периодом, когда в английском правительстве оказались носители двух различных подходов к международным отношениям, в том числе и к США, – Чемберлен, по-прежнему возглавлявший Кабинет, и Черчилль, введенный туда в качестве Первого лорда Адмиралтейства. Для Черчилля это была первая за много лет возможность влиять на развитие событий, в том числе и в сфере англо-американских отношений. В связи с этим необходимо выяснить, как соотносились взгляды Чемберлена и Черчилля, как они влияли на политику Великобритании в отношении США в первый период второй мировой войны. Также важно выяснить, насколько значима была «странная война» с точки зрения развития взглядов Черчилля на теорию и практику англо-американских отношений.

Последний период правления Чемберлена по-прежнему характеризовался сложным отношением британского правительства к США. Недоверие и настороженность, которые были присущи британскому руководству в предвоенные годы по отношению к США, не исчезли с началом военных действий. Американское направление внешней политики Чемберлена в этот период нельзя рассматривать в отрыве от его видения разворачивающихся в Европе событий. Новая война с Германией представлялась Чемберлену не столько войной армий, сколько столкновением морального духа, нервов, дипломатии и экономики [1]. Отсутствие активных действий со стороны Германии на Западном фронте по окончании польской кампании, безусловно, лишь укрепило это мнение.

Такое видение ситуации обусловливало и ограниченность роли, которую Чемберлен отводил США в борьбе с Гитлером – Соединённые Штаты были важны лишь как средство давления на Германию. 4 октября 1939 года в ответ на послание президента от 11 сентября Чемберлен направил телеграмму Рузвельту, в которой излагал свои взгляды на войну и выражал уверенность в победе союзников. Британский премьер отмечал важность позиции США и говорил, что если эмбарго на продажу вооружения будет отменено в течение ближайшего месяца, о возможности чего упоминал Рузвельт, то это окажет «разрушающий эффект» на германскую мораль [2].

Таким образом, по мнению Чемберлена, Великобритания и США должны были продемонстрировать Германии единство взглядов и готовность сотрудничать, но не более того. Отсутствие стремления у Чемберлена пойти на более масштабное и активное сотрудничество с Вашингтоном было обусловлено и ограниченностью британских финансов. Зная об американском законодательстве о нейтралитете и памятуя о проблемах с долгами первой мировой войны, он довольно пессимистично смотрел на возможность получения каких-либо займов от американцев [3]. Впрочем, финансовая поддержка могла понадобиться Великобритании в случае затяжной войны. В случае же скоротечной военной компании, к чему больше склонялся Чемберлен, необходимость в крупных закупках и денежных займах исчезала, что, опять же, снимало потребность в активном сотрудничестве с США. Рассматривая отношение Чемберлена и его окружения к США, нельзя сбрасывать со счетов и то, что вторая в XX веке война с Германией напомнила британским лидерам о войне 1914-1918 годов, итогом которой стал, в том числе, и переход контроля за многими экономическими и политическими рычагами в мире из рук Британской империи в руки США. Нового «отступления» Великобритания не желала.

Мнение Чемберлена на этот счет выражено в его письме сестре: «Небеса знают, что я не хочу, чтобы американцы сражались за нас, – нам придется запла-

ФУКАЛОВ Вадим Олегович – старший преподаватель кафедры всеобщей истории ВятГГУ
© В.О. Фукалов, 2003

тить слишком дорого за это, если у них будет право определять условия мира…». О распространенности подобных мыслей говорил и глава европейского отдела Си-Би-Эс Эдд Мюрроу: «В первые месяцы войны можно было часто услышать комментарии: «Боже, защити нас от германской победы и американского мира» [4].

Не осознавая масштабности и значимости новой мировой войны, видя в ней скорее борьбу против нацистской угрозы стабильности в Европе, нежели борьбу за сохранение свободы и демократии во всем мире, Чемберлен по-прежнему был готов лишь на ограниченное сотрудничество с США, хотя рамки этого сотрудничества и стали более широкими, нежели в довоенный период.

Позиция Чемберлена была, безусловно, доминирующей в определении политики по отношению к США. Вместе с тем на протяжении первых месяцев войны в британском руководстве ширился круг людей, которые были склонны к более активному сотрудничеству с Америкой. Этот круг включал в себя представителей Форин Офиса, и в частности его американского отдела, сотрудников британского посольства в Вашингтоне, руководство министерства информации и военных ведомств [5]. Эта часть британской политической элиты испытывала немалые сомнения по поводу возможности победы над Германией имеющимися в распоряжении Великобритании силами и потому выступала за получение реальной помощи из-за океана. Эта группа не считала американский изоляционизм непреодолимой преградой и склонялась к гибкой политике, включающей в себя готовность идти навстречу американским интересам [6].

Наиболее значимой фигурой среди сторонников активной «американской» политики был Черчилль. Его действия на посту Первого лорда Адмиралтейства свидетельствуют о том, что с самого начала войны Черчилль был ориентирован на активное участие США в войне вплоть до вступления последних в военные действия. Именно с Черчиллем так или иначе связаны основные события, положившие начало будущему англо-американскому сотрудничеству во второй мировой войне.

Первое из череды этих событий произошло уже в день объявления войны. Немецкая подводная лодка U 30 торпедировала и затем расстреляла английский пассажирский лайнер «Атения», в результате чего погибло 112 человек, включая 28 американцев, что, естественно, вызвало в США волну возмущения. Черчилль не преминул воспользоваться возможностью обратиться, пусть и не непосредственно, к американскому обществу. Комментируя случившееся, он специально сделал акцент на жестокости действий командира германской субмарины, подчеркнув, что «Атения» была совершенно не вооружена и «торпедирована без малейшего предупреждения». Тем самым Черчилль вполне целенаправленно подогревал антигерманские настроения в США, что подтверждает и его оценка данного события в узком кругу. Выразив публично глубокое сочувствие близким погибших, Черчилль на заседании Военного Кабинета был менее эмоционален и более прагматичен: «Это событие будет иметь полезный эффект в отношении общественного мнения в США» [7]. В чем, по мнению Черчилля, мог заключаться «полезный эффект»? Черчилль знал о том, что большая часть населения Соединенных Штатов симпатизировала союзникам, но испытывала нежелание каким-либо образом участвовать в конфликте. Ему было также известно и то, что антигерманские настроения в Соединенных Штатах были гораздо сильнее, нежели в начале предыдущей войны. Поэтому польза от варварских действий германской подлодки могла заключаться в осознании американским обществом необходимости решительных мер против Германии, то есть войны.

Весьма показательна в данном случае и реакция Берлина. Адмиралтейство Германии немедленно опровергло факт атаки «Атении», а министерство пропаганды третьего рейха обрушило на США лавину заявлений, перекладывающих вину на англичан и конкретно на Черчилля, якобы приказавшего заминировать лайнер с целью втянуть США в войну. Более того, пытаясь развить идею «коварного замысла» Черчилля, главнокомандующий германским флотом гроссадмирал Редер сообщил американскому руководству о том, что Черчилль якобы уготовил американскому военному кораблю «Ирокез» судьбу «Атении». Пропагандистская атака на Черчилля была не случайна. В Берлине его рассматривали как весьма опасного противника, по своим масштабам сопоставимого с Рузвельтом [8], и осознавали, что именно от Черчилля исходит возможность создания англо-американского альянса, что было бы крайне нежелательно для Берлина.

Войдя в правительство, Черчилль начинает рассматривать возможность использования Соединённых Штатов в качестве арсенала. Использование американских промышленных ресурсов было привлекательным для Черчилля по двум причинам. Во-первых, это ускорило бы оснащение вооружённых сил Великобритании, а во-вторых, ознаменовало начало военно-технического сотрудничества двух стран.

Эта позиция проявляется уже в середине сентября 1939 года, когда в США ещё не были внесены поправки в закон о нейтралитете. 18 сентября на заседании Военного Кабинета Черчилль поднял вопрос об усилении борьбы с вражескими подводными лодками – накануне ими был потоплен английский авианосец «Кураджес». Поскольку Королевский флот ощущал нехватку в эсминцах, Черчилль заявил, что необходимо «приобрести эсминцы у США». В то же время, понимая ограниченность британских финансовых возможностей, он считал необходимым весьма рационально подходить к вопросам закупок. Черчилль указывал чинам из Адмиралтейства, выступавшим за строительство на американских верфях противолодочных кораблей для английского флота, что, «конечно, нет возражений для исследования американских возможностей, но стесненность в долларах будет велика и не следует закупать за границей то, что мы можем произвести дома» [9]. Кроме того, Черчилль думал и о том, как заинтересовать США в максимально выгодных для Великобритании условиях сотрудничества. В послании от 16 октября он предложил предоставить Вашингтону информацию о приборе АСДИК – гидролокаторе для обнаружения подводных лодок. Это предложение было призвано продемонстрировать открытость и готовность англичан делиться важнейшими разработками, что, в свою очередь, должно было расположить американцев и заинтересовать их в сотрудничестве с Великобританией.

Сентябрь – начало октября 1939 года занимает особое место в англо-американских отношениях, так как именно в это время устанавливаются личные отношения между Черчиллем и Рузвельтом, которые станут затем одной из основ англо-американского сотрудничества.

Назначение Черчилля на пост Первого лорда Адмиралтейства не прошло не замеченным в Белом Доме. В предвоенные годы он был известен как один из наиболее последовательных противников Гитлера и сторонник англо-американского сближения, поэтому его назначение было воспринято как признак английской решимости бороться с Гитлером. Кроме того, Черчилль был главой военно-морского ведомства, а именно военно-морская сфера всегда привлекала внимание президента Рузвельта. В силу этого, ФДР 11 сентября 1939 года одновременно с посланием Чемберлену направил послание и Черчиллю, предложив последнему начать прямую переписку с ним. Черчилль получил послание Рузвельта лишь в начале октября и сразу направил копию в Военный Кабинет для обсуждения президентского предложения. Вместе с тем он отнюдь не собирался упускать столь благоприятную возможность наладить личную связь с президентом. На заседании Кабинета 5 октября он подчеркнул важность расширения контактов с Рузвельтом, указав, что от воли президента зависят действия ВМФ США, которые приобретали большое значение в борьбе Великобритании за безопасность торговых маршрутов. Кроме того, Черчилль, будучи опытным политиком, прекрасно понимал значимость человеческих отношений в политике и дипломатии.

Пятого октября было ознаменовано для Черчилля не только началом, с одобрения Кабинета, переписки с Рузвельтом, но и первым трансатлантическим телефонным разговором с президентом США. Глава Белого Дома позвонил Черчиллю в тот момент, когда последний ужинал с контр-адмиралом Фрейзером и руководителем военно-морским строительством Гуделом. Черчилль совершенно не ожидал такого шага со стороны президента – по воспоминаниям Фрейзера, он был очень взволнован и впечатлен разговором, комментируя который сказал, что «замечательно думать о личном звонке президента … в условиях великой войны» [10]. Эта инициатива Рузвельта еще более укрепила Черчилля в мыслях о необходимости упрочения зарождающихся контактов с президентом.

Уже 16 октября он отмечал: «Я думаю, мне следует послать что-нибудь еще моему американскому другу для того, чтобы поддержать его интерес к нашим делам… Мы не должны позволить связи прерваться» [11]. Это высказывание показывает не только отношение Черчилля к переписке с президентом, оно демонстрирует то, как позиционировал Черчилль свои начинающиеся отношения с Рузвельтом. Фраза «мой американский друг» – это еще не характеристика отношений двух политиков, но она четко показывает настрой Черчилля.

Первое послание Черчилля президенту было посвящено, главным образом, зоне безопасности вокруг западного полушария, в пределах которой запрещались бы боевые действия военно-морских сил воюющих стран [12]. Решение о создании такой зоны шириной от 300 до 600 миль от побережья Америки было принято 3 октября на конференции в Панаме представителями 21 американского государства. Главной целью, которую преследовало решение об этой зоне, было отодвинуть войну подальше от американских берегов. Вместе с тем этот шаг был выгоден и союзникам, так как сужал зону военных действий, позволяя контролировать её более эффективно. Однако британское правительство не намеревалось безоговорочно принимать «панамскую декларацию». 6 октября Лотиан указал госсекретарю К. Хэллу на большие практические трудности в деле патрулирования зоны безопасности и в связи с этим заявил о сохранении за британским правительством права преследовать вражеские корабли внутри зоны, если её патрулирование будет не эффективным. Госсекретарь не возражал против этого [13].

Что касается Черчилля, то его взгляды на зону безопасности совпадали и даже выражали официальную позицию. Он писал Рузвельту, что Великобритания приветствует идею создания «широкой запретной зоны», однако оговаривал: «Если рейдер действует из американской зоны или укрывается там, мы должны быть защищены или получить возможность защитить себя». Одновременно Черчилль подчеркивал: «Нам трудно согласиться с зоной, которая будет контролироваться каким-то слабым нейтральным государством. Однако все будет в порядке, если выполнение этой задачи возьмут на себя американские военно-морские силы» [14]. Тем самым он ненавязчиво подталкивал американский ВМФ к враждебным по отношению к Германии действиям, которые могли привести к возникновению конфликтных ситуаций.

Черчилль отнюдь не собирался допускать превращения трехсотмильной зоны в убежище для германских рейдеров. Оперативные и стратегические инте-

ресы Королевского флота в данном случае были для Черчилля важнее желания уважать американское мнение. Британский флот не получил от своего Первого лорда каких-либо ограничений в борьбе с германскими кораблями. Тринадцатого декабря 1939 года «охотничья группа» Королевского флота обнаружила и атаковала германский «карманный линкор» «Адмирал граф Шпее» у побережья Южной Америки. В результате сражения, получившего название «бой у реки Ла-Плата», «Шпее» был вынужден бежать в Монтевидео, а после отказа уругвайского правительства продлить его пребывание там взорвал себя.

Первая заметная победа имперских военно-морских сил, безусловно, подняла акции английского флота, однако полное игнорирование британскими, равно как и германскими, кораблями трехсотмильной зоны вызвало протест со стороны стран-участниц Панамской конференции.

В связи с этим Черчилль направил послание Рузвельту, в котором подчеркивал справедливость и значимость действий флота Его Величества для стран Западного полушария, в том числе и для США: «В результате действий в Ла-Плате вся Южная Атлантика сейчас свободна и, возможно, останется свободной от военных операций. Это должно быть благом для южноамериканских республик, торговля которых страдает от действий рейдеров и чьи порты используются для судов обеспечения этих рейдеров и в качестве информационных центров. По сути дела, мы избавили весь этот огромный район от военных потрясений». Он продолжал: «Если мы будем сломлены в борьбе, южноамериканским республикам придется иметь дело с заботами худшими, чем гул однодневной канонады со стороны моря. И у Вас тоже, сэр, очень скоро появилось бы больше прямых забот» [15]. Тем самым Черчилль совершено четко давал понять, что, во-первых, Великобритания в разворачивающейся войне будет действовать, исходя из своих национальных интересов, во-вторых, английские интересы не противоречат, а скорее соответствуют интересам США, и потому проникновение британских в трехсотмильную зону не должно приводить к разногласиям между Лондоном и Вашингтоном.

Впрочем, протест США скорее носил формальный характер, нежели являлся предупреждением Великобритании. ФДР вскоре после событий у реки Ла-Плата в разговоре с британским послом в Вашингтоне сетовал на то, что американское общество еще не осознало опасности, которые влечет за собой возможное поражение Англии и Франции [16].

Вместе с тем Черчилль чувствовал необходимость продемонстрировать особое отношение к Соединенным Штатам, понимание и уважение их интересов. 28 января 1940 года Черчилль по собственной инициативе отдал распоряжение флоту не задерживать для досмотра американские корабли в зоне боевых действий у британских островов, о чем не преминул телеграфировать президенту. Этот шаг был продиктован нарастающей волной недовольства в США. Раздражение бесцеремонными и неоправданными, по мнению американцев, действиями Королевского флота выразились в серии нот протеста врученных К. Хэллом в конце 1939 – начале 1940 года [17]. Невзирая на это, британские военные корабли в январе 1940 года задержали и отправили для досмотра в шотландский порт Кирквэлл американское судно «Мурмэксан», что привело к всплеску возмущения в американском обществе.

Стремясь нейтрализовать неблагоприятную реакцию, Черчилль поспешил освободить американские корабли от досмотра. Однако поскольку данный шаг был предпринят без предварительных консультаций с Военным Кабинетом, уже 30-го числа Черчилль сообщал Рузвельту: «Мне указали, что мои инструкции флоту могут выполняться только в случае принятия мер, обеспечивающих – еще до выхода судов Соединённых Штатов в море – уверенность в том, что они не перевозят вызывающих возражения грузов. Более того, в исключительных случаях, вероятно, будет необходимо задерживать суда Соединённых Штатов, если у нас будет достаточно оснований для подозрений в отношении их» [18]. Таким образом, решение Черчилля было исправлено, и обыск и задержка американских судов остались проблемой в англо-американских отношениях, о чем Рузвельт и сообщал Черчиллю: «… в США по этому вопросу высказывается много публичной критики. В целом здесь считают, что конечный выигрыш для вашего народа и для Франции вряд ли настолько велик, чтобы уравновесить неприятности, причиняемые нам» [19].

Между тем некоторые действия Белого Дома также вызывали раздражение Великобритании. Речь идет о поездке заместители госсекретаря Самнера Уэллеса в европейские столицы по поручению президента. Целью этой миссии был поиск возможностей для выработки формулы мира, исходящей от нейтралов и приемлемой для воюющих сторон.

Британское руководство в большинстве своем восприняло эту идею довольно негативно, ибо было убеждено, что подобные действия на руку Германии. Полагая, что разговоры о предстоящем большом наступлении немцев на Западе – это лишь часть «войны нервов», британское правительство считало необходимым проявлять твердость и не идти на уступки Германии. Миссия же Уэллеса могла породить ложные надежды, расколоть монолитную позицию союзников и, тем самым, ослабить их. Кроме того, Уайтхолл опасался, что миротворчество США обойдется Британской империи слишком дорого.

В силу этого визит американского представителя не получил поддержки в Лондоне. Просьба американского военного атташе в Лондоне предоставить Уэллесу информацию о британских экспедиционных силах была вежливо отклонена. Англичане согласились обсудить лишь отдельные частные пункты, касающиеся их вооруженных сил [20].

Черчилль неоднозначно отнесся к визиту С. Уэллеса. С одной стороны, он одобрил послания Чемберлена Рузвельту, в которых указывалось на возможные неблагоприятные последствия от европейского турне американского представителя [21]. С другой стороны, Черчилль понимал, что миссия Уэллеса – это сбор информации, которая будет внимательно анализироваться в Белом Доме и использоваться при выработке американской внешней политики. Поэтому Черчилль видел в прибытии Уэллеса в Лондон возможность оказать влияние на американское руководство и не преминул встретиться с последним. На заместителя госсекретаря Черчилль произвел самое благоприятное впечатление своей энергией, работоспособностью и инициативностью [22]. Во время беседы, которую Уэллес характеризовал как «запоминающуюся», Черчилль подчеркнул, что неизменной целью гитлеровской Германии является достижение превосходства путем военных завоеваний. Он указывал и на то, что эта цель угрожает безопасности не только Британской империи, но и США и что избавиться от этой опасности можно, лишь разгромив нацизм и взяв под контроль политику Германии в Европе и мире [23]. И хотя это прямо не прозвучало, основой рассуждений Черчилля была мысль о том, что, поскольку Германия являет собой общую опасность для Великобритании и США, то борьба против нее должна стать общим делом.

Говоря о событиях зимы 1939-1940 года следует упомянуть и о событии, вызвавшем большой резонанс как в английском, так и в американском обществе – советско-финской войне. Нападение СССР на Финляндию было встречено с возмущением в Великобритании, Франции и, к удовлетворению Черчилля, «еще более неистово в США» [24]. Во всех этих странах и без того весьма прохладное отношение к СССР нисколько не улучшилось за последние месяцы 1939 года, поэтому с началом «зимней войны» Великобритания, США и Франция оказались едины в своем неприятии советских действий. Во всех трех странах стали формироваться отряды добровольцев для помощи финской армии. Многие американские волонтеры, в частности летчики, прибывшие в Европу и не успевшие повоевать в Финляндии, затем принимали участие в боевых действиях во Франции и в «Битве за Англию», положив начало непосредственному боевому сотрудничеству англичан и американцев во второй мировой войне.

Однако более важным было то, что советско-финская война изменила взгляд американцев на войну союзников против Германии. Как сообщал Лотиан, советская атака своего северного соседа «глубоко взволновала американскую общественность» и развеяла еще имевшееся у части американской публики убеждение, что война с Германией – это лишь война между «британским и германским империализмом», усилив мнение, что это борьба между свободой и тоталитаризмом [25].

Установившееся после разгрома Польши затишье оказалось затишьем перед бурей. Ночью 9 апреля 1940 года германские войска начали вторжение в Норвегию и Данию. По иронии судьбы, 8 апреля в то же самое время, когда германские транспортные корабли направлялись к пунктам высадки, корабли флота Великобритании проводили операцию по минированию норвежских территориальных вод с целью перекрыть морской путь из Германии в Скандинавию. Инициатором этого плана, разрабатывавшегося с сентября 1939 года, был Черчилль. Особое внимание при планировании операции Черчилль уделил реакции США, ибо предполагаемые действия Королевского флота являлись нарушением нейтралитета Норвегии. Первый лорд надеялся на одобрительную реакцию со стороны Белого Дома, так как подобные действия Великобритании уже получали поддержку американцев в первой мировой войне, а также потому, что англичане «сражаются за восстановление верховенства закона и защиту свободы малых стран» [26].

Стремясь получить более четкую информацию о позиции американской администрации, Черчилль в декабре 1939 года просил американского посла Д. Кеннеди выяснить отношение ФДР к таким возможным действиям Великобритании, как оккупация Нарвика и Гялливарских рудников в Швеции, захват порта Лулеа и отправка флота на Балтику [27].

Ответ Кеннеди гласил, что президент не желает консультироваться по этому вопросу. Черчилль в послании Лотиану оценил это как признак того, что «в США не возникнет крупных неприятностей» в результате английских действий [28]. Однако остальные члены Военного Кабинета не считали, что проблем с США не возникнет, и это было одной из многочисленных причин, по которым Кабинет не торопился с санкционированием каких-либо действий по отношению к Норвегии до апреля 1940 года, хотя планы и силы для высадки десанта в Норвегии у Великобритании имелись.

Известие о беспрепятственном переходе немецких военно-транспортных судов через Северное и Норвежское моря, вплоть до Нарвика, очень многих привело в замешательство. Среди тех, кто хотел бы знать, «где был Королевский флот, когда немцы вторгались», был и американский президент. По воспоминаниям Моргентау, ФДР уже в середине марта довольно пессимистично смотрел на европейские дела, поэтому известие о норвежских событиях было для него удручающим и вызывало сомнение в решимости и способности англичан сражаться [29]. Британское правительство, придя в себя после стремительных действий немцев, предприняло ответные действия силами флота. В середине апреля английский десант высадился в нескольких пунктах на побережье Норвегии. Тем самым англичане стремились не дать немцам возможности закрепиться в Скандинавии, повысить моральный дух британской армии и общества, а также продемонстрировать миру, и в частности Со-

единенным Штатам, свою способность сражаться с вермахтом.

Апрельские события в Норвегии повлияли и на американское общественное мнение. 29 апреля 1940 года лорд Лотиан сообщал, что германское вторжение в Норвегию и Данию «оказало глубокое воздействие на американское мнение» и «оживило старое ощущение, что раньше или позже американцы будут втянуты в войну» [30], хотя желания воевать у американцев и не прибавилось.

Однако события в Норвегии и Дании оказались лишь прелюдией гораздо более масштабным и драматическим событиям. «Наступило утро 10 мая, а вместе с ним пришли важнейшие события», – писал впоследствии Черчилль. В этот день германские вооруженные силы начали давно планируемое вторжение в Бельгию, Нидерланды, Люксембург и Францию. Вместе с тем германские войска нанесли не только первый удар на Западном фронте, но и решающий удар по политике Чемберлена. Его концепция войны рухнула, а вместе с ней разрушилась линия по отношению к США. Ограниченное сотрудничество с США могло быть уместным в условиях ограниченной военной компании, которую можно было наблюдать до мая 1940 года. Однако ее стремительная трансформация в полномасштабную войну потребовала нового видения ситуации и новых подходов к «величайшему из нейтралов».

Носителем такого подхода был Черчилль, уже с сентября 1939 года нацелившийся на активное привлечение США к разворачивавшейся войне. В то же время, прослеживая деятельность Черчилля в данный период можно заметить, что его действия в этом направлении носили ограниченный характер. Такую сдержанность можно объяснить несколькими причинами.

Войдя в состав правительства, Черчилль, несмотря на имевшиеся ранее разногласия с Чемберленом, занял совершенно лояльную позицию по отношению к премьер-министру, не считая возможным в тот момент «раскачивать лодку». Поэтому он стремился не допустить никаких действий, выходящих за рамки официального курса. Кроме того, пост и личные отношения с Чемберленом не позволяли Черчиллю оказывать решающее влияние на внешнеполитический курс Великобритании.

Стремительная активизация англо-американских отношений была в это время также и тактически нецелесообразна, поскольку у Черчилля не было достаточной информации о позиции и намерениях американского руководства, поэтому необходимо было провести «разведку» обстановки. Кроме того, Черчилль помнил об опыте англо-американских отношений межвоенных десятилетий и учитывал существовавший в английском обществе скепсис по вопросу о цене американской помощи.

Нельзя забывать и то, что Великобритания в рассматриваемый период обладала «континентальной шпагой» в лице Франции, чья армия считалась достаточно мощной. Черчилль подобно многим другим военным и политическим деятелям, в том числе и на британских островах, считал Францию силой, вполне способной противостоять германской армии [31].

Рассматривая деятельность Черчилля в период «странной войны», следует учитывать, что он встал во главе ведомства, которое, в отличие от многих других, сразу оказалось причастным к боевым действиям. По этой причине он с первых дней войны столкнулся с необходимостью решения огромного количества вопросов как оперативного, так и стратегического характера, что поглощало бо́льшую часть его энергии.

Все эти факторы и привели к тому, что Черчилль, обладая иным, по сравнению с Чемберленом, видением перспективы англо-американских отношений, не проявил заметной активности в деле развития сотрудничества с Вашингтоном в период «мнимой войны». Момент для форсирования англо-американских отношений ещё не наступил.

«Странная война» не привела к серьёзным изменениям в концепции англо-американских отношений Черчилля. Это было не удивительно, так как с сентября 1939 по май 1940 года не произошло принципиальных изменений в положении Великобритании. Вместе с тем этот период отнюдь не прошёл впустую с точки зрения эволюции его взглядов. В это время началось привлечение Черчилля к практическому взаимодействию Великобритании и США, что способствовало в дальнейшем быстрому повороту английской «американской» политики и началу процесса практического воплощения идеи англо-американского альянса.

Примечания

1. Через неделю после объявления войны Великобританией он писал сестре в США, что мир будет возможен лишь после крушения Гитлера и его системы, однако произойти это должно было не в результате военной победы, в возможности которой Чемберлен сомневался, а в результате крушения германского «внутреннего фронта». Для этого нужно было убеждить немцев в невозможности их победы, что требовало проявления твердости, усиления экономического давления и наращивания военной мощи. См.: *Reynolds, D.* Creation of the Anglo-American Alliance, 1937-1941: A study in competitive co-operative. P. 74. (Далее: *Reynolds, D.* Creation…)
2. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939 Vol. 1. P. 675. Когда через месяц у Великобритании появится возможность приобретать американскую военную продукцию, Чемберлен не начнет производить закупки, а лишь повторит тезис об ослаблении германского духа в результате этого шага.
3. *Reynolds, D.* Creation… P. 75.
4. Ibid. P. 78, 79.
5. Ibid. P. 76, 88
6. Примечательно, что на складывание такой позиции в немалой степени повлиял все тот же факт скудности британских финансов, о котором казначейство оповестило кабинет уже через неделю после начала войны. См.: *Дейтон Л.* Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. М., 2000, С. 193.
7. *Manchester, W.R.* The last lion, W.S. Churchill. Vol. 2. 1932 – 1940. Boston; Toronto; London: Little, Braun&Co, 1988. P. 548.
8. Documents on British foreign policy 1919-1939. Vol. 6 / Ed. by L.Woodward, London, 1953. P. 297.
9. *Gilbert, M.* Winston S. Churchill.Vol. 6. Boston, 1983. P. 33.
10. Ibid. P. 54; *Manchester, W.R.* The last lion... P. 549.
11. *Reynolds, D.* Creation…. P. 87.
12. Второе послание президенту также было связано с военно-морскими делами. В нём Черчилль пытался нейтрализовать негативное впечатление, вызванное недавним потоплением германской субмариной U47 английского линкора «Ройал оук» на основной базе метрополии Скапа – Флоу. Комментируя это событие, Черчилль писал, что оно «никоим образом не повлияет на баланс морских сил». Зная об интересе Рузвельта к военно-морским историям, Черчилль обещал прислать ему более подробный отчет о случившемся. См.: Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 1. / Ed. W. Kimball. Princenton, 1984. P. 27.
13. *Woodward, L.* British foreign policy in the Second World War. Vol. 1. London, 1970. P. 160.
14. Complete Correspondence P. 26-27.
15. Ibid. P. 29.
16. *Lash, J.* Roosevelt and Churchill 1939-1941. The partnership that saved the west. N.Y., 1976. P. 69.
17. *Hull, C.* The Memories of Cordell Hull. Vol. 1. N.Y., 1949. P. 733.
18. Complete Correspondence. P. 33.
19. Complete Correspondence. P. 34.
20. *Woodward, L.* Op. cit. Vol. 1. P. 167.
21. *Lash, J.* Op. cit. P. 88.
22. *Welles, S.* The time for decision. N.Y.; L.: Harper&Brothers, 1948. P. 133.
23. *Welles, S.* Op. cit. P. 133-134.
24. *Churchill, W.S.* Op. cit. P. 485.
25. *Woodward, L.* British foreign policy in the Second World War. Vol.1. P. 164.
26. *Gilbert, M.* Winston S. Churchill.Vol. 6.P. 106.
27. Ibid. P. 112.
28. Ibid. P. 112.
29. *Morgenthau, H.* From the Morgenthau diaries. Boston: Comp. by J.M. Blum, 1965. Vol. 2. P. 132-159.
30. *Woodward, L.* Op. cit. Vol. 1. P. 171.
31. В конце августа 1939 года Черчилль заявил генералу Жоржу, что Франция – «хозяин положения». Впрочем, Черчилль уже тогда отметил полное отсутствие воинственного духа у французов и их полное примирение с ролью обороняющейся стороны: «Теперь это была Франция, совершенно отличная от той, которая набросилась на своего старинного врага в августе 1914 года. Дух реванша иссяк в результате победы. Вожди, вселявшие его, давно умерли». См.: *Churchill, W.S.* Second World War. Boston, 1985. Vol. 1. P. 357, 343-344, 425.

А.А. Костин

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ЮГОСЛАВИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США В 1943-1945 гг.

В статье исследуется политика США в отношении послевоенного государственного устройства Югославии в период 1943-1945 гг. Представлен анализ различных точек зрения в американском руководстве в связи с возможностью объединения этой балканской страны с другими государствами, а также по вопросу сохранения самой югославской федерации. Рассматривается американская реакция на действия Лондона, Москвы и Белграда. Исследуется роль советского фактора в югославской политике США, влияние идеологических пристрастий на принятие решений внешнеполитическим ведомством.

Из множества проблем послевоенного устройства, в процессе решения которых обозначился раскол антигитлеровской коалиции на два враждебных лагеря, особое место занимали вопросы определения государственного устройства и границ европейских стран в послевоенную эпоху. Наиболее сложными в этом плане для американской дипломатии стали трудности, связанные с Югославией. Необходимо отметить, что во время войны планы слияния двух или более суверенных государств нередко инициировались извне, другими странами в их собственных интересах. Примером тому служит предложение Англии о «будущем Польши, Дунайских и Балканских стран, включая вопрос конфедераций», сделанное на Московской конференции министров иностранных дел [1].

Создание Балканской конфедерации, замышляемое Англией в контексте широкого послевоенного федерирования, активно поддерживалось югославским королем Петром II и его эмигрантским кабинетом. Конфедерация позволяла югославской эмиграции прекратить пограничные споры. Объединение Югославии, Греции и Болгарии решало вопрос о судьбе Македонии, разделенной в результате I и II Балканских войн; тесный союз с Албанией решал косовскую проблему. Позиция главы югославских партизан И.Б. Тито была иной: он не был заинтересован в создании конфедерации, где Югославия оказалась бы всего лишь одним из членов. Новый югославский лидер стремился к созданию федерации, под которой понимал включение некоторых соседних государств в Югославию, и так уже объединявшую несколько балканских народов [2].

Во время Московской конференции 1943 года помехой для создания конфедерации стал внешний фактор. Английские предложения встретили совместный

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ВятГГУ
© А.А. Костин, 2003

отпор со стороны советской и американской делегаций. Во время обсуждения вопроса на 8-м заседании 26 октября государственный секретарь К. Хэлл согласился с заявлением В.М. Молотова, что «образование такого рода федераций решениями эмигрантских правительств, которые в силу своего особого положения не могут быть достаточно крепко связаны со своими народами, может быть воспринято как навязывание народам решений, не соответствующих их желаниям» [3].

Солидарность с Молотовым в данном вопросе вытекала из особой позиции Хэлла, не желавшего преждевременного послевоенного урегулирования в Европе. Призывы к созданию таких конфедераций эмигрантскими правительствами под эгидой Лондона были своего рода попыткой англичан воссоздать в Восточной и Юго-Восточной Европе «санитарный кордон» против большевистской России, что укладывалось в рамки установления сфер влияния, последовательным противником которого был американский госсекретарь. Кордэлл Хэлл на основе личного анализа ситуации, сложившейся накануне первой мировой войны, считал, что федерации или конфедерации наций, организованные под предлогом их защиты, на деле являются альянсами, основная идея которых баланс сил. В результате он сформировал стойкое убеждение, что противовесом таких объединений государств должна стать широкая ассоциация наций, сообща решающих локальные проблемы [4].

Не все члены американской делегации на Московской конференции разделяли мнение Хэлла. Иную позицию занимал посол в СССР А. Гарриман, который позже вспоминал: «…собственное переосмысление европейской ситуации в двадцатые годы вело меня к полному согласию с Иденом». По словам американского посла, «Хэлл не выразил никакого мнения», и, «к сожалению, никакого решения не было принято» [5].

За отказом Молотова обсуждать проблему федерации Гарриман видел первое проявление попыток установления советской гегемонии: «Сталин стремился сохранить раздробленную Европу, чтобы там не было никаких других сильных стран, кроме Советского Союза. Русские были нацелены на управление меньшими странами, считая, что легче всего они смогут это делать, если маленькие государства останутся обособленными». Подтверждение своего мнения Гарриман получил «сразу после окончания войны, когда Сталин осудил и эффективно блокировал попытки маршала Тито и Георгия Димитрова сформировать Балканскую федерацию на основе объединения Югославии и Болгарии» [6].

Советская позиция не была статичной, она изменялась в зависимости от ситуации. На Московской конференции причиной неприятия Молотовым идеи создания федераций в Восточной и Юго-Восточной Европе было сопротивление английским попыткам восстановления «санитарного кордона» против СССР. После войны противодействие Сталина созданию единой югославо-болгарской государственности было вызвано стремлением Тито трансформировать дуалистический характер союза с равным статусом обеих стран в фактическое включение Болгарии в Югославию в качестве седьмой федеральной единицы. Но в начале 1945 года, когда партизанский лидер еще не проявил своих державных амбиций, а Лондон уже не мог построить стену между Советским Союзом и западным миром из восточноевропейских стран, Москва поддержала создание Балканской федерации.

К началу 1945 года в глазах Вашингтона англичане и русские фактически поменялись местами. Ситуация изменилась, и американская дипломатия это учитывала. В январе 1945 года заместитель главы Отдела по делам южной Европы Клойс Хастон выразил несогласие с возможным югославо-болгарским объединением, считая, что союз Югославии и Болгарии усилит советское влияние и вызовет доминирование СССР над другими балканскими странами [7].

Во время ялтинской конференции на заседании министров иностранных дел 10 февраля Энтони Иден представил английскую позицию, приведя доводы против советских пожеланий о создании югославо-болгарской федерации. Эдвард Стеттиниус, ставший к тому моменту государственным секретарем, согласился с аргументом главы форин офиса, заявив, что до подписания мирного договора бывшие вражеские государства, каким была Болгария, не могут свободно выражать свою волю и заключать союзы с другими государствами. Но государственный секретарь не стал играть роль активного помощника английского министра.

Стеттиниус предложил перенести обсуждение этого вопроса в Москву, доверив подготовку решения Молотову и союзным послам Гарриману и Керру. Глава советского Наркомата иностранных дел попытался достичь английского согласия и предложил рассмотреть тему югославо-болгарского союза повторно на следующий день. На это американский секретарь возразил, что «президент Рузвельт просил сделать все возможное, чтобы ускорить окончание конференции», так как «его личного внимания требуют неотложные проблемы в Вашингтоне, а он и так уже задержался слишком долго. Если конференция вскоре не закончится, президент не сможет участвовать в ее завершении» [8].

Стеттиниус настоял, чтобы спор был улажен в Москве. По словам критика политики ФДР и его администрации Джима Бишопа, «Стеттиниус мало интересовался Югославией», что было «воплощением характера всей Ялтинской конференции» [9]. Вряд ли это так. Позицию главы департамента можно объяснить лишь как проявление намерения американской дипломатии демонстративно придерживаться принципа невмешательства в дела европейских государств до завершения военных действий.

Государственный секретарь не желал придавать решению, в случае его достижения, статус постановления лидеров союзных правительств. Подобные вопросы, по его мнению, следовало решать после победы. Как бы то ни было, США в конце войны и в ходе послевоенного урегулирования противостояли любым попыткам создания федераций в Юго-Восточной Европе.

Тема национально-государственного федерирования рассматривалась не только как объединение Югославии с соседними государствами. Исследованию подвергался и иной аспект – сохранение самой федерации южнославянских народов. Особое место занимала проблема сосуществования двух основных народностей, сербской и хорватской, в рамках одного государства. До начала Московской конференции специалисты государственного департамента по Восточной и Южной Европе высказывались в пользу сохранения единой Югославии, исходя не только из международных, но и из внутриполитических соображений. Об этом свидетельствуют меморандумы Кавендиша Кэннона главе Отдела по европейским делам Рэю Атертону и советнику государственного секретаря по политическим отношениям Джеймсу Данну от 25 июня и 6 августа 1942 года, заместителю госсекретаря Самнеру Уэллесу от 17 мая 1943 года, а также меморандум Данна и специалиста по ближневосточным делам Фоя Колера президенту Рузвельту от 24 сентября 1943 года.

Все они предупреждали, что конфликт между Михайловичем и Тито, на деле являвшийся проявлением давнего противостояния сербов и хорватов, грозил нанести ущерб американскому национальному единству поляризацией американцев сербского и хорватского происхождения. Поэтому Кэннон и его коллеги считали необходимым придерживаться осторожного, предусмотрительного курса в дискуссиях о выборе между сохранением федерации и созданием независимых сербского и хорватского государств [10].

Но отношение руководителей внешнеполитического ведомства к федеративному устройству Югославии расходилось с личным мнением президента Рузвельта. Во время визита Идена в Вашингтон в марте 1943 года ФДР выразил мнение, что абсурдно заставлять хорватов и сербов продолжать жить вместе как единую нацию. Он покровительствовал сторонникам создания независимой Сербии и передачи хорватов под международную опеку [11].

В сентябре в беседе с архиепископом Спеллманом президент заявил о несогласии с восстановлением довоенной Югославии и высказывался в пользу независимости хорватского и словенского государств. Хотя вполне возможно, что президент просто пытался поддержать Спеллмана, сочувствовавшего этим католическим народам, жившим в стране, где доминируют сербы – православные [12].

3 декабря 1943 года Рузвельт конфиденциально сказал американскому послу в Греции Л. Маквею, что он считает Югославию искусственным созданием, возможное будущее которого заключается в потере федерацией ее составных частей. Во время визита югославского короля в США президент спросил Петра II, кем он предпочитает быть – «королем Сербии и иметь по крайней мере спокойную жизнь, или королем Югославии и ничего не иметь?» Петр ответил: «Я серб, но в первую очередь я король Югославии» [13].

Позиция Рузвельта свидетельствовала о его стремлении прекратить национальные столкновения и тем самым исключить любые поводы для новых вооруженных конфликтов на Балканах после войны. Кроме того, создание независимых хорватского и сербского государств давало, по его мнению, югославскому королю возможность сохранить свою власть хотя бы в исконных землях своего королевства. В этом случае Лондон мог восстановить влияние только в Сербии. Москва, благодаря победе Тито, могла добиться контроля лишь над Хорватией. В результате позиции обоих государств на юго-востоке Европы были бы уравновешены.

Постепенно сомнения Рузвельта в возможности установления настоящего равноправия южнославянских народов в рамках единой югославской федерации воспринял государственный департамент. Это демонстрируют слова Самнера Уэллеса: «Мы долгое время считали Югославию гомогенной по существу, это, конечно, совсем не так. В период между мировыми войнами сербы доминировали над хорватами и словенцами, и никто из последних не добился хоть какой-нибудь реальной автономии к началу войны. Федеративное королевство существовало исключительно на словах.

Обида была столь велика, что большое количество хорватского и словенского населения отказалось даже пальцем шевельнуть в помощь сербскому правительству генерала Симовича, сопротивлявшемуся германскому вторжению. По этой же причине хорватский лидер Мачек согласился войти в состав того правительства с большой неохотой… После войны между четниками и партизанами арест генерала Михайловича, его так называемый суд и казнь, – все было обусловлено тем фактом, что Михайлович был сербом, а сторонники Тито в основном хорваты и словенцы» [14].

Бывший заместитель государственного секретаря, конечно, преувеличивает значение национального фактора в противостоянии партизан и четников, абсолютизируя этническую однородность того или иного движения и не учитывая других, более важных причин, обусловивших начало столкновений между Тито и Михайловичем. Тем не менее на наличие глубокого конфликта между основными субъектами югославской федерации было указано вполне справедливо. Даже спустя полстолетия бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер писал: «Югославия находится на линии разлома европейской истории, которая разделила Западную и Восточную Римские империи, католическую и православную рели-

гии, латинский алфавит и кириллицу, – линии разлома между Хорватией и Сербией, которые в истории никогда раньше не были связаны политическим союзом. Расплатой за это стала кровавая гражданская война, наступившая в 1941 и возобновившаяся в 1991 г.» [15]

Как бы то ни было, 8 декабря 1943 года заместитель югославского министра иностранных дел Илья Юкич передал письмо от эмигрантского королевского правительства, адресованное президенту. В нем была выражена приверженность принципу федеративного устройства южнославянского государства, который накануне был также провозглашен партизанами на II съезде АВНОЮ. Глава Белого дома одобрил идею, которой придерживались обе югославские группировки [16]. В любом случае победа полиэтнического движения, возглавляемого Тито, сделала подобные размышления о сохранении единой Югославии или ее распаде на однонациональные государства бессмысленными.

Отношение Соединенных Штатов к вопросам определения форм государственного устройства в рамках послевоенного урегулирования в Европе было следствием многих факторов. Большое значение имел учет возможной реакции представителей балканских национальностей, проживающих в США. Не последнее место занимала основополагающая идея всей внешней политики администрации Рузвельта – соблюдение суверенитета наций и обеспечение гарантий для их самоопределения. Риторические заявления президента на эту тему преследовали конкретную политическую цель – оттягивание решения всех невоенных вопросов, в том числе об образовании федераций, до момента победы над противником, когда, благодаря использованию огромного экономического потенциала, появлялись наиболее благоприятные условия для реализации американских интересов. Кредитование своих ослабленных войной союзников позволяло США оказывать давление на Великобританию и СССР. Наличие экономических рычагов давало Вашингтону политические преимущества.

В 1943 году американцы воспротивились английским попыткам восстановления из стран Восточной и Юго-Восточной Европы «санитарного кордона», ориентированного на Лондон. В начале 1945 года определенным фактором при разрешении территориальных вопросов стала необходимость противостояния установлению советского контроля на Балканах. Любые вопросы федерирования в Юго-Восточной Европе стали рассматриваться с точки зрения недопущения дальнейшего усиления Москвы. Вашингтон играл на противоречиях своих союзников, затягивая решение вопроса до окончания войны. Американская позиция препятствовала вначале Черчиллю, затем Сталину и, наконец, Тито добиться создания на Балканах крупного государственного образования для усиления английского, советского или югославского влияния.

Все заявления Вашингтона о необходимости создания самостоятельных сербского и хорватского государств наталкивались на позиции нового премьер-министра Иосипа Броз Тито, который выступил за сохранение югославской федерации. Тем не менее слова президента Рузвельта о неизбежной потере югославской федерацией своих составных частей оказались пророческими и определили американскую политику на Балканах в 90-е годы XX века.

Примечания

1. Советский Союз на международных конференциях в период Великой Отечественной войны, 1941-1945: Сб. документов: В 6 т. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 48-49, 70-71.

2. Подробнее см.: *Гибианский Л.Я.* Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11-12. С. 38-56.

3. Московская конференция… С. 194-195; *Hull, C.* The Memoirs of Cordell Hull: In 2 vols. Vol. II. N.Y., 1948. P. 1298.

4. *Hull, C.* Op. cit. Vol. I. P. 86.

5. *Harriman, W.A., Abel, E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941-1946. N.Y., 1975. P. 244.

6. Ibid. P. 244-245.

7. *De Santis, H.* The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933-1947. Chicago, 1980. P. 149.

8. *Stettinius, E.* Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. N.Y., 1949. P. 256-258, 295; *King F.P.* The New Internationalism. Allied Policy and the European Peace, 1939-1945. L., 1973. P. 183.

9. *Bishop, J.* FDR's Last Year: April 1945. N.Y., 1974. P. 393.

10. *De Santis, H.* Op. cit. P. 98-99.

11. *Neumann, W.* After Victory: Churchill, Roosevelt, Stalin and the Making the Peace. N.Y., 1967. P. 101; *Feis, H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1967. P. 9.

12. *Kovrig, B.* The Myth of Liberation. East-Central Europe in United States Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore, 1973. P. 23, 300-301.

13. Ambassador MacVeagh Reports: Greece, 1933-1947. Princeton, 1980. P. 397.

14. *Welles, S.* Where Are We Heading? N.Y., 1946. P. 155.

15. *Kissinger, H.* Diplomacy. N.Y., 1994. P. 240-241.

16. Ambassador MacVeagh Reports… P. 403.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Н.М. Валеев

К.И. НЕВОСТРУЕВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИОГРАФ ГОРОДА ЕЛАБУГИ (к 130-летию со дня смерти)

Статья посвящена уроженцу Елабуги, филологу, историку и краеведу К.И. Невоструеву. Большое внимание уделено переписке Невоструева со своими земляками – живописцем И.И. Шишкиным и археологом П.С. Савельевым.

В составленном нами списке «Выдающиеся люди на елабужской земле» более 100 имен. Десятки из них достойны обстоятельного изучения и известности.

В данное время в контекст русской и мировой культуры постепенно вошел и стал его частицей замечательный елабужанин – Дмитрий Иванович Стахеев (1840-1918) – безусловно, несправедливо забытый классик русской литературы уровня А.Ф. Писемского и И.А. Гончарова, автор 20 книг, изданных в Санкт-Петербурге в 1867-1903 годах, всю жизнь посвятивший служению русской литературе и культуре.

Процесс «воскрешения» его имени не был простым и быстрым. Без малого 20 лет ушло на десятки публикаций о писателе в периодике, научных сборниках, на издание избранных сочинений, а также на написание брошюр и монографий о нем. Была череда выступлений на центральном и республиканском телевидении и радио, на международных, всероссийских, региональных, межвузовских научных конференциях, а также трудоемкая, кропотливая работа в крупнейших архивах страны, где хранились документы, письма Д.И. Стахеева.

В 1996 году в Институте мировой литературы Российской академии наук в Москве автором настоящей статьи была защищена докторская диссертация по творчеству писателя. После этого в России написано и защищено 5 кандидатских диссертаций по этой тематике. Имя писателя вышло за рамки сугубо научных кругов и стало известно широкому читателю, особенно в республике Татарстан, где купеческая династия Стахеевых занималась масштабной благотворительной деятельностью.

Другой, еще более именитый уроженец Елабуги – Капитон Иванович Невоструев (1815-1872), член-корреспондент Императорской (Российской) академии наук (1861), профессор богословия Московской духовной семинарии, член Сербского ученого общества в Белграде и Югославянской (Хорватской) академии в Загребе (1870). В 1867 году за огромную работу по описанию древних славянских рукописей, хранившихся в Московской синодальной библиотеке, работу-подвиг, он был удостоен первой Ломоносовской премии Академии наук. Трудно даже представить себе объем работы, выполненный одним ученым: шесть томов «Описания», каждый в среднем по 700 страниц, для создания которых потребовались знания по меньшей мере 6-7 древних и европейских языков (древнегреческого, древнееврейского, церковнославянского, английского, немецкого, французского и др.), полное самоотречение от семейных и мирских интересов, подвижническое служение науке. 23 года прожил Капитон Иванович в Чудовом монастыре, располагавшемся на территории Московского кремля, где находилась Синодальная библиотека, и лишь два раза за эти годы сумел получить полуторамесячный отпуск. При этом необходимо отметить, что второй отпуск летом 1870 года он провел на своей малой родине, в Елабуге, где вместе с И.В. Шишкиным занимался раскопками Ананьинского могильника (VIII-III вв. до н.э.) и Булгарского городища IX-X веков, а также просмотрел в местном архиве документы XVI-XVIII веков, часть которых вывез в Москву, благодаря чему они сохранились в архиве ученого и по сей день.

Кроме «Описания…» Невоструев написал сотни статей, десятки книг и научных монографий по древней истории Казанской, Вятской, Симбирской и Самарской губерний, по церковной истории и истории родного края, ставших в настоящее время библиографической редкостью (за 20 лет поисков я ни разу не встретил их в букинистических магазинах страны). Подробнее об этом можно прочитать в нашей книге «Гармония культур» [1].

Цель данной статьи – ознакомить всех интересующихся с двумя замечательными письмами ученого, обнаруженными автором статьи совсем недавно в отделе рукописей Российской национальной библиоте-

ВАЛЕЕВ Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Татарстана, ректор Елабужского государственного педагогического института
© Н.М. Валеев, 2003

ки в Санкт-Петербурге и, естественно, никогда не публиковавшимися. Речь идет о письмах И.И. Шишкину и П.С. Савельеву.

Основная часть переписки К.И. Невоструева с И.И. и И.В. Шишкиными была включена в вышеназванную работу и снабжена комментарием. Данные же письма представляют не меньший интерес, так как речь в них идет о древних памятниках, с детства известных каждому елабужанину и многим гостям города: Булгарском (Чертовом) городище и Ананьинском могильнике. Об этих памятниках Невоструев написал три работы, опубликованные в Москве в Синодальной типографии в 1871 году: «Елабужские древности», «О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской», «Ананьинский могильник близ Елабуги».

25 июля 1855 года Капитон Иванович пишет в Елабугу Ивану Ивановичу Шишкину, будущему великому пейзажисту, а пока 22-летнему ученику Московского училища живописи и ваяния, уехавшему на летние каникулы домой:

«Милостивый Государь, Почтеннейший земляк Иван Иванович!

Ждал я ждал милости Вашей к себе всю зиму и весну и лето, – тщетно. Сбирался и сам побывать у Вас, да квартиры не знал. Наконец, не так давно, зашел я спросить о квартире Вашей в Училище живописи, и, к сожалению, узнал, что Вы уже уехали на родину. А какой было я поклон-то Елабуге приготовил!

Пред поездом хотелось также мне покорнейше попросить Вас о том, о чем прежде мы говорили, а теперь пишу Вам. Заклинаю Вас, Иван Иванович, священною родиною и всею былью ея: благоволите снять вид Чертова Городища и находящихся на нем развалин, пояснив рисунок кратким описанием их, т.е. какой имеет вид и высоту город, из чего и как построены были здания, какой меры и пр. Весьма бы хорошо было вид Городища и развалин представить в связи с величественной Камой, с крутыми откосами и скалами горы или сельским под нею ландшафтом – и дубы, и луг, и реку. А вдали, если совместно, представил бы город. В противном же случае не будет ли расположения Вашего представить город в особом виде или отдельно соборы его, или же икону Спасову? Что Вы поусердствуете снять, это думаю я приложить к предпринимаемому мною описанию древностей гор. Елабуги, которые при Вашем виде получат несравненно большую ясность и цену у современников и потомства. Не попадает ли Вам и прежних изображений Чертова Городища в Дневных записках Рычкова, изд. В 1770-х годах, и в заволжском муравье за 1834 г. № 6 в Замечаниях (Ердмана) при путешествии по Оренбургской губернии? И это бы скопировать, так чтоб в издании настоящий вид Городища представлен был в параллели с прежним.

За сим при желании Вам на родине совершенного от трудов отдохновения, полной радости и утешения и доброго возвращения в белокаменную с истинным почтением честь имею быть

Ваш покорный слуга,
проф. Капитон Невоструев.
1855 г. Июля 25

P.S. Ради Бога просьбою не отяготитесь и ради пользы общей и родины о ней потщитесь, Иван Иванович» [2].

Из письма становится очевидным, что собеседники и раньше общались, а темой, естественно, была малая родина. Заключительное заклинание не отяготиться просьбою и ради общей и родины пользы нарисовать вид городища очень показателен. Ученый дает варианты картины: панорама города, природы, древнего памятника. Он уже давно не был в Елабуге, но она у него перед глазами. Вот как в письме И.И. Шишкина от 13 января 1856 года отразились впечатления этих встреч с известным земляком:

«…Я, пользуясь свободным временем, начал писать вид Елабуги Капитону Ивановичу, который очень желает этого. Писавши Елабугу, я мысленно переносился туда… Потом окна залы напоминают, как, бывало, мы с вами, тятенька, рассуждали о башне Чертова городища и читали записки отца Петра… одним словом, вся Елабуга и обитатели ее у меня перед глазами…

На прошлой неделе был у меня маститый профессор Капитон Иванович, удостоил посещением своим жилище ученика-художника, за что его благодарю и радуюсь чести, которую он мне сделал» [3].

Шишкин из Училища переходит в Петербургскую академию художеств, очень переживает, как-то встретит его северная столица?! И поэтому в следующем письме с радостью отмечает: «…Вчерась был окончательно у Капитона Ивановича, он мне дал письма 3 рекомендательных к людям такого же поприща, как и он сам, – что очень приятно и даже полезно» [4]. Участие в судьбе молодого художника, близкого и по творчеству, и по землячеству, и вообще по человеколюбию, дополнительно характеризует Невоструева-гуманиста. Родину свою он помнил всегда и хлопотал повсюду о ее более полном познании. О своей последней поездке он обстоятельно рассказал в письме от 29 октября 1870 года епископу-миссионеру Дионисию (Д.В. Хитрову): «В Елабугу, где находится родной брат мой священником, тем не менее я ездил для археологических целей! И поездка увенчалась большим или меньшим успехом. Кроме осмотра развалин, собрал я там документальные известия о последующей судьбе бывшего близ Елабуги на крутом берегу Камы городища Булгарского (называемого теперь Чертовым), относящегося к веку X или XI, по всей вероятности, славного в древности города Бряхимова, разоренного в 1164 году Андреем Боголюбским. Но более влек

меня и порадовал открытиями близ Елабуги же находящийся "Ананьин Могильник", по моим же письмам и стараниям недавно раскрытый, хотя отчасти. Оказывается, что это было место погребения задолго еще до Рождества Христова живших здесь, вероятно, большим городом скифов» [5]. В преддверии 1000-летия города Елабуги свидетельство великого елабужанина, всю жизнь проработавшего в лучших архивах и книгохранилищах страны, чрезвычайно важно. Даже непосвященному понятно, что разрушенный в 1164 году город не мог возникнуть перед самым разорением, естественно, что у него уже была своя история. Важными являются и высказывания Капитона Ивановича об Ананьинском могильнике, который был открыт благодаря его глубокой научной интуиции. В связи с вышеизложенным станет понятной радость автора статьи, когда ему удалось разыскать письмо Невоструева от 18 июня 1857 года к Павлу Степановичу Савельеву (1814-1859), известному археологу, секретарю Императорского археологического общества в Петербурге, в котором Невоструев растолковывает собеседнику, далекому от темы, что такое Булгарское городище и Ананьинский могильник и вообще Елабуга.

«Ваше Высокородие, Милостивый государь, Павел Стефанович!

Не имея чести знать Вас лично, но зная и глубоко почитая Вас по обширным сведениям и знаниям во всех отраслях отечественной археологии, осмеливаюсь прибегнуть к Вам по сей же части с покорнейшею моею просьбою Вашему вразумления и помощи.

Давно собирал я по рукописям, печатным книгам и другим попадающимся памятникам сведения о моей родине, Вятской губернии, об уездном городе Елабуге, входившем некогда в состав царства Казанского и, как думаю, еще ранее – Камско-Болгарского. Чрез корреспондента моего, елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, человека весьма любознательного, начитанного, опытного и во все вникательного, получил я по тщательном исследовании составленный план существовавшего близ Елабуги на высоком берегу Камы древнего укрепления, известного под именем Чертова Городища и вид оставшейся доселе, полуразрушившейся башни с некоторыми другими, а также потом несколько древних вещей, найденных в окрестности. Встретив указания на существовавшее в древние еще времена близ Елабуги татарское кладбище, я просил г. Шишкина разведать и определить это место, – и он действительно нашел такое кладбище, а потом по просьбе моей приобрел и мне сообщил несколько найденных на нем и около древних вещей.

Вещи сии, относящиеся к оружию и домашнему быту туземцев, все из меди и должны принадлежать еще Болгарскому периоду, как и вышеозначенное древнее укрепление на Каме. На кладбище есть два или три небольших кургана, которые по предположению моему и при руководстве мною на сей конец известных описаний раскопок, г. Шишкин решился было разрыть и испрашивал на то прошлой осенью и нынешнею весною дозволения у тамошнего удельного начальства. Но удельное начальство сие ему не разрешило, а между тем по слухам само будто приступало к разрытию, но с какими видами и результатами, неизвестно. В сем затруднении решился я обратиться с покорнейшею просьбою к Вашему Высокородию, Павел Степанович, не благоволите ли Вы, по усмотрении Вашем, исходатайствовать у Императорского Археологического общества в СПб. дозволения г. Шишкину на означенную раскопку елабужских курганов, с тем, чтоб какие найдутся в них вещи, оные на время были сообщены мне как материалы для предпринятого мною исторического описания Елабуги и древностей ея, в котором как сии, так и теперь уже находящиеся у меня древние вещи, думаю я подробно описать, по крайнему разумению, и отлитографировать, а потом те и другие вещи имеют быть мною переданы во владение СПб. Археологического общества или Моск[овской] оружейной палаты, как и прежде я располагался.

В Елабуге я предполагаю древний Болгарский город Бряхимов, разоренный В[еликим] К[нязем] Андреем Боголюбским, думаю в следующее лето сам оную посетить и (если не ошибочно передают мне), имея в виду некоторые татарские сказания и акты, касающиеся Елабуги и окрестностных мест в бытность их еще в болгарском или позднее в Казанском царстве, кои также я передал бы в Археологическое общество. Ваше Высокородие, Павел Степанович! Позвольте надеяться, что при милостивом ходатайстве Вашем мы с г. Шишкиным не будем отстранены от дела, которое мы собственно подняли и в котором предполагаем оказать большую пользу науке, нежели Елабужский Удельный Голова или помощник, а также, что столь одолжительное и просвещенное усердие г. Шишкина в этом деле, соединенное с немалыми беспокойствами и тратами, не будет презрено Археологическим обществом. Во всяком же случае прошу Вас покорнейше почтить меня ответом, сообщив буде оный члену Археол[огического] общества отцу Архимандриту Макарию Пермскому или сыну г. - Шишкина, воспитаннику Академии художеств Ивану Шишкину.

С совершенным к Вам почтением и душевною преданностию честь имею быть Ваш покорнейший слуга, состоящий при описании Моск[овской] Синодальной библиотеки профессор семинарии Капитон Невоструев.

1857 г. Июня 18 дня» [6].

С большой симпатией характеризует ученый своего елабужского корреспондента И.В. Шишкина. Следует обратить особое внимание на то, что Невоструев в этом письме и во всех своих статьях о Елабуге настаивает на древнем названии города – Бряхимов.

Его точка зрения должна учитываться всеми специалистами, обращающимися к елабужской теме и пытающимися определить древнее название Елабуги. Важнейшие для нас «татарские сказания и акты» о Елабуге булгарского периода и периода Казанского царства пока мною не обнаружены, как не обнаружены и невоструевские к ним комментарии. Елабугу ее выдающийся историограф сумел посетить лишь в 1870 году, хотя собирался ежегодно это сделать. Примечательно, что ответ он просит передать «сыну Шишкина, воспитаннику Академии художеств Ивану Шишкину», проживающему в Санкт-Петербурге.

Примечания

1. *Валеев Н.М.* Гармония культур. Казань, 2001.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 861. Ед. хр. 203.
3. *Шишкин И.И.* Переписка. Дневник. Современники о художнике. Л., 1984. С. 31-32.
4. Там же. С. 32.
5. К.И. Невоструев в письмах к ректору якутской семинарии Д.В. Хитрову, впоследствии Дионисию, епископу якутскому и вилюйскому (1859-1871). См.: Русский вестник. 1903. № 8. С. 528.
6. ОР РНБ. Ф. 37. Ед. хр. 779.

Е.В. Кустова

ВЯТСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Статья посвящена вопросам взаимодействия органов городского управления и самоуправления, созданных в результате реформ 70-80-х гг. XVIII в. В основе исследования лежат материалы о деятельности Вятской городской думы. Рассматривается ее место в структуре городского управления, характер отношений с другими городскими учреждениями, а также степень ее самостоятельности. Основное внимание уделяется вопросу влияния губернских властей на эффективность деятельности городского самоуправления.

Система городского самоуправления, действовавшая на рубеже XVIII – XIX вв., сложилась на основе законодательства 1775-1785 гг. и с незначительными изменениями просуществовала до буржуазной городской реформы 1870 г. Историография, как дореволюционная, так и советская, негативно отзывалась о деятельности дореформенных городских дум. Одной из основных причин их неэффективности считалось давление и опека со стороны местного административно-полицейского аппарата, который сдерживал развитие сильного и независимого городского самоуправления. Конкретные исследования были проведены по столичным и сибирским городам [1-4], и выводы, сделанные в них, распространялись историками на все регионы России. Остальные работы были незначительны и повторяли выводы предшествующих. Но, как еще в начале XX в. предостерегал В. Григорьев, степень удачи, достигнутую в столицах, нельзя считать пределом успеха. Он справедливо отмечал, что в столицах из-за их особого положения «получила усиленное развитие административная власть, и органы самоуправления не могли пользоваться той самостоятельностью, которую им легко было приобрести в отдаленной местности, в особенности при слабых представителях администрации. Поэтому брать положение вопроса в столице за типичное можно только с большими ограничениями» [5]. Это же рассуждение справедливо и для многих городов Сибири. В этих условиях создать реальную картину городского дореформенного самоуправления можно только через конкретные исследования российских провинциальных городов, которые сегодня практически отсутствуют.

Автор данной статьи ставит целью рассмотреть на примере г. Вятки конца XVIII – начала XIX в. один из малоизученных и спорных аспектов указанной проблемы, а именно – характер взаимодействия между органами городского управления и самоуправления, а также оценить его влияние на деятельность думы.

Вятская городская дума открылась 26 августа 1793 г., через 8 лет после издания «Жалованной грамоты городам». Не останавливаясь на вопросах формирования системы городского самоуправления, отметим, что в первые годы своей работы избранные заседатели плохо ориентировались в своих правах и обязанностях, тем более что закон описывал их достаточно размыто, относя одни и те же функции разным органам управления. Поэтому в реальной жизни дума столкнулась со сложной проблемой разграничения своей компетенции с другими учреждениями в сфере городского управления. Первый и наиболее сильный конфликт по этой причине произошел в отношениях с городовым магистратом, который исполнял функции думы до ее открытия. Камнем преткновения стали городские мосты. Дело было инициировано в 1795 г. Управой благочиния и заключалось не только в ремонте старых обветшалых мостов, но и в строительстве новых, в соответствии с высочайше конфирмованным планом 1784 г. Сложности, возникшие в его решении, позволили органам управления и самоуправления города определить границы своей компетенции и характер взаимоотношений с другими учреждениями. Управа благочиния, на которой по закону лежала функция наблюдения за состоянием мостов, потребовала произвести все необходимые работы, по старой памяти, не думе, а городовому магистрату и городовому старосте. После уведомления ею губернатора, угрожающие сообщения посыпались на магистрат также от начальника губернии. Магистрат,

КУСТОВА Елена Витальевна – аспирант кафедры истории и краеведения ВятГГУ
© Е.В. Кустова, 2003

чтобы отвести от себя удар, стал пересылать столь же угрожающие требования думе, одновременно оправдываясь перед начальством. У гордой думы приказной тон со стороны равного ей органа вызвал возмущение. Поэтому очередную «дерзкую бумагу» она отправила без ответа обратно в магистрат, обвинив его в превышении своих полномочий, не преминув нажаловаться начальству. На магистрат это возымело действие. Личная встреча губернатора с городским главой окончательно расставила все на свои места. После этого инцидента отношения с магистратом наладились, тем более что на должности городского главы и бургомистра избиралось, как правило, немногочисленное и достаточно сплоченное купечество I гильдии, что в корне пресекало возможные недоразумения и конфликты. Магистрат же впоследствии неоднократно в переписке подчеркивал свое равное с думой положение и вытекающую отсюда невозможность ей указывать. В целом с начала XIX века, когда круг интересов магистрата почти всецело замкнулся на судебной деятельности, связи между ними заметно ослабевали.

На рубеже XVIII – XIX вв. значительно возросла активность взаимодействия думы с полицией. Это было обусловлено указом Павла I от 18 декабря 1797 г., в соответствии с которым содержание городской полиции возлагалось на городское общество [6]. Поскольку деньги собирались и хранились думой, полиция докучала ей многочисленными требованиями прислать необходимую сумму на те иные полицейские нужды, обеспечить ее исправными покоями, а также находящиеся при полиции гауптвахту, лазарет, тюремный острог. На попечении думы находились и расположенные в городе полицейские будки. В соответствии с законом дума также подчинялась полиции в некоторых делах городского хозяйства. Дума стремилась избавиться от излишнего давления со стороны полиции. Так, вопросы ремонта, освещения и отопления в начале XIX в. были всецело переданы для решения купеческому и мещанскому обществу (дума лишь отряжала гласных для сдачи отремонтированного или купленного дома). Облегчением для думы стала передача губернатором вопросов сбора поземельных денег с разночинцев городничему [7]. Отчасти это произошло по просьбе самой думы, поскольку разночинцы не были в ее ведении [8]. Отношения с полицией имели и свои позитивные стороны. Она объявляла, по просьбе думы, торги на разные общественные работы и должности по найму. В ряде случаев оказывала воздействие на пассивных чиновников, когда было необходимо отобрать от них депутатов в различные городские органы [9]. В целом по отношению к полиции дума на рубеже XVIII-XIX вв. держала себя достаточно независимо, подчиняясь только тем приказаниям, которые были в рамках закона. Например, в 1806 г. она отказала полиции прислать нового гласного, так как присланный ранее не подчинился ее требованиям и заявил, «что он-де не подъячей и полицейския приказания не исполнит» (подчеркнуто в оригинале. – Е.К.). Дума посчитала справедливыми действия своего представителя, поскольку тот был отряжен в полицию только для наблюдения уравнительности в распределении квартир, а не для развода военных чинов по домам, как это было ему приказано [10]. Также на все жалобы размещенного в городе гарнизонного батальона об отсутствии в домах света и тепла она отсылала со всеми претензиями к полиции [11]. В целом серьезных конфликтов между думой и полицией в указанный период не наблюдалось.

Если дума не позволила «подмять» себя полиции, то от «предложений» губернатора отказаться ей было гораздо сложнее, особенно если они требовали своего незамедлительного исполнения. Правда, в подобных случаях инициатива, как правило, исходила не лично от губернатора, а от вышестоящих (Сената, МВД) или местных (полиции, Казенной палаты) органов власти. В таких ситуациях дума была вынуждена подчиняться не всегда законным указаниям «сверху»: составлять различные табели, собирать данные о численности и занятиях городских обывателей (точнее, предоставлять губернатору сведения, собранные городским старостой и мещанским старшиной). Например, в 1805 г. от губернатора поступило предложение о заведении хлебной лавки и закупке хлеба «для удержания возвышающихся хлебных цен и обеспечения продовольствием по умеренных ценам неимущих» [12]. В том же году по повелению Сената дума совместно с городничим и членами магистрата составляла табели о повинностях города в связи с созданием комитета об уравнении земских повинностей [13]. Но даже в таких ситуациях дума могла отказаться. Например, когда по сообщению командира гарнизонного батальона губернатор «предложил» думе немедленно обеспечить членов батальона, проживающих в квартирах без хозяев, всем необходимым, то дума, считая это компетенцией полиции, переадресовала требование командира к ней [14]. Если же речь шла о личных предложениях губернатора, то они обычно касались городского благоустройства и не носили приказного характера. Так, в думу за указанный период поступили предложения о заведении общественного пастбища и пастухов, об очищении прорубей зимой, очистке мест перед казенными зданиями, о заготовке дров и др. [15]. После получения подобных сообщений дума собирала купеческое и мещанское общество (в нем присутствовало обычно от 40 до 70 человек), которое рассматривало предложение и в случае своего согласия определяло сумму, которую оно согласно разверстки на его реализацию. Если общество предложение не устраивало, оно могло дать губернатору обоснованный отказ. Так, например, горожане отказались чистить места перед казенными зданиями, ссылаясь на то, что это не соответствует ни законам, ни городскому бюджету.

Дума, в свою очередь, неоднократно обращалась к губернатору с собственными предложениями и с ходатайствами от городского общества (по поводу постройки в городе бани, мостов, открытия новых харчевен и т.п.). В этом случае происходило отчасти нарушение закона, поскольку ряд вопросов по закону не требовал разрешения губернатора, например о постройке общественной бани. А строительство моста через Вятку потребовало даже положительного ответа Сената. Если губернатор решал проблему сам, то, как правило, отказов и задержек в разрешении не было. Так, губернаторы поддерживали неоднократные просьбы думы, связанные с ее тяжелым финансовым положением, занять деньги (до 5500 рублей) у Приказа общественного призрения. Иное дело, когда вопрос требовал утверждения в столице: это значительно затягивало процесс. Незаинтересованность столичных чиновников в делах горожан проявилась и во время ревизий губернии сенаторами: они не ответили ни на одно из ходатайств городского общества [16]. Немалую роль в отношениях с губернатором играл субъективный фактор: личность городского главы и начальника губернии. Некоторые вопросы решались в ходе их личной встречи. В то же время губернское правление и губернатор были для думы и других учреждений средством давления друг на друга, поскольку непосредственное обращение друг к другу не всегда давало желаемый эффект. Так, дума на грозные сообщения полиции прислать деньги на ее содержание неоднократно жаловалась начальству, что земельные деньги плохо собираются, а полиция не оказывает должной помощи. В ответ губернатор предписывал полиции активно содействовать в сборе необходимых для нее средств [17]. Также дума обращалась к высшему начальству для воздействия на губернского архитектора, медлившего с присылкой смет, фасадов и планов на постройку и ремонт городских объектов.

Тесное взаимодействие городской думы с государственными структурами имело для нее различные последствия, одним из которых стал процесс *бюрократизации* думы. В частности, это проявилось в рационализации делопроизводства. В связи с резким увеличением дел, с 1805 г. заседания в думе стали ежедневными и строго регламентированными по времени (с 8 до 14 часов). Также по сравнению с первыми годами работы думы необходимым требованием стало присутствие на заседаниях всех гласных (а не в порядке очереди, как было раньше). О расширении делопроизводства говорит также факт увеличения в думе количества писцов [18]. Во взаимоотношениях с государственными органами приобрела важность формальная сторона. Губернское правление периодически присылало в думу необходимые формы для переписки с губернатором и генерал-губернатором, а Казенная палата – приходно-расходных ведомостей. Любопытно, что во время своего единственного посещения думы генерал-губернатор Пермский и Вятский интересовался не вопросами ее деятельности, а существующим в ней канцелярским порядком, который нашел исправным [19]. Процесс бюрократизации выборных органов самоуправления, как показывают современные исследования, был характерен для России в целом, причем как на уровне городского самоуправления (дум и городовых магистратов), так и сельского [20; 21]. По мнению Н.Г. Суворовой, это было проявлением более общего процесса – перехода от традиционного общества к современному, который сопровождался отчуждением у общества функций управления и передачей их чиновникам [21]. Если сравнить городское и сельское самоуправление, то в первом процесс пошел, вероятно, дальше: здесь произошло не только расширение полномочий исполнительного органа (думы) и усиление его независимости от своего распорядительного органа (городского схода-собрания). На примере вятского городского самоуправления отчетливо виден процесс превращения распорядительного органа – собрания градского, выбирающего думу, в ее исполнительный орган. Стремясь избавиться от многочисленной черновой работы, особенно касающейся интересов государства (содержание полиции, батальона, сбор необходимой информации, составление табелей и т.п.), дума зачастую передавала ее для непосредственного решения городскому и мещанскому обществу во главе с городовым старостой и мещанским старшиной. Это привело, в свою очередь, к усилению независимости исполнительных органов самоуправления. Если на селе неформальные рычаги общественного контроля постепенно утрачивали всеобъемлющий характер, поскольку мирские институты не имели законных механизмов влияния на решения волостной администрации [21], то в городе – они хотя и были институализированы и оформлены Городовым положением 1785 г., но закон не оговаривал никаких форм ответственности думы перед градским собранием. Более того, формализация, характерная для отношений думы с государственными органами, стала проявляться и в отношениях с городским обществом. Например, горожанам отказывалось в рассмотрении прошений, если они были не на гербовой бумаге. Все это усиливало тенденции огосударствления самоуправления, что позволило многим историком утверждать о превращении дум в низовой орган хозяйственно-полицейского государственного аппарата. Сближение думы с государственными структурами способствовало ее отдалению от городского общества, а в определенной степени даже падению авторитета и престижа общественных служб. Государству же это позволяло более эффективно контролировать думу и отчасти воздействовать на нее, решая при этом собственные задачи.

Как можно оценить влияние государственных структур на деятельность думы и ее эффективность? Этот процесс имел свои положительные и отрицательные стороны. Если рассматривать негативное воздействие государства на органы самоуправления в указанный период, в этом случае скорее следует говорить о политике правительства, чем местного административно-полицейского аппарата. Несмотря на реформы Екатерины II, российское правительство, следуя старым традициям, продолжало смотреть на самоуправление как на средство для решения собственных задач. Оно переложило на плечи городских обывателей множество повинностей, которые поглощали основные городские средства. Также в решении городских дел отрицательно сказывалась волокита как на местном уровне, так и в высших столичных инстанциях. Но можно ли считать воздействие государства главной причиной недостаточно эффективной работы думы? Если проанализировать журналы заседаний думы за 1795-1815 гг., то условно можно выделить 5 групп основных проблемных ситуаций: пассивность граждан (13-25%), думы (6-17%), местных и столичных чиновников (6-13%), финансовые проблемы (41-53%), а также затруднения, возникающие из-за отсутствия необходимой информации (13-18%). Как видно, на первый план выступали финансовые проблемы, пассивность же чиновников в рейтинге трудностей в конце XVIII – начале XIX в. занимала одно из последних мест.

В условиях ограниченных финансовых средств административное воздействие играло первоначально, скорее, положительную роль, и без него дума работала бы еще менее плодотворно. Это хорошо показало дело о мостах, когда в 1796 г. губернатор столь сильно давил на думу, что в условиях отсутствия средств она сумела не только починить все старые мосты, но и начать постройку новых. Подобный контроль «сверху» также отчасти компенсировал отсутствие контроля «снизу»: дума по закону не была подотчетна собранию общества градского, что могло иметь серьезные негативные последствия, например, в финансовой сфере. Как показывают документы, до того как Казенная палата не требовала от думы полных финансовых отчетов, формирование городского бюджета и его расходование фиксировались ею крайне небрежно. Так, в приходно-расходной книге 1796 г. была только одна запись. Даже достаточно полный финансовый отчет думы за 1800 г. был полностью раскритикован Казенной палатой, которая усмотрела в нем 15 грубых недочетов и ошибок. Если бы подобный контроль «сверху» отсутствовал, не было бы гарантии, что малочисленная городская казна не уходила бы в карманы думцев.

Можно выделить и ряд других положительных моментов в отношениях думы с государственными структурами. В ходе взаимодействия с органами управления дума приобретала бюрократический опыт по ведению делопроизводства, что помогало ей справляться с резко увеличившимся потоком решаемых вопросов. Тесная связь с губернатором позволяла ей более эффективно воздействовать на пассивных чиновников, ускорять решение дел. Кроме того, администрация инициировала ряд дел в интересах города. Несмотря на не всегда законные требования государственных органов в отношении городского самоуправления, не встречается примеров вмешательства губернаторов в выборы (он только их утверждал), что, в частности наблюдалось в столичных и сибирских городах. Также губернаторы не изменяли раскладок городского бюджета [22], оказывали содействие в вопросах, по которым ходатайствовала дума. Хотя в то же время нельзя идеализировать ситуацию, сложившуюся к началу XIX в. Кадровые перестановки в местной администрации привели в 1808-16 гг. к жёсткому противостоянию губернского правления и думы, выяснение отношений между которыми дошло до Сената. Это свидетельствует, в частности, о силе субъективного фактора в провинции, а также об усилившемся стремлении чиновников подчинить думу своим интересам.

Проведенное исследование позволяет пересмотреть ряд положений традиционной историографии. Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что на рубеже XVII – XIX вв. взаимодействие местного аппарата с думой, которое иногда переходило в воздействие на нее, в существующих условиях скорее способствовало ее деятельности, чем мешало. Городская администрация не являлась главным фактором малоэффективной работы думы. Как показывает анализ дел, вмешательство государственных органов в дела самоуправления резко усилилось в начале XIX в. и было объективно связано с переводом полиции на городское содержание, а также размещением в Вятке гарнизонного батальона. От губернатора же и полиции исходили предложения, касающиеся не только интересов государства, но и города. В этом случае финансовые затруднения думы и недостаточная активность со стороны горожан отчасти компенсировались административным вмешательством. Можно согласиться с положением Л.Ф. Писарьковой, что в условиях слабого контроля снизу и недостаточной готовности населения к широкой системе самоуправления, для России более приемлема была государственная теория самоуправления, чем общественная, реализованная в ходе городовой реформы 1870 г. [23, 35-36].

В целом, по сравнению со столичными и рядом сибирских городов, Вятская городская дума в первое 20-летие своей деятельности занимала достаточно сильные позиции. Это было обусловлено как отдаленностью от центра, так и особенностями социальной структуры Вятки, где малочисленность дворянства сочеталась с наличием сильного образованного купечества, хорошо разбиравшегося в существующем законодательстве. Благодаря этому дума оказалась способна противостоять незаконным требованиям местной администрации, решать многие проблемы города и в результате завоевать определенный авторитет в обществе.

Примечания

1. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875; Т.2. Ярославль, 1877.

2. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. М., 1909.

3. Рабцевич В.В. Социальный состав органов городского самоуправления в Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1977. С. 80-96.

4. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.

5. Григорьев В. Рец. на кн.: А.А. Кизеветтер. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария. М., 1909 // Журнал министерства народного просвещения. 1910. № 10. С. 375-384.

6. Полный свод законов Российской империи. Т. XXIV. СПб., 1830. №18278.

7. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 8. Л. 111.

8. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6. Лл. 398-399 об.

9. ГАКО. Ф. 630. Оп. 8. Д. 21. Л. 69.

10. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 7. Лл. 188-188 об.

11. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6. Л. 375.

12. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6. Лл. 331-331 об.

13. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6. Лл. 425-425 об.

14. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6. Лл. 271-271 об.

15. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6. Лл. 440 об.-441; Оп. 8. Д. 36. Л. 119.

16. ГАКО. Ф. 630. Оп. 8. Д. 36. Лл. 39-39 об., 76.

17. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6. Л. 138 об., 192-192 об.; Оп. 8. Д. 36. Л. 122, 127 об.

18. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6. Л. 349 об., 364 об.

19. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 7. Л. 172.

20. Маркова Ю.Н. Деятельность городских дум в городах Тверской губернии в конце XVIII – начале XIX в. // Дни славянской письменности и культуры: Сб. докладов. Вып. 5. Тверь: ТГУ, 1999. С. 57-66.

21. Суворова Н.Г. Методология изучения традиционных институтов самоуправления (по материалам государственной деревни Западной Сибири XIX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XIX вв. Новосибирск, 1999. С. 205-207.

22. Приходно-расходные книги первоначально проверялись губернатором в соответствии со ст. 155, 177 Городового положения по окончании года, однако с начала XIX в. губернатор, усиливая свою опеку над думой, стал заранее утверждать городской бюджет, что не предполагалось законом.

23. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 25-39.

А.М. Слободчиков

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья рассказывает о научной деятельности известного исследователя Великой Отечественной войны П.Е. Козлова. На материалах архивов, музеев, библиотек, поездок по местам боев, встреч с участниками событий и их родными он создает свои книги. Рассмотрены наиболее значительные из них: «Сотворение победы», «Сталинград: воспоминания и осмысление», «Маршал Говоров», «Маршал Конев», «Кошкин и его тридцатьчетверка».

XX век был богат войнами: мировыми и локальными. О солдатах XX века в нашем городе пишет Петр Ефимович Козлов. Его дед, Козлов Антон Олифантьевич, участвовал в русско-японской войне 1904-1905 годов. Отец, Ефим Антонович, семь лет провел на фронтах первой мировой и гражданской войн, пять раз ранен, тонул в Березине, травлен газом, имел кресты святого Георгия.

Судьба его досталась и сыну: только успел подрасти – началась Великая Отечественная война. Воевал в Сталинграде. Вернулся домой инвалидом. Работал и одновременно учился. Защитил кандидатскую диссертацию по «хрущевской оттепели», занялся исследованием малоизвестных страниц военной истории России, бескорыстно, а не в целях получения степеней и званий. В годы гражданской войны на территории Вятской губернии были сформированы три стрелковые дивизии: Вятская особая, 10-я Северного края Краснознаменная и 51-я Перекопская орденов Ленина и Красного Знамени. Изучил их боевой путь, написал ряд статей.

В душе бывшего солдата все время подсознательно жила Великая Отечественная. Война и теперь не отпускает его – значит, столь сильны эти переживания. Как человек, воевавший против фашистско-немецких захватчиков, Петр Ефимович стал осмысливать то, что открыла ему жестокая явь минувших сражений. К тому же, как историк, он не мог пройти мимо самых грандиозных событий своей жизни – второй мировой войны. К исследованию истории отгремевшей войны толкал и моральный фактор: надо было хоть что-то сделать для увековечения подвига солдат, памяти погибших в борьбе с фашизмом. С 1972 года Великая Отечественная стала основным предметом его научного исследования. На материалах поиска он опубликовал свыше 300 работ – это главы в книгах, вышедших в г. Кирове в различные годы: «Во главе

СЛОБОДЧИКОВ Аркадий Михайлович – кандидат химических наук, профессор кафедры химии и МОХ ВятГГУ, член-корреспондент АПСН, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования, академик, Почетный член Академии гуманитарных наук
© А.М. Слободчиков, 2003

масс» (1980), «Верной дорогой» (1983), «На подвиг и труд» (1983), «Первое десятилетие» (1997), а в книге «Кировчане в Великой Отечественной войне» (1976) им написано более половины издания.

Статьи его опубликованы в десятках сборников, выпущенных в Москве, Ленинграде, Киеве, Курске, Волгограде, Туле, Смоленске, Вологде, Свердловске, Чебоксарах, Грозном, Днепропетровске, Кирове, в журналах – «Военно-исторический журнал», «Ветеран войны», «Вестник высшей школы», «Народное образование», «Среднее специальное образование», «Новый век», газетах «Красная звезда», «Ветеран», «Комсомольская правда» и почти во всех областных изданиях. Об Отечественной войне 1941-1945 годов Петр Ефимович написал 9 книг, в их числе имеются книги о родном для него госпединституте («Приближали как могли», 1990); о деятельности школ Кировской области в период войны («Подвиг ратный. Подвиг трудовой», 1987); о нашем городе («Город Киров в годы Великой Отечественной войны», 2000).

Остановимся на более значительных его книгах. В 1993 году Волго-Вятское книжное издательство выпустило книгу «Сталинград: воспоминания и осмысление» (объем 13 усл. печ. листов). Она повествует об участии в Сталинградской битве курсантских полков, в одном из которых – в 3-м Орджоникидзевском – воевал автор. «Сталинград» – это солдатская книга. В ней – правда окопной жизни. Война показана такой, какой ее видел автор. В ней ничего ни придумано, все написанное пережито и выстрадано. «Сталинград» – это исповедь человека перед друзьями, своими учителями, родителями, перед Родиной. В книге кровь и смерть соседствуют с лирическими эпизодами, ведь герои книги – вчерашние школьники, почти дети, прямо из школьных классов ушли на фронт. Шли в атаку и как молитву шептали слово «мама». Они ненавидели, страдали, любили, дружили, с честью прошли все выпавшие на их долю испытания. Курсантские полки не привязывали к одному месту. Их бросали на самые танкоопасные направления, на закрытие прорыва врага. Подготовленные физически и морально, они были надежной силой. Самая большая их заслуга в обороне Сталинграда была в том, что они две недели – с 13 по 29 августа 1942 года – сдерживали напор 4-й танковой армии на южных скатах реки Мышковы. На них приходился главный удар 4-й танковой армии врага. Как нужны были командованию эти две недели для укрепления обороны города! 29 августа стойкость курсантов была сломлена. Это был для них самый трагический день. И не только для курсантов – для их 64-й армии в целом. В этот день враг прорвал ее оборону…

Судьба автора типична для судьбы его поколения. Личное у автора созвучно тысячам других людей. Книга рисует масштабы сражений, их накал, драматизм, горечь поражений и радость победы. Она – венок славы курсантам – участникам великой битвы на Волге. Сталинград защищало 11 курсантских полков. Воспоминания Козлова – первая и пока единственная книга, увековечивающая и прославляющая мужество и стойкость курсантов, определяющая их роль в Сталинградском сражении. По итогам Всероссийского конкурса на лучшее произведение, посвященное 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, проводимого Министерством обороны РФ, Союзом журналистов России, Российским комитетом по печати, автор книги «Сталинград» стал лауреатом, ему вручен Диплом победителя и премия.

В 1995 году, к 50-летию Победы, вышла монография П.Е. Козлова «Сотворение Победы», вышла в очень почетном издании – в серии многотомной Книги Памяти Кировской области – как ее заключительный справочный том (объем с приложением – именным указателем – 55,8 усл. печ. л.). Она определяет вклад Кировской области в достижение Победы, увековечивает подвиг кировчан, проявленный в борьбе с фашизмом, достойно венчает Книгу Памяти и всесторонне разрабатывает один из важнейших периодов истории Вятского края – 1941-1945 годы.

«Сотворение Победы» – это итог 20-летнего исследования Великой Отечественной войны, выполненного автором на примере Кировской области, на основе изучения документов об участии кировчан в боях на всех участках огромного советско-германского фронта и в каждый период войны, а также изучения всех сторон их жизни в тылу. Для написания книги использовано 1700 архивных и добротных печатных источников, 208 фотодокументов. Поскольку это произведение является заключительным, справочным томом областной Книги Памяти, то в нем содержится огромный фактический материал, он – энциклопедия жизни области в 1941-1945 годы.

В первой части «Долгие версты войны» повествуется о том, как проходила мобилизация, как область стала крупным центром создания боевых резервов и кузницей подготовки военных кадров. Здесь полностью сформированы 311, 355-я и 131-я стрелковые дивизии, 86-я и 109-я стрелковые, 61-я и 62-я морские стрелковые, 1,11, 12-я и 13-я воздушно-десантные, 114-я и 159-я танковые бригады, 691-й и 696-й полки ночных ближних бомбардировщиков и большое число отдельных полков пушечной, гаубичной, противотанковой истребительной и самоходной артиллерии, минометных и других. Всего создано более 40 соединений и частей. Кроме того, здесь завершено формирование 117, 135-й и 24-й стрелковых дивизий, произведено пополнение личным составом 114-й стрелковой дивизии. И это только в первый год войны! Наряду с созданием боевых резервов, на территории области были развернуты запасные и учебные части: 34-я стрелковая бригада, 15-й артиллерийский, 37-й авиационные полки, 18, 32-й и 34-й полки самоходной артиллерии. Только одна 34-я стрелковая бригада направила на фронт 701 маршевое подразделение общей численностью 252 тыс. человек. Из области сплошным потоком шло на фронт пополнение, которое, как

кровь, вливалось в ослабленные полки действующей армии. Важную роль область играла в деле подготовки командных, политических, медицинских и технических кадров. Здесь располагались Львовское военно-пехотное и Житомирское военно-политическое училища, Ленинградская военно-морская медицинская академия, 28-я авиашкола НКО и ряд других военных учебных заведений.

В Вооруженных Силах в годы войны находилось свыше 600 тыс. кировчан. Книга рассказывает об их участии в борьбе с агрессором с первого часа войны и до последнего, во всех крупных операциях как на европейском, так и дальневосточном театрах военных действий, о борьбе в тылу врага, в движении Сопротивления и за колючей проволокой гитлеровских концлагерей. Почти по дням прослеживается боевой путь кировских формирований. Сообщается о потерях: 272 тысячи кировчан погибло и пропало без вести. В произведении Козлова погибшие воины живут вторую жизнь, живут духом и подвигом своим.

Ценнейшие сведения содержатся во 2-й части книги «Труд во имя Победы». Здесь показывается, как создавалась в области промышленность вооружения и боеприпасов, как область стала могучей кузницей и арсеналом оружия. За годы войны предприятия области поставили фронту 4176 танков и САУ-76, 1820 «катюш», 3 млн. снарядов, 5 млн. мин и авиабомб, 20 млн. гранат, 200 судов, 2 тыс. аэросаней, 2 млн. минометов, 2 млн. автоматов (ППШ), большое количество авиационного оружия и целлюлозы-А, 13 млн. пар кожаной обуви, 700 тыс. полушубков, большое количество обмундирования и снаряжения, гармошек и баянов. В этой части книги рассказывается, как шла битва за хлеб, как был организован быт войны, как решалась продовольственная проблема, о духовной и других сторонах жизни людей – обо всем, чем были заняты их дни и ночи в войну. Перед взором читателей встает свыше 1400 известных и безвестных героев фронта и тыла, из чьих подвигов складывалась победа. Это – своего рода Книга Славы. Большая часть материала, помещенного в книге, публикуется впервые. Местный материал подается на фоне общеисторического. Процессы, происходящие в области, типичны для всей России. На примере сынов и дочерей земли вятской воплощены общенародные чувства и черты эпохи Великой Отечественной. Поэтому значение книги выходит за региональные рамки. В книге освещены обе стороны войны – героическая и трагическая. Называются великие битвы, приведшие к разгрому врага, и проигранные сражения. Не скрываются грубые ошибки и просчеты руководства страны и армии, фронтов и объединений, повлекшие за собой тяжелые последствия – пленение и гибель людей, и отмечается растущее мастерство советских полководцев. Подвиг народа и его Вооруженных Сил предстает в своем реальном обличье, горестной и величавой правде своей.

Третья часть книги называется «Народ-победитель». Рецензенты книги и авторы статей, выступающие о ней в печати, видят ее главное достоинство в новизне материала, научности, объективности и эмоциональности, считают ее фундаментальным произведением по военной истории России, которое ставит автора в ряд видных исследователей войны 1941-1945 гг. Высоко оценила монографию редколлегия Всероссийской Книги Памяти. Вот строки из официального отзыва члена редакционной коллегии генерал-лейтенанта Н.А. Неелова:

«В книге «Сотворение Победы» по сути представлен еще один взгляд на войну, не из Москвы и Санкт-Петербурга, а из старинного русского города Кирова. Взгляд серьезный, обоснованный. Книга читается с большим интересом, так как несет в себе все новые данные, новые открытия…Автору удалось решить главную цель книги – увековечить подвиг кировчан в битве с фашизмом. Автор убедительно утверждает мысль о величии и вечности подвига фронтового поколения победителей и чувства благодарности советскому солдату…». А в Институте военной истории отметили, что монография стоит нескольких диссертаций. Книга «Сотворение Победы» взята на вечное хранение в музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве. За эту монографию Петр Ефимович награжден орденом Дружбы.

В 1997 году вышла книга «Маршал Говоров» (она написана в соавторстве). Полководец представлен читателям человеком светлого ума, высочайшей военной культуры, сильной воли, самым образованным из всех полководцев Великой Отечественной войны. Имя Говорова стало особенно популярным с осени сорок первого года, в самый напряженный момент обороны Москвы. Чтобы остановить фашистов на главном – Можайском – направлении, 16 октября командующий Западным фронтом Жуков направил туда Говорова – командовать 5-й армией. Направил вроде бы на время. И там, в ожесточенных схватках с врагом, раскрылся военный талант Говорова. Немцы предприняли все меры, чтобы пробить оборону его армии и выйти к Москве. На плечи Говорова легла вся тяжесть октябрьских и ноябрьских боев в районе Бородина и Можайска. И Говоров выиграл эти бои. Его армия остановила немцев. Так профессионал-артиллерист Говоров выдвинулся в ряды крупных общевойсковых военачальников.

Потом была оборона Ленинграда. Человек чести и глубоких убеждений, выверенных жизнью, Говоров не был аполитичным, хотя вступил в партию только летом 1942 года. Он был далек от политики, предполагавшей интриги и политиканство ради карьеры. Говоров вступил в партию осознанно. Он видел и карьеристов с партбилетами, видел и рядовых коммунистов, политруков, как они первыми вставали из окопов под огонь, увлекая за собой бойцов, и первыми получали вражеские пули и осколки. В нем естественно совместилось истовое служение Отечеству и вера в правое дело тех, кто продолжал традиции многовековой России. Хорошо показал себя командующий Ленинградским фронтом Говоров и в наступлении. Он один из маршалов Победы. Его высоко ценил Верховный главнокомандующий И.В. Сталин. Леонид Александрович представлен в книге не только как великий полководец, но и как нежный муж и заботливый отец. Книга «Маршал Говоров» (объем книги – 14,4 усл. печ. л.) отмечена Литературной премией имени поэта-фронтовика Овидия Любовикова.

В 2000 году, к 55-летию Победы над фашистской Германией вышла книга «Маршал Конев». В ней мы видим, что Иван Степанович Конев – талант огромной величины, военный гений. В период Великой Отечественной войны он с первого ее дня и до последнего – на фронте. Как пружина, весь в напряжении. И в заботах, не за себя, а за 100-тысячную армию и миллионный фронт. За годы войны Конев сменил 6 фронтов: Западный, Калининский, снова Западный, Северо-Западный, Степной, 2-й Украинский, 1-й Украинский. Никто из полководцев Великой Отечественной войны не командовал фронтами так долго и непрерывно, как это выпало не его долю: сорок три месяца из сорока шести, в течение которых шла война. Во главе войск фронтов ему довелось организовывать и проводить наибольшее в сравнении с другими командующими число операций. Войска 1-го Украинского, во главе которого стоял маршал Конев, участвовали в Берлинской стратегической операции и сыграли в ней не меньшую роль, чем войска 1-го Белорусского.

Конев применял все виды и формы борьбы с врагом. Наступление начиналось с прорыва вражеской обороны на всю глубину, наносились рассекающие удары от переднего края до тылов, шли тяжелейшие сражения с перевернутым фронтом, одновременно на запад и восток, и явлена была миру вершина полководческого искусства – окружение и уничтожение крупных группировок противника. Конев – мастер окружения противника. Войсками фронтов, которые возглавлял он, окружались и уничтожались такие группировки немцев, как Корсунь-Шевченковская (более 10 дивизий), Бродская (8 дивизий), в городах Рюцене (20 тыс.), Глогау (18 тыс.), Бреслау (40 тыс.). На заключительном этапе войны были разгромлены Франкфуртско-Губенская (более 400 тыс.) и Пражская (900 тыс.) группировки противника. Авторитет Конева в войсках был колоссальный. Автор отмечает, что с его мнением считался И.В. Сталин. Видимо, поэтому он чаще, чем других командующих войсками, вызывал Конева в Ставку – 25 раз. Конев во всем мире признан как один из великих полководцев XX века.

Петр Ефимович исправил многие неточности, ошибки, злонамеренные искажения, имевшие место в литературе о полководце, в том числе связанные с событиями под Москвой в октябре 1941 года. На основе документов он показал, что Ставка не освобождала Конева с поста командующего Западным фронтом. Создавался новый Западный фронт из остатков трех фронтов: Брянского, Западного и Резервного. Командующим новым фронтом был назначен Жуков, который до этого командовал Резервным фронтом, имел выше звание, чем Конев, и больше авторитет. Заместителем командующего назначен Конев.

Сталин не возлагал всю вину за поражение войск Западного фронта в районе Вязьмы на Конева и не собирался передать его военному трибуналу. Сталин доверял Коневу. Поражение войск Западного фронта было связано не только с Коневым, и это понимал Верховный. Нельзя говорить, что Жуков спас Конева от тяжелейшей участи. Автор книги снял с Конева и ряд других незаслуженных обид.

Высокую оценку книге Козлова о Коневе дал генерал-лейтенант в отставке Е.И. Малашенков в рецензии «Ратоборец земли вятской», опубликованной в «Военно-историческом журнале» № 8 за 2001 год. Ему нравится, как автор детально описывает подготовку и проведение наступательных операций, которыми руководил И.С. Конев.

«В заслугу автору, – пишет генерал, – следует поставить и то, что, описывая боевую деятельность полководца такого уровня, он не упускает случая показать его и как человека – мужественного, сильного духом, не боящегося брать на себя ответственность в любых ситуациях… Книга Козлова написана живо и интересно, несомненно, привлечет внимание широкого круга читателей и внесет серьезный вклад в историографию отечественного военного искусства и нашей Великой Победы в 1945 году». Книга «Маршал Конев» признана лучшей книгой 2001 года. Ее автор награжден Почетной грамотой Правительства Российской Федерации.

Вятская земля дала России трех маршалов. В итоге трехлетнего труда Петр Ефимович подготовил к печати книгу и о третьем вятском маршале – Главном маршале авиации – Константине Андреевиче Вершинине. Многие считают кировчанами маршалов С.Л. Соколова и Ф.Я. Фалалеева. Маршал Советского Союза С.Л. Соколов родился в г. Евпатории. Детство, школьные годы, юность и начало трудовой деятельности прошло в Котельниче Кировской области. Отсюда по комсомольской путевке он направлен в Горьковскую бронетанковую школу, после окончания которой началась его военная служба.

Маршал авиации Ф.Я. Фалалеев родился в деревне Полянская Большеучанского района Вятской губернии. По существующему административному делению это место входит в Удмуртию.

Одна из ведущих американских газет писала: «Если оценивать, кто внес наибольший личный вклад в победу союзников во второй мировой войне, то наряду с именами Рузвельта, Черчилля и Сталина следует назвать имя конструктора русского танка Т-34». Теперь мы знаем имя создателя этого танка. Им был

Михаил Ильич Кошкин, пять лет жизни которого прошло в нашем городе.

«М.И. Кошкин и его тридцатьчетверка» – так называется книга П.Е. Козлова, вышедшая в 1998 году к 100-летию со дня рождения талантливого конструктора. Она знакомит читателей с жизнью творца легендарного танка, с рождением принципиально нового, совершенно непохожего ни на один из имеющихся в то время танков, соединившего в себе все лучшие качества легких, средних и тяжелых танков, ставшего лучшим танком периода второй мировой войны. За создание такого танка Михаил Ильич Кошкин боролся до последнего вздоха. Книга Козлова – это первая книга о создателе танка Т-34.

Кроме глубокого содержания читатели отмечают у книг Козлова живой язык, легкий стиль. Профессор Е.С. Садырина пишет: «Автор знает войну не только по архивным документам и книгам. Он сам – непосредственный участник ее и в книги включает свое восприятие событий, свое видение их. Это придает им особую достоверность и эмоциональность. Они трогают своей непосредственностью. В них – живой материал, душа автора. Его думы, нравственно-философские размышления о войне и людях, содержащиеся в книгах, знакомят читателей с автором как человеком честным, принципиальным, болеющим за свое Отечество и его будущее, настоящим патриотом».

Итак, автор сказал свое слово о войне, вознес молитву в честь Победы и победителей, открыл людям огромный пласт военной истории, отражающей все стороны жизни людей в эпоху второй мировой войны. Его книги стали документами, передающими дух того времени и образ людей военного поколения. Главные герои его книг – это ангелы-хранители России, то есть солдаты XX века, от рядового до маршала.

Теперь имя Козлова привлекает внимание читателей. И хотя его книги военно-исторические, они стали заметными среди книг других местных авторов, нередко становятся предметом обсуждения. В полемике ему часто задают вопрос:

– Вы все еще остаетесь на войне? Не надоело писать о ней?

Да, он еще не вышел из войны. Пишет о ней. Тема Великой Отечественной неисчерпаема ни ее трагизмом, ни героизмом. Слава героев войны – уникальное достояние России, его надо сберечь для будущего. Сберечь возможно более подробную и объективную картину войны. Это должны сделать в первую очередь ветераны той войны. Козлову говорят: «Надо проклинать войну, а вы пишете о ней – получается, что прославляете ее».

Да, книги Козлова о войне. Но они носят антивоенный характер. Они, как подсолнухи, повернуты к солнцу мира, славят мир, показывают, как люди ждали его, как радовались концу войны. Рассказывая о смерти и крови, людских утратах, он страдает вместе с героями своей книги, проклиная войну, а не любуясь ею, не наряжая ее в романтические одежды, не призывая к ней. Война была прежде всего трагедией народа, несчастьем страны. Отсюда в его книгах запечатлен лик войны: людские страдания, кровь, смерть. Но война была для нашей страны одновременно и нравственной вершиной, уроком самоотверженности народа. Она обнажала лучшие качества души наших людей – любовь к Родине, непоколебимую веру в конечную победу, готовность идти на любые лишения во имя ее, массовое добровольчество, героизм и самоотверженность труду в тылу. Отсюда произведения Козлова несут нравственное начало. В них отображен не только лик войны, но и дух народа.

Все авторы, выступающие в печати о книгах Козлова, хвалят его за то, что он отстаивает свои идеалы, не поддался конъюнктуре, не приспособился к моде, события освещает без желания кому-либо понравиться и угодить, освещает так, как их видел и понимал, как подсказывает совесть. Он показывает обе стороны в судьбе России – трагическую и героическую. Главное для него не стремление показаться «современным», а его величество Факт и Документ и собственная совесть. И выражает свою позицию не шепотом на кухне, а открыто, перед всеми читателями. Своим объективизмом, новизной и научностью он старается сохранить достоинство ученого, показывает читателям, что не все ученые впали в мистику и в своих корыстных целях скоропалительно перевернулись. Тяжело переживает Козлов развал СССР. Перестроечные процессы, проходившие в стране, оценивает с горечью и жестоко. Его душа не принимает ничего чужеродного и лживого. В своей работе Козлов не преследует никаких корыстных целей! Ни в деле получения ученых степеней или званий, ни в деле вознаграждений. Им движет только чувство долга перед погибшими, любовь к солдатам Великой Отечественной войны, сострадание к солдатским матерям и детям, потерявших на войне своих сыновей и отцов.

– Каждая книга рождается в муках, – говорит Петр Ефимович. – В каждую книгу вкладываю часть своего ума и сердца. За строчку о войне отдаю последние рассветы. Работая, не думаю о вознаграждении, а думаю о том: успею ли, хватит ли сил завершить. Ведь я не молод. Исследовательская работа приносит моральное удовлетворение. К примеру, какая радость была, когда мы – редколлегия и рабочая группа – одни из первых в России создали 17-томную Книгу Памяти Кировской области! (Я был душой этой книги, написал огромную вступительную статью и заключение к этому изданию.) Удовлетворение приносит и то, что все мои книги администрация области направляет в библиотеки – школьные и публичные. Мои книги востребованы временем. В условиях глобальной лжи они оказались нужными учителям краеведения и истории. Кто-нибудь раскроет их, когда не будет ни меня, ни других участников войны, сегодня живущих. Вот тогда их значение еще более возрастет.

Книги П.Е. Козлова получили высокую оценку общественности и средств массовой информации. Биография его опубликована в Первом выпуске международного многотомного издания, в разделе «200 выдающихся деятелей современности – участников Великой Отечественной войны». 21 декабря 1995 года Ученый совет Вятского педагогического университета принял постановление представить его книги «Сталинград» и «Сотворение Победы» на соискание премии Кировской области за 1995 год. Но администрация области не рассмотрела постановление Ученого совета университета и не дала на него ответа.

А кто может сказать, сколько подготовлено Козловым рукописных научных работ? Сколько его лекций и методических пособий в помощь лекторам и пропагандистам было отпечатано на ротаторе и разослано по организациям Областным домом политпросвещения и обществом «Знание»? Особую ценность представляют рукописные справочники, созданные им: В их числе:

– Кировские формирования периода Великой Отечественной войны (дивизии, бригады, полки, партизанские отряды и группы, направленные в тыл врага).

– Полководцы и крупные военачальники, уроженцы Кировской области.

– Кировчане – герои Советского Союза.

– Полные кавалеры орденов Славы, уроженцы Кировской области.

– Матросовцы.

– Гастелловцы и Талалихинцы.

– Панфиловцы.

– Кокоринцы.

– Молчали под пытками.

– Навечно зачислены в списки воинских частей, кораблей и военных учебных заведений по приказу Министра обороны и командующих фронтами и флотами.

– Госпитали, дислоцировавшиеся в 1941-1945 годах на территории Кировской области.

Всего подготовлено 19 справочников.

Десятки раз П.Е. Козлов делал сообщения на научных конференциях – союзных, республиканских, региональных, областных.

Кроме Великой Отечественной войны вторым направлением его научной деятельности является патриотическое воспитание учащихся школ и студентов. И здесь у него также есть успехи. Он много работал в этом плане со студентами, учил их патриотической работе в школе. В те годы с помощью П.Е. Козлова и А.А. Черкасова в нашем институте была создана лучшая в России система военно-патриотического воспитания студентов. Жаль, что у Козлова пять лет лежит в рабочем столе подготовленная к печати книга «Воспитать патриотов: опыт, проблемы, методические советы». П.Е. Козлов вовлекал в научную работу и своих студентов. Достаточно сказать, что его студенты-филологи побеждали во Всесоюзных конкурсах научных студенческих работ, со 2-го по 9-й, которые проводил ЦК ВЛКСМ. Каждый раз студенты выходили победителями российских или общесоюзных туров этих конкурсов, участвовали в итоговых конференциях, получали Дипломы победителей.

Козлов проявляет большую заботу об увековечении памяти погибших. Он ведет неустанную работу по пропаганде героической военной истории Отечества. «Тема Великой Отечественной, – говорит он, – до конца жизни останется мне родной. Не устану писать о своем, военном поколении, спасшем страну от германского порабощения. И если судьбе будет угодно и мне будет отпущено несколько годков, то я напишу еще кое-что достойное того героического и трагического времени. Жаль будет, если по каким-то причинам не смогу больше ничего написать. Мало от меня останется людям. А ведь самое лучшее, что оставляет человек после себя – это дела».

Петр Ефимович и сегодня плодотворно трудится. Уже подготовлены к печати новые книги: «Главный маршал авиации К.А. Вершинин», «Была страна молодой и могучей», «Орджоникидзевские курсанты».

Публикуя эту статью, считаем святым долгом сказать слова глубокой благодарности всем ветеранам Великой Отечественной войны, работавшим в нашем университете.

А.Н. Кликашева

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РЕК КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена истории вятской гидрографии с XVI века до настоящего времени. Большое внимание уделяется деятельности государственных учреждений по описанию и освоению вятских рек. Подробно рассматривается изучение реки Вятки на разных ее участках в разные исторические периоды.

Древние люди использовали реки как пути сообщения, и поэтому их знания о реках касались прежде всего характера строения речной сети – направления течения, верховьев и устья. Первой сводкой о русской гидрографии является выдающееся произведение безымянного автора под названием «Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, озер, протоков, кладезей, и какие по них породы и урочища и на каком оные расстоянии».

КЛИКАШЕВА Антонина Николаевна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и МОГ ВятГГУ
© А.Н. Кликашева, 2003

Впервые оно было опубликовано лишь в 1773 г. известным общественным деятелем Николаем Новиковым. Следует заметить, что этот же список почти в таком же виде имеется и в «Книге Большому Чертежу», которая была составлена в царствование Ивана Грозного по его личному заданию, данному в 1552 г. («велел землю измерить и чертеж государства составить»). Карта как приложение к этой книге, к сожалению, не сохранилась. «Книга Большому Чертежу» дает представление о строении речной сети в границах Московского государства, в состав которого входила и Вятская земля.

В летописях Нестора и Новгородских писцовых книгах приводятся визуальные сведения о реках и озерах, о мелководьях, о разливах и замерзании рек. Так, в летописи за 1636 год 25 декабря записано о позднем замерзании реки Вятки. Немногочисленные картографические материалы допетровской эпохи (русские и иностранные) дают нередко искаженное очертание гидросети.

При Петре I начинается новый этап в изучении рек, связанный с составлением ландкарт геодезистами с помощью инструментальной съемки. На карте Вятской провинции, составленной в 1731 г. Федором Молчановым, поражает ювелирная точность изображения речной сети. Все реки надписаны [Фель С.Е., 1960]. В начале XIX в. появляются обобщающие работы: «Гидрографический атлас России» (1832), «Гидрографическое обозрение России» (Арсеньев К.П., 1836). В 1844-1849 гг. Штукенбергером была опубликована шеститомная монография «Гидрография России», в которой систематизированы результаты исследований и сведения о развитии водных путей почти за 150-летний период.

Изучение р. Вятки началось в конце XVIII – начале XIX в. и было вызвано развитием промышленности, появлением заводов. Сначала исследовали отдельные короткие участки реки, преимущественно на перекатах и подходах к притокам. Материалы первых исследований поэтому имели отрывочный характер, и к тому же большая часть их не была опубликована. Из опубликованных материалов того времени для познания вод Вятского края имеют значение труды участников географических экспедиций Академии Наук И.И. Лепехина (1814) и Н.И. Рычкова (1770). В них содержатся некоторые данные об особенностях рек, их водном и ледовом режиме. Регулярные наблюдения за состоянием р. Вятки с 1786 г. стал проводить директор народного училища И. Стефанович. Он записывал сроки замерзания реки, время и характер половодья. Начиная с 1800 г. сведения о сроках вскрытия и замерзания р. Вятки у гг. Вятки, Котельнича и Слободского публиковались в «Вятских губернских ведомостях» (Головачев В.С., Френкель М.О., 1983).

В 1874 г. в Министерстве путей сообщения была создана Навигационно-описная комиссия, а затем и Управление водных путей. Эта комиссия провела описно-съемочные работы на всех больших реках России по специальности «Инструкции исследования рек», и ею было положено начало основания водомерной сети в России для развития судоходства. В 1878-1881 гг. Вятская описная партия МПС произвела сплошную съемку, промеры и нивелировку р. Вятки от г. Слободского до устья, но ее материалы не были изданы.

27 сентября 1877 г. в г. Вятке был открыт первый водомерный пост, на котором стали проводить инструментальные гидрологические измерения уровня воды и скорости течения. Позднее гидропосты появились в Котельниче и Слободском. Для сравнения отметим, что первый водомерный пост в стране был открыт в 1715 г. на р. Неве у Петропавловской крепости при Петре I, но единой водомерной сети тогда еще не было. В конце XIX – начале XIX в. изучалось геологическое строение Вятской губернии. В отчетах геологов имеются также и описания рек, в частности в работах профессора П.И. Кротова (1894). Новая сплошная полуинструментальная съемка берегов и промеры русла реки Вятки от г. Слободского до устья была проведена Казанской описной партией в 1907-1914 гг. Результатом ее работы явились лоцманские карты этого участка реки.

В 1921 г. водомерных постов в области было уже шесть. Они были открыты для нужд судоходства. Затем в разные годы ведомственными организациями создавались временные посты в период навигации или экспедиционных работ. Верхняя Вятка на участке от Омутнинского завода до г. Слободского изучалась МПС в 1930-1931 гг. В 1932 г. началась сплошная съемка всей реки изыскательскими партиями речного пароходства, Гипроводтранса, Государственного гидрологического института (1936) и Гидрометеослужбы. Закончилась она в 1938 г. и проводилась для составления схемы комплексного использования реки. Схема была составлена только после Великой Отечественной войны. В 1933 г. в стране была создана единая гидрометеорологическая служба. Кировское краевое управление открылось в следующем, 1934 г. В нем был создан отдел гидрологии, который открыл на реках области 32 стационарных водомерных поста. В 1940 г. краевое управление гидрометеослужбы было ликвидировано и отдел был преобразован в гидрологическую станцию. Директором ее стал И.В. Вершинин.

В годы Великой Отечественной войны и после ее окончания в области не хватало электроэнергии. Для составления проектов строительства сельских ГЭС на реках открывались новые временные посты и проводилось исследование притоков Вятки. В 1948 г. Гидроречтранс (Ленинградское отделение) составил схему генеральной реконструкции р. Вятки для лучшего комплексного использования реки (транспортного, сплавного, энергетического и промыслового).

8 июля 1960 г. гидростанцию и метеобюро объединили, создав Гидрометобсерваторию. С ее организацией количество водомерных постов увеличилось,

возрос также объем и разнообразие выполняемых ими работ и исследований. Стали делать химический анализ воды на содержание в ней различных веществ. С 1965 г. отдел гидрологии Гидрометобсерватории изучает твердый сток на реках области. Химсостав природных вод исследуется группой гидрохимиков с 1968 г. на 15 водомерных постах. С 70-х гг. исследуется качество и химсостав вод уже на 24 постах. Определяется содержание меди, цинка, нефтепродуктов и др.

В 1988 г. на базе Гидрометобсерватории создан Кировский областной центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. В 1997 г. на основных реках области работало 30 водомерных постов. Сравнительно недавно бассейн р. Вятки стал изучаться экспедициями Государственного гидрологического института (Санкт-Петербург). Последняя экспедиция, работавшая в 1992 г. на участке р. Вятки от г. Кирово-Чепецка до п. Мурыгино, составила обстоятельную комплексную характеристику этого участка реки с учетом экологической обстановки.

Данные наблюдения кировских гидрологов ежегодно поступали в гидрометеослужбу страны. На основе обработанных данных составлен «Водный кадастр СССР» – систематизированный, построенный по единому плану свод сведений о реках страны. Он состоит из изданий, включающих большой объем сведений о режиме рек по отдельным бассейнам. Данные о реках области помещены в Государственном водном кадастре, том 1, РСФСР, вып. 8, 23, 24, 25 (Л., 1985, 1986, 1987, 1988). С 1936 г. выходят Гидрологические ежегодники. Монографических работ о реках и озерах области до сих пор нет, но необходимость в них есть. Требуется обработать гидрологические данные за последние десятилетия и сравнить их с предыдущими, чтобы определить воздействие климата на режим рек. Предстоит обработка результатов наблюдений всех гидропостов за весь период наблюдений вплоть до 2001 г.

Примечания

1. *Головачев В.С., Френкель М.О.* Новые сведения о Вятке // Краеведческий сборник. № 6. Киров, 1983.

2. Книга Большому Чертежу. М.: АН СССР, 1950.

3. *Кротов П.И.* Общая геологическая карта России. Лист 89. Орогидрографический очерк западной части Вятской губернии с картой // Тр. Геолкома. Т. XII. № 2. СПб., 1894.

4. *Лепехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 г. Ч. III. СПб., 1814.

5. *Рычков Н.П.* Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1770 г. Т. 2. СПб., 1772.

6. *Фель С.Е.* Картография России XVIII в. М., 1960.

Е.В. Пичугина, В.М. Рябов

ОСОБО ОХРАНЯЕМАЯ ПРИРОДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ «БОР НА ЛОБАНИ»

В работе изучена растительность и флора ландшафтного памятника природы Кировской области «Бор на Лобани». Выявлено два типа ассоциаций сосновых лесов; проведены анализы флоры: систематический, эколого-ценотический, экологический; выявлены степные элементы среди произрастающих на исследуемой территории растений.

«Бор на Лобани» является ландшафтным памятником природы, находящимся в Кильмезском районе Кировской области. Он представляет собой сосновый массив площадью 637,9 га в 8-12 км к северо-востоку от поселка Кильмезь на Гозекский перевоз (Соловьев, 1997). Бор расположен в подзоне хвойно-широколиственных лесов на древних дюнах – реликтовых формах рельефа. Они имеют вид песчаных холмов высотой до 10-15 м и длиной до 250 м. Уникальность бора заключается в том, что наряду с типичными таежными видами здесь встречаются растения других природных зон, в том числе степняки.

Несмотря на это, бор на реке Лобань является малоизученным местом в отношении растительности и флоры в Кировской области. Первые обследования этой территории проводились Ф.П. Рупрехтом (1866), П.Н. Крыловым (1885), А.Н. Бушем (1889). Флористический материал и гербарные образцы были накоплены также в результате исследовательской деятельности Геоботанического отряда Вятской почвенной экспедиции под руководством местного краеведа А.Д. Фокина (1924) (Фокин, 1929). В дальнейшем было предложено выделить бор на реке Лобань как особо охраняемую природную территорию. С октября 1990 года эта территория становится ландшафтным памятником природы.

Однако в вышеуказанных работах не было детального ботанического изучения бора на реке Лобань. В связи с этим в течение пяти лет (1998-2002) мы исследовали флору и растительность этого памятника природы. Кроме того, нашей целью было выявление степных элементов среди произрастающих растений, а также проведение систематического, эколого-ценотического анализа флоры и выделение экологических групп растений по отношению к воде. Изучение проводили по общепринятой геоботанической методике

ПИЧУГИНА Екатерина Владимировна – студентка V курса естественно-географического факультета ВятГГУ
РЯБОВ Владимир Михайлович – учитель биологии, химии и экологии Муниципальной общеобразовательной средней полной школы д. Рыбная Ватага Кильмезского района Кировской области
© Е.В. Пичугина, 2003
© В.М. Рябов, 2003

с использованием маршрутных методов (Шенников, 1964, Ипатов, 1998, Смирнова, 2000). Пробные площадки размером 20х20 м^2 закладывались в разных условиях рельефа и разнообразных типах сообществ и растений. Определение растений проводилось по «Определителю растений Кировской области» (1975) и «Определителю сосудистых растений ...» (1995).

В результате работы были выявлены две группы ассоциаций сосновых лесов: зеленомошниковые и беломошниковые.

В сосняке беломошниковом сомкнутость крон древостоя составляет 0,3. Среднее расстояние между деревьями 4,5 м. В подросте доминируют *Populus tremula* L. и *Pinus sylvestris* L. Подлесок развит хорошо и образован следующими видами: *Chamaecytisus ruthenicus* (Fisch. Ex Woloszcz.) Klaskova, *Juniperus communis* L. и *Sorbus aucuparia* L. Сомкнутость полога кустарникового яруса 25%. Травяной и кустарничковый покров с общим проективным покрытием 30% образован 17 видами растений, среди которых *Antennaria dioica* (L.) Gaertn, *Campanula rotundifolia* L., *Festuca valesiaca* Gaud., *Diantus hmidtpratensis* M. B., *Viola rupestris* F. W. Schmidt и другие. Травяной покров разрежен.

В понижениях дюнного рельефа, где почва хорошо дренирована, этот тип леса заменяется бором-зеленомошниковым брусничным. Одноярусный древостой с сомкнутостью крон 0,6 образован только Pinus sylvestris L., однако в подросте доминируют *Populus tremula* L., *Quercus robur* L., единично встречаются *Pinus sylvestris* L., *Picea abies* (L.) Karst. и *Tilia cordata* Mill. Довольно хорошо выражен подлесок, состоящий из *Chamaecytisus ruthenicus* (Fisch. Ex Woloszcz.) Klaskova, *Juniperus communis* L., *Sorbus aucuparia* L., *Euonymus verrucosa* Scop. В травяно-кустарничковом покрове преобладает *Vaccinium vitis-idaea* L., кроме того, встречаются *Carex praecox* Schreb., *Chimaphila umbellata* (L.) Barton, *Rumex acetosella* L., *Achyrophorus maculatus* Scop. и другие виды. Напочвенный покров образован зелеными мхами и занимает 75% площади.

В сосняке зеленомошниковом купеновом сомкнутость крон двухярусного древостоя 0,5. Подлесок развит хорошо, по площадке равномерно распределены *Chamaecytisus ruthenicus* (Fisch. Ex Woloszcz.) Klaskova, *Juniperus communis* L., *Sorbus aucuparia* L., встречается *Lonicera xylosteum* L. Среди травянистых растений доминирует *Polygonatum odoratum* (Mill.) Druce, произрастают также *Solidago virgaurea* L., *Melampyrum pratense* L., *Achyrophorus maculatus* Scop., *Hieracium umbellatum* L. Общее проективное покрытие травяно-кустарничкового яруса 26%.

Среди перечисленных выше типов лесных сообществ встречается сосняк-зеленомошниковый купеновый, где в подлеске доминирует *Juniperus communis* L. с проективным покрытием 40%. Наряду с ним произрастают *Chamaecytisus ruthenicus* (Fisch. Ex Woloszcz.) Klaskova, *Sorbus aucuparia* L., *Euonymus verrucosa* Scop., *Lonicera xylosteum* L. Двухъярусный древостой имеет сомкнутость полога 0,6. В подросте одновременно встречаются бореальные (*Abies sibirica* Ledeb., *Pinus sylvestris* L., *Picea abies* (L.) Karst.) и неморальные виды (*Populus tremula* L., *Quercus robur* L.). Травяной покров сильно разрежен и представлен в 1-м подъярусе *Campanula rotundifolia* L., *Solidago virgaurea* L ., *Achyrophorus maculatus* Scop., а во 2-м – *Orthilia secunda* (L.) House, *Melampyrum pratense* L ., *Polygonatum odoratum* (Mill.) Druce, *Goodyera repens* (L.) R. Br. и другими видами растений.

Благодаря маршрутным исследованиям выявлено 190 видов растений, относящихся к 49 семействам и 133 родам.

По числу видов преобладают сем. *Compositae* (23 вида), сем. *Caryophyllaceae* (16 видов), сем. *Rosaceae* (13 видов), сем. *Leguminosae* (13 видов) и сем. *Gramineae* (13 видов),что характерно для области в целом. Малочисленны следующие семейства: *Polygalaceae* (1 вид), *Crossulariaceae* (1 вид), *Ericaceae* (1 вид), *Caprifoliaceae* (1 вид). Имеются также монотипные семейства, имеющие один род, представленный одним видом. Это сем. *Celastraceae*, сем. *Aristolichiaceae*, сем. *Balsaminaceae*, сем. *Fagaceae*, сем. *Cornaceae*, сем. *Menyanthaceae*, сем. *Tiliaceae* (см. табл. 1).

Была предпринята попытка выделить из имеющейся флоры экологические группы растений по отношению к воде, так как в данных условиях произрастания влажность является лимитирующим фактором для отдельных видов. Данные анализа показали, что в бору на реке Лобань преобладают мезофиты (171 вид). Это, например, *Steris viscaria* (L.) Rafin., *Medicago lupulina* L., *Anthoxanthum odoratum* L. и другие. Восемь видов относятся к группе ксерофиты (*Astragalus arenarius* L., *Arctostaphylos uva-ursi* (l.) Spreng., *Vaccinium vitis-idaea* L.) ,одиннадцать видов – гигрофиты (*Alisma plantago-aquatica* L., *Carex dioica* L., *Lythrum salicaria* L.). Это объясняется тем, что в сосновых лесах условия в течение большей части вегетационного периода засушливые. Дюнный рельеф усиливает эту особенность экотопа. Проанализировав видовой состав, мы подсчитали процент видов, относящихся к той или иной экологической группе по отношению к воде (см. табл. 2).

Был составлен экотипический спектр флоры. В бору на реке Лобань представлены почти все эколого-ценотические группы растений. Наряду с типичным составом растений бореальных лесов (*Picea abies* (L.) Karst., *Maianthemum bifolium* (L.) F. W. Schmidt, *Trientalis europaea* L.), неморальных (*Melica nutans* L., *Asarum europaeum* L., *Euonymus verrucosa* Scop.) и сухих боров (*Chamaenerion auct. Angustifolium* (L.) Holub, *Arctostaphulos uva-ursi* (L.) Spreng., *Antennaria dioica* (L.) Gaertn.) произрастают растения олиготрофных болот (*Naumburgia thyrsifflora* (L.) Reichenb., *Menyanthes trifoliata* L.), а также водно-болотные виды (*Stachys palustris* L. *Lythrum salicaria* L., *Equisetum fluviatile* L.). Кроме того, встречаются растения черноольшаников (*Angelica sylvestris* L., *Lycopus europaeus* L., *Impatiens noli-tangere* L.) , суходольных лугов (*Anthemis tinctoria* L. *Plantago media* L., *Rumex acetosella* L.) и пойменных лугов (*Galium boreale* L., *Saponaria officinalis* L., *Polygala comosa* Schkuhr). Растения экотонных сообществ, или «опушечники», представлены следующими видами: *Trollius europaeus* L., *Potentilla goldbachii* Rupr., *Anthriscus sylvestris* (L.)Hoffm. Достаточно много сорных элементов (*Chenopodium album* L. s. l., *Viola tricolor* L., *Filago arvensis* L.) (Заугольнова, Жукова, Бекмансуров, 2000). Такое разнообразие эколого-ценотических групп объясняется, по-видимому, тем, что растения, произрастающие на небольшой по площади территории «Бора на Лобани», находятся в разнообразных экологических условиях. Они создаются за счет поймы реки Лобань, дюнного рельефа и антропогенного фактора.

Необходимо отметить, что уникальность памятника природы «Бор на Лобани» заключается в том, что в этом сосновом массиве произрастают степные растения. Они встречаются обычно на южных склонах дюн и входят в состав травяно-кустарничкого яруса леса. В бору на реке Лобань было найдено более 20 видов степняков: *Festuca valesiaca* Gaud., Corispermum hyssopifolium L., *Potentilla peptaphylla* L., *Astragalus arenarius* L., *Viola rupestris* F. W. Schmidt, *Dracocephalum ruyschiana* L., *Plantago urvillei* Opiz, *Artemisia austriaca* Jacq., *A. campestris* L. s. l., *Carlina biebersteinii* Bernh. ex Hornem. и другие.

Среди степных растений 5 видов занесены в Красную книгу Кировской области (2001): *Dianthus borbasii* Vandas, *D. arenarius* L., *Gypsophila paniculata* L., *Jurinea cyanoides* (L.) Reichenb., *Centaurea marschalliana* Spreng.

Таблица 1

Систематический анализ флоры памятника природы «Бор на Лобани»

№	Название семейства	Количество родов	Количество видов
1	*Compositae*	15	23
2	*Caryophyllaceae*	9	16
3	*Gramineae*	12	13
4	*Fabaceae*	9	13
5	*Rosaceae*	6	13
6	*Labiatae*	7	9
7	*Scrophulariaceae*	6	8
8	*Ranunculaceae*	4	6
9	*Campanulaceae*	1	5
10	*Cruciferae*	4	4

Таблица 2

Экологические группы растений по отношению к влажности

№	Экологическая группа	% от общего числа обнаруженных видов
1	Мезофиты:	
1.1	Истинные мезофиты	69
1.2	Ксеромезофиты	13,7
1.3	Гигромезофиты	7,3
2	Ксерофиты	4,2
3	Гигрофиты	5,8

Примечания

1. *Заугольникова Л.Б., Жукова Л.А., Бекмансуров М.В.* Методика проведения геоботанических описаний // Полевой экологичесий практикум: Учеб. пособие. Ч. 1 / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2000. С. 39-47, 95-109.

2. *Ипатов В.С.* Описание фитоценоза: Методические рекомендации. СПб., 1998. 93 с.

3. Красная книга Кировской области: Животные, растения, грибы / Отв. ред. Л.Н. Добринский, Н.С. Корытин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 288 с.

4. Определитель растений Кировской области. Т. 1. Киров, 1975. 257 с.

5. Определитель растений Кировской области. Т. 2. Киров, 1975. 304 с.

6. Определитель сосудистых растений центра европейской России / И.А. Губанов, К.В. Киселева, В.С. Новиков, В.И. Тихомиров. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Аргус, 1995. 560 с.

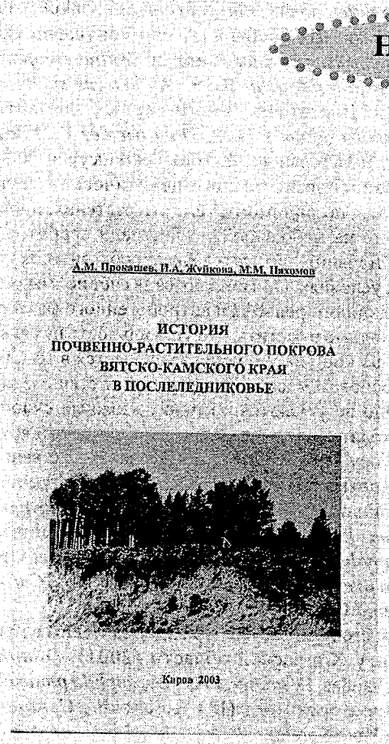
7. *Смирнова О.В. и др.* Оценка и сохранение биоразнообразия лесного покрова в заповедниках Европейской России. М.: Научный мир, 2000. 186 с.

8. *Соловьев А.Н.* Заповедные места // Энциклопедия земли Вятской. Природа. Т. 7. Киров, 1997. С. 547-582.

9. *Фокин А.Д.* Краткий очерк растительности Вятского края // Вятский край: Сб. в помощь учителю. Вятка, 1929. С. 86-105.

10. *Шенников А.П.* Введение в геоботанику. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1964. 446 с.

Новые книги



Прокашев Алексей Михайлович
Жуйкова Ирина Александровна
Пахомов Михаил Михайлович

История почвенно-растительного покрова Вятско-Камского края в послеледниковье

Монография
Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 143 с.

На основе комплекса палеоботанических и палеопочвенных методов исследования рассмотрена история становления современного растительного и почвенного покрова территории Вятского Прикамья начиная с позднего плейстоцена до современности. Освещена периодизация палеографических событий с выделением основных этапов в развитии растительности и почв. Все выводы базируются на данных детальных спорово-пыльцевых анализов серии опорных разрезов торфяников и экспериментального изучения почв.

Работа представляет интерес для специалистов естественнонаучного, сельскохозяйственного, природоохранного профилей.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.А. Поздеев

ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ФОЛЬКЛОРНОЙ ПАРОДИИ

Особое место в диалоге культур занимает пародирование. Фольклорная пародия – явление очень древнее, и связано оно с игровым началом. В статье рассматривается сатирическое осмысление религиозного сознания, представленного в антиклерикальных фольклорных и рукописных произведениях. Эти представления дают пример восприятия «другой» культуры, которая со временем становится частью «своей».

Сложилось условное деление культуры на три слоя: письменная (книжная) культура, фольклорная культура и «третья» (городская) культура. Естественно, эти три слоя культуры взаимопроницаемы, в них постоянно происходит диалог между различными элементами этих культур. Одним из ярких индикаторов диалога различных слоев культуры является пародия. Литературная пародия более четко выявляет «диалог» внутри письменной культуры, тогда как фольклорная пародия – явление, отражающее и внутрикультурный и межкультурный диалог.

В пародии довольно ярко выражены игровые формы мышления, это один из приемов познания действительности. В фольклорной пародии объектом может служить как сама действительность, так и художественное преломление этой действительности. «Игра» с действительностью в пародии более примитивна и построена на внешнем сходстве. В.Я. Пропп писал: «Пародирование состоит в имитации внешних признаков любого жизненного явления (манер человека, приемов искусства и пр.), чем совершенно затмевается или отрицается внутренний смысл того, что подвергается пародированию. Пародировать можно решительно все: движения и действия человека, его жесты, походку, мимику, речь, профессиональные привычки и профессиональный жаргон; можно пародировать не только человека, но и то, что им создано в области материального мира. Пародирование стремится показать, что за внешними формами проявления духовного начала ничего нет, что за ними — пустота. Подражание клоуна изящным движениям цирковой наездницы всегда вызывает смех: есть вся видимость изящества и грации, но самого изящества нет, а есть противоположная ей неуклюжесть. Таким образом, пародия представляет собой средство раскрытия внутренней несостоятельности того, что пародируется» [1]. К числу наиболее распространенных сатирических приемов относятся пародия и клише. Однако в фольклористике и литературоведении нет однозначных трактовок клишированности, канона, формульности, пародии, пародичности, стилизации, травестии, перелицовки и подобных явлений, которые используются как приемы, приводящие к некоему «двуединству» формы текстов, разнонаправленных по своему идейному содержанию. Ю.Н. Тынянов в свое время писал о пародичности и пародийности. По его мнению, «пародичность и есть применение пародических форм в непародийной функции» [2]. Исследователь определил, что в пародии имеется два плана: «за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый. Но в пародии обязательна невязка обоих планов, смещение их /…/ при стилизации этой невязки нет, есть, напротив, соответствие друг другу обоих планов: стилизующего и сквозящего в нем стилизуемого».

«Суть пародии – в механизации определенного приема; эта механизация ощутима, конечно, только в том случае, если известен прием, который механизируется; таким образом, пародия осуществляет двойную задачу: 1) механизацию определенного приема, 2) организацию нового материала, причем этим новым материалом и будет механизированный старый прием» [3]. По мнению исследователя, механизация словесного приема может реализоваться на уровне композиционного плана:

а) перестановка частей;

б) каламбурное смещение значений;

в) прибавление рефренов.

Современное западное литературоведение рассматривает технику пародирования в двух аспектах. Ж. Женетт, разрабатывая теорию взаимодействия текстов, видит пародию как гипертекст. Гипертекст, по мысли Женетта, формируется как некие трансформации или имитации первичного гипотекста, то есть, сохраняя основные первичные признаки текста оригинала, которые должны служить опорными знаками, и без учета этих знаковых связей не может быть воспринят адекватно новый текст. Исследователь включает в ряд гипертекстов, помимо пародии, травестии,

ПОЗДЕЕВ Вячеслав Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской литературы ВятГГУ
© В.А. Поздеев, 2003

пастиша, «подделку» и транспозицию. «Подделка» – это своеобразное «продолжение» известного повествования, а транспозиция – обработка известного сюжета при отсутствии снижения или критики оригинала [4]. Стилизация, по мысли Женетта, направлена на стиль и жанр, в отличие от пародии, которая отталкивается от конкретного произведения, поэтому стилизация ограничивается техникой имитации. Имитация – «косвенная трансформация текста», а пародийная трансформация способна только на минимальное преобразование текста или «пародийное цитирование» [5].

Фольклорная пародия – явление очень древнее и связано оно с игровым началом. В ранних фольклорных произведениях еще не наблюдается пародирования как межкультурного диалога, скорее, в них ощущается диалог с природными явлениями. Однако, подражая, играя, надевая маску того или иного «существа», человек пытался утрировано показать «типичное» поведение или действия. Фарсовая заостренность должна была способствовать узнаваемости, и в свою очередь способствовать развитию сатирических элементов.

В русской народной культуре сатирическое начало ярче всего проявлялось в «медвежьей комедии». Медвежья комедия – это древнее явление, в котором, возможно, впервые проявляется пристрастие человека к пародированию с помощью дрессированного животного. Зафиксированные тексты медвежьей комедии немногочисленны. Однако они типичны. В медвежьей комедии важную роль играли реплики вожака. Вероятнее всего, первоначально реплики вожаков фиксировали только определенные движения медведя, затем такая импровизационность приобретала клишированный характер, то есть появлялась «школа» не только медвежьей дрессуры, но и «школа» вожаков-балагуров.

Реплики поводильщиков состоят из объяснительных текстов, по форме они могут быть пословичным текстом, раешным стихом. В них довольно остро подмечены человеческие недостатки, социальное противопоставление, а также отразились возможности дрессуры медведей, их обычные повадки. *«Ну-тка, Мишенька, – начинает вожак, – поклонись честным господам да покажи-ка свою науку, чему в школе тебя пономарь учил, каким разумом наградил /.../ как красные девицы, молодицы, белятся, румянятся, в зеркальце смотрятся, прихорашиваются. – Мишка садится на землю, трет себе одной лапой морду, а другой вертит перед рылом кукиш – это значит, девица в зеркало смотрится. /.../ -А ну-ка, Михайло Иванович, представьте, как поп Мартын к заутрени не спеша идет, на костыль упирается, тихо вперед подвигается, - и как поп Мартын от заутрени домой гонит, что попадья его не догонит. /.../ -А нуте, Мишенька, представьте, как толстая купчиха от Николы на Пупышах, напившись, нажравшись, как налитой к(...) сидит, мало говорит; через слово рыгнет, через два п(...)нёт. – Мишенька садится на землю и стонет»* [6].

Особенность дискурса реплик вожаков обусловлена стереотипом мышления вожака и зрителей. Этот стереотип актуализируется в выборе традиционных действий, формул, приемов, а также в возможности внесения некоторых ассоциативных элементов.

Фольклорной пародией можно назвать и пародирование сказочно-эпического содержания и формы. Например, в сказке «Семерых одним взмахом» герой убивает мух – это пародия на сказочных и былинных героев.

Религиозное самосознание большей части населения России было связано с христианством, однако, как известно, в этом сознании соединились остаточные элементы язычества, а также различных «ересных» течений, что породило такое явление, как бытовое православие. «Церковь, как могла, боролась с бытовым православием, но в ряде случаев шла и на идеологические компромиссы с ним» [7].

Антицерковный фольклор и в частности сказка как своеобразный феномен народной культуры затрагивает более глубокие, чем кажется на первый взгляд, аспекты народного мировоззрения. Критика церкви в фольклоре, на наш взгляд, – это, скорее всего, форма своеобразных «богословских ересей», а также отражение народных утопий, таких, как христианский социализм. Б.А. Успенский отмечал, что «существенным моментом при самоопределении того или иного явления культуры неизбежно делается полемика с враждебными ей идеологиями, поскольку в процессе такой полемики происходит формулировка собственной позиции и показательная трансформация позиции противника. Христианизация Руси повлекла за собой не только необходимость для «новой веры» определиться по отношению к язычеству, но и вовлекла русских людей в полемику между восточным и западным христианством» [8]. В этом случае уже возникает межкультурный диалог, хотя на «первых порах» он скорее похож на противостояние.

Г.П. Федотов, изучая духовные стихи, отмечал особенности народного богословия и в частности писал, что «народная иерархия небесного мира, смутная и неустойчивая, не совпадает с церковной. Во всяком случае, она питается литургикой, храмовым культом, а не катехизисом» [9]. Своеобразные представления о небесном мире, о Боге отразилось не только в духовных стихах, христианских легендах, но и в других жанрах фольклора, в частности в сказках. Также эти мотивы нашли отражение в древнерусских «видениях». Н.И. Прокофьев определяет жанр «видения» как «легендарно-повествовательный», в котором проявились представления об общении человека «с трансцедентным миром («богообщение») в реально-практических целях» [10]. Такое постепенное проникновение христианского мировоззрения в народный художественный стереотип подтверждает «диалогичность» народной культуры.

В антицерковных сказках, как и в волшебных, разрабатывается пародийная тема посещения «того света». Обычно это сюжет «проводы мужика или солдата на тот свет». Если в волшебных сказках «тот свет» – это прежде всего языческое представление «об ином царстве», то в сказке сатирической – перед нами представления в духе народного православия, со всеми элементами «небесной иерархии», но выраженное в пародийной форме.

Так, в сказке «Солдат и смерть» помимо основного сюжета – «солдат на том свете» – отражено представление о чертях, которые обитают в некоем большом доме и которые манят (маны) людей. Здесь явная перекличка с быличками о черте.

В сказке изображается «путешествие» души в загробном мире: «Солдат в полном довольствии прожил три года, а затем захворал и помер, душу его принял ангел и полетел с нею на небо. Прилетают к вратам рая, душа принимает оболочку солдата, и он спрашивает: «Это что такое?» – «Рай», – отвечает ангел. – «А дают там табак, вино и хлеба?» Ангел отвечает: «Табаку и вина там нет, а хлеба есть». – «Ну, так я не пойду в рай». Ангел в ответ: «Я так и доложу богу» [11].

Христианское понимание души-плоти-тела раскрывается в этой сказке как некая особенность человеческого бытия, которое всегда предусматривает некое противопоставление души и плоти. В сказке представлено понимание о душе, которая вылетает из тела (оболочки) и соединяется с ним только на небесах. Как мы видим, в народном сознании «душа» не имеет никакой предметной оболочки. Надо заметить, что употребление «табака и вина» именно как плотское удовольствие осуждалось христианской религией.

Довольно интересна народная топография того света. Традиционно он находится на небесах, есть ворота Рая и ворота Ада, у ворот Рая есть привратник, чаще всего апостол Петр.

Увидев ворота Ада, солдат входит туда, но черти узнали его и подняли шум. Сам Сатана выгнал солдата из Ада. Здесь Сатана мыслится как повелитель бесов и антагонист бога. И остался солдат между Раем и Адом (вспомним пословицу «Ни Богу свечка, ни черту кочерга»). Далее он видит Смерть, которая идет к Богу. Она желает спросить, каких людей морить? Солдат сам идет к Богу и передает Смерти совсем другие приказания. В этом случае не Сатана распоряжается смертью людей, а только Бог вершит их судьбы. В этом варианте сказки контаминировано несколько сюжетных мотивов: «солдат и ангел», «солдат и черти», «солдат на том свете».

В сказке «Как мужик в рай ходил» изображено «устройство» небесной канцелярии, как ее представляли простые люди: по подобию земных учреждений: Апостол Петр стоит у ворот швейцаром, сам Саваоф сидит за большим столом, Кирилл и Мефодий служат писарями, Мария Магдалина служит машинисткой, а архангел Михаил – курьером. И случай, который послужил подаче жалобы, представлен как совсем земной: на весеннего Миколу трава не выросла, вот мужики просили попа написать жалобу самому богу. Пародируется и форма разбора жалобы: каждый святой видит причину в другом, и, в конце концов, все замыкается на боге Саваофе. Примечательно, что бог в гневе выговаривает: «Мужики и совсем нам верить не будут, и попы жалуются: доходу мало». Составитель определяет эту сказку как «одну из самых острых сатир на церковь и бога» [12]. Отмечается, что сказка построена по типу пародийной кумулятивной, однако это не просто нанизывание одного эпизода на другой, а использование схемы народного месяцеслова: каждый святой отвечает за определенное погодное условие. Это еще одно из подтверждений, что народное православие – явление синкретичное.

В другой сказке «С того света» солдат обманывает матушку, которая посылает своему умершему сыну с солдатом на «тот свет» разные вещи, а потом и сам поп вынужден сказать, что лошадь послал к сыну.

Можно сказать, что эти сказки являются своеобразной «концентрацией» взглядов народного православия на небесный мир, но даже иронически-сатирическая интонация сказок не заслоняет веры в загробную жизнь как одного из главных христианских постулатов.

Объектом фольклорной пародии становились тексты/произведения «чужой», письменной культуры: деловые документы, конфессиональные, литературные произведения.

Литературное пародирование – чаще всего ироническое переосмысление текста, художественного произведения, образа, жанра, стиля. Пародирование использует в основе своей оппозицию свое/чужое, несовпадение или перекличка (диалогичность) текстов создают особый художественный мир, включенный в обе части оппозиции. В рукописных сборниках XVII-XVIII веков разрабатывались несколько антиклерикальных мотивов устного и книжного происхождения. Мотивы посещения потустороннего мира, спасения души в загробном мире связаны как с устной, так и книжной традицией. Как отмечает Н.С. Демкова, публикуя рукописную повесть «О некоем купце лихоимце», что «традиционный книжный мотив спасения души заметно деформируется под влиянием народной трактовки образа скомороха, а "душеполезная" повесть о пользе "сорокоустов" приобретает черты плутовской новеллы». Несомненно, что скоморох – герой повести – вошел в нее как персонаж, умеющий «развлечь, уговорить». После смерти купца, когда родные плакали над могилой, приходит скоморох «свирельник», предлагает опустить его в «пропасть ону», то есть в загробный мир. Увидев, что душа купца горит в аду, скоморох затевает разговор с бесами о том, как можно спасти душу купца и где будет его душа после смерти. Оказалось, что и душе скомороха уготована зловонная и огненная участь, вот он «нача

играти в гусли своя и скакати». После того, как порвалась струна на гуслях, он просит отпустить его. Скоморох говорит: «Аз принесу вся свирели моя и поиграю зде, и повеселю вас» [13]. Аналогичный мотив известен в сказке «Скрипач в аду». В сказке и в повести скоморох и скрипач – люди пришлые. Можно отметить, что в них есть несомненная перекличка героев: скоморох (скрипач) и богатый купец (мужик), такое противопоставление отражает народный взгляд на то, что скоморохи бедны и их искусство/ремесло позволяет им «знаться» с нечистой силой, однако возможность вернуться на «землю» дает только бог. И в этом видится отражение народного православия.

Помимо сатирических антиклерикальных сказок большое место в «третьей культуре» занимают рукописные сатирические поэмы. Они продолжают и в какой-то мере развивают взгляды на христианскую догматику народных сказок («Солдат в аду», «Баба и змей», «Как пьяница в рай попал», «Как на том свете работник скупого барина вызволял» и др.), а также уже упомянутые произведения народно-демократической сатиры XVII века. В обстоятельной статье Н.В. Карпова рассматриваются сюжетные мотивы антиклерикальной сатиры XVII века в русской нелегальной поэме XIX века «Грешница» и «Спор у врат рая» [14]. Автор статьи сравнивает поэму неизвестного автора «Грешница» с «Повестью о бражнике». Героиня поэмы Агаша Шустова, «девица с гнилой моралью», смогла опровергнуть все претензии к себе как грешнице и уличить «праведников» Адама, Иакова, Ноя, Юдифь, Давида, Соломона, Иону, Фому, Павла, Петра, а также Марию Магдалину в «греховности»:

Охота Ною тут пришла
За Якова вступиться, –
Агаша даже не дала
И рту его открыться, –
– Как? И тебя здесь терпит Бог?
На что это похоже.
Ужели красит ваш чертог
Твоя спитая рожа?
Припомни-ка, голубчик, сам,
Как раз ты нализался,
Что даже рассмеялся Хам,
Как ты нагой валялся.
От этих горьких, злых речей
Мой старец застыдился
И, покраснев, как рак, скорей
От дерзкой удалился... [15]

Из таких замечаний по поводу библейской истории можно предположить, что поэма была написана автором, который хорошо знал содержание Ветхого и Нового Завета, то есть, вероятнее всего, принадлежал к студенческой или семинаристской среде, может быть, к среде мелких чиновников. В другой поэме «Спор у врат рая» разрабатывается тот же сюжет, только на тот свет отправляется душа бывшего отставного поручика, который побывал и слугой, и кондуктором, и дворником, однако был человеком образованным. В споре его душа также упрекает в «порочности» разных святых. В этой поэме антицерковная направленность переходит в идеи богоборчества:

Везде нужда, везде тревога,
Вражда, обман, порок и лень.
И где в нем есть подобья бога
Хотя намек? Хотя бы тень?
Сомненья искра в ум запала
И мне.
Душа спала, молчала вера.
Лукавый мой мутил умок
И ни намека, ни примера
Я не видал, что был бы бог... [16]

В ортодоксальном христианстве, как и в народном православии, осуждались различные грехи, которые могли привести людей в Ад. Этот аспект народного мировоззрения также представлен в антицерковной сказке.

Синкретизм народного православия проявляется и в языческом понимании «темных» сил – чертей, смерти, а также противопоставлении Рая и Ада, Бога и Сатаны, греховности и святости, души и плоти, – все это выдержано в духе народного православия.

Говоря о духовных стихах, Г.П. Федотов очень точно заметил, что «в духовных стихах мы находим данный в мельчайших подробностях моральный кодекс народа» [17]. Как и в духовных стихах, в сатирических сказках можно видеть элементы этого народного «морального кодекса»: неприятие своеволия («Как поп хотел, чтобы солнце все сутки светило»); нарушение молитв и земных поклонов («Не поделили»); нарушение храмового богослужения («Поп и работник»); нарушение правил исповеди и причастия, крещения и отпевания («Жадность попов» [18], «Некрещеная рожа» [19]); нарушение запрета на брачные отношения во время поста и т.п. Г.П. Федотов выделяет три группы грехов, из которых, применительно к сказкам, актуальны следующие: грехи «против ритуального закона Церкви» [20]; грехи, связанные «с нарушением христианского закона любви» [21].

Песенная антиклерикальная сатира не так распространена, как сказочная, однако достаточно хорошо выделяются песни, в которых персонажами являются священнослужители. Мотивы песенной сатиры перекликаются со сказочной. Например, мотив прельщения девичьей или женской красотой. Лирический и сказочный сюжет выстраивается как ряд неких «непристойных» действий или намерения действий:

На ее люди зарятся:
Пономарь звонит, – мешается,
Дьякон в ризах заплетается,
Поп над книгой усмехается;
Он кадиличком кадит, кадит, кадит,
Все на милую глядит, глядит, глядит.
Ах, уж ты, ты тонкая, высокая моя,
Разстатистая, ухабистая! [22]

Сатирическая направленность может быть обусловлена целым рядом обстоятельств: местом, временем, причинами. Так, в песне условия и обстоятельства церковной службы становятся фоном, на котором показывается «похотливость» клира. В других вариантах («Борозда моя, бороздушка…») молодица выбирает, кого любить: молоденького попа, дьячка, цыгана, купца, которые как бы «покупают» ее любовь, а в итоге она не выбирает никого:

Мне курятинки хочется,
А любить дьячка не хочется... [23]

Здесь не столько определенная последовательность мотивов «цепь предложений и отказов», а соединение вербального и действенного начала, они как бы динамизируют сюжет.

Есть песни-пародии, которые используют форму церковных песнопений и тоже тематически примыкают к антиклерикальной песенной традиции:

Подражание «Рождеству»
Рождество твое скорчилося,
Воссия миру сугорбилося.
Микола богородицу ведет,
Богородица шаражится, нейдет.
Рождество твое чеботарное,
Шило твое подшивальное.
Кончики свинечные,
Середочка вареная –
Шей, подшивай, подколачивай! [24]

Авторы песен весьма хорошо представляли различные церковные произведения, так как чтение церковных печатных книг, которое сопровождало годовые праздники, культовые обряды, а также церковные проповеди и службы, воспринятые на слух, давали различные образцы для пародирования.

Привычное содержание церковных «гласов» заменялось на «необычное» (сниженное, комическое, шуточное), и это «необычное» становилось «обычным», хорошо запоминающимся, формульным, знаковым, которое можно было вспомнить в любых обстоятельствах, а вслед за текстом вспоминался и напев.

Настоечка двойная,
На зелье составная,
Сквозь уголь пропускная –
Восхитительна!
И стоит лишь напиться, –
Само собой звонится,
И хочется молиться
Умилительно! [25]

Формальные признаки текста сочетаются с очень сильной позицией напева в проявлении суггестивности. Видимо, поэтому многие поэты-самоучки пародий использовали песенную форму, пародируя определенное содержание.

Разговорный, балагурный шутливый стиль соединялся с церковно-официальным стилем речи, и создавался комический эффект. Стиховая форма, рифма (рифмованная проза), синонимические повторы (плеоназм), особые словесные конструкции восполняли бедность художественной выразительности.

Особенно часто сатирическому осмеянию подвергаются монахи и монастырские нравы. В игровых и хороводных песнях эта тематика представлена довольно широко. Главными персонажами этих песен является чернец или черниченка (монашка). Недоразумение или сознательное нарушение, неправильные поступки молодого монаха или монашки вызывают комический и сатирический эффект.

Монах:
Как проходит дорогая мимо кельи.
Ты зайди, зайди, милая, ко мне в келью.
Ты сними с меня, милая, черну ряску,
Приложи ты свои руки к моей груди,
Ты почувствуй, как мое сердце трепещет…
И тогда, душа, из старцев расстригуся,
На тебе же, душа милая, женюся…
Монахиня:
Я сняла бы с себя рубище простое,
Имя ангела в грехи нося пустое. [26]

Комическое и трагическое начала как бы соединены вместе: с одной стороны, конечно же, явное противоречие с теми моральными устоями, которые определены монастырской жизнью, а с другой – осознание обреченности судьбы.

В антиклерикальной сатире встречаются единичные примеры текстов, направленных против «староверов»: «Староверский поп», «Во Шадринском во селенье». Изображение обыденных правил «староверов» не вызывает какого-либо отрицания, насмешки, однако комизм положения раскрывается в развертывании смыслового ядра текста.

Восприятие «другой» культуры в народном сознании – процесс довольно сложный и неоднозначный. В народной культуре отмечены различные формы восприятия «другой» культуры, например песни литературного происхождения, поэзия поэтов-самоучек и т.п. Однако многое в народную культуру вошло через пародирование, высмеивание элементов «другой» культуры. Первоначально «отрицательное» постепенно становилось частью «своего», хотя, вероятнее всего, «отрицательный» пафос оставался в стереотипах восприятия.

Диалог культур в фольклорной пародии не исчерпывается только отмеченными аспектами, он может быть выявлен во взаимовлиянии разных этнических, «высокой» и «низкой», устной и письменной культур.

Примечания

1. *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха. СПб., 1997. С. 100-101.

2. *Тынянов Ю.Н.* О пародии // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 290.

3. *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 201.

4. См.: *Genette G.* Palimpsestes: La littйrature au second degrй. P., 1982. P. 14.

6. Народный театр. М., 1991. С. 404.

7. Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 566.

8. Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 226-227.
9. *Федотов Г.П.* Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 24.
10. *Прокофьев Н.И.* Видения как жанр в древнерусской литературе // Вопросы стиля художественной литературы: Уч. зап. МПГИ. № 231. М., 1964. С. 37-38.
11. Сказки, песни, частушки Вологодского края. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 263.
12. Сказки Заонежья. Петрозаводск, 1986. С. 61-64.
13. *Демкова Н.С.* Из истории демократической беллетристики XVII в. (Неизвестная повесть о том, как скоморох в ад ходил) // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 50, 53.
14. *Карпов Н.В.* Сюжетные мотивы антиклерикальной сатиры XVII в. в русской нелегальной поэме XIX века // Литература Древней Руси: Сб. тр. / Отв. ред. Н.И. Прокофьев. Вып. 2. М., 1978. С. 84-95.
15. Там же. С. 87.
16. Там же. С. 92.
17. *Федотов Г.П.* Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 84.
18. Русские народные сатирические сказки Сибири. Новосибирск, 1981. С. 52-53.
19. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936. С. 237-238.
20. *Федотов Г.П.* Указ. соч. С. 84.
21. Там же. С. 86.
22. Великорусские народные песни. Изданы проф. А.И. Соболевским. СПб., 1902. Т. VII. С. 53. № 44.
23. Там же. С. 61. № 54.
24. Русское народное поэтическое творчество против церкви и религии. М.; Л., 1961. С. 111.
25. *Надеждин К.Ф.* Семинарист в своих стихотворениях (Сборник семинарских песен) // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. X. Владимир, 1908. С. 59-60.
26. Великорусские народные песни / Изданы проф. А.И. Соболевским. СПб., 1902. Т.УП. С. 242-243.
27. Там же. С. 155-158.

А.Е. Ануфриев

ДИСТОПИЧЕСКИЙ МИР В ПОВЕСТИ С. БЕЛЬСКОГО «ПОД КОМЕТОЙ»

В статье рассмотрена поэтика повести С. Бельского «Под кометой»: ее социально-философская проблематика, жанрово-композиционное своеобразие, приемы пародирования, формы повествования.

Повесть Сергея Бельского «Под кометой» (1910) была написана на злобу дня. В 1907 году в пределах видимости с Земли прошла комета Энке, а в 1910 году астрономы всех стран с тревогой наблюдали за движением кометы Галлея.

АНУФРИЕВ Анатолий Евдокимович – доктор филологических наук, доцент кафедры новейшей литературы и МОЛ ВятГГУ
© А.Е. Ануфриев, 2003

Если же заглядывать в более отдалённое прошлое, то можно увидеть, что не только астрологов, астрономов, предсказателей и философов, но и писателей издавна интересовала теория происхождения «хвостатых звёзд» и ситуация их сближения и возможного столкновения с Землёй. Она давала возможность показать жизнь землян в её соотнесённости с космическими явлениями, остро поставить вопросы смысла существования цивилизации, отразить хрупкость и уязвимость земной жизни. Эта тема интересовала как русских, так и западноевропейских писателей.

В рассказе В.Ф. Одоевского «Два дни в жизни земного шара» (1840) приближающаяся к земле комета вызвала у жителей панику и ожидание катастрофы. Оцепенение и страх охватили все слои общества: «Лишь зайдёт солнце, вспыхнет зарево страшного спутника… Забыты наслаждения, забыты бедствия, утихли страсти, умолкли желания, нет ни покоя, ни деятельности, ни сна, ни бодрствования; и день и ночь люди всех званий, всех состояний томятся на стогнах, и трепетные, бледные лица освещены багровым пламенем» [1]. Но комета проходит мимо планеты, оставив о себе зловещую память…

В «астрономическом, физическом и фантастическом» романе Н. Холодного «Борьба миров» (1900) комета падает на северные области Земли, но не вызывает глобальной катастрофы, так как правительствам удалось эвакуировать всё население. Н. Холодного интересовали в основном технические подробности и детали столкновения и совсем не занимали социально-философские аспекты поведения людей в кризисной ситуации.

Г. Уэллс тоже отдал день «кометному» сюжету в фантастическом романе «В дни кометы» (1906). Столкновение «небесной гостьи» с Землёй закончилось тем, что весь мир погрузился в сон и проснулся обновлённым. Потоки зелёного газа, принесённого кометой и залившие планету, заставили человечество нравственно воскреснуть, пересмотреть принципы своего существования. Люди отказались от войны, насилия, эксплуатации и соединились в радостном коллективном труде.

Откровенная условность и утопичность предложенного писателем решения глобальных проблем объяснялась тем, что он с сомнением относился к возможности создания самими людьми разумного общественного устройства.

С. Бельского так же, как и Уэллса, интересуют не технические подробности космической катастрофы, а состояние общества в её трагический момент. Все события повести предстают как воспоминания одного из семи жителей, уцелевших после столкновения кометы с Землёй. Журналист Энрио Витторино высекает на каменных плитах историю разложения и гибели земной цивилизации.

Им представлен дистопический мир, живущий по законам хаоса и распада. Повествование лишено строгой последовательности, эпизоды сменяют друг друга по кинематографическому принципу. Автор записок обращается к тем сценам и картинам, которые несут символический смысл.

Основные образы-символы повести Бельского образуют определённую систему, отражающую мир в его движении к Апокалипсису.

Мысль о несостоятельности социального мира, созданного человеком, реализуется в повести в образе Гелиополиса. Гигантский солнечный город-государство явно соотнесён автором с Городом Солнца Т. Кампанеллы. Но если для Кампанеллы – это прекрасное лучезарное создание человеческого разума, то для Бельского – это вместилище человеческих пороков и противоречий.

Гелиополис был создан по проектам научно-технической элиты, «задумавшей водворить на Земле царство справедливости» [2]. Он разросся за счёт земель разорившихся крестьян, покидавших свои усадьбы. Не находя для них крова и пропитания, Гелиополис выбрасывал их на улицу, и они превращались в бродяг, терявших человеческое достоинство. Постепенно вокруг Гелиополиса появились пещерные города, с которыми правительство вело постоянные войны. «Война превратилась в стихийное бедствие, воздушные эскадры в несколько минут уничтожали целые поселения; взрывы были так сильны, что походили на вулканические извержения. Завладев новыми колоссальными источниками энергии, жители Гелиополиса не умели ограничить их сферу действия; каждая война была поединком слепых сил, вызванных изобретателями и учёными из таинственной глубины неба и земли» (с. 72).

Бельский показывает, как акты насилия, жестокости, надругательств над человеком становятся нормой жизни Гелиополиса. Жители легко привыкли к противоестественным условиям существования, из них быстро выветрились гуманные импульсы, внедрённые цивилизацией.

Гелиополис разделён на три сословия: научно-политическую элиту, средний слой (так называемых «манов») и изгоев, уничтожаемых государством. Элита потеряла способность решать социально-экономические проблемы, но успешно манипулирует сознанием граждан и определяет их поступки. В её руках газеты, выходящие многомиллионными тиражами и распространяющие ложь; гигантские граммофоны, поставленные над дверями редакций и выкрикивающие новости; мегафоны, «производящие адскую музыку», действующую на подсознание.

Писатель запечатлел в этих способах воздействия на человека опасное проявление технократического волюнтаризма. Бельский предупредил о двусмысленной ценности точных знаний, об иллюзорности упований на то, что союз политиков и учёных легко приведёт человечество к благоденствию и процветанию.

В Гелиополисе сформировался особый тип человека, прозванного «маном». Это слово взято писателем из немецкого языка («man» – местоимение, выступает как субъект в неопределённо-личных предложениях, эквивалент русского «оно»).

«Ман» лишён индивидуальности, своеобразия в поведении, действует в соответствии с общепринятыми нормами и правилами. Он разучился самостоятельно оценивать свои и чужие действия, свободно выражать чувства и радоваться жизни. В нём вытравлена способность к творческой самореализации.

Бельский создал собирательный образ существа, испорченного цивилизацией. Вот его характеристика: «Поздно вечером, когда ман заполняли лабиринты улиц и переулков, залитых ярким светом электрических солнц, казалось, что все эти миллионы людей с серыми лицами, со скучными, усталыми глазами изготовлены по одному и тому же образцу на одной фабрике. Нельзя было определить ни возраста, ни пола» (с. 34).

В образе «ман» нашла своё отражение волновавшая Бельского, как и многих других русских писателей, проблема социально-нравственной инертности человека толпы, его неспособности противостоять внешним влияниям, сохранять своё «самостояние». Бельский увидел и отразил приметы массового сознания. «Ман» выступил как образ-символ «расчеловеченного» человека.

Интересно отметить, что термин «man» был введён позже, в 30-40-е гг. философом Хайдеггером для обозначения одного из основных понятий экзистенциализма. Пребывание в мире «man» – это, согласно Хайдеггеру, «…такой способ существования личности, когда она мыслит, чувствует и поступает “как все”, не избирая в каждой ситуации своего подлинного пути» [3].

Общество «манов» у Бельского перешло на искусственный, международный язык. Его грамматика включала три правила, а «все слова производились от четырех корней: пи, ри, фью, клю» (с. 93). Повествователь с иронией называет его «птичьим» и подчёркивает, что он упразднил самобытные стили и сам дух творчества.

Нивелированный человек Гелиополиса чувствует свою беззащитность перед лицом хаотических явлений в природе и обществе. Он утратил представление о цельности мира, который для него раздроблен на множество непонятных и непредсказуемых явлений. Он делает судорожные попытки вырваться из-под власти иррациональных, смертоносных сил. Но эти попытки приводят к расторжению общественных связей, к разъединению с другими людьми, к ощущению эфемерности существования и духовной деградации.

Естественно, что при таком взгляде на мир опорой для человека Гелиополиса стали учения и предсказания медиумов, ясновидящих, многочисленные мистические, спиритические секты, общества, группы. Они изображены Бельским в пародийной манере. Писатель высмеивает беспорядочные метания жителей от одного полюса представлений к другому, их

всеядность и неразборчивость в восприятии ложных идей и суеверий.

Комический эффект достигается за счёт того, что в повествование о, казалось бы, возвышенных и духовных явлениях вторгаются сугубо прозаические детали и эпизоды. Так, рассказывая о деятельности медиумов, повествователь с сарказмом отмечает, что «они за небольшую плату брали на себя сношения с загробным миром», но при этом «часто ссорились друг с другом, так как каждый день случалось, что один и тот же дух появлялся в десяти конторах к великому соблазну зрителей и слушателей всей этой сверхъестественной отрасли промышленности» (с. 43).

Члены сект и их «духовные» руководители предстают в действительности как схоласты и шарлатаны. При изображении верующих в Нечто, разделённых на 36 сект, ореол их «святости» и «благостности» разрушается бытовыми подробностями. Оказывается, что «они отличались друг от друга цветом одежды, иначе их было бы легко спутать, так как разница во мнениях между наиболее непримиримыми – зелёными и красными, сводилась к тому, что зелёные считали великое Нечто познаваемым, а красные – не познаваемым, а узнаваемым. Жрецы их походили на сутяг, которые ведут вечную тяжбу с небом» (с. 43).

Пародийные приёмы используются Бельским и при описании секты «усыплённых» и ожидающих «наступления на земле Царства справедливости и любви» (с. 51). Членов секты усыпляли на 33 года, и они «просыпались только для того, чтобы взглянуть, какой степени совершенства достигли люди» (с. 51). Но созданный их воображением мир так расходился с реальным, что проснувшись, «они начинали браниться, читали проповеди, поучения и поднимали такой шум, что их приходилось укрощать при содействии полиции» (с. 51).

Обобщающий пародийный характер имеет и сцена карнавала, происходящего в момент столкновения кометы с Землёй. Его устраивает правительство Гелиополиса, чтобы усыпить страхи и предотвратить панику среди населения. В нём участвуют не только люди, но и куклы-автоматы. По свидетельству очевидца, «они двигались группами в сопровождении машинистов и смеялись так весело и заразительно, что невольно казалось, будто бы на площади царит самое неподдельное веселье» (с. 116).

В отличие от настоящего карнавала, структура которого подробно исследована Бахтиным, в повести Бельского представлен псевдокарнавал [4]. Его природу определяет не состояние раскрепощённости, свободы и фамильярного смехового контакта, а всеобщий страх, прикрываемый искусственным смехом и весельем. Псевдокарнавал в повести Бельского не только символизирует несостоятельность созданной человеком цивилизации, но и предваряет природно-космический катаклизм.

Насыщая повесть пародийными образами и картинами, Бельский подразумевал кризисные явления в мироощущении своих современников начала XX века: потерю веры, мистико-апокалиптические явления, ужас в предчувствии неизбежной гибели «старого мира», надежды на грядущее преображение жизни и ожидание скорого прихода «мессии». Пародируются не какие-то отдельные произведения и жанры, а атмосфера «бездорожья» и судорожных метаний, крушения устойчивого и цельного миропорядка.

Изображая дистопический мир, Бельский следовал в русле антиутопических традиций западноевропейской и американской литератур. Он опирался на опыт таких писателей, как Э. Рихтер, П. Грэг, И. Доннели, М. Конрад, Г. Уэллс, Г. Честертон, А. Франс, Д. Лондон.

В романе П. Грэга «Через Зодиак» (1880) марсианское общество предстаёт как мир, который потрясают постоянные войны. Одна политическая система сменяется другой. Вместо коммунистического строя с его всеобщей уравнительностью устанавливается тоталитарная олигархическая власть во главе с тайным правителем – «кампетэ». Она насаждает атеизм и веру в непогрешимость науки, разрушает семью, отнимая детей у родителей и поручая их государственным учреждениям. Но в недрах этого государства зреет восстание тайного религиозного общества.

По мнению А.Л. Мортона, в романе П. Грэга «тоталитаризм представлен как логический ответ на коммунизм, и оба критикуются с феодально-романтических позиций, причём обыгрываются мотивы "рыцарства" и "христианских ценностей" [5].

Сюжет романа И. Доннели «Колонна Цезаря» развивается по традиционному руслу. Автором показана Америка конца XX века, когда противоречия, вызванные развитием капитализма, достигли своего предела.

Обнищавшие и одичавшие массы рабочих совершили восстание против богатых, возглавленное тайным «Братством разрушения». Восстание привело к массовым убийствам. Улицы Нью-Йорка оказались усеянными огромным количеством трупов. Руководитель восставших, Цезарь Ломеллини, приказывает соорудить из них гигантскую колонну, уложив мёртвые тела рядами и залив бетоном. Колонна сооружается в назидание потомкам и надпись на ней звучит как приговор обезумевшему обществу: «Если цивилизации ещё суждено воскреснуть на земле, пусть придут сюда люди, посмотрят на эту башню и пусть учатся обуздывать эгоизм и жить по правде. Пусть они из этого жуткого памятника извлекут тот урок, что ни одно земное правительство не может существовать, если оно не основано на милосердии, справедливости, правде и любви» [6].

И. Доннели отрицает все формы насилия и эксплуатации и предлагает в качестве выхода из тупиков капитализма и социализма идею бесклассового мира и естественного состояния человека в гармонии с природой.

Мотив катастрофы определяет содержание романа М. Конрада «В пурпурной мгле» (1895). Сражения,

терзающие Европу XXX века, приводят к мировой войне и гибели всей европейской культуры. Конрад показал, как локальные конфликты и столкновения легко могут перерасти во всеобщие и стать угрозой для существования Земли.

Повесть Бельского «Под кометой» внесла свой вклад (пусть и небольшой) в развитие антиутопических жанров в западноевропейской и русской литературах начала XX века.

Примечания

1. *Одоевский В.Ф.* Два дни в жизни земного шара // Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века. М., 1977. С. 219.

2. *Бельский С.* Под кометой. Высеченные на камне записки очевидца о гибели и разрушении земли. СПб., 1910. С. 71. Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

3. *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 51.

4. Структура псевдокарнавала в связи с жанром антиутопии рассмотрена в работах Б.А. Ланина. См.: *Ланин Б.А.* Русская антиутопия XX века. М., 1994.

5. *Мортон А.Л.* Английская утопия. М., 1956. С. 216.

6. *Доннели И.* Колонна Цезаря // *Буажильбер Э.* Крушение цивилизации. Социологический роман. СПб., 1910. С. 117.

Е.Н. Банина

СПЕЦИФИКА ОСНОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ МЕТАФОР РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуется оценочный компонент значения в семантике метафоры. В основании оценочности метафоры лежат определенные критерии. Антропометричность основания оценочности является релевантным признаком метафор разных частей речи. В семантике субстантивных, глагольных, адъективных и адвербиальных метафор наиболее широко представлены характерологический, кондициональный и экстернальный критерии оценки.

Методика исследования оценочного компонента значения (оценочности) в семантике метафоры основана на компонентном и контекстологическом анализе. Одним из параметров анализа оценочности метафоры может служить определение критериев оценки, которые лежат в основании оценочности метафор разных частей речи. Имя существительное наиболее часто выступает в качестве метафоры как средства оценки, что мы связываем с его высоким номинативным потенциалом. Имя существительное образует наиболее многочисленную и наиболее «открытую» категорию слов. Имя существительное может значительно расширять своё основное категориальное значение предметности, вбирая в себя значения других частей речи и придавая всем этим значениям предметный характер (Деятельностные аспекты языка 1988: 91). Имя существительное способно выступать источником метафор других частей речи. Так, ряд глагольных метафор образован способом конверсии от имени существительного, в сфере адъективных метафор широко представлены прилагательные, образованные способом суффиксации от имени существительного.

Существует два типа основания оценочности в семантике метафоры:

1. Метафорическое значение возникает на базе потенциальной коннотативной оценочной семы, содержащейся имплицитно в структуре исходного значения, т.е. не являющейся для него существенной.

2. Метафорическое значение возникает на базе дифференциальной денотативной оценочной семы, эксплицированной в структуре исходного значения, т.е. являющейся для него релевантной.

Так, основанием оценочности метафоры *scrub* «ничтожный мелкий человек» (основное значение – «карликовое растение») являются дифференциальная сема «недоразвитое, низкое» и потенциальная сема «чахлое». Определение основания оценочности позволяет регистрировать оценочный знак метафоры и, соответственно, идентифицировать вид оценочности: пейоративная, мелиоративная или нейтральная. Регистрируемый оценочный знак метафоры *scrub* – минус, метафора является пейоративной.

В основании оценочности метафоры любой части речи лежат определенные критерии оценки. Антропометричность основания оценочности является релевантным признаком метафор разных частей речи. В семантике метафор наиболее широко представлены характерологический, кондициональный и экстернальный критерии оценок.

Анализ субстантивных метафор позволяет выявить следующие критерии оценки, которые лежат в основании оценочности:

1. Оценка тех или иных качеств – черт характера (характерологический критерий оценки) (доминантная сема – *pleasant / unpleasant*):

1) оценка морально-этических качеств (*moral / immoral*): *If Christ himself came into this studio, those three* ***harpies*** *wouldn't let him in to see you!* (V. Canning) (*harpy* – «гарпия», «хищник, грабитель»);

2) оценка интеллектуальных качеств референта (*clever / stupid*): *Don't be an* ***ass****.* (A. Christie) (*ass* – «осел», «глупый человек»);

3) оценка эмоционально-психологических качеств, темперамента (*spirited, excitable / easy-tempered, calm*): *Stand still, man. You aren't a* ***jumping bean*** (P. Wodehouse) (*jumping bean* – «непоседа»);

4) оценка деятельности (*good activities / bad activities*): *Though I knew that he was not informidable, I*

БАНИНА Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии ВятГГУ

© Е.Н. Банина, 2003

knew also that he was a bit of a humbug and a bit of a ***clown*** (C. Snow) (*clown* – «клоун»).

2. Оценка внешности (экстернальный критерий) (*beautiful / ugly*). Объектом оценки выступают физическое строение человека и его внешний вид: *He was a* ***bean-pole*** *of 6 feet, 3 inches* (H. Spring) (*bean-pole* – «долговязый человек»); *When they asked him to have a luncheon with them which was cooked and served by a* ***scarecrow*** *of a woman whom they called Evie* (W. Maugham) (*scarecrow* – «пугало, чучело»).

3. Оценка социального статуса, уровня образованности, профессиональной принадлежности (социокультурный критерий) (*socially good / socially bad*): *Wonderful how they know weather, these* ***old salts*** (A. Christie) (*old salt* – «бывалый моряк, морской волк»).

4. Оценка пола и возраста (демографический критерий) (*male/female, old/young*): *You rotten old* ***eunuch****, what do you know about love?* (W. Maugham) (*eunuch* – «евнух» – мужской пол); *She looked so deliciously yielding, a ripe* ***peach*** *waiting to be picked, that it seemed inevitable that he should kiss her* (W. Maugham) (*peach* – «красотка» – женский пол).

5. Оценка эмоционально-психологического состояния (кондициональный критерий) (*spirited, excitable / easy-tempered, calm*): *Their love imprisons me. I am a trapped* ***hare*** (W. Maugham) (*trapped hare* – «загнанный заяц»).

Актуализация доминантной семы *«spirited, excitable / easy-tempered, calm»* обусловлена как характерологическим, так и кондициональным критериями оценки. Кондициональная оценка отражает временные оценочные признаки эмоционально-психологического состояния референта, обусловленные коммуникативной ситуацией. Характерологическая оценка отражает постоянные оценочные признаки, маркирующие характер человека, его «психологический» паспорт.

Then Jenny had been the projection of his love, a ***flower, a sweetness****, the very* ***breath of spring*** (A. Cronin). Метафоры *flower, sweetness, breath of spring* отражают такие эмоционально-психологические состояния, как любовь, счастье.

Анализ адъективных и адвербиальных метафор выявил следующие критерии оценки, которые лежат в основании оценочности:

1. Оценка тех или иных качеств – черт характера (характерологический критерий оценки) (*pleasant / unpleasant*):

1) оценка морально-этических качеств (*moral / immoral*): *And women, even the best of them, are a bit* ***catty*** *about other women* (A. Christie) (*catty* – «кошачий, хитрый»);

2) оценка интеллектуальных качеств (*clever / stupid*): *He looked at us* ***owlishly*** (A. Christie) (*owlishly* – «мудро»);

3) оценка эмоционально-психологических качеств (*spirited, excitable / easy-tempered, calm*): *Don is, as I say, a very quiet person – a* ***bottled-up*** *person, if you know what I mean* (A. Christie) (*bottled-up* – «сдержанный»).

2. Оценка внешности (экстернальный критерий) (*beautiful / ugly*):

1) оценка по физическому признаку (*beautiful / ugly*): *Then his lips drew back from his teeth in that curious* ***wolf-like*** *smile characteristic of the man* (A. Christie) (*wolf-like* – «волчий»);

2) оценка по психологическому признаку (*joyous / joyless*). Адъективные метафоры, характеризуя части тела человека, например, лицо, глаза, руки, маркируют его эмоционально-психологическое состояние: *Their faces were perfectly* ***wooden*** (S. King); *Her* ***heart-shaped*** *face, and her* ***dancing*** *deep gray eyes* (A. Christie).

3. Оценка эмоционально-психологического состояния (кондициональный критерий) (*spirited, excitable / easy-tempered, calm*): *«How is your wife?» he said. «****Blooming****, thank you», I said* (K. Vonnegut) (*blooming* – «цветущий»).

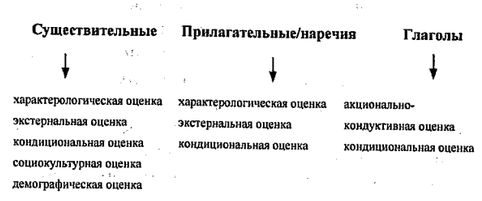
Синтагматическая валентность адъективной метафоры определяется ее аксиологическим статусом: знак оценки адъективной метафоры совпадает со знаком оценки сочетаемого существительного. *My sister, I should say, is an absolutely* ***knock-out beauty*** (M. Drabble).

Анализ глагольных метафор выявил следующие критерии оценки, которые лежат в основании оценочности:

1. Оценка деятельности или поведения (акционально-кондуктивный критерий) (*well-done / unwell-done*): *People are fairly* ***flooding*** *into the place this week* (A. Christie) (*flood* – «наводнять»).

2. Оценка эмоционально-психологического состояния (кондициональный критерий) (*pleasant / unpleasant activities*). К данному типу относятся метафоры с оценкой состояния объекта оценки: гнева, страха, ненависти, удовольствия и т.д. *In those hot dog days even his moustaches* ***dropped*** (A. Christie) (*drop* – «поникнуть»).

При сравнении оценок видно, что они могут совпадать у метафор разной частеречной принадлежности:



Семантическая структура метафоры «референт – агент» репрезентирует самые разнообразные семантические модели, большинство из которых имеют антропометрический характер. Наиболее разнообразные вариации референта метафоры как объекта оценки и агента как донора оценки выявлены в семантических моделях «человек – животное», «человек – артефакт», «человек – растение», «человек – человек».

1. Человек – животное:

1) «интеллектуальные способности – животное» (характерологическая оценка): *Looks half* ***batty*** *to my mind* (A. Christie);

2) «характер, поведение – животное» (характерологическая, кондициональная, кондуктивная, акциональная оценки): *They are a bunch of grubby little* ***animals*** *always mooning after you* (P. Sann).

3) «внешние признаки – животное» (экстернальная оценка): *I got up to the table, and there's Caruso sitting with these 6* ***gorillas****, see?* (S. Sheldon); *Embedded in the mud, glistening green and gold and black, was a* ***butterfly****, very beautiful, and very dead* (Science Fiction);

4) «физическое состояние – животное» (характерологическая, акциональная оценка): *There was something of the* ***panther*** *about him altogether. A beast of prey – pleasant to the eye* (A. Christie);

5) «статус человека – животное» (социокультурная, демографическая оценка): *Antony Marston, a young* ***bull*** *with no nerves and precious little brains* (A. Christie) (*bull* – мужской пол);

6) «жилище человека – жилище животного» (характерологическая оценка) (*den, lair, roost, nest*);

7) «группа людей – группа животных» (характерологическая оценка) (*flock, swarm*);

8) «часть тела человека – часть тела животного» (характерологическая оценка): *She... concluded to cling with her soft little* ***claws*** *to Carrie* (T. Dreiser); *But Michael was funny in some ways; every now and then he would get up on his* ***hind legs*** *and start doing his colonel stuff* (W. Maugham);

9) «деятельность, действия, состояния человека – действия животного» (характерологическая, кондициональная, акциональная оценка):

а) говорение – звуки животных (*to bark, to snarl, to growl, to purr, to crow, to croak, to gobble, to coo, to bray*), например: *You're like a cat... Why don't you* ***purr*** *while you're about it?* (A. Huxley); *So just for once our Belgian friend was* ***barking*** *up the wrong tree* (A. Christie);

б) состояние человека – движения, действия животного (*to goad, to yelp*);

в) воздействие на человека – воздействие на животного (*trap, snare, yoke*).

Зоометафоры являются наиболее распространённым средством оценки характера человека, его деятельности, внешности, манеры поведения.

2. Человек – артефакт, объект неживой природы:

1) «интеллектуальные способности, характер, особенности поведения – артефакт, природный объект, их признаки» (характерологическая, кондициональная, кондуктивная, акциональная оценка): *She was really a good-natured old* ***haver-sack*** (J. Wain);

2) «внешность – артефакт, природный объект» (экстернальная оценка): *Hurstwood could not keep his eyes from Carrie. She seemed* ***the one ray of sunshine*** (T. Dreiser);

3) «деятельность, действия человека – артефакт, природный объект» (характерологическая, акциональная оценка) (*to spoon, to hammer, to mould*), например: *They (compliments) were* ***food*** *and* ***drink*** *to him* (W. Maugham);

4) «статус человека – артефакт, природный объект» (социокультурная, демографическая оценка): *One of the* ***big-wigs*** (A. Christie).

3. Человек – растение:

1) «интеллектуальные способности, характер, особенности поведения – растение» (характерологическая, кондициональная, кондуктивная, акциональная оценка): *All I mean is that it's conceivable – just barely – that some* ***nut*** *could have done this job on the girl with an axe and a saw* (P. Benchley);

2) «часть тела человека – растение или его часть» (экстернальная оценка) (*stalk, bean, onion*);

3) «внешность – растение» (экстернальная оценка) (*carrot, weed, corn*);

4) «статус человека – растение» (социокультурная, демографическая оценка) (*pumpkin, corn, bluebottle*): *That's a new twist for you,* ***rosebud*** (M. Spillane).

4. Человек – человек:

1) «статус, статусные признаки человека – статус, статусные признаки другого человека» (социокультурная, национально-культурная, демографическая оценка) (*mugwump, hunter, sky-pilot, slave*);

2) «деятельность, действия человека – деятельность, действия другого человека» (акциональная оценка) (*to devour*).

Систематизация метафор по основанию оценочности позволяет выявить четыре типа лексико-семантических групп метафор.

1. Лексико-семантические группы метафор, которые можно свести в антонимичные группы, оценочные признаки которых формируют оппозицию «мелиоративная / пейоративная оценочность», например: ***красивый / некрасивый***: *rose, swan / lemon, gorilla*; ***умный / глупый***: *brain, clever dog, sharp / goose, donkey, beetle-head, wet*; ***храбрый / трусливый***: *lion / rabbit, rat.*

2. Лексико-семантические группы метафор, которые можно свести в антонимичные группы, оценочные признаки которых формируют оппозицию «пейоративная / пейоративная оценочность», например: ***простоватый / хитрый***: *lamb, calf, coot / eel, weasel, downy bird, fox, coon*; ***высокого роста / низкого роста***: *weed, corn-stalk / runt, scrub.*

3. Лексико-семантические группы метафор с пейоративной оценочностью, которые не имеют метафорических мелиоративных антонимов, например: ***искренний / лживый***: *spaniel*; ***трезвый / пьяный***: *cherry-merry.*

4. Лексико-семантические группы метафор с нейтральной оценочностью, которые, в основном, представлены:

- метафорами-терминами: *driver, mouse, van, port;*
- антропометрическими метафорами, объектом оценки которых являются:

а) внешние признаки, например: *chestnut, carrot* рыжеволосый;

б) статусные признаки, например: *bluebottle, pill* (профессия); *bud, poult* (возраст, пол); *top dog, old cock* (социальное положение);

в) деятельность человека, например: *He could quite well have doctored before entering the room* (A. Christie).

Преобладание пейоративной оценочности в семантике метафоры подтверждается как при анализе количественного аспекта оценочности метафор разных частей речи (частотность употребления), так и при анализе качественного аспекта (систематизация типов лексико-семантических групп).

Примечания

1. Деятельностные аспекты языка / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988. 212 с.

С.Н. Савина, О.А. Редькина

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ СААРЛАНД

(на материале говора города Саарбрюкен)

Статья посвящена изучению одного из актуальных вопросов современной лингвистики – анализу языковых особенностей диалекта земли Саарланд. Фонетическая структура диалекта подвержена сильному влиянию французского языка и является смыслоразличительной для выделения данного говора.

Федеральная земля Саарланд (Saarland), являясь областью распространения многих диалектов, относится, по мнению В.М. Жирмунского [1, 113], к верхненемецкому ареалу, к западносредненемецкому субареалу и объединяет на своей территории мозельский диалект, который является родным для данной области, и рейнско-франкский диалект, который вторгся в пределы мозельского диалекта в процессе экономико-культурного развития региона.

В границах, очерчивающих территорию Саарской области, произошло формирование своеобразной социально-функциональной структуры языка, обладающей всеми его составляющими элементами.

САВИНА Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкого языка Института лингвистики ВятГГУ
РЕДЬКИНА Ольга Александровна – студентка V курса Института лингвистики ВятГГУ
© С.Н. Савина, 2003
© О.А. Редькина, 2003

Данная статья посвящена описанию фонетических особенностей городского диалекта города Саарбрюкен на фоне литературного немецкого языка.

Процессы объединения произносительной стороны немецкого языка произошли позднее всего. Лишь в 1898 году в Берлине была проведена конференция по установлению единых норм произношения, узаконившая стандарт литературного немецкого произношения. Будучи надрегиональным, независимым от территориальных черт, он вступал в значительные противоречия с «естественным» произношением того или иного региона Германии, в том числе и Саарской области, вследствие чего даже на современном этапе развития диалекты сохранили особенности в интонации и произношении. Особенности звукового состава представлены в характеристиках гласных и согласных звуков. Гласные и согласные звуки обладают в саарбрюкенском варианте рядом различительных черт в артикуляции.

Система гласных. Гласные, характерные для фонетического строя как исследуемого нами диалекта, так и литературного языка, представляют самую большую группу гласных звуков. Следует, однако, заметить, что не все звуки говора абсолютно идентичны звукам литературного немецкого языка. Открытые звуки в говоре еще более широкие, закрытые звуки встречаются гораздо чаще. Система вокализма саарбрюкенского диалекта представлена 13 долгими и краткими звуками и 4 дифтонгами (см. табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Долгие гласные звуки

[i:]	Schbiel	[ʃbi:l]	Spiel
[e:]	bees	[be:s]	Böse
[:]	glään	[glɛ:n1	Klein
[a:]	Fraa	[fra:]	Frau
[u:]	Schuul	[ʃu:l]	Schule
[o:]	Bohn	[bo:n]	Bohne
[:]	Schdròòs	[ʃdr:s]	Straße

Таблица 2

Краткие гласные звуки

[i]	Riss	[ris]	Riß
[ɛ]	Fedd	[fed]	Fett
[ ]	mache	['max]	machen
[a]	Fass	[fas]	Faß
[u]	Buss	[bus]	Bus
[ ]	Kobb	[kob]	Kopf

Таблица 3

Дифтонги

[ai]	Meis	[mais]	Meise
[au]	Haus	[haus]	Haus
[ui]	Ruisch	[ruiʃ]	Ruhig
[i]	Boiler	['b iler]	Boiler

Примеры взяты из «Саарбрюкенского словаря» М. Мангольда [2].

Звук [a] соответствует в целом произношению литературного немецкого языка. Мы встречаем краткий [a] в таких словах, как *Babbe (Vater), Abbel (Apfel), er hadd (er hat), du kannsch (du kannst)*. Кроме того, есть целый ряд звуков [a], который соответствует звуку [au] в литературном немецком языке. Например: *laafe (laufen), glaawe (glauben), verkaafe (verkaufen), Fraa (Frau), Baam (Baum)*. Но при этом следует отметить, что не все звуки [au] соответствуют долгому [a:] в саарбрюкенском говоре. И если *Laub* изменяется до *Laab*, то *Raub, haus, miau, Saus, Braus* сохраняют дифтонги. Последняя группа слов, где встречается долгий звук [a:], состоит из слов литературного немецкого языка, оканчивающихся на ***-agen***, например: *sagen – saan, tragen – draan, Wagen – Waan, jagen – jaae*.

Звуки [ɛ:][ɛ] встречаются в саарбрюкенском говоре гораздо чаще, чем в литературном немецком языке. Именно поэтому многие приезжие находят этот диалект особенно неблагозвучным [3, 13]. Приведем для сравнения ситуацию из повседневной жизни. Девочка обращается к маме со словами: *«Mamme, warms uffheere duud se rääne, darf isch dann mid meim Pubbe wäänsche bissie nääwers Haus. Isch gehn aa nidd uff de Wää, wo die ville Audos fahre»*. В данной реплике мы встречаем 5 вариантов употребления звука [ɛ]. Сравним с вариантом литературного немецкого языка: *«Mama, darf ich mit meinem Puppenwägelchen ein bißchen neben dem Haus gehen, wenn es aufhört zu regnen»*. Здесь звук [ɛ] встречается один раз.

Звук [ɛ] мы встречаем в следующих вариантах: краткий [ɛ]: *Schäddsje – Schätzchen*, долгий [ɛ:]: *Grääfin – Gräfin*. Долгий [ɛ:] соответствует также немецкому [ei] или долгому [e:] в результате сужения [ae] > [e:]: *Bään – Bein, Rään – Regen*. Краткий [ɛ] соответствует краткому [ø]: *Bägg – Böcke*.

Звуки [e], [e:] также имеют место в диалекте Саарбрюкена, долгий [e:] в диалекте еще более долгий и имеет следующее соответствие в литературном немецком: долгий [e:] соответствует долгому ö в словах типа *Geede – Goethe, schdeere – stören, scheen – schön, greeser – größ, Eel – Öl*, а также и долгому [e:]: *Peedre – Peter, Bescheerung – Bescherung*.

Как следует из данных примеров, долгий звук [e]: обозначается на письме двумя буквами [ee]. Здесь следует также упомянуть группу слов, которые произносятся носителями диалекта произвольно – кратко или долго, а на письме обозначаются одной буквой [e]. Сюда также относятся такие слова, как *Leeder – Ledder (Leder), Feeder – Fedder (Feder), Veeschel – Väschel (Vögel)*.

В говоре города Саарбрюкен, как и в литературном немецком языке, широкое распространение получил звук [i:], [i]. Стоит отметить, что данный звук играет в диалекте даже более важную роль, чем в литературном языке по причинам, которые будут названы позже. Чаще всего звук [i] соответствует литературному немецкому произношению: *ferdisch (fertig), bische (bist du)*. Также он соответствует звуку [ü] в словах типа: *Gefiehl (Gefühl), Schielert (Schüler), fier (für)*.

В диалекте Саарбрюкена различают три типа звука [o]: краткий открытый [o], долгий открытый [o:], долгий закрытый [òò].

Долгий закрытый звук [o:] соответствует аналогичному звуку литературного немецкого языка в таких словах, как: *Ooba (Opa), Dooder (Toter), rood (rot)*.

Аналогичная ситуация с кратким открытым звуком [o]: *Ach Goddsche (ach Gottchen), Lodsche (Lottchen), Kobb (Kopf)*.

Долгий звук [u:] говора соответствует звуку [u:] литературного языка: *Huuschde (Husten), Kuucher (Kuchen), Buuwer (Bube)*, так же, как и краткий [u].

Но есть целый ряд слов, где употребление долгого и краткого звука непостоянно: *Tuud – Tudd (Tute), Huud – Hudd (Hut)*.

Редуцированный звук [e] встречается и в литературном немецком языке, например, в окончаниях слов *Freude, Liebe, Treue* или в словах с приставками ***ge-, be-, er-, ver-, zer-*** и т.д. В говоре мы также произносим [e], например, в конце слов *finne, fahre, bringe* вместо окончания ***-en***. Некоторые слова содержат также два звука [e], например: *riddele (rütteln), fiddere (füttern), schnaddere (schnarchen)*.

Кроме того, редуцированный [e] встречается в ряде слов, нехарактерных для литературного немецкого языка: *Wenn de de Bbabbe fròòschd (Wenn du den Vater fragst), Wenn de ne sieschd (Wenn du ihn siehst)*.

В отличие от стандартного немецкого языка в саарбрюкенском говоре представлен дополнительный долгий закрытый звук [o]. Есть определенные правила написания данного звука, предложенные профессором Саарландского университетат Мангольдом в «Саарбрюкенском словаре». Макс Мангольд предлагает изобразить на письме долгий открытый звук [o]+ как [òò]. Одно из самых знаменитых слов с данным звуком уже упоминалось нами – *Hòòrische* – картофельные клецки.

Можно отметить такую тенденцию, что долгий открытый звук [тт] более характерен для слов, связанных с образом жизни, традициями, обычаями, национальной кухней саарбрюкенцев. Вот какие примеры нам удалось найти: *Faasebòòdse (Maskierter in der Fastnacht), Mòòlschd* – промышленная часть города Саарбрюкен, известная в литературном языке как

Malstad, Mòòlschder – житель данной части города. Данный звук возникает предположительно в результате затемнения (*Verdumpfung*) и сужения долгого звука [a].

Такие гласные литературного немецкого языка, как долгое [ö] в слове *Höhle* и краткое [ö], как в слове *öfter*, краткое [ü], как в слове *Müller,* и долгое [ü:], как в слове *Mühl,* отсутствуют в саарбрюкенском говоре. Они делабиализованы, и это значит, что вместо краткого и долгого [ö] употребляется [e:] или [ɛ:], и звуки [i:] [i] вместо [ü]. Вследствие этого вышеуказанные звуки [e:], [ɛ:], [i:], [i] приобретают в диалекте решающее значение. Например: *grien – grün, Schieler – Schüler, bees – böse, Keenisch – König, frehlisch – fröhlich.*

В саарбрюкенском говоре мы встречаем 4 дифтонга – [ei], [au]. Реже [ui] и [oi]. Очень редко встречаются закрытые дифтонги [oi] или [ui]. Особое внимание хотелось бы уделить дифтонгу [ai] как наиболее распространенному на территории Саарбрюкена. «Саарбрюкенца всегда можно узнать по его звуку [ai], так как говор не знает звуков [eu], [äu]. Звуки эти произносятся как [ai]» [3, 7]. Данный дифтонг проявляется в огромном количестве слов, совпадая с литературным немецким, например: *bei, frei, Geweih*, а также в таких словах, как *Heu (Hhei) – Hei, scheut (schei), Verkäufer – Verkeifer*. Звук [ei] произносится несколько иначе, чем в литературном немецком языке. «Саарбрюкенский [ei] начинается скорее со звука [ä], точнее со среднего варианта между [ä] и [a], похожий на звук в английском слове *"man" (Mann)*». Так как изучаемый нами говор склоняется к образованию уменьшительно-ласкательных форм, саарбрюкенцы с любовью называют звук [ei] – *«eische»*, и он образует «фундамент любого общения». При этом слово *eische* мы встречаем в диалекте в бесконечном количестве вариантов: *Eischen (Laubbaum), Eischen (kleines Ei), Mei eische Fleisch unn Bluud (mein eigenes Fleisch und Blut), Renaude iss aarisch eische (Renate ist sehr sonderbar).*

Наконец, слово *eische* обозначает и вид деятельности и встречается дифтонг [ei] в следующей ситуации: *De Jääb iss geeischd (Jakob kann eine Menge vertragern)*, при этом имеется в виду алкоголь, [ei] играет большую роль и как вводный элемент предложения (satzeinleitendes Element), например: *Ei, ssa nur! Ei, jòò! Ei was issen das dòò.*

Таким образом, система саарбрюкенского вокализма прошла длительный путь развития и имеет в своем составе 7 долгих звуков, 6 кратких звуков и 4 дифтонга, 2 из которых редко употребляются. Развиваясь на основе произношения литературного немецкого языка, говор сохранил следующие фонетические особенности:

• открытые звуки более широкие, чем в литературном немецком языке;

• закрытые звуки более распространены;

• отсутствие таких дифтонгов, как [eu], [äu];

• сохранение долгого открытого звука [òò];

• делабиализация звуков [ü] и [ö] до вариантов [e:][ɛ], [i:], [i];

• преобладание более широких дифтонгов, таких как [ai], [au];

• дифтонгизация старых долгих [i:], [u:].

Система согласных звуков саарбрюкенского говора почти полностью совпадает с системой согласных немецкого литературного языка. В саарбрюкенском говоре различают 18 согласных звуков, которые по своему звучанию мало отличаются от произношения литературного языка. Различия состоят в том, что в саарбрюкенском говоре иногда отсутствуют согласные литературного немецкого языка.

• В саарбрюкенском диалекте отсутствует среднеязычный [Ich-Laut]. Чаще его заменяет звук [∫], точно так же заменяется и совпадающий с ним спирантный [g] на конце слова. Например: *isch (ich), Bersch (Berg), Keenisch (Kynig)*. Сочетание ***-st*** также заменяется на ***scht (schd)***: *willscht (willst), Wurschd (Wurst).*

• Сочетания согласных звуков ***kn, kr*** чаще заменяются на ***gn, gr***. Например: *Gnaschd – Knast, miggre – mikro*; *ks > gs, kt > gd,* например: *Kondagd – Kontakt.*

• Нет оглушения звонких согласных на конце слова: *Bluud – Blut, ald –alt, Paggeed – Paket.*

• Сочетания ***chl, chr, chs, ck, ckl, ckr, cl, cr*** изменяют ***c*** и ***ch*** на ***g***: *chl > ge, chr > gr, chs > ggs, ck > gg, ckl > ggr, cl > gl*, например: *Zcloor (Chlor), Groom (Chrom), Laggs (Lachs), Cloon (Clown).*

• Спирант ***ch***, представляемый в литературном немецком языке в зависимости от звукового окружения как среднеязычный Ich-Laut или как заднеязычный Ach-Laut, не имеет подобной дифференциации в говоре и заменяется палатальным [∫].

• Звонкие согласные ***b, g*** ослабляются с интервокальной позиции, теряют часть звонкости до звука [w]: *sderwe (sterben), salwe (salben), lewwe (leben).*

• В силу центрально-немецкого ослабления согласных, согласные звонкие ***b, d, g*** имеют характер глухих слабых, в результате чего звонкие и глухие смычные совпадают, образуя промежуточный ряд глухих слабых.

• Для говора также характерна в ряде случаев ассимиляция носовых со смычными согласными. Наибольшее распространение имеет ассимиляция ***nd > n***: *Kinner (Kinder), finne (finden), Stunne (Stunde).*

• В говоре также имеет место отпадение ***-n*** в неударном конечном слоге в словах типа *finden, Kuchen, fahren.*

Особенности фонетической системы оказали существенное влияние на орфографическую систему говора. Базируясь на графической системе литературного немецкого языка, говор не может обойтись без ряда букв, которые бы отразили на письме особенности местного произношения, например звук. В целом для записи слов говора в данной работе использовался алфавит, предложенный М. Мангольдом в «Саарбрюкенском словаре». В него вошли 22 буквы литературного немецкого языка и 2 специфические для говора буквы [2, 11] (см. табл. 4).

Таблица 4

Aa	Ää	Bb	Cc	Dd	Ee	Ff	Gg	Hh
Ii	Jj	Kk	Ll	Mm	Nn	Oo	Òò	PP
Rr	Ss	Tt	Uu	Vv	Ww			

При сравнении с алфавитом литературного немецкого языка выявляется отсутствие в алфавите говора таких букв, как Q, X, Y, Z. Дополнительно присутствуют буквы òò для обозначения долгого открытого звука [o] и Ää для обозначения специфического звука говора, артикуляция которого не полностью совпадает с литературным немецким языком [4, 12]. При обозначении долготы / краткости гласных звуков на письме словарь Мангольда опирается на основные правила немецкой орфографии. Например, для обозначения долготы звука [i:] используется вариант ie или ieh. Сочетание букв sch используется для обозначения звука [∫]. Но при этом графическая система говора отражает и особенности звучащей речи, то есть следует фонетическому принципу. В литературном немецком языке различают сочетания ***pl*** и ***bl***, говор не различает данные звуки, в результате в обоих случаях мы встречаем сочетание звуков ***bl***; [b] при этом может произноситься более или менее глухо, поэтому мы пишем в диалекте, например, *Bladd*, независимо от того, какому слову немецкого литературного языка *Platt* или *Blatt* соответствует это слово в диалекте.

Рассмотрев особенности строения фонетической системы, можно отметить, что они демонстрируют существенные расхождения с системой литературного немецкого языка, возникшие в результате сохранения исторически более древних звуков, исключения некоторых звуков системы литературного немецкого языка и заменой их другими звуками. В то же время лексическая и грамматическая системы говора, являясь его фундаментальной основой, проявляют значительно больше сходства, чем различий с литературным немецким языком.

Примечания

1. *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. М., 1964. 636 с.

2. *Mangold M.* Saarbrücker Wurterbuch. Saarbrücken, 1987. 285 S.

3. *Braun E.* Saarbrücker Mundart. Lektionen. Saarbrücken, 2000. 206 S.

4. Pendlerstatistik. Volks- und Berufszählung – 1990 Pendelwanderung im Saarland, hrsg. Statistisches Amt des Saarlandes. Saarbrücken, 1999.

О.В. Байкова, К. Саппок

ВОСПРИЯТИЕ ДИАЛЕКТНО ОКРАШЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(по экспериментальным данным)

Немецкие говоры российских немцев, проживающих в северных районах Кировской области, обнаруживают признаки смешения севернонемецких и южнонемецких диалектов, что характерно для большинства диалектных областей Германии. Действительно ли это так? Исследуя данную проблему, мы опирались на восприятие диалектной речи студентами-германистами, являющимися носителями литературной нормы немецкого языка.

В данной работе при определении диалектных черт немецкой разговорной речи используется эксперимент по восприятию речи российских немцев, проживающих в посёлках Созимский и Черниговский Верхнекамского района Кировской области.

Объектом нашего исследования является родная немецкая речь российских немцев, депортированных в 40-х годах в северные районы Кировской области и проживающих ныне в посёлках Созимский и Черниговский данного района.

В качестве участников эксперимента были приглашены студенты-германисты Рурского университета города Бохума (Германия), прослушавшие курс диалектологии, истории языка и современного немецкого языка, которые должны были, прослушав речь, проанализировать языковой материал и прийти к каким-либо заключениям.

В качестве экспериментального материала использовались звучащие фрагменты длительностью в 30 секунд. Звуковые отрезки выбраны из более длинных записей, хранящихся в Лаборатории по изучению вятских говоров Вятского государственного гуманитарного университета, а также в архиве Семинара Славистики Рурского университета города Бохума (Германия).

Эксперимент проводился на персональных компьютерах в запрограммированной последовательности, при помощи программы «VERSTEUX», разработанной в 1991 году немецкими учёными М. Книпшильдом и К. Саппоком. Был использован экспериментальный метод, разработанный М. Краузе, В. Люблинской, К. Саппоком в связи с исследованиями диалектного сознания в современной России: географических определений диалектных текстов и их оценки

БАЙКОВА Ольга Владимировна – аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГГУ
САППОК Кристиан – доктор, профессор Семинара Славистики Рурского университета г. Бохума (Германия)
© О.В. Байкова, 2003
© К. Саппок, 2003

[Краузе, Люблинская, Саппок 2002; Krause, Ljublinskaja, Sappok 2002]. Звуковые файлы прослушивались через наушники. Число участников насчитывало 25 человек.

Эксперимент проводился в Лингвистической Лаборатории Семинара Славистики Рурского университета г. Бохума под руководством профессора К. Саппока (за организацию и проведение эксперимента выражаем огромную благодарность проф. К. Саппоку и докт. М. Краузе).

Цель данного эксперимента – анализ диалектно окрашенной немецкой речи российских немцев и определение её принадлежности к той или иной области немецких диалектов. Первый тест предполагает выявление того, какая разновидность немецкого языка присуща речи информантов. Аудиторы должны определить диалектную окраску услышанной речи, используя пять возможных вариантов ответа:

- «стандарт немецкого литературного языка» («Deutsche Standartsprache»);
- «слабо выраженный диалект» («schwach ausgepraegter Dialekt»);
- «средний диалект» («mittlerer Dialekt»);
- «сильно выраженный диалект» («stark ausgepraegter Dialekt»);
- «трудно сказать» («schwer zu sagen»).

При этом даётся инструкция «отвечать как можно быстрее, не дожидаясь окончания звукового фрагмента». Во втором тесте используются те же самые звуковые файлы и ставится следующая задача: прослушать звуковые файлы и определить, в чём заключается особенность речи информантов. Варианты ответа:

- «это выражается в фонетике» («es drueckt sich in der Phonetik aus»);
- «это выражается в лексике» («es drueckt sich in der Lexik aus»);
- «это выражается в грамматике» («es drueckt sich in der Grammatik aus»).

При этом каждый текст прослушивается целиком для того, чтобы избежать спонтанной реакции на индивидуальный голос или манеру говорения информанта. В третьем тесте, при прослушивании тех же самых звуковых файлов, испытуемые должны определить, особенности какой диалектной области (южнонемецкой или севернонемецкой) присущи речи информантов Верхнекамского района Кировской области. Предлагаемые ответы:

- «севернонемецкий» («Norddeutsch»);
- «южнонемецкий» («Sueddeutsch»);
- «трудно сказать» («schwer zu sagen»).

Результаты, полученные при анализе теста №1 «Эксперимент оценки соответствия речи нормам литературного немецкого языка»

Испытуемыми было прослушано 15 стимулов, содержащих немецкую диалектную речь тринадцати российских немцев Верхнекамского района Кировской области, и выбраны следующие варианты ответов. (Каждому звуковому файлу было присвоено имя для краткости записи в компьютере.)

Таблица 1

Stimul	1 d.Stand. Sprache	2 schw. Dial.	3 mittl. Dial.	4 stark Dial.	5 schw. sagen	Sum	% 1	% 2	% 3	% 4	% 5	Sum%
KUNK	0	6	13	5	1	25	0%	24%	52%	20%	4%	100%
RAMA	0	0	0	21	4	25	0%	0%	0%	84%	16%	100%
MISS	0	9	12	4	0	25	0%	36%	48%	16%	0%	100%
MISSA	3	15	5	2	0	25	12%	60%	20%	8%	0%	100%
RAZ	1	6	9	6	3	25	4%	24%	36%	24%	12%	100%
IL	0	0	10	14	1	25	0%	0%	40%	56%	4%	100%
VER10	1	5	15	4	0	25	4%	20%	60%	16%	0%	100%
VER20	0	4	10	10	1	25	0%	16%	40%	40%	4%	100%
VER30	1	11	7	3	3	25	4%	44%	28%	12%	12%	100%
VER40	1	5	10	7	2	25	4%	20%	40%	28%	8%	100%
VER50	0	4	6	13	2	25	0%	16%	24%	52%	8%	100%
VER60	2	15	5	3	0	25	8%	60%	20%	12%	0%	100%
VER70	0	3	7	12	3	25	0%	12%	28%	48%	12%	100%
VER80	0	2	6	15	2	25	0%	8%	24%	60%	8%	100%
VER90	4	17	4	0	0	25	16%	68%	16%	0%	0%	100%
n	13	102	119	119	22	375						
%	3,50%	27,20%	31,80%	31,80%	5,70%	100%						

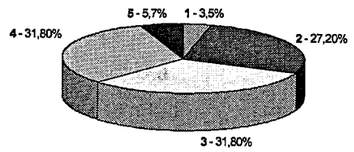


Рис. 1

Из 100% (375 ответов) (см. табл. 1 и рис. 1):

- 31,8% – «средний диалект» («mittlerer Dialekt»);
- 31,8% – «сильно выраженный диалект» («stark ausgepraegter Dialekt»);
- 27,2% – «слабо выраженный диалект» («schwach ausgepraegter Dialekt»);
- 5,7% – «трудно сказать» («schwer zu sagen»);
- 3,5% – «стандарт немецкого литературного языка» («Deutsche Standartsprache»).

Представители старшего поколения (а нами были отобраны звуковые файлы именно этих информантов, так как они до сих пор имеют достаточно прочные знания родного немецкого языка-диалекта) говорят на местном идиолекте, владеют близким к стандарту немецким литературным языком. Они происходят из «старых» немецких колоний Поволжья, Украины. Все они выросли в более или менее гомогенной (немецкой) этнической среде, посещали национальные образовательные школы, где преподавание всех предметов велось на немецком языке. С раннего детства, усвоив немецкий язык как родной, чаще всего в форме родного (местного) диалекта, представители рассматриваемой возрастной группы, живя в условиях компактного поселения, имели возможность активно использовать немецкий диалект во всех сферах жизни (RAMA, IL, VER10, VER50, VER70, VER80). Однако не следует забывать, что во время депортации в новых местах проживания (Сибирь, Северный Казахстан) были представлены все немецкие диалекты, смешанные между собой, что было не характерно в предвоенное время. Таким образом, почти у всех информантов обнаруживаются признаки смешения диалектов, а также тяготение к диалектно окрашенному литературному немецкому языку, национальному варианту немецкого литературного языка (Standartsprache) в России.

Результаты, полученные при анализе теста № 2 «Эксперимент определения особенностей речи»

Из 100% (375 ответов) (см. табл. 2 и рис. 2):

- 56% – «это выражается в фонетике»;
- 22, 7% – «это выражается в грамматике»;
- 21, 3% – «это выражается в лексике».

Наиболее яркие фонетические особенности в области консонантизма:

1. Второе верхненемецкое передвижение согласных связано прежде всего с изменениями, касающимися глухих взрывных p, t, k, что играет большую роль в определении диалектной принадлежности того или иного региона как внутри Германии, так и за её пределами, в областях бытования немецких диалектов. Большинство идиолектов исследуемого района характеризуется наличием передвижения согласных. В интервокальном положении и на конце слова после гласных p, t, k последовательно отражаются как спиранты (IL, VER90, VER50, VER60, VER70, VER40). В начале слова и после согласных p>pf, t>z. Что касается отражения k, то появление аффрикаты kx характерно для самых южных областей Германии. В ряде случаев у информантов наблюдается сильная аспирация k в начальной позиции, что является чертой, характеризующей ряд швабских говоров (VER30, IL; VER80, VER90, VER70). Однако наблюдаются и черты нижненемецких диалектов, что характеризуется отсутствием второго передвижения согласных и сохранением p, t, k во всех позициях. (RAMA; VER10, VER20).

2. Отражение германских b, d, g относится к кругу явлений, входящих в комплекс второго передвижения согласных, что предполагает переход германских b, d, g>двн. p, t, k. Наиболее последовательно осуществляется переход d>t, охватывающий все верхнене-

Таблица 2

Stimul	1 Phon.	2 Lex.	3 Gram.	Sum.	% 1	% 2	% 3	Sum.
VER30	22	0	3	25	88%	0%	12%	100%
RAMA	16	9	0	25	64%	36%	0%	100%
VER60	10	4	11	25	40%	16%	44%	100%
MISSA	5	4	16	25	20%	16%	64%	100%
VER70	15	8	2	25	60%	32%	8%	100%
IL	11	2	12	25	44%	8%	48%	100%
VER50	12	9	4	25	48%	36%	16%	100%
VER20	14	3	8	25	56%	12%	32%	100%
KUNK	15	5	5	25	60%	20%	20%	100%
VER40	18	4	3	25	72%	16%	12%	100%
VER10	7	7	11	25	28%	28%	44%	100%
MISS	16	3	6	25	64%	12%	24%	100%
RAZ	12	9	4	25	48%	36%	16%	100%
VER80	16	9	0	25	64%	36%	0%	100%
VER90	21	4	0	25	84%	16%	0%	100%
n	210	80	85	375				
%	56%	21,30%	22,70%	100%				

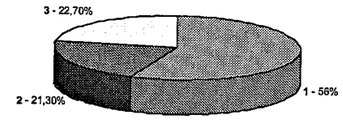


Рис. 2

мецкие говоры (VER60, VER50, VER80, VER90, RAZ, IL). Бесперебойное d, что характеризует диалекты нижненемецкого типа, наблюдается в отдельных лексемах (IL, VER80, VER90, KUNK).

3. Обращаясь к идиолектам Верхнекамского района, можно наблюдать случаи спирантизации b>v (w) в интервокальном положении (VER10, VER20, RAMA; KUNK), а также случаи спирантизации начального и интервокального g>j и переходы конечного g>x, γ (KUNK, IL, RAMA, MISSA, MISS, VER70 и др.) Однако у этих же информантов встречаются словоформы с отсутствием спирантизации.

4. Ассимиляторные изменения в группах согласных также непоследовательно отражаются в идиолектах информантов Верхнекамского района (ср. RAZ; VER40, RAMA, KUNK, MISS, MISSA).

К основным изменениям в области вокализма могут быть отнесены:

1) дифтонгизация узких долгих свн. ī, ū, iu>ei [ae], au [ao], eu [oø];

2) стяжение узких дифтонгов ie, üe [i,ü]>i, uo [ue]>u;

3) расширение дифтонгов среднего уровня ei, uo>ae, ao;

4) расширение гласных i>e, u>o;

5) делабиализация ü,ö>i,e.

Дифтонгизация германских узких долгих достаточно последовательно отражается в идиолектах российских немцев изучаемого района (KUNK, MISS, IL, VER10, VER20, VER40...).

Стяжение узких дифтонгов, характерное для литературного немецкого языка, присуще всем идиолектам исследуемого района.

Расширение дифтонгов среднего уровня ei, ou>ai, au наблюдается в южнонемецких говорах, что касается диалектов северного типа, то наши информанты практически не сохраняют долгие гласные, за исключением словоформ (RAMA).

Расширение i>e, u>o, а также делабиализация обнаруживаются у всех информантов данного района.

Достаточно интересные изменения наблюдаются в области лексики. Поскольку из контактных языков изучаемого района наиболее мощное воздействие на язык немецкого национального меньшинства оказывает русский язык, то можно заметить, что в речи наших информантов широко представлены лексические заимствования, а также синтаксическое калькирование из русского языка. Заимствованные лексемы в известной мере приспособились к произносительной и грамматической «норме» того или иного идиолекта: словоизменение осуществляется по правилам немецкого языка, о чём свидетельствуют формы артикля, притяжательных местоимений, прилагательных, употреблённых в атрибутивной форме (VER10, VER20, MISS).

Функцию соединения отрезков речи, будь то отдельные предложения или словосочетания, осуществляют служебные слова. В речи наших информантов эта функция часто осуществляется с помощью русских соединительных элементов (VER60, VER10, VER20, KUNK).

Для идиолектов характерна синтаксическая модель предложения, построенная по русскому образцу с нарушением типичной для немецкого языка рамочной конструкцией (во всех звуковых фрагментах).

Рассмотренные выше случаи русско-немецкого языкового взаимодействия относятся исключительно к функционированию идиолектов, то есть к индивидуальной речи этнических немцев Верхнекамского района. Однако, учитывая то обстоятельство, что контакты (в том числе и языковые) между немецкими поселенцами и русскоязычным населением осуществлялись практически повсеместно на территории России (и бывшего СССР) с момента появления первых немецких поселений, представляется возможным констатировать с большей долей вероятности, что факты, засвидетельствованные в идиолектах изучаемого района, обладают известной универсальностью, отражая общие тенденции влияния русского языка на диалекты (идиолекты) этнических немцев на уровне слова, словосочетания и предложения. Словарные заимствования происходят постоянно (правда, в разные периоды с разной степенью интенсивности) и связаны с необходимостью пополнения словарного состава немецких диалектов (идиолектов) за счёт русских слов, обозначающих реалии внутрисемейной и общественной жизни, ставшие для этнических немцев России (СССР) повседневными [Дингес 1925; Маныкин 1992: 9; Штаб 1990].

Грамматические особенности, присущие идиолектам изучаемого района, во многом связаны с фонетическими процессами, протекающими в немецких диалектах. Прежде всего фонетические изменения влияют на облик аффиксов. Редукции подвергаются и конечные элементы слова, выступающие в качестве грамматических показателей (суффиксов и окончаний), что имеет непосредственное отношение к грамматике, то есть связано со словоизменением – склонением, спряжением.

Результаты, полученные при анализе теста № 3 «Эксперимент определения диалектов в речи российских немцев»

Из 100% (375 ответов) (см. табл. 3 и рис. 3):

- 41, 6% – южнонемецкий диалект («Sued-deutsch»);
- 32,8% определили, что это севернонемецкий диалект («Norddeutsch»);
- 25, 6% – трудно сказать.

В речи жителей исследуемых сёл, которые были депортированы из Поволжья, Украины, Казахстана, а также интернированы из Германии, обнаружены важнейшие структурные особенности верхненемецких и нижненемецких диалектов.

Рассматривая в идиолектах Верхнекамского района наиболее важные явления из области консонантиз-

Таблица 3

	1	2 3 schwer		Sum.				Sum.
Stimul	Nordd.	Suedd.	sagen	Sum.	% 1	% 2	% 3	100%
KUNK	15	7	3	25	60%	28%	12%	100%
VER60	6	11	8	25	24%	44%	32%	100%
VER70	3	18	4	25	12%	72%	16%	100%
MISSA	12	3	10	25	48%	12%	40%	100%
VER10	10	11	4	25	40%	44%	16%	100%
IL	4	12	9	25	16%	48%	36%	100%
RAZ	4	11	10	25	16%	44%	40%	100%
VER20	8	11	6	25	32%	44%	24%	100%
VER80	6	13	6	25	24%	52%	24%	100%
VER40	7	10	8	25	28%	40%	32%	100%
VER50	2	17	6	25	8%	68%	24%	100%
VER90	10	10	5	25	40%	40%	20%	100%
MISS	17	4	4	25	68%	16%	16%	100%
VER30	5	15	5	25	20%	60%	20%	100%
RAMA	14	3	8	25	56%	12%	32%	100%
n	123	156	96					
%	32,80%	41,60%	25,60%	100%				

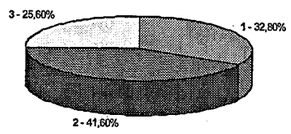


Рис. 3

ма, можно констатировать, что основное различие между диалектами северного и южного типов базируется на передвижении согласных. Сохранение бесперебойного d в группе b, d, g и последовательное противопоставление глухих взрывных p, t, k звонким также является основанием для различения идиолектов двух основных диалектных групп – верхне- и нижненемецкой. Следует отметить, что основанием для противопоставления идиолектов в изучаемом районе могут быть использованы и явления, связанные со спирантизацией интервокальных и конечных b, g.

Исследуя явления в области вокализма, следует подчеркнуть, что противопоставление внутри привлечённых к рассмотрению идиолектов на идиолекты верхненемецкого и нижненемецкого типов наиболее последовательно осуществляется по признаку наличия/отсутствия дифтонгизации свн. ī, ū, то есть сохранение старых долгих узких, характерное для нижненемецких диалектов, практически не наблюдается в речи информантов Верхнекамского района.

Идиолекты, носителями которых являются этнические немцы Верхнекамского района, обнаруживают отчётливые следы взаимодействия на внутриязыковом (междиалектном) уровне, результатом которого является образование смешанных говоров, изучению которых придавали первостепенное значение Г. Дингес, А. Дульзон и В.М. Жирмунский [Дингес 1925, Дульзон 1941, Жирмунский 1929].

Даже наиболее резко противостоящие друг другу идиолекты, к которым могут быть отнесены говоры нижненемецкого и швабского типов (RAMA, VER10, VER20), (IL, VER50, VER80), обнаруживают признаки смешения, проявляющиеся в непоследовательности отражения того или иного явления, в отклонении от «нормы», присущей соответствующему диалектному типу (в отказе от так называемых первичных диалектных признаков), в тяготении к некоему «усреднённому» варианту, что очень хорошо наблюдается при выборе той или иной диалектной области нашими испытуемыми (VER10, VER20, VER40, VER90). Можно предположить, что процесс выравнивания достаточно интенсивно протекал в период с 1941 по 1956 гг. в регионах депортации, где в тесном контакте оказались представители самых различных немецкоязычных областей бывшего Советского Союза. Однако в некоторых звуковых фрагментах наблюдается преобладание преимущественно северных или, напротив, преимущественно южных диалектных реализаций привлечённого к рассмотрению комплекса языковых явлений, что также не осталось без внимания у наших аудиторов (KUNK, VER60, VER70, IL, RAZ, VER80, VER50, MISS, MISSA, VER30, RAMA).

При исследовании сводной таблицы первого и второго тестов можно констатировать тот факт, что речь информантов Верхнекамского района диалектно окрашена: в основном выбраны слабовыраженный, средний и сильно выраженный диалекты. Как правило, диалект определялся по наличию фонетических изменений (IL, KUNK, MISS, RAMA, RAZ, VER20, VER30, VER40, VER50, VER60, VER70, VER80, VER90). Однако нельзя отрицать наличия грамматических (MISSA, VER10, VER20, VER60) и лексических черт (RAMA, RAZ, VER50, VER70, VER80), играющих немаловажную роль при оценке соответствия речи литературной норме немецкого языка.

Сводная таблица первого и второго тестов

Stimul	1 d.Stand. Sprache	2 schw. Dial.	3 mittl. Dial.	4 stark Dial.	5 schw. sagen	Stimul	1 Phon.	2 Lex.	3 Gram.	Sum.
IL	0%	0%	40%	56%	4%	IL	44%	8%	48%	100%
KUNK	0%	24%	52%	20%	4%	KUNK	60%	20%	20%	100%
MISS	0%	36%	48%	16%	0%	MISS	64%	12%	24%	100%
MISSA	12%	60%	20%	8%	0%	MISSA	20%	16%	64%	100%
RAMA	0%	0%	0%	84%	16%	RAMA	64%	36%	0%	100%
RAZ	4%	24%	36%	24%	12%	RAZ	48%	36%	16%	100%
VER10	4%	20%	60%	16%	0%	VER10	28%	28%	44%	100%
VER20	0%	16%	40%	40%	4%	VER20	56%	12%	32%	100%
VER30	4%	44%	28%	12%	12%	VER30	88%	0%	12%	100%
VER40	4%	20%	40%	28%	8%	VER40	72%	16%	12%	100%
VER50	0%	16%	24%	52%	8%	VER50	48%	36%	16%	100%
VER60	8%	60%	20%	12%	0%	VER60	40%	16%	44%	100%
VER70	0%	12%	28%	48%	12%	VER70	60%	32%	8%	100%
VER80	0%	8%	24%	60%	8%	VER80	64%	36%	0%	100%
VER90	16%	68%	16%	0%	0%	VER90	84%	16%	0%	100%

Данные (Chi-Quadrat Test) первого и второго экспериментов

Exp.1, Stimul	CHI	P	Exp.2, Stimul	CHI	P
IL	34,400	,000	IL	7,280	0,026
KUNK	21,200	,000	KUNK	8,000	0,018
MISS	23,200	,000	MISS	11,120	0,004
MISSA	27,600	,000	MISSA	10,640	0,000
RAMA	66,400	,000	RAMA	15,440	0,141
RAZ	7,600	,107	RAZ	3,920	0,527
VER10	28,400	,000	VER10	1,280	0,026
VER20	18,400	,001	VER20	7,280	0,000
VER30	12,800	,012	VER30	34,160	0,000
VER40	10,800	,029	VER40	16,880	0,000
VER50	20,000	,000	VER50	3,980	0,141
VER60	27,600	,000	VER60	3,440	0,179
VER70	17,200	,002	VER70	10,160	0,006
VER80	28,000	,000	VER80	15,440	0,000
VER90	39,200	,000	VER90	29,840	0,000

Исследуя полученные данные Chi-Quadrat Test – теста на случайность/неслучайность распределения ответов испытуемых, критический порог оценки: ошибка меньше 5% – 0,5 для первых двух экспериментов, следует подчеркнуть, что почти во всех ответах присутствует в высшей степени существенное отклонение от случайного распределения, P (ошибка) < 0,001: (KUNK, IL, MISS, MISSA, RAMA, VER10, VER50, VER60, VER80, VER90). Однако, если CHI невысокое и P (ошибка) приближена к 5 %, в данном случае нельзя отвергать гипотезу о случайности (RAZ, VER20, VER30, VER40, VER70), что мы можем наблюдать в первом эксперименте.

Во втором эксперименте – тесте определения особенностей речи – при невысоком CHI мы не можем подтвердить гипотезу о случайности. В этом случае чем меньше CHI и больше P, тем возникает большая вероятность, что в данном стимуле присутствуют не только фонетические, но и лексические, грамматические признаки, что мы можем сравнить с табл. 2 или со сводной таблицей первых двух экспериментов (IL, KUNK, RAZ, VER10, VER20, VER50, VER60). Если же CHI высокое, то можно сделать вывод, что один из признаков (фонетика, лексика или грамматика) доминирует (MISS, MISSA, RAMA, VER30, VER40, VER70, VER80, VER90).

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, следует отметить, что немецкий язык в изучаемом районе сохраняется у этнических немцев в виде отдельных идиолектов, которые носят смешанный характер. Это объясняется 1) изначально смешанным характером диалектов как материнских (Mutterkolonien); так и, в особенности, дочерних колоний (Tochterkolonien); 2) исключительно широким географическим диапазоном представленных в регионе немецких говоров (так, из 19 информантов, представляющих говоры южнонемецкого типа, 9 происходят из Поволжья, 1 – из Одессы, 6 – из Житомира, из 7 представителей нижненемецких диалектов 5 являются выходцами из Запорожской области, 2 – из Донецкой области); 3) сложностью личных судеб информантов, прошедших путь от родного села в местах компактного проживания немцев (до 1941 года), через насильственное переселение и связанные с ним места проживания в областях депортации (Сибирь, Северный Казахстан) и, наконец, послевоенные миграции в совершено новые регионы расселения в азиатской части бывшего Советского союза – на Урале, в Западной Сибири, в среднеазиатских республиках [ср. Смирницкая, Баротов 1997: 54].

Высокий уровень мобильности и распылённости, свойственный этническим немцам бывшего СССР на всех этапах их истории и значительно возросший, начиная с 1941 г. по причинам, от них не зависящим, имеет своим следствием постоянную смену контактных языков, а также контактных диалектов немецкого языка, с которыми переселенцы приходят в соприкосновение в новых местах обитания.

Процессы языкового смешения и выравнивания ведут, прежде всего, к «избавлению» диалекта от наиболее характерных, бросающихся в глаза диалектных признаков, которые В.М. Жирмунский называл первичными (примарными), при сохранении ими наименее характерных, вторичных (секундарных) признаков [Жирмунский 1976: 496]. Основным условием подобного развития является взаимодействие между диалектами немецкого языка, роль которого, однако для немецких диалектов России/СССР/СНГ не может считаться ведущей – напротив, она крайне ограничена.

При взаимодействии с контактными языками – русским, украинским, татарским – происходит обогащение их словарного состава за счёт заимствованной лексики. При этом прослеживаются изменения на фонологическом, лексическом и грамматическом уровнях – заимствование фонем (или их признаков), влияние на систему склонения, спряжения, порядок слов и др. Наиболее сильное влияние русского языка объясняется прежде всего тем, что двуязычные представители немецкого национального меньшинства (в том числе и в рассматриваемом районе) гораздо лучше владеют русским языком, нежели немецким. Причины русификации немецкого национального меньшинства исходят из того, что, во-первых, это не «языковой остров», где больше возможностей оказать сопротивление воздействию иноязычного окружения; во-вторых, исследуемый район характерен этнической пестротой, где использование русского языка в качестве основного коммуникативного средства просто необходимо; в-третьих, немаловажно и то, что в районе отсутствуют государственные и общественные институты, способствующие повышению языковой компетенции у этнических немцев (школы с преподаванием немецкого языка как родного, теле- и радиовещание на немецком языке).

Примечания

1. *Дингес Г.* К изучению говоров Поволжских немцев. (Результаты, задачи, методы) // Отдельные оттиски из журнала «Учёные записки» Саратов. гос. ун-та. Т. 4. Вып. 3. Саратов: Саргублит. 1925. 9 с.

2. *Дульзон А.П.* Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. № 3. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 82-96.

3. *Жирмунский В.М.* Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. 1929. Т. 3. С. 179-220.

4. *Жирмунский В.М.* Общее и германское языкознание / АН СССР. Отд. лит. и яз.; Отв. ред. А.В. Десницкая, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсон; Подгот. Н.А. Жирмунская. Л.: Наука, 1976. 693с. (Избр. тр.).

5. *Краузе М., Люблинская В., Саппок К.* Исследование диалектного сознания в современной России: географическое определение диалектных текстов и их оценка /In workshop. Bochum, 2000.

6. *Маныкин В.А.* Социолингвистический аспект функционирования диалектов немцев Поволжья: Дис. … канд. филол. наук. Саратов: СГУ, 1992.

7. *Смирницкая С.В., Баротов М.А.* Немецкие говоры Северного Таджикистана. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. 120 с.

8. *Штаб В.А.* Социолингвистическое исследование языка немцев в Казахстане: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1990.

В.А. Береснева

ПРЕТЕРИТ ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается синтагматическое употребление временной формы «претерит», которая во внутренней речи в современном немецком языке выступает в парадигматических функциях презенса и футура I. Интерпретация временной отнесенности «настоящее/будущее» обеспечивается дополнительными контекстуальными средствами.

«Внутренняя речь» («erlebte Rede») как одна из возможных сфер применения претерита открылась ему, по-видимому, с начала прошлого столетия [ср. Schmidt, 218-219].

Под внутренней речью понимается воспроизведение автором художественного произведения внутренних процессов (мыслей) так, как их ощущает переживающее лицо, или – что встречается реже – его речей, но не в форме *Я*, а в третьем лице. При этом язык автора (т.е. сейчас и здесь говорящего или пишущего) и язык названного третьего лица сливаются воедино [ср. Rede].

БЕРЕСНЕВА Виктория Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии ВятГГУ
© В.А. Береснева, 2003

Основные признаки внутренней речи:

1. Использование внутренней речи ограничено функциональным стилем художественной прозы.

2. При помощи внутренней речи автор художественной прозы, не говоря об этом открыто, побуждает своих героев высказывать их мысли. Повествуется, таким образом, не о мыслях рассказчика, а о мыслях действующих лиц, которые им (рассказчиком) реферируются.

3. Различают внутреннюю речь (фактически сказанное) и внутреннюю рефлексию (лишь помысленное).

4. Внутренняя речь и внутренняя рефлексия имеют форму главного предложения (без эксплицитно выраженного введения в речь), отличаясь тем самым как от прямой, так и от косвенной речи.

- Все лица транспонируются в третье лицо – этим косвеннная речь и внутренняя речь отличаются от прямой речи.

- Как и в прямой речи, во внутренней речи обычно употребляется индикатив.

- И, наконец, – что для нас имеет особое значение – во внутренней речи (и рефлексии) по сравнению с прямой речью имеет место темпоральный сдвиг. Все эти характеристики внутренней речи, вместе взятые, формируют статус несобственно-прямой речи.

Во внутренней речи претерит выступает в двух различных синтагматических функциях, выражая либо презентное, либо футуральное относительно момента актуального *Теперь* событие или бытие, т.е. во внутренней речи претерит выступает в темпоральных парадигматических функциях презенса и футура I. Реализуется ли в условиях несобственно-прямой речи временная отнесенность «настоящее» или «будущее», зависит от того, какие ко-/контекстуальные средства оказываются при этом задействованными.

Интерпретация временной отнесенности «настоящее» обеспечивается, например,

а) обстоятельствами времени типа *jetzt, nun, heute*, ср.:

(1) *Warum **genoß** er **jetzt** das tiefe, sommerliche Grün der großen, breiten, reichen Kastanienblätter, und weshalb **betäubte** ihn **jetzt** der Duft der Kastanien so heftig?* [J. Roth]

(2) ***Nun kannten** sie ihn ja!* [A. Sommer-Bodenburg]

(3) *Warum **ließ** sie ihn gerade **heute** so lange hier **bleiben**, sie, die sonst so genau war?* [S. Zweig]

б) соответствующей коммуникативной ситуацией, широким языковым контекстом, ср.:

(4) *Er hob die Flasche auf und öffnete vorsichtig die Tur zu seinem Zimmer. Ein merkwürdiger Geruch stieg ihm in die Nase, modrig und muffig wie im Keller und so, als sei etwas angebrannt. Ob das vom Fernseher **kam**? Schnell zog er den Stecker aus der Wand.* [A. Sommer-Bodenburg]

Внутренняя речь, точнее, внутренняя рефлексия в примерах (1)-(4), содержит своего рода презентный претерит. В прямой рефлексии мысли персонажей были бы выражены презенсом, что несложно доказать путем проведения соответствующей трансформации, ср.:

(4') *Er (Anton) fragte sich: Kommt das vom Fernseher?* (=прямая рефлексия).

Третье предложение в примере (4) содержит внутреннюю рефлексию – мысль мальчика. Первое, второе и четвертое предложения содержат чистую речь автора. Во всех предложениях употреблен претерит. В третьем предложении он обозначает презентное относительно момента актуального *Теперь* событие. В остальных предложениях претерит выполняет свою парадигматическую функцию.

Интерпретация временной отнесенности «будущее» может обеспечиваться следующими ко-/контекстуальными средствами:

а) обстоятельствами времени, ср.:

(5) *Naja, vielleicht **klappte** es **nächste Woche** besser!* [A. Sommer-Bodenburg]

б) сложноподчиненными предложениями с союзом *wenn*, ср.:

(6) *Und **wenn** er in die Gruft **hinunterstieg** und den Brief zu Rüdiger in den Sarg **legte**, **wurden** dadurch vielleicht die anderen Vampire wach....* [A. Sommer-Bodenburg]

Футуральное значение сохраняется в вопросительных и в восклицательных предложениях с wenn, представляющих собой как бы первую часть высказывания – условия, в то время как вторая часть – последствие этого условия – остается невыраженным. О нем не говорят, потому что или не представляют себе, каким оно будет (вопросительное предложение), или по какой-либо причине не хотят называть его (восклицательное предложение), ср.:

*(7) **Wenn** sie nun zufällig die Karteizettel mit ihren skurillen Aussprüchen in die Hand **bekam**?* [E. Agricola]

*(8) **Wenn** sie ihn hier **fand**!* [A. Sommer-Bodenburg]

в) сложноподчиненными предложениями с союзами *bis, bevor*, ср.:

(9) *Sollten sie doch warten, **bis** sie schwarz **wurden**!* [A. Sommer-Bodenburg]

(10) *Hauptsache, er **kam** hier **heraus**, **bevor** Lumpi **aufwachte**...* [A. Sommer-Bodenburg];

г) сложносочиненными предложениями с союзом *sonst*. *Sonst* вводит некое событие/бытие, которое последует в случае, если не будет осуществлено какое-то событие/бытие в настоящем. Поэтому семантической сферой таких предложений является будущее время. Ср.:

(11) *Aber er verkniff es sich lieber - **sonst gab** es noch Streit, und dann blieb der Vater aus Wut womöglich zu Hause!* [A. Sommer-Bodenburg];

д) наличием глаголов *sollen* и *wollen*. Лексическое значение этих глаголов предопределяет восприятие формы претерита как футуральной. Сами лексемы порождают мысль о будущем [ср. Шендельс 1970, 52].

Ср.:

(12) ***Sollte** er die Wahrheit **sagen**? Seine Mutter würde ihm ohnehin nicht glauben.* [A. Sommer-Bodenburg];

е) в качестве «переключателя» [термин Е.И. Шендельс, см. Шендельс 1988, 52] может выступать кондиционалис, который часто используется наряду с другими факторами, реализующими так называемый футуральный претерит, ср. пример (12), ср. также:

(13) *Es **kam** der Tag, wo er berühmt **war**, wo alles **gedruckt wurde**, was er **schrieb**, und **dann** würde man sehen, ob es nicht Eindruck auf Inge Holm machen würde ...* [Th. Mann]

Внутренняя рефлексия в примерах (5)-(13) содержит футуральный претерит. В прямой рефлексии мысли действующих лиц были бы выражены футуром I. Продемонстрируем это, применив снова трансформационный метод, ср.:

(13') *Er (Tonio Kröger) dachte: Es **wird** der Tag **kommen**, wo er berühmt **sein wird**, wo alles **gedruckt werden wird**, was er **schreiben wird**...* (=прямая рефлексия). Мысли действующего лица относятся к будущему.

Во внутренней речи (и рефлексии), таким образом, претерит синкретизирует парадигматические функции презенса и футура I. Действительно, претерит во всех вышеприведенных текстовых фрагментах может быть заменен *без изменения темпорального значения* (выражения презентного или футурального относительно момента актуального *Теперь* события или бытия) презенсом или футуром I. В отличие, однако, от презенса или футура I – и это следует подчеркнуть особо – претерит во внутренней речи маркирован в прагматическом отношении и предназначен для достижения определенного стилистического эффекта. Если заменить претерит в вышеприведенных примерах презенсом или футуром I, текст утратит характер сообщения. Высказанные мысли в таком случае уже будут не мыслями выдуманного автором лица, а его (автора) собственными – действительными или вымышленными – мыслями.

Характерной чертой предложений с маркированным в прагматическом отношении претеритом является экспрессивность. Внутренняя речь использует стилистические элементы, преследующие выражение «непринужденной живости изображения» [Weinrich, 235], и сближается с косвенной речью. Среди вышеупомянутых стилистических элементов можно отметить следующие:

- вопрос к самому себе, ср.:

(14) *Er blickte aber in sich hinein, wo so viel Gram und Sehnsucht war. Warum, warum **war** er hier? Warum **saß** er nicht in seiner Stube am Fenster und **las** in Storms «Immensee» und **blickte** hie und da in den abendlichen Garten hinaus, wo der alte Walnu?baum schwerfällig **knarrte**?* [Th. Mann]

- использование оборотов речи в качестве восклицания, ср. выше пример (9);

- разговорные выражения, ср.:

(15) *Aber was **machte sich** der Slama **daraus**?* [J. Roth]

(16) *Sollte er die Wahrheit sagen? Udo würde sie ihm ohnehin nicht glauben, doch vielleicht **fühlte** er **sich auf den Arm genommen** und verschwand freiwillig!* [A. Sommer-Bodenburg]

- повторы, ср.:

(17) *Der Eichmeister Eibenschutz aber ging trostlos nach Hause. **Was bedeutete ihm schon der Frühling? Was bedeutete ihm schon der Frühling?*** [J. Roth] и др.

«Они придают внутренней речи такую атмосферу, как если бы это была непосредственно воспроизведенная, прямая речь» [Weinrich, 235]. Именно поэтому тексты или фрагменты из текстов подобного рода характеризуются в плане стилистики как «erlebte Rede», что буквально означает «пережитая речь».

Г. Хельбиг и Й. Буша полагают, что претерит в «реферирующем» употреблении не является первичным темпусом; они рассматривают его как трансформ, производный от презенса или футура I и представляющий собой контаминацию с вышестоящим предложением:

*Er **fragte** den Arzt: «**Bin** ich wirklich so schwer krank?»*

*→ **War** er wirklich so schwer krank?*
*Ob er sie wohl **fand** in diesem Gewimmel?*

*← Er **fragte** sich: **Wird** er sie in diesem Gewimmel wohl **finden?*** [Helbig, Buscha, 149]

В формально-синтаксическом отношении может быть и можно говорить о контаминации, но невыясненным остается вопрос, когда и почему начинает функционировать контаминационная механика. Verba dicendi – средство, не обязательно приводящее к таким высказываниям. Представляется, что речь прежде всего идет не о синтаксических и семантических механизмах, а об отношении действующего лица к воспринимаемому им событию или бытию. Мысли действующего лица о его настоящем или будущем изображаются автором (рассказчиком) так, как если бы событие/бытие, относящееся к сфере настоящего или будущего относительно момента актуального *Теперь, уже состоялось в его «живой» фантазии* [ср. Schmidt, 219].

Претерит в «реферирующем» употреблении, таким образом, не является столь уж неожиданным или неестественным. Благодаря своему парадигматическому содержанию претерит способен сделать то, что недоступно презенсу или футуру I, а именно: представить настоящее или будущее событие/бытие как будто бы уже прошедшее.

Итак, на уровне синтагматики в так называемой **внутренней речи** претерит выступает в парадигматических функциях презенса и футура I. Интерпретация временной отнесенности «настоящее» или «будущее» обеспечивается дополнительно соответствующими ко-/контекстуальными средствами. В форме

претерита в рассматриваемом употреблении синкретично совмещенными, таким образом, оказываются темпоральный дифференциальный семантический признак (далее ДСП) **«настоящее»** или **«будущее»**, аспектуальный ДСП **«неперфективность»** – эта сема является общей для парадигматического содержания форм претерита, презенса и футура I. В том случае, когда претерит синкретизирует парадигматическую функцию футура I, им приобретается еще одна сема, а именно: модальный ДСП **«неверифицированность на момент актуального *Теперь*»**.

Претерит во внутренней речи маркирован в прагматическом отношении: он выполняет «реферирующую» функцию; придает сообщению «непринужденную живость изображения»; благодаря своему парадигматическому содержанию претерит позволяет представить настоящее или будущее относительно момента актуального *Теперь* событие/бытие как якобы уже прошедшее.

Примечания

1. *Шендельс Е.И.* Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М.: Высш. шк., 1970. 208 с.

2. *Шендельс Е.И.* Практическая грамматика немецкого языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1988. 416 с.

3. *Helbig G., Buscha J.* Deutsche Grammatik. Ein Handbuch fur den Auslanderunterricht. Leipzig: Verlag Enzyklopadie, 1987. 737 S.

4. Rede // Duden Deutsches Universalworterbuch / hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. [Red. Bearb.: Matthias Wermke...]. - 3., vollig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zurich: Dudenverl., 1996. S. 1227.

5. *Schmidt W.* Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einfuhrung in die funktionale Sprachlehre. Berlin: Volk und Wissen volkseigener Verlag, 1967. 323 S.

6. *Weinrich H.* Tempus. Besprochene und erzahlte Welt. Stuttgart, 1964.

Новые книги

Пермякова Наталья Александровна

Особенности поэтики Михаила Булгакова (формы и функции фантастики демонического)

Монография
Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 134 с.

В монографии рассматривается фантастика демонического как элемент художественного мира М. - Булгакова. Автор отмечает особый характер булгаковской фантастики в изображении инфернального и наличие в творчестве писателя постоянных образов, мотивов, символов демонического.

Монография адресована преподавателям вуза и школы, студентам, а также всем, кто интересуется творчеством М. Булгакова.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

М.Г. Яновская

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АКТИВИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ УЧАЩИХСЯ

В статье с разным уровнем глубины рассмотрены принципы активизации эмоциональной сферы учащихся как необходимый фактор образовательного процесса. Предназначается для всех, кто имеет отношение к педагогической специальности.

В умении соединить ум с сердцем
открывается мировоззрение цельности.

А.Белый

Принципы активизации эмоциональной сферы – это совокупность практико-ориентированных теоретических положений, которые лежат в основе содержания, форм, методов, технологий образовательного процесса, обеспечивая единство *рационального* (педагогическое целеполагание) и *личностно значимого* (мотивационно-потребностная сфера учащихся).

К ним относятся:

- принцип единства и гармонизации рационального и эмоционального;
- принцип опоры на потребностно-эмоциональную сферу учащихся (разного возраста);
- принцип воссоединения и слияния «взрослых» и «детских» целей;
- принцип синтеза взаимопроникающих видов деятельности;
- принцип эмоционально-ценностного наполнения образовательного процесса;
- принцип сотрудничества-сотворчества.

Рассмотрим их с разным уровнем глубины; наиболее полно – первый, конституирующий: именно в нем заключены теоретические обоснования о необходимости введения в теорию и практику педагогического процесса принципов данной группы.

Принцип единства и гармонизации рационального и эмоционального факторов

В его основе следующие методологические положения.

В психологической науке разработаны теоретические обоснования полифункциональной роли эмоций в жизнедеятельности человека, их спонтанного «вторжения» во все структуры его психической активности.

Образовательный процесс* – важнейшая составляющая жизни ребенка, подростка, юноши, а обучение – основной вид деятельности. Однако в дидактике длительный период времени развивались в основном рационалогические подходы к целевому, содержательному и операционно-технологическому обеспечению учебного процесса. Естественно, что те же тенденции прослеживались и в массовой педагогической практике, что привело к мотивационному «отчуждению» ученика от школы.

Личность целостна. Она познает, размышляет, запоминает, усваивает знания, выраженные в фактах, рационально-логических рассуждениях, умозаключениях, правилах, законах, формулах. В процессе изучения учебного материала она одновременно *эмоционально отражает* трудность-легкость, значимость-незначимость, интерес-скуку, потенциальную успешность – неуспешность. То есть у учащегося всегда «включен» аппарат эмоций с его «отношенческим» фильтром.

Эмоционально-ценностное отношение – это всегда союз ума и сердца. Прав был великий Толстой, утверждая, что ум не может уяснить того, чего не хочет сердце.

В педагогических публикациях давно подвергается критике «левополушарное», то есть интеллектуально-вербализованное обучение и воспитание. Это правомерно, справедливо, актуально и сегодня.

Мозговые структуры человека, взаимодействуя, целостно отражают все внешние воздействия – и рационально, и эмоционально. Когда вся «нагрузка» направляется педагогом на левое полушарие, возникает состояние внутренней дисгармонии, ибо школьнику или студенту приходится буквально «грызть камень науки», что, как известно, далеко не всем посильно. Если рациональный аппарат мозга перегружен трудной информацией или заданиями – эмоциональный (правополушарный) как бы отторгает ее.

ЯНОВСКАЯ Мая Григорьевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики ВятГГУ
© М.Г. Яновская, 2003

* Имея в виду цельность образовательного процесса, мы в тексте, для удобства изложения, условно выделяем его основные подструктуры – процесс обучения и воспитания.

Поэтому эмоциональная составляющая в процессе обучения и воспитания выполняет важнейшие функции:

• эмоционально-ценностного обогащения *содержания* образовательного процесса, приближенного к жизненному опыту учащихся, студентов, к их творческому потенциалу, к сфере чувств;

• эмоциональной *поддержки* научной идеи или культурной ценности, ее эмоционально-образного представления;

• прогнозирования и внедрения в учебно-воспитательный процесс *эмоционально-ценностной технологии*, то есть технологии, ориентированной на потребностно-мотивационную сферу учащихся;

• формирования мотивации познавательного интереса, который постепенно трансформируется в эмоционально-волевое потребностное «само»;

• создания *эмоционально-ценностной атмосферы* успешного сотрудничества, которое способствует снятию у учащихся тревожности, угнетенного состояния в связи с трудностями и возможной неуспешностью.

Глубоко прав Б.М. Неменский, утверждая, что «у подлинно научной дидактики должно быть две стороны, как два полюса магнита: рационально-логическая и эмоционально-образная» [1].

Адекватная идея должна пронизывать, пропитывать каждое занятие учителя и вузовского педагога.

Вышеуказанные теоретические положения излагались в контексте целостного образовательного процесса, но преднамеренно был сделан акцент на дидактике.

Гармонизация рациональной и эмоциональной сферы – педагогический принцип, без которого совершенно невозможен результат в сфере другой стороны педагогической деятельности – воспитания.

Воспитание как внешний педагогический процесс, направленный на внутренние структуры личности, то есть ее потребностно-мотивационную сферу (если он организован грамотно, творчески), – «пропитывает» каждую «клеточку» учебного процесса: содержание, формы, методы, технологии; систему отношений учитель-ученик, ученик-ученик; организацию учебного пространства. По Макаренко, воспитывает «каждый квадратный метр».

«Сердце», «мозг» всех педагогический усилий – воспитание и развитие *духовно-нравственной культуры личности.*

Духовность – *стремление* личности к истине, добру и красоте.

Нравственность – отношение человека к миру, адекватное моральным нормам и культурным ценностям.

В основе обоих определений – внутреннее (стремление, отношение), а не внешнее педагогически заданное (научить, потребовать). Отношение – категория эмоциональная, стремление – мотивационная. И то и другое связано с потребностями, исходит от них, поэтому фундаментальна цель теории и практики образовательного процесса – развитие духовных потребностей и нравственных чувств, которые трансформируются в нравственные потребности, составляющие основу самосознания личности.

В этике самосознание – это развитые нравственные чувства, то есть переживания, связанные с отношением человека к миру и себе в этом мире с позиции общечеловеческих норм морали и *рефлексирующего самосознания.*

Фундаментальные составляющие нравственного самосознания: чувство долга и ответственности (волевой компонент), чувство человеческого достоинства (аксиологический компонент), чувство совести (базовый рефлексивный компонент), чувство стыда (отрицательное самооценочное переживание).

Вышеназванные нравственные чувства составляют эмоциональное ядро других нравственных чувств, например чувства патриотизма, чувства уважения (самоуважения), а также нравственных качеств личности: отзывчивость, чуткость, предупредительность (базовое чувство – эмпатия); дисциплинированность, организованность, прилежание (базовые чувства – долг и ответственность).

Нравственные чувства теснейшим образом связаны с *эстетическими*, то есть устойчивыми эмоционально-оценочными переживаниями с позиций прекрасного-безобразного. Общность развитых нравственных и эстетических чувств в том, что они отражают прекрасное – в жизни, культуре, себе как ценность, а безобразное – как антиценность.

А поскольку нравственно-эстетические чувства стали устойчивыми образованиями, личность характеризуется высоким самосознанием, способностью к самодисциплине, высокому уровню нравственно-эстетических предпочтений, выбору, адекватному нравственно-эстетическим ценностям.

Идеи о необходимости гармонизации рационального и эмоционального факторов в образовательном процессе более всего развиты представителями педагогики эстетического воспитания, особенно в концептуальных подходах В. Алексеевой и Б. Неменского*.

В. Алексеева благодаря семантическому анализу понятия «эстетическое воспитание», подходит к выводу о том, что «это и есть воспитание чувств, эмоций»; и далее: «сфера чувств в высоком их понимании – это сфера нравственных ценностей! Чем выше культура чувств в ее восхождении к духовным, а значит, неутилитарным ценностям, тем выше нравственный критерий личности» [2].

Нарушение единства рационального и эмоционального в образовательном процессе – это отношение к учащемуся как к «программируемому компоненту системы» (В.П. Зинченко; [3]). Оно чревато воспроизводством людей, остающихся в тисках технократического мышления. Технократизм мышления, или человек-технократ, – это неразвитость эмоциональной сферы, духовно-нравственный примитивизм, отсутствие потребности в рефлексии и эмпатии.

Б.М. Неменский пишет: «Наивны попытки решить передачу всех сторон социального опыта юным лишь через навыки и знания. Не случайно мы до сих пор остаемся в плену технократического мышления. Отсюда и формирование личности творчески инертной, неспособной к работе фантазии, отсюда и нравственная, духовная убогость, приземленность помыслов» [4]. И делает вывод о том, что сегодня нужно говорить о паритете именно духовных задач образования: «творческих и эмоционально-ценностных» [5].

В. Алексеева и Б. Неменский доказательно убеждают в необходимости обращенности к художественному «пласту» образования, понимая его не только буквально, то есть как увеличение «удельного веса» предметов художественного цикла, но и расширенно, они имеют в виду введение элементов эстетики и художественности в целостный образовательный процесс.

Впервые в педагогике Б.М. Неменский предлагает наряду с принципом научности ввести *принцип художественности*, «тогда возникнет, как один из основных равноправных методов познания, *путь освоения содержания через его переживание* – путь искусств» [6]. Буквальная трактовка этой идеи: «путь искусств» – это обучение и воспитание средствами искусств с их огромным художественно-творческим, ценностным потенциалом; расширенная интерпретация: это искусство педагога, связанное с внедрением в образовательный процесс эмоционально-ценностных средств, активно способствующих интериоризации и экстериоризации образовательных и культурных ценностей.

В.П. Зинченко безусловно прав, утверждая, что «механизмы интериоризации и экстериоризации имеются в эффективно-эмоциональной, личностной сфере» [7]. Он предлагает ввести в педагогику *принцип единства аффекта и интеллекта* (Там же).

Развивая идеи об активизации эмоциональной сферы, мы называем этот принцип «единство и гармонизация рационального и эмоционального». Единство означает целостность, то есть эмоционально-рациональное отражение, восприятие. Гармонизация – это целесообразное воссоединение рационального и эмоционального в соответствии с конкретными педагогическими задачами. Например, учебный материал требует логически выстроенных рациональных доказательств, обоснований. Эмоциональный фактор выполняет сопутствующую функцию: образные сравнения, метафоры, связь с жизнью и т.п., облегчают его восприятие.

Ключевая роль эмоционального – в определенных «пластах» образовательного процесса, где важнее чувства, эмоции, оценочное отношение, а рациональное постижение мира – это и интеллектуальный, и эмоционально-ценностный компоненты культуры в их единстве. При этом гармонизация *эмоционально*-рационального выступает как *средство*, а *рационально*-эмоциональное, то есть образовательные ценности, – как *результат*, то есть усвоение, присвоение личностью ценностных смыслов.

Дисгармония свидетельствует о гипертрофии рационального или эмоционального, что существенно понижает результативность образовательного процесса.

Принцип единства и гармонизации рационального и эмоционального – ключевой, основополагающий. Его роль столь велика, что он может быть принят в статусе *закономерности* образовательного процесса, поскольку закономерности и принципы в педагогике взаимосвязаны, переплетены (В.А. Сластенин, П.Ф. Исаев, А.И. Мищенко и др.).

Мы же рассматриваем его как основу других принципов, обеспечивающих единство рационального и эмоционального.

Принцип опоры на потребностно-эмоциональную сферу учащихся разного возраста

С первых лет существования педагогика советского периода развивалась на реальном внедрении в практический опыт правильно принятого в новых условиях принципа природосообразности, то есть опоры на возрастные потребности и интересы школьников как явление эмоционально-ценностное.

Успешная деятельность педагогов-новаторов – в следовании этому принципу. Его нарушение в массовой педагогической практике ведет к формализму, педагогической «заорганизованности» и невысокой результативности образовательного процесса.

Практическое применение этого принципа заключается в следующих положениях:

• необходимо изучать возрастные и индивидуально-личностные потребности и интересы и ориентироваться на них в выборе содержания, форм, методов и технологий образовательного процесса;

• опора на потребностно-мотивационную сферу предполагает активную работу, направленную на развитие, возвышение потребностей и интересов учащихся: в процессе воспитания – от удовлетворения досугово-созерцательных, не требующих эмоционально-волевых напряжений – к социально ценным, культуроемким и личностно значимым.

Анализируя соподчиненность чувств долга и интереса, А.С. Макаренко высказал тонко, современно звучащее суждение: «Идя навстречу детскому интересу… мы оказываемся как раз на путях новейшей педагогики» [8]. Поэтому теория и методика воспитания, по Макаренко, должны идти в русле удовлетворения возрастных интересов, но с их постоянной трансформацией в социально ценные мотивы поведения. Та же логика педагогических действий и в процессе обучения: от введения ситуативных мотивов,

* Имеется в виду педагогика 80-90-х годов.

стимулирующих любознательность, интерес, – к «наращиванию» устойчивой познавательной активности через постепенную амплификацию содержания, усложнение задания, применение технологий, отвечающих новому «витку» интересов школьников или студентов;

• важно учитывать сензитивные периоды развития личности и опираться на них при педагогическом прогнозировании оптимальных результатов. Например, Ш. Амонашвили и В.А. Сухомлинский, работая с младшими школьниками, преднамеренно создавали эмоционально-ценностные ситуации, развивающие нравственные чувства, ибо дети этого возраста особенно расположены к эмоциональной отзывчивости. А И.П. Иванов, занимавшийся воспитанием подростков и старшеклассников, учитывал их предрасположенность к социально-активной позиции взрослого в сочетании с романтическими переживаниями и творческой деятельностью (самодеятельностью).

Принцип воссоединения и слияния «взрослых» и «детских» целей

В образовательном процессе всегда существует две группы целей: а) педагогическое целеполагание – «взрослые» цели; б) мотивационно положительные цели деятельности*, к которым стремится ребенок или подросток, то есть «детские» цели (термин Н.К. Крупской).

Искусство обучения и воспитания заключается в воссоединении, гармонизации тех и других.

Методологические цели этого принципа были заложены педагогами-новаторами 20-х годов. М.М. Пистрак, С.М. Ривес, С.Т. Шацкий, Н.М. Шульман развивают идеи о соотнесенности «детских» переживаний цели, смысла деятельности и позиций педагога. Эта мысль особенно емко и конструктивно выражена Шульманом. Его исходная позиция – воссоединение в педагогическом процессе двух основополагающих феноменов: детской «свободы», «стихии», то есть природных потребностей и интересов ребенка и «закона» социальных требований.

Он дифференцирует понятия «прозаически-деловой закон» и «художественно-творческий закон». Результатом первого является «оборонительное приспособление» ребенка к требованиям педагога и среды, при функционировании же художественно-творческого закона (а его компонентами являются художественная деятельность и игра) ребенок добровольно подчиняется требованиям среды [9], ибо «суть всякого творчески-художественного процесса заключается в том, что *свободная стихия сама добровольно обращается в закон*» [10].

Очень тонкая и актуальная мысль, которая может быть интерпретирована и как отрыв от потребностно-эмоциональной сферы ребенка, поэтому «оборонительное приспособление», и как ее удовлетворение и развитие в образовательном процессе (отсюда – «выход» на развивающее «само»).

Л.С. Рубинштейн, анализируя логику педагогических действий, говорит о том, что основным инструментом, посредством которого педагог направляет и организует деятельность ребенка, являются *задания*. Он высказал очень верную мысль о необходимости «надлежащей мотивации» целей и заданий, ибо именно от нее зависит внутреннее содержание и смысл задания для ребенка. При «ненадлежащей мотивации» заданий, их внутреннее содержание для школьника может сдвинуться и резко разойтись с замыслом педагогов.

Это та самая ситуация, в которой Л.И. Божович и Л.С. Славина видят «смысловой барьер», преодолеть который поможет только введение эмоционально привлекательного мотива, «работающего» на педагогическое целеполагание. Именно этот, сопутствующий мотив, отвечающий возрастным потребностям учащихся, сделает цель, задание, поручение, то есть *должное*, внутренне принятым и потому желанным. Отметим, что содержательно-процессуальная стороны предметной деятельности (например, трудовой) требует тех же волевых усилий, напряжений, которые и потенциально, и реально заложены в ней самой, то есть в данной деятельности.

Следовательно, воссоединение, слияние педагогической логики целеполагания и восприятие любого вида деятельности ребенком или подростком – это поиски путей снятия *эмоционально-смыслового барьера*, который возникает в ситуациях, когда, по Сухомлинскому, «торчат педагогические уши». То есть речь идет о децентрализации педагогического замысла, его сосредоточении на эмоционально-ценностном восприятии учащимися. Умение видеть педагогический процесс глазами тех, ради кого он организован, и соответственно прогнозировать и осуществлять воспитывающую деятельность со скрытой педагогической позицией – один из важнейших принципов творческой педагогики.

В процессе обучения педагогическая цель (задача) может выполнять функцию эмоционального настроя на значимость, ценностный смысл учебного материала, особенно если он практико-ориенирован. Тем не менее привнесенный извне (то есть педагогом) «знаемый» мотив цели важно подкрепить внешними средствами, которые обеспечат приближение, воссоединение, «вбирание» в себя (учеником) конкретных учебных задач как личностно значимых. Эту функцию часто выполняет ориентация учащихся на связь с жизненным опытом, а также организованная педагогами ситуация выбора.

* Мотивационно отрицательные цели ребенка, естественно, должны учитываться и корректироваться с опорой на положительное в личности; конкретные факты мы находим в публикациях А.С.Макаренко, С.Т.Шацкого и др.

Принцип синтеза взаимопроникающих видов деятельности

Психологически этот принцип детерминирован природосообразной потребностью ребенка в постоянной «пробе сил», быстрой смене разных видов деятельности и одновременно их взаимопроникновении, слиянии: труд и игра, познание и художественное творчество, познание и соревнование и др.

Эта особенность, специфичная для неформализованного детского общения, была отмечена С.Т. Шацким: «…между трудом, игрой, искусством, умственным и социальным развитием существует определенная связь, обнаруживается постоянное взаимодействие», которые эмоционально обогащают формы и методы воспитания» [11].

Анализ творчества выдающихся педагогов-новаторов позволяет констатировать, что любой инновационный опыт, так или иначе, связан с принципом синтеза деятельностей, введенных в образовательный процесс.

В основе таких ведущих видов деятельности, как учение и труд, – волевые напряжения, преодоления, самоорганизация, самодисциплина. «Знаемый» мотив – «надо учиться», «надо выполнять трудовые поручения» часто не срабатывает; он нуждается в эмоциональном подкреплении, поддержке. Именно поэтому творчески работающие педагоги в основной вид деятельности – носителя смыслообразующей функции, вводят сопутствующую деятельность – игровую, художественную, творческую, то есть привлекательный для школьника эмоционально окрашенный мотив, «работающий» на смыслообразующий. Тогда возникает ситуация воссоединения «надо» с «интересно», «хочу», «могу», «добьюсь».

Эмоционально-ценностные составляющие педагогического творчества в образовательном процессе – это разнообразные сочетания сопутствующих видов деятельности, введенных в основные.

Принцип эмоционально-ценностного «наполнения» образовательного процесса

Эмоциональная жизнь школьников, то есть внутренние, переживаемые личностно значимые состояния – напрямую связана с удовлетворением его актуальных потребностей: в заинтересованном познании и общении; в самоутверждении, признании достоинств, самопринятии и принятии значимых окружающих.

Названные потребности могут быть удовлетворены благодаря эмоциональной насыщенности, событийности, неординарности, педагогическому стимулированию значимых смыслообразующих и смыслотворческих эмоций учащихся.

По Сухомлинскому, «об убеждениях и идеях вообще не может быть и речи, если в коллективе нет яркой эмоциональной жизни» [12].

Известно, что педагогическая ориентация на программные установки, стандартные, но обязательные для исполнения задания, поручения и на уроках, и во внеучебной деятельности вызывает у школьников состояние скуки, неудовлетворенности, тревожности. В итоге – внутреннее отторжение, мотивационный вакуум, который может быть наполнен только эмоционально-ценностным (с точки зрения школьника) содержанием его жизни. Именно поэтому все инновационные концепции и их практическое воплощение неизменно основываются на педагогическом стимулировании ярких, творческих ситуаций, включенных в образовательный процесс. Эта плодотворная идея апробировалась в опыте педагогов-новаторов 20-х годов. В более поздний период она была ключевой в творческих поисках таких признанных мастеров педагогического труда, как А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинский.

Обозначим пунктирно, но дословно их идеи.

А.С. Макаренко:

• «перспектива завтрашней радости»;
• «мажор»;
• «эстетика коллективной жизни»;
• «эстетика поведения»;
• «искусство педагогической игры» и др.

В.А. Сухомлинский:

• «радость познания»;
• «радость творения для детей» (и вместе с детьми);
• «радость жизнеощущения».

Только краткое перечисление ключевых идей выдающихся педагогов позволяет констатировать, что эмоционально ценностное наполнение образовательного процесса – это, прежде всего, создание таких педагогических условий, при которых школьник испытывает радостные, оптимистические переживания, связанные с жизнедеятельностью учебного заведения. Они невозможны вне гуманистических отношений, фасилитаторских функций педагога.

Принцип сотрудничества-сотворчества

Еще в конце 80-х годов в педагогической литературе было высказано бесспорное положение о том, что без идеи сотрудничества нет питательной среды пробуждения творческой природы воспитания (Э. Днепров).

В контексте педагогики нового века это положение надо рассматривать шире: речь должна идти об эмоционально-ценностном сотрудничестве, сотворчестве в целостном образовательном процессе. Образовательный процесс, основанный на принципе сотрудничества-сотворчества, мы рассматриваем как педагогическую деятельность, в основе которой заинтересованное общение и доброжелательно-гуманистические отношения, комплекс эмоционально-привлекательных средств, стимулирующих творческий поиск, самодеятельность и активность учащихся в кон-

тексте их личностного саморазвития. Творчество, как известно, *потребностно* на протяжении всех возрастных периодов развития личности ребенка (Л.С. Выготский, П.В. Симонов и др.)

Определяя *творчество*, Л.С. Выготский подчеркивает, что это любая деятельность человека, который создает нечто новое, все равно, будет ли это созданием какой-нибудь вещи или *построением ума или чувства, живущего в самом человеке*.

Педагогическая интерпретация последнего положения заключается в следующих важнейших посылках:

• творчество (сотворчество) – всегда сплав работы мысли и чувства; это процесс, окрашенный положительными эмоциями;

• если потенции творчества «живут» в каждом человеке, то образовательный процесс должен стать «полигоном» творческой деятельности и педагога и ребенка (любого возраста).

Сотрудничество-сотворчество обеспечивает эмоционально-ценностную среду развития-саморазвития *творческости*, как ценнейшего личностного качества, востребованного во все времена.

Наконец, принцип сотрудничества-сотворчества – одна из ключевых составляющих современных образовательных технологий.

Совокупность охарактеризованных педагогических принципов обеспечивает стимулирующее влияние эмоционального фактора в образовательном процессе.

Примечания

1. *Неменский Б.М.* Дидактика глазами художника//Педагогика. 1996. № 3. С. 20.
2. *Алексеева В.* Эстетическое художественное воспитание (к новым решениям) // Новое педагогическое мышление / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1989. С. 136.
3. *Зинченко В.П.* Аффект и интеллект в образовании. М.: Тривола, 1995. С. 20.
4. *Неменский Б.М.* Пути очеловечивания школы // Новое педагогическое мышление / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1989. С. 104.
5. Там же. С. 105.
6. Там же. С. 104.
7. *Зинченко В.П.* Указ. соч. С. 20.
8. *Макаренко А.С.* Пед.соч.: В 8 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 19.
9. *Шульман Н.М., Ривес С.М.* От школы-коммуны № 1 к детскому городку имени Октябрьской революции. Одесса, 1922. С. 7.
10. Там же. С. 6.
11. *Шацкий С.Т.* Бодрая жизнь // Шацкий С.Т. Пед. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1962. С. 297.
12. *Сухомлинский В.А.* Методика воспитания коллектива. М.: Просвещение, 1981. С. 54.

В.С. Данюшенков, С.А. Барамзина

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Традиционно вопрос о формах обучения рассматривается в отечественной педагогике в контексте деятельности преподавателей. Однако в последнее время указывается на необходимость обращения к режиму диалога, сотрудничества при равноправном общении субъектов образовательного процесса, поскольку именно такая деятельность обнаруживает новый личностный смысл приобретения знаний. Новые цели современной школы, ориентация обучения на развитие личности ученика требует пересмотра всех компонентов педагогической системы, в том числе и форм обучения.

В условиях смены образовательной парадигмы, то есть перехода от авторитаризма к личностной ориентации, проявляется тенденция радикального изменения взглядов ученых на сущность процесса обучения. Понятие «образование» наполняется новым смыслом и трактуется как «развертывание сущностных, фундаментальных свойств человека» [3, с. 333]. Обучение на современном этапе развития школы рассматривается как «целенаправленный, социально и индивидуально обусловленный и педагогически организованный процесс развития личности обучаемых, происходящий на основе овладения систематизированными научными знаниями и способами деятельности, всем богатством духовной и материальной культуры человечества» [10, с. 29]. Изменяются представления и о процессе учения. Учение истолковывается как «процесс ценностного формирования и самоопределения, интернализации общественных норм, правил, ценностей» [11, с. 93].

Обновленная «модель» образовательного процесса требует пересмотра всех компонентов дидактической системы в свете их человекообразующей функции, в том числе и форм организации обучения.

Прежде чем рассмотреть пути становления и развития этой категории в дидактике, обратимся к словарям.

Словарь иностранных слов [21] рассматривает форму следующим образом: 1) устройство, структура чего-либо, система организации чего-либо; 2) установленный образец чего-либо, шаблон.

Советский энциклопедический словарь трактует данное понятие следующим образом: «Форма – это внутренняя организация содержания» [22]. Большая

ДАНЮШЕНКОВ Владимир Степанович – доктор педагогических наук, профессор, академик АПСН, РАЕН, ректор ВятГГУ
БАРАМЗИНА Светлана Анатольевна – аспирант кафедры педагогики ВятГГУ
© В.С. Данюшенков, 2003
© С.А. Барамзина, 2003

Советская Энциклопедия определяет данную категорию так: «Форма есть способ существования предмета, внутренняя организация, то, что связывает элементы содержания воедино и без чего невозможно существование содержания [2]. В Современном словаре иностранных слов находим: «Форма (от лат. Forma) – 1) внешнее очертание; 2) способ существования и выражения какого-либо содержания; 3) устройство, структура чего-либо» [23]. Философское определение данной категории звучит следующим образом: «Форма – принцип упорядоченности, способ существования того или иного содержания» [4]. Философский энциклопедический словарь определяет данную категорию как «способ существования и выражения содержания» [26].

Анализ этих и других определений формы позволяет выделить три основные позиции. Одни полагают, что форма – это способ существования и выражения содержания, то есть нечто внешнее по отношению к содержанию. Другие ученые склонны считать форму внутренней организацией содержания, сводя ее, по сути, к понятию структура. Третья группа исследователей (которых большинство) придерживается той точки зрения, что форма – это внутренняя организация содержания и способ его существования, внешнее выражение содержания.

Вопрос о формах обучения в дидактике имеет небогатую историю. Достаточно отметить, что первое определение форм организации обучения в дидактике появилось лишь в 1968 году и его автором была Т.А. Ильина. Она определяла исследуемую категорию следующим образом: «Форма организации обучения – это специально организованная деятельность учащихся и учителя, протекающая по установленному порядку и в определенном режиме» [13, 347].

Педагогическая наука по мере развития накапливала исследовательский опыт, а вместе с этим менялась и трактовка понятия «формы организации обучения». Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является период 1970-90-х годов. Русский дидакт Н.Д. Никандров отмечает, что организационные формы обучения – это «способы осуществления взаимодействий преподавателя и студентов, в пределах которого реализуется содержание, дидактические задачи и методы обучения [17]. М.Н. Скаткин полагает, что «оргформа обучения – это взаимодействие учителя и учащихся, регулируемое определенным, заранее установленным порядком и режимом» [8, с. 223]. Н.А. Сорокин считает, что «формы организации обучения представляют собой внешнее выражение согласованной деятельности учителя и учащихся, осуществляемой в установленном порядке и определенном режиме [18, с. 211].

Более обоснованным представляется подход И.М. Чередова к определению организационных форм обучения. Автор к трактовке сущности понятия «формы обучения» подходит со стороны содержания понятий «форма» и «организация». Третья основа – выделение звеньев процесса обучения, для реализации которых конструируется оргформа. На этой достаточно обоснованной базе И.М. Чередов дает следующее определение: «Форма организации обучения есть ограниченная жесткими рамками времени конструкция отдельного звена или совокупности звеньев процесса обучения, включающая управление учителем учебной деятельностью класса, групп или отдельных учащихся над определенным содержанием учебного материала, зафиксированного в соответствующих источниках знаний, с использованием сочетания методов, приемов, средств обучения и форм учебной работы [28, с. 30].

В.К. Дьяченко считает, что понятие «форма организации обучения» может быть научно обосновано лишь при том условии, если дано определение основного понятия «обучение». Автор исходит из того, что коль скоро есть взаимодействие преподавателя и учащихся, то обучение нужно определять как общение между теми, кто обладает знаниями и опытом, и теми, кто их приобретает, усваивает. В соответствии со структурой учебного общения возможны, как пишет автор, четыре общие организационные формы: индивидуальная, парная, групповая и коллективная. В.К. Дьяченко определяет категорию форма обучения следующим образом: «Оргформа обучения – это структура общения, применяемая в учебном процессе, то есть структура общения между обучающими и обучаемыми в процессе их работы» [9, с. 56]. Данное определение не является бесспорным. Так, Г.И. Ибрагимов считает, что в данном контексте оргформа фактически сводится к общению между субъектами учебного процесса, что сужает содержание данного понятия [12, с. 49]. И.Я. Лернер определяет форму обучения как «взаимодействие учителя и учащихся, регулируемое определенным, заранее установленным порядком и режимом» [8, с. 223]. М.И. Махмутов в определении сущности формы организации обучения исходит из философской категории «формы движения материи». Форма обучения, считает автор, – «это логическая структура содержания и методов обучения, способ их сочетания, построения» [16, с. 191]. Определение, данное И.К. Журавлевым, характеризует организационную форму в единстве содержательных и процессуальных особенностей: «Форма обучения – это вариативная, но относительно устойчивая структура взаимодействия участников процесса обучения, содержание которой зависит от цели, учебного материала, методов и условий обучения [24, с. 207].

Анализ понятий показывает, что исследователи продвинулись вперед в решении проблемы определения категории «форма обучения» по сравнению с тем, что давала Т.А. Ильина в 1968 году. В частности, прогрессом можно считать введение в определение оргформы понятия «взаимодействия» (Н.Д. Никандров) а затем и «общения» (В.К. Дьяченко) как существенных признаков формы организации обучения.

Однако нельзя не отметить и того факта, что некоторые авторы при определении формы организации обучения исходили из технократического подхода к организации учебного процесса. Это привело к тому, что понятие формы организации обучения связывается только с деятельностью учителя, который «управляет учебной деятельностью класса, групп или отдельных учащихся и ведет его к поставленным извне целям» (И.М. Чередов).

Анализ определений, данный дидактами в период с 1970-го по 1990-й год показал, что отсутствует четкость в определении педагогического аспекта понимания формы обучения. Так, ученые этого периода времени определяли форму обучения как способ взаимодействия (Н.Д. Никандров, М.Н. Скаткин); конструкцию звеньев процесса обучения (И.М. Чередов); деятельность учителя и учащихся (Ю.К. Бабанский, Т.А. Ильина); общение (В.К. Дьяченко); логическую структуру содержания и методов обучения (М.И. Махмутов); структуру отношений (И.К. Журавлев). Таким образом, мы видим большой разброс мнений в определении понятия. Следующим недостатком определений является их громоздкость, перегруженность терминами. Данные недостатки можно объяснить господством в 70-90-е годы так называемой авторитарной педагогики, когда под образованием принято было понимать «процесс и результат овладения человеком определенной системой знаний, умений и навыков, а также способами мышления, необходимыми для его полноценного включения в социальную и культурную жизнь общества и выполнения определенных профессиональных функций» [3, с. 9]. Однако образование нужно человеку не только в его практической, жизнеобеспечивающей функции. Оно необходимо ему для обретения смыслов, для духовной жизни, творческой самореализации. Эту свою человекообразующую функцию традиционное образование выполняло неважно. Поэтому в связи с модернизацией образования сегодня встал вопрос о необходимости пересмотра основных категорий системы обучения, основанной на личностном (гуманно-личностном, личностно ориентированном) подходе к учащимся. Он объединяет и воплощает следующие воспитательные идеи и принципы:

- идею развития личности, или личностной направленности воспитания и образования;
- общечеловеческие принципы гуманизма;
- идею демократизации педагогических отношений как основы формирования демократической личности;
- углубление индивидуального подхода;
- принцип природосообразности обучения и воспитания;
- идею активизации и использования внутренних саморегулирующих механизмов развития личности.

В связи с этим остановимся на вопросе о том, как основные принципы личностно ориентированного образования преломляются в определениях формы организации обучения, данных дидактами в период с 1990-го по 2002-й год.

Так, П.И. Пидкасистый, опираясь на толкование «формы» в «Философской энциклопедии» как «внутренней организации содержания», предлагает применительно к дидактике понимать ее как специальную конструкцию обучения: «Форма обучения – это специальная конструкция отрезков, циклов процесса обучения, реализующихся в сочетании управляющей деятельности учителя и управляемой учебной деятельности учащихся по усвоению определенного содержания учебного материала и освоению способов деятельности» [19, с. 250]. Р.А. Утеева исследуемую категорию формулирует как «определенный способ организации взаимосвязанной и взаимообусловленной деятельности учителя и учащихся в процессе обучения» [25]. М.И. Зайкин считает, что «форма организации обучения – сложный дидактический объект, характеризующийся тремя параметрами: способом группировки обучаемых, способами учебного сотрудничества учащихся и способом руководства учителем учебой ученика» [5, с. 36]. Г.И. Саранцев пытается развести понятия «обучение» – «процесс обучения» – «учебный процесс» и на этой основе выработать определение и обозначить концептуальное содержание «форм обучения» – «форм процесса обучения» – «форм учебного процесса». Так, если под обучением понимать деятельность учителя и учащихся, связанную с достижением целей образования, то «формами обучения следует считать способы взаимосвязанной деятельности учителя и ученика, направленные на достижение целей образования и воспитания». Если учебным процессом считать «специально организованный процесс, развертывание деятельности учителя и учащихся через содержание образования, последовательность смены учебных задач в конкретных ситуациях», то формы учебного процесса – это «способы взаимодействия дидактических приемов учителя, познавательных действий учащихся в процессе решения задач». Если процесс обучения – это «целенаправленная и последовательная смена учебных задач», то и «форма процесса обучения обусловлена отношениями между учителем и учащимися в решении учебных задач» [20, с. 36-37]. Б.Т. Лихачев придерживается мнения о том, что «форма обучения представляет собой целенаправленную, четко организованную, содержательно насыщенную и методически оснащенную систему познавательного и воспитательного общения, взаимодействия, отношений учителя и учащихся» [15, с. 406]. В.С. Безрукова считает, что категория «педагогическая форма» является более общей, нежели форма организации обучения. Исходя из философской трактовки формы как способа выражения содержания, а также анализа особенностей формообразования в педагогике, автор приходит к следующему определению исследуемой категории: «Педагогическая форма – исторически сложившаяся, устойчивая и логически завершенная организация

педагогического процесса, которой свойственны систематичность и целостность компонентов, саморазвитие, личностно-деятельностный характер, постоянство состава участников, наличие определенного режима проведения [1, с. 124-125]. Важно отметить, что в отличие от других определений, В.С. Безрукова указывает на такой характерный признак оргформы, как историческая обусловленность.

В.В. Гузеев считает, что «организационные формы обучения – способы организации взаимодействия учителя и учеников, то есть формы, в которых реализуются методы обучения на различных этапах образовательного процесса (в его элементах)» [6, с. 51]. И.И. Ильясов, Н.А. Галатенко придерживаются позиции, что «формы обучения – это виды занятий, организуемые с учетом количества обучаемых, отводимого времени, характера помещений и оборудования [14, с. 71].

И.Ф. Харламов формы организации обучения рассматривает в неразрывной связи с методами обучения. «Метод обучения, – по мнению И.Ф. Харламова, – характеризует содержательно-процессуальную, или внутреннюю, сторону учебного процесса», он выступает как «способ организации учебной работы учителя и учащихся» при решении определенных дидактических задач [27, с. 217]. Далее автор отмечает, что, «будучи характеристикой внешней стороны организации учебного процесса, форма обучения органически связана и с его внутренней, содержательно-процессуальной стороной» [27, с. 218], то есть с методами обучения. Здесь предпринята попытка обосновать дидактические категории, поставить их на философскую основу, при этом понятия «формы обучения» и «методы обучения» представить как диалектическое единство формы и содержания.

В.И. Загвязинский рассматривает форму обучения как «способ, характер взаимодействия педагога и учащихся, учащихся между собой, учащихся с изучаемым материалом» [10, с. 130]. В.С. Данюшенков определяет данную категорию дидактики как «средство, способствующее созданию благоприятных условий для эффективной реализации системообразующего фактора методической системы – взаимодействия учителя и ученика, с целью развития всесторонней и гармонической личности» [7, с. 134].

Рассмотренные попытки интерпретации в педагогической науке содержания термина «формы обучения» привели нас к выводу о том, что предмет исследования – формы обучения – развивается. Появились новые подходы к определению понятия, а соответственно были выделены и существенные признаки данной категории. Новым, по сравнению с периодом 1970-1990 годов стало то, что исследователями была предпринята попытка объяснения сущности формы как «средства всестороннего и гармонического развития личности» (В.С. Данюшенков); определенным прогрессом можно считать тот факт, что современные исследователи указывают на такие признаки организационных форм, как «личностно-деятельный характер» (В.С. Безрукова); ряд авторов при определении данной дидактической категории показывает партнерский характер отношений между участниками образовательного процесса – «взаимообусловленная и взаимосвязанная деятельность» (Р.А. Утеева, Б.Т. Лихачев). Два существенных признака формы организации обучения отражено в этих дефинициях: во-первых, это деятельность, целью которой является «решение учебно-воспитательных задач («обучение индивида» и т.д.), во-вторых, это деятельность совместная, взаимообусловленная и взаимосвязанная. Однако при этом нужно подчеркнуть, что в настоящее время в науке еще нет общепринятого определения педагогической категории «форма организации обучения»; более того, многие дефиниции форм обучения носят противоречивый, аморфный характер; имеющиеся определения трудно сопоставлять, так как они даются фактически на разных языках. Так, например, в дефиниции категории «форма организации обучения» ключевым у И.Я. Лернера является понятие «взаимодействие учителя и учащихся»; П.И. Пидкасистый и В.В. Воронов в определении «формы организации обучения» опираются на толкование «формы» в «Философской энциклопедии», и базовым в определении данной категории является выражение «конструкция обучения»; у Р.А. Утеевой и М.И. Зайкина «форма» определяется через «способ»; И.Ф. Харламов формы организации обучения рассматривает в неразрывной связи с методами обучения. В.К. Дьяченко считает, что формы организации обучения можно определить как общение.

Необходимо также отметить, что ряд определений форм обучения периода 1990-2000 годов отражает узкий смысл понятия «обучения», которое в данном случае трактуется как «обучение-познание», «обучение – передача». Так, например, определение формы организации обучения П.И. Пидкасистого предполагает активную деятельность учителя, сопровождающую деятельность ученика. На самом деле суть понятия «форма организации обучения», на наш взгляд, гораздо шире его традиционного толкования. Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что в определении категории форма организации обучения важно отразить ее главную развивающую функцию по отношению к личности обучаемого, философское толкование формы и содержание целей личностно ориентированного образования.

Так, образующими компонентами сущности категории «форма обучения», мы считаем следующее:

- философское толкование формы как способа существования содержания;
- специфика личностно развивающей функции формы обучения, состоящая в создании условий для раскрытия индивидуальных способностей личности и их развития;
- содержание целей личностно ориентированного образования.

Исходя из этого мы предлагаем следующее определение: *форма организации обучения – это упорядоченный способ существования содержания, овладение которым становится средством, способствующим раскрытию и развитию индивидуальных способностей ребенка.*

В такой дефиниции, как нам представляется, учтено философское толкование формы (единство содержания и выражения) и специфика целей личностно-ориентированного обучения; форма организации обучения выступает в нашем определении в роли средства, участвующего в развитии индивидуальных возможностей личности ученика.

Примечания

1. *Безрукова В.С.* Педагогика профтехобразования. Педагогический процесс в профтехучилище: Текст лекций / СИПИ. Свердловск, 1990. С. 124-125.
2. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 45. М.: Сов. энцикл., 1956. С. 310.
3. *Бондаревская Е.В.* Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. пед. ун-та, 2000. С. 333.
4. Ведение в философию: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 2 / И.Т. Фролов, Э.А. Араб-Оглы, Г.С. Арефьева и др. М.: Политиздат, 1990. С. 119.
5. *Востокова Е.В.* Формы обучения: категория дидактики и предметных методик // Педагогика. 2002. № 4. С. 36.
6. *Гузеев В.В.* К формализации дидактики: системный классификатор организационных форм обучения (уроков) // Школьные технологии. 2002. № 4. С. 51.
7. *Данюшенков В.С.* Целостный подход к методике формирования познавательной активности учащихся при обучении физике в базовой школе. М.: Прометей, 1994. С. 134.
8. Дидактика средней школы: некоторые проблемы современной дидактики / Под ред. М.Н. Скаткина. 2-е изд. М.: Просвещение, 1982. С. 223.
9. *Дьяченко В.К.* Общие формы организации процесса обучения: Актуальные проблемы теории и практики. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. С. 56.
10. *Загвязинский В.И.* Теория обучения: Современная интерпретация: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2001. С. 23.
11. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология: Учебник для вузов. 2-е изд., доп., испр. и перераб. М.: Логос, 2001. С. 93.
12. *Ибрагимов Г.И.* Формы организации обучения: теория, история, практика: Монография. Казань: «Матбугат йорты», 1998. С. 49.
13. *Ильина Т.А.* Педагогика. Курс лекций: Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1984. С. 347.
14. *Ильясов И.И., Галатенко Н.А.* Проектирование курса обучения по учебной дисциплине: Пособие для преподавателей. М.: Логос, 1994. С. 71.
15. *Лихачев Б.Т.* Педагогика. Курс лекций. М.: Прометей, 1992. С. 406.
16. *Махмутов М.И.* Современный урок: Вопросы теории. М.: Педагогика, 1981. 191 с.
17. *Никандров Н.Д.* О соотношении методов и организационных форм обучения // Вестник высшей школы. 1972. № 11.
18. Педагогика: Учеб. пособие для студ. пед ин-тов / Под ред. Ю.К. Бабанского. М.: Просвещение, 1983. С. 211.
19. Педагогика: Учеб. пособие для студ. пед. вузов и пед. колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. М., 1991. С. 250.
20. *Саранцев Г.И.* Формы обучения в средней школе // Педагогика. 2000. № 2. С. 36-37.
21. Словарь иностранных слов. 13-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986.
22. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1980. С. 1246.
23. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 657.
24. Теоретические основы процесса обучения в советской школе / Под ред. В.В. Краевского, И.Я. Лернера. М.: Педагогика, 1989. С. 207.
25. *Утеева Р.А.* Теоретические основы организации учебной деятельности учащихся при дифференцированном обучении математике в средней школе. М., 1997.
26. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 621.
27. *Харламов И.Ф.* Педагогика: Учеб. пособие. М., 1997. С. 217.
28. *Чередов И.М.* Система форм организации обучения в советской общеобразовательной школе. М.: Педагогика, 1987. С. 30.

Е.О. Галицких

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УНИВЕРСИТЕТА: ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ А.А. УХТОМСКОГО

Работа посвящена проблеме воспитания студентов в процессе их личностно-профессионального становления в гуманитарном университете. Статья раскрывает педагогический потенциал творческого наследия А.А. Ухтомского. Дидактическое содержание статьи может быть использовано преподавателями вышей школы, аспирантами и студентами университета.

Подлинная диалектика: только переключивши себя и свою деятельность на других, человек впервые находит самого себя как лицо!..

А.А. Ухтомский

Процессы модернизации высшего профессионального образования выявили необходимость осмысления соотношения традиций и новаций в отечественной высшей школе. Поиск интеграции продуктивного опыта преподавания российских университетов и современных педагогических технологий пережил период жадного интереса к зарубежным открытиям, наступило время осмысления «хорошо забытых идей» отечественных педагогов-подвижников. Системное освоение современных педагогических технологий в

ГАЛИЦКИХ Елена Олеговна – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой новейшей литературы и МОЛ ВятГГУ

© Е.О. Галицких, 2003

высшей школе показало, что для их «приживления» к образовательному процессу в университетах есть необходимые условия в традициях преподавания лучших профессоров России.

Для А.А. Ухтомского (1875 –1942), физиолога с мировым именем, теоретика гуманитарного знания, академика, профессора ЛГУ, естественно обращение к проблемам педагогики высшей школы, к осмыслению педагогического потенциала своей преподавательской деятельности. Он интересовался «анатомией человеческого духа до религии включительно», образован был многосторонне и оригинально. Востребованность его книг: «Интуиция совести» [1], «Заслуженный собеседник» [2], «Доминанта души» [3] – свидетельствует об актуальности проблем духовного опыта человека, об интересе современного читателя к интегральному стилю мышления выдающегося мыслителя и ученого, размышляющего в своих воспоминаниях, дневниках, письмах о путях передачи духовного опыта.

Интерес к его рассуждениям, философским поискам связан с обострением всех проблем человека в новом веке. «Эпоха перемен», ее вызов обращен к человеку, и на этот вызов прогностически отвечают труды мыслителя, ученого, человека, вся жизнь которого была обращена в будущее и ориентирована «на лицо другого». Он словно предчувствовал, что его идеям, его открытиям, «как драгоценным винам, настанет свой черед». Его «интуиция совести» предвосхитила будущий интерес к «доминанте на лицо другого», к диалогу, к его внутренним резервам в эпоху информационной глобализации. Идеи А.А. Ухтомского нашли своего читателя и «заслуженного собеседника» среди студентов и преподавателей в XXI веке.

Всей своей жизнью и личным рефлексивным опытом он показал, что профессиональной позицией профессора, педагога университета должна быть «доминанта на лицо другого», диалог со студентами как с «заслуженными собеседниками». Он был убежден в том, что «общество видящее и слышащее, и предвидящее, и познающее всеми своими ресурсами, и целиком движущееся вперед начинается там, где люди научились терпеть, слышать, понимать, чувствовать, предусматривать вместе» [2, с. 235].

Одним из самых продуктивных способов воспитания мыслящего читателя и самостоятельного гражданина является погружение его в культурные тексты, их понимание, «вычерпывание» их смыслов с позиции проблематики сегодняшнего дня, постижение их устремленности в будущее. Организация чтения студентов дает возможность с помощью осмысления прочитанного понять настоящее и предвосхитить будущее. Этот способ проверен временем, он дал замечательные результаты в Царскосельском лицее, он плодотворен для гуманитарного образования самого разного профиля: философского, филологического, педагогического, культурологического. Это вектор новой парадигмы современного образования открытого общества, в котором диалог является ведущей стратегией образовательного процесса, а технологии личностно ориентированы.

А.А. Ухтомский словно для педагогов XXI века писал такие строки: «Нам надо из самоудовлетворенных в своей логике теорий о человеке выйти к самому человеку во всей его конкретности и реальности, поставить доминанту на живое лицо, в каждом отдельном случае единственное, данное нам в жизни только раз и никогда не повторимое, никем не заменимое» [1, с. 253] .

Он учил «не замыкать слуха и сердца к конкретной жизни и конкретным людям как они есть!» [1, с. 255], видеть, «как праздничен и бесконечно ценен и содержателен для нас человек…» [1, с. 262].

Он считал, что «жизнь есть требования от бытия Смысла и Красоты» [1, с. 275], поэтому определял основное мироощущение как радость жизни, ради которой мы живем. «Но радость действительно прочная и безбоязненная только та, к которой звал Бетховен в 9-ой симфонии, – радость, прошедшая через все печали, знающая их, учитывающая все человеческое горе и все-таки победно зовущая к всечеловеческой радости к которой мы все идем, несмотря на горести и болезни, на нищету и смерть!..» [1, с. 274].

Может ли найти современный студент точку опоры в трудах А.А. Ухтомского, с какими **идеями может состояться «встреча» как акт понимания?**

Приведем примеры «избранных» студентами «мест» из записных книжек и переписки А.А. Ухтомского и оформленных в «двухчастных дневниках» (цитата автора + комментарий читателя), которые освоены технологией чтения и письма для развития критического мышления:

• «Я всю жизнь стремился быть довольным своим положением и всегда был недоволен умом, теоретическими построениями, – тем, что называется у людей пониманием» [1, с. 277].

Комментарий студента-юриста: «В моей жизни чаще наоборот, я доволен собой и не доволен своим положением. Не является ли это недовольство причиной разных преступлений. Подумать над этим!»

• «Хорош человек тогда, когда он в борении, и прежде всего в борении с самим собою, когда он в творчестве и готов принять реальность и новое вопреки своим излюбленным теориям и покою» [1, с. 277].

Комментарий студента-психолога: «Любопытно соотнести это суждение с вариантом жизни экзистенциальной психологии «Жизнь как творчество». Главное здесь – принять реальность, которая разрушает теории и спасает от покоя. Нахожу связи с мыслями Л.Н. Толстого о самосовершенствовании и идеями М.К. Мамардашвили в «Эстетике мышления».

• «Всякое соприкосновение людей между собою страшно ответственно» [1, с. 279], «я глубоко и до конца верю в великий смысл жизни и в людей» [1, с. 281],

«как драгоценен, в то же время – непрочен и хрупок всякий человек» [1, с. 284].

Комментарий студента-педагога: «Эта мысль звучит как клятва Учителя (по аналогии с клятвой Гиппократа), который ежедневно соприкасается с множеством детских миров, и каждый мир ценен и неповторим. Что в нем отразится, каким станет представление ребенка о жизни и взрослых людях в этой жизни, зависит и от учителя».

«Точки приложения своих» размышлений студенты выбирают сами, читая дневники, записные книжки, переписку А.А. Ухтомского. В этом выборе есть смысл, потому что он уже характеризует направление познавательной самостоятельности студента, формирует ее.

Что привлекает и не оставляет равнодушным читателя-студента:

• **мысли о любви** (доминанта юности): «…Любовь сама по себе есть величайшее счастье изо всех доступных человеку, но сама по себе она не наслаждение, не удовольствие, не успокоение, а величайшее из обязательств человека, мобилизующее все его мировые задачи, как существа посреди мира. Сама о себе любовь говорит: «Приближающийся ко мне приближается к огню; но тот, кто уходит от меня, не достоин жизни» [1, с. 280];

• **яркие, афористичные суждения**: «Философия есть наука гениев» [1, с. 316], «С хорошей жизни не запишешь!» [1, с. 290], «Совесть есть субъективный отблеск объективного закона Добра и Зла (возмездия)» [1, с. 364], «Везде связи и синтезы, нигде нет простых элементов!» [3, с. 250], «Доминанта души – внимание духу» [3, с. 252], «Воспитание себя самого через образование привычек и организацию их» [3, с. 262];

• **возможность вступить в диалог с размышлениями ученого**.

Интересными и содержательными для педагога высшей школы являются рефлексивные работы студентов, которые пытаются осмыслить результаты своего чтения переписки А.А. Ухтомского на читательских семинарах спецкурса «Диалог в культуре, образовании и науке». Студентам было предложено ответить на вопрос: ***«Какие "открытия" вы сделали, читая размышления А.А. Ухтомского?»***

– «Я понял неисчерпаемость его текстов, сколько бы раз ни перечитывал, всякий раз возникает ощущение новой встречи, чего-то ранее не замеченного, не понятого и открывшегося только сейчас. Это секрет его "писательства"».

– «Я была просто потрясена его рассуждениями о "вечных собеседниках", по сути дела, вечными собеседниками можно считать всех педагогов, не случайно редко встречаются пишущие учителя».

«…Были и есть счастливые люди, у которых всегда были и есть собеседники и, соответственно, нет ни малейшего побуждения к писательству! Это, во-первых, очень простые люди вроде наших деревенских стариков, которые рады-радешеньки всякому встречному человеку, умея удовлетвориться им как своим искренним собеседником. И, во-вторых, это гениальнейшие из людей, которые вспоминаются человечеством как почти недосягаемые исключения: это уже не искатели собеседника, а, можно сказать, вечные собеседники для всех, кто потом о них слышал и узнавал. Таковы – Сократ из греков и Христос из евреев.

Замечательно, что ни тот, ни другой не оставили после себя ни строки. У них не было поползновения обращаться к далекому собеседнику… ибо имели всегда наиискреннейшего собеседника в ближайшем встреченном человеке! Вот в чем секрет! И вот отчего люди толпами шли к ним!» [1, с. 289].

– «Читая его тексты, я училась «видеть в ближайшем встречном человеке своего основного искомого, главного и лежащего на моей ответственности собеседника» [1, с. 290].

– «Меня остановила строчка: "…все действительно ценное в мире зарабатывается трудом и болением сердца – такова диалектика жизни и бытия"» [1, с. 283] – и заставила по-новому увидеть смысл многих телепередач, предлагающих выиграть "счастье"».

– «Иногда человек может создать свой образ одной фразой. У А.А. Ухтомского она звучит так: "Характеристическая черта, влияющая на мое поведение за многие годы, это панический страх перед мещанским благополучием" [1, с. 364]. Поспорьте с моим выбором, если вся его жизнь служит аргументом».

– «Я прочитала мысль, которая сказана словно вчера: "Наш современный студент ищет на лекции интересного рассказа. А не науки!… неудивительно, что в общем царит некритическая традиция понятий и так мало подлинно критической, гибкой, собственно научной мысли!"» [1, с. 390].

– «О «метафизике повседневности» А.А. Ухтомский написал так: «Все утекает, ничто не повторимо: значит, все исключительно важно» [С. 390].

– «Не проверенное опытом и не испытанное в собственном опыте и не может быть названо знанием, а остается на положении лишь гадания или предположения» [3, с. 237]. «Именно в эмоциональном мышлении человек и творец и участник бытия» [2, с. 224]. Эти мысли подтверждают мои размышления о смысле критического мышления и необходимости пользоваться знаниями как инструментом для добывания новых знаний и решения жизненно важных проблем».

– «"Радость, что тот человек, который перед тобою, именно таков, какой есть. Это и есть перенос доминанты на лицо другого. Принятие лица другого" [3, с. 261]. Он помог мне увидеть источник радости, последнее время я все мрачнее стал относиться к проблемам бытия "здесь и теперь"».

Встречи студентов с текстами А.А. Ухтомского влияют на их профессионально-личностное становление, помогают молодым людям создавать свои размышления о профессии, смысле бытия и течении

жизни.

Философский и педагогический опыт А.А. Ухтомского интересен не только исследователям его творчества и биографам. Он несет информацию о глубинах человеческого духа, о смысле и ценностях образования, о таком жизненном опыте, который раскрывается при вдохновляющем и внимательном чтении.

Примечания

1. *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. СПб., 1996.
2. *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск, 1997.
3. *Ухтомский А.А.* Доминанта души: из гуманитарного наследия. Рыбинск, 2000.

А.Д. Степанова

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье раскрывается понятие дополнительного образования, его теоретическое осмысление в научно-педагогической литературе. Подчеркивается необходимость развития и совершенствования данного вида образования в системе общего, призванного удовлетворять образовательные потребности человека, превышающие установленные государством образовательные уровни. Освещается деятельность Открытого лицея Вятского гуманитарного университета, способствующая обеспечению полноты образования, полноценному развитию базовых способностей растущего человека.

В нашей стране происходят существенные изменения, затрагивающие отношения общества и личности. В связи с переходом Российской Федерации к качественно новому состоянию – демократическому обществу – обновляется и образование, которое играет огромную роль в общественно-политической жизни и социально-экономическом развитии страны. В условиях социальных перемен, осмысления новых подходов и принципов развития образования, становления вариативного образования возникает необходимость разработки новой парадигмы, одной из форм которой является дополнительное образование.

Это то содержание, которое предстоит осваивать школьникам за пределами общеобразовательного Государственного стандарта. Оно осуществляется на базе общеобразовательного учреждения и его кадрами, тесно связано с основным (расширяет и углубляет его), но отличается от него способом педагогического руководства деятельностью учащихся. Специфика такого образования заключается в том, что ребёнок сам вправе выбирать вид деятельности, занятия в соответствии со своими интересами, склонностями, способностями. Дополнительное образование как самостоятельный и самоценный вид образования призвано компенсировать недостатки и противоречия массовой школы, обеспечить индивидуальный образовательный путь ребёнка, удовлетворить его потребности в научно-познавательной деятельности.

Своеобразие дополнительного образования проявляется в добровольном целенаправленном использовании ребёнком свободного времени для наиболее полного развития своих потенциальных возможностей, в вариативности образовательных областей, видов деятельности, обучающих и развивающих программ, объёма и темпа их усвоения. Направленность на творческое развитие личности, поливозрастной и полипрофессиональный характер занятий в объединениях учащихся способствуют углублению перехода образовательного учреждения к образованию по выбору.

В новой образовательной ситуации школа находит в дополнительном образовании источник гуманистического обновления педагогических средств, а в практике – широкий культурный фон и резерв в обновлении образования основного, неограниченные возможности для воспитания, развития творческой одарённости, самоопределения, самореализации и саморазвития ребёнка.

Если обратиться к историческому опыту внешкольного образования (работы А.С. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания», 1890; В.П. Вахтерова «Внешкольное образование народа», 1896, Е.Н. Медынского «Энциклопедия внешкольного образования», 1923, основные положения трудов П.П. Блонского, А.В. Луначарского, А.У. Зеленко, Н.К. Крупской, С.Т. Шацкого, В.Н. Сорока-Россинского), то можно сделать вывод, что, к сожалению, многие педагогические идеи, высказанные названными авторами, оказались нереализованными.

В настоящее время на этапе перехода внешкольных учреждений в качественно новое состояние заметны тенденции в их обновлении.

Научные публикации А.Г. Асмолова, А.К. Брудновa, Г.П. Будановой, Е.Б. Евладовой, В.А. Караковского, Л.А. Николаевой, Т.В. Пальчиковой, С.Ю. Степановой, Е.А. Ямбурга посвящены обоснованию необходимости перехода системы внешкольного воспитания в качественно новое состояние – дополнительное образование, в них рассматриваются подходы к разработке концепции дополнительного образования, опыт инновационной деятельности, пути развития дополнительного образования.

Сущность развития современной системы образования в целом раскрывают В.В. Давыдов, Ю.В. Громыко, П.Г. Щедровицкий и другие.

СТЕПАНОВА Антонина Дмитриевна – старший преподаватель кафедры русского языка и МОРЯ ВятГГУ
© А.Д. Степанова, 2003

Исследованиям проблем управления образовательными учреждениями посвящены работы Е.С. Березняка, В.И. Зверевой, В.Ю. Кричевского, Ю.А. Конаржевского, В.С. Лазарева, А.В. Лоренцева, А.М. Моисеева, А.Я. Найна, А.А. Орлова, М.М. Поташника, Г.Н. Серикова, П.И. Третьякова, Т.И. Шамовой.

Дополнительное образование как социально-педагогическая проблема рассматривается также в диссертационных исследованиях Н.М. Кузнецовой, А.В. Скачкова, И.А. Смотровой, А.Б. Фоминской, А.И. Щетинской, Н.А. Черновой.

Сущность дополнительного образования отражают определения авторов научных исследований. Так, А.В. Скачков приводит следующее определение: «Дополнительное образование – специфическая часть системы общего и профессионального образования, представляющая собой процесс и результат формирования личности ребёнка в условиях развивающей среды, представляющая детям интеллектуальные, психолого-педагогические, образовательные, развивающие и другие услуги на основе свободного выбора и самоопределения» (3, с. 50).

В.А. Березина рассматривает дополнительное образование детей как некоторую систему в общем контексте понимания образовательной системы, в которую входят следующие компоненты: ребёнок как субъект образования; педагог дополнительного образования; дополнительные образовательные программы различного уровня и направленности; учреждения дополнительного образования детей для различной ведомственной принадлежности; общественные организации, реализующие дополнительные образовательные программы; семья; ресурсное обеспечение системы (кадровое, научно-методическое, материально-техническое и финансовое); органы управления образованием (1, с. 24).

Н.И. Чернова считает, что дополнительное образование школьников – самостоятельный, самоценный, вид образования, способный к удовлетворению индивидуальных образовательных и творческих потребностей личности, к активному участию в решении социокультурных проблем региона (4, с. 24).

Исходя из анализа научной литературы и исследований в области дополнительного образования, следует заключить, что дополнительное образование детей – это особая подсистема общего образования, обеспечивающая развитие интересов и способностей личности на основе свободного выбора деятельности, которая выходит за рамки образовательных стандартов в форме интеллектуальных, психолого-педагогических и других услуг в условиях свободного времени детей. Решая одновременно проблемы общего среднего и специального образования, дополнительное образование должно стремиться к формированию личности, предоставляя детям возможность для творческой работы, требующей и общих, и специальных знаний, навыков творческого труда и общения. Наряду с этим задачами дополнительного образования могут быть названы: ориентация детей на общечеловеческие ценности, защита и охрана детства в современных социально-экономических условиях, повышение общекультурного уровня, формирование нравственных ценностей. Дополнительное образование формирует у ребёнка сознание самоценности собственной личности. Здесь он может приобрести навыки самостоятельности, развить свои интересы и творческие способности, усвоить знания в том темпе и объёме, которые соответствуют его индивидуальным возможностям. Дополнительное образование не может быть регламентированным, оно определяется реальными потребностями сегодняшнего дня, возможностями образовательного учреждения, наличием кадров. Оно должно быть вариативным, создающим условия для свободного выбора личностью возможных сфер своего развития. Дополнительное образование должно носить практико-ориентированный характер (2, с. 15-16).

В целях обеспечения полноты образования, полноценного развития базовых способностей растущего человека в городе Кирове в 1998 году начал работу Открытый лицей Вятского педагогического университета. Организационной формой осуществления дополнительного образования в Открытом лицее являются его специализированные классы, созданные на базе 5-11-х классов общеобразовательных школ города Кирова и Кировской области.

Открытый лицей реализует дополнительные образовательные программы среднего общего образования специально-профильного (лицейского) типа. При этом программы основного образования, по которым занимаются учащиеся в школе, и программы дополнительного образования Открытого лицея взаимосвязаны и взаимодополняемы. Они обеспечивают удовлетворение образовательных потребностей обучающихся, развитие их личных успехов в учебной деятельности.

Необходимость создания специализированных классов Открытого лицея обусловлена следующими обстоятельствами.

1. Программы общеобразовательных школ в основе своей сориентированы на освоение базового уровня знаний, умений и навыков учащихся. По своему содержанию и временным рамкам они слабо направлены на раскрытие индивидуальных особенностей детей, на целенаправленное развитие их логического мышления. В массовой школе недостаточное внимание уделяется прочному овладению основными языками современных коммуникаций. Учитывая данное обстоятельство, в Открытом лицее с 5-го класса начинается изучение основ логики, а в 7-8-х классах школьники имеют возможность осваивать компьютерные технологии и разговорный английский язык.

2. Современному школьному образованию не удаётся в полной мере решать такие важные и перспективные задачи, как создание условий для подготовки учеников к осознанному выбору профиля обучения,

овладения способами самообразования и социального определения. Преподаватели педагогического университета, работающие со школьниками, обеспечивают непрерывность предпрофессиональной и профессиональной подготовки, школьной и вузовской ступеней образования. Формируется интеллектуальная, психологическая, организационная готовность ученика к освоению программ профессионального образования.

3. Перед старшей ступенью школы давно стоит проблема профильной дифференциации, обеспечивающей развитие общих и специальных знаний, умений и способов творческой деятельности школьников. В условиях быстрого сокращения контингента учащихся школ возникают проблемы формирования учебных групп, которые объединяют старшеклассников, имеющих довольно высокий уровень обученности и учебной мотивации. Возникает реальная необходимость формирования таких групп из учащихся двух-трёх школ. Именно таким образом объединяются учащиеся Открытого лицея.

4. Специфика организации вступительных испытаний в учреждения среднего и высшего профессионального образования обусловливает важность специальной подготовки детей в конкретное учебное заведение. Это важное обстоятельство учитывают преподаватели Открытого лицея, ориентируясь на индивидуальный подход в подготовке старшеклассников к вступительным испытаниям в вузы, техникумы, колледжи.

Реализация содержания образовательных программ Открытого лицея имеет свою специфику в 5-7, 8-9, 10-11-х классах.

В 5-7-х классах они обеспечивают решение задач формирования логического мышления учащихся и овладение ими на более высоком уровне, чем в традиционной школе, основными языками современных коммуникаций, знание которых даёт изучение таких дисциплин, как «Введение в логику», «Элементы логики», «Логические приёмы в курсе математики», факультативные занятия по иностранному языку. В экспериментальном порядке в 7-м классе вводится курс разговорного английского языка и начинают изучаться компьютерные технологии. Таким образом, решаются задачи обеспечения комплексного формирования математических, лингвистических, коммуникативных и других способностей учащихся.

Начиная с 8-9-х классов реализуются программы повышенного уровня образования по физике, филологии, а также в области информационных технологий. С этой целью вводятся спецпрактикумы и спецсеминары, которые обеспечивают дальнейшее совершенствование творческого мышления школьников, применение ими разнообразных логических операций, развитие рациональной технологии решения нестандартных, конкурсных задач.

В 10-11-х классах образовательные программы строятся на основе профильной дифференциации и имеют целью подготовку учащихся к поступлению в высшие учебные заведения.

В Открытом лицее созданы три профиля обучения: социально-экономический (экономика, физика, математика); историко-правовой (история, обществознание, иностранный язык); естественнонаучный (биология, химия).

Образовательные программы третьей ступени разработаны с учётом требований вступительных экзаменов в учреждения профессионального образования и дополняются системой групповых и индивидуальных занятий с учащимися, нуждающимися в специальной подготовке к поступлению в конкретные вузы городов Кирова, Москвы, Санкт-Петербурга и др. (5, с. 4-6).

Технология обучения в Открытом лицее предусматривает следующие формы аттестации достижений учащихся:

- тестовые задания проверочного характера;
- контрольные работы по завершении изучения блоков материала;
- итоговые контрольные работы за полугодие, учебный год, курс;
- дифференцированные зачёты.

Промежуточное оценивание достижений учащихся осуществляется в различных формах (традиционные отметки, баллы, «зачтено», «не зачтено»). По итогам полугодия и года знания учащихся оцениваются следующим образом: «5» (отлично), «4» (хорошо), «3» (удовлетворительно), «не зачтено». Учащиеся, которые не выполнили контрольные задания по итогам полугодия и учебного года, не аттестуются.

Открытый лицей отличает то, что его педагогический коллектив состоит из высококвалифицированных кадров вузовских преподавателей, имеющих многолетний опыт работы со школьниками и студентами.

Данный коллектив реализует в Открытом лицее основные положительные тенденции, которые проявляются в настоящее время в системе российского образования:

– удовлетворение потребностей лицеистов в интеллектуальном и нравственном развитии;

– демократизация и гуманизация образования, осуществление сотрудничества с учащимися;

– развитие преподавательского творчества, совершенствование педагогических технологий;

– внедрение принципов педагогической поддержки в управление педагогической деятельностью школьников;

– непрерывность, открытость, вариативность образования;

– реализация идей личностно ориентированного и деятельностного подходов в обучении и воспитании;

– дифференциация объёма и сложности учебной нагрузки, исходя из возможностей учащихся;

– использование принципов природосообразности и культуросообразности;

– обеспечение сохранности здоровья учащихся.

Примечания

1. *Березина В.А.* Дополнительное образование детей как средство их творческого развития: Автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 1998. С. 24.

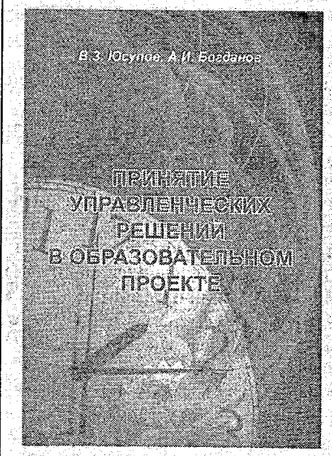
2. *Кузнецова Н.М.* Научно-организационные основы совершенствования дополнительным образованием школьников: Дис. … канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2000. С. 15-16.

3. *Скачков А.В.* Дополнительное образование как социально-педагогическая проблема: Дис. … канд. пед. наук. Ростов н/Д., 1996. С. 50.

4. *Чернова Н.И.* Педагогические условия развития дополнительного образования в условиях инновационного учебного заведения: Автореф. дис. …канд. пед. наук. Кемерово, 1997. С. 20.

5. *Юсупов В.З.* Система образовательных программ Открытого лицея // Образовательные программы Открытого лицея педагогического университета, 5-9 классы. С. 4-6.

Новые книги



Юсупов Виталий Зуфарович
Богданов Александр Иванович

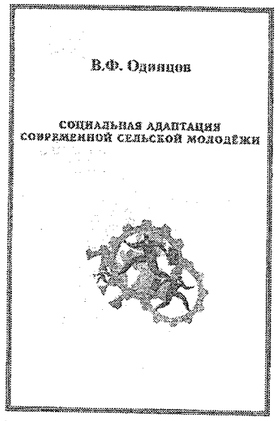
Принятие управленческих решений в образовательном проекте

Учебное пособие для слушателей системы дополнительного профессионального педагогического образования

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 112 с.

В учебном пособии рассматриваются проблемы теории и практики подготовки, принятия и реализации управленческих решений в развивающей и развивающейся системе образования, способной не только создавать условия для развития обучающихся, но и быть субъектом собственного развития.

В пособии изложены научные основы, технология и опыт принятия управленческих решений в проектной деятельности образовательного учреждения. В ВятГГУ этот курс преподается в виде самостоятельного блока, который входит в структуру образовательной программы факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования.



Одинцов Владимир Федорович

Социальная адаптация современной сельской молодежи

Монография

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. –167 с.

В монографии рассматриваются проблемы социальной адаптации современной сельской молодежи, особенности этого процесса в условиях нестабильности российского общества.

Особое внимание уделяется теоретическим аспектам социальной адаптации сельской молодежи, формам преодоления ее конфликтов с обществом. Специальная глава посвящена представлениям молодежи о социальных изменениях и своем будущем как прогнозируемом факторе стабильности общества. На основе представительных социологических исследований анализируются тенденции адаптационных процессов в среде сельской молодежи.

Предназначается практическим социологам, научным и социальным работникам, всем, кто интересуется проблемами сельской молодежи.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

А.Н. Семенов

О СТРОЕНИИ ПОЛУТЕЛ

Основным результатом данной статьи является следующая структурная теорема для полутел: *всякое полутело есть расширение аддитивно сократимого полутела с помощью аддитивно идемпотентного полутела.* Получены следствия.

Полукольцо (semiring) можно уже считать классическим алгебраическим объектом. Его история насчитывает более пятидесяти лет. Это алгебра с ассоциативными операциями + и $\cdot$, связанными дистрибутивностью и обладающими нейтральными элементами 0 и 1; кроме того, обычно считают [1], что сложение коммутативно, $0 \neq 1$ и умножение на 0 дает 0. Частными случаями полуколец являются, например, ассоциативные кольца с 1 и ограниченные дистрибутивные решетки. Другой интересный объект – полукольцо с делением (division semiring). Около десяти лет назад на алгебраическом семинаре в ВятГГУ полукольца с делением стали называть полутелами, и это название закрепилось в русскоязычной литературе [2]. Всякое полутело является либо телом, либо полутелом без нулевых сумм. В последнем случае, выкинув 0 в силу ненужности, получаем полутело без нуля. Рассматривая такие полутела, мы исключаем из класса полутел только тела. Далее под полутелом будем понимать полутело без нуля.

Определение. Алгебра $\langle U,+,\cdot,^{-1},1\rangle$ типа (2,2,1,0) называется *полутелом (без нуля)*, если $\langle U,\cdot,^{-1},1\rangle$ – группа, $\langle U,+\rangle$ – коммутативная полугруппа и умножение дистрибутивно относительно сложения с обеих сторон. Полутело с тождеством $x+x=x$ называется *(аддитивно) идемпотентным*. Полутело с квазитождеством $x+z=y+z \Rightarrow x=y$ называется *(аддитивно) сократимым*. Одноэлементное полутело называется *тривиальным*.

Ради простоты вместо $\langle U,+,\cdot,^{-1},1\rangle$ будем писать $\langle U,+,\cdot\rangle$ или U, если понятно, какие подразумеваются операции. На одноэлементном множестве операции задаются однозначно, поэтому тривиальное полутело единственно – {1}. Других конечных полутел не существует, так как мультипликативная группа полутела – группа без кручения. Действительно, если $x^n=1$, то, прибавляя $x^{n-1}+x^{n-2}+\ldots+x$ к обеим частям, получим $x^n+x^{n-1}+\ldots+x=x^{n-1}+x^{n-2}+\ldots+1$, после чего, умножив обе части на $\left(x^{n-1}+x^{n-2}+\ldots+1\right)^{-1}$, получим $x=1$.

Очевидно, тривиальное полутело является идемпотентным и сократимым. Обратно, если полутело идемпотентно и сократимо, то оно тривиально. Действительно, если x и y – произвольные элементы полутела, то идемпотентность дает равенство $x+(x+y)=y+(x+y)$, которое в силу сократимости влечет $x=y$.

Простейшие примеры полутел: положительные рациональные числа $\mathbf{Q}^+$ и положительные действительные числа $\mathbf{R}^+$ с обычными операциями образуют сократимые полутела; алгебра целых чисел $\langle \mathbf{Z}, \max, + \rangle$ является идемпотентным полутелом.

Так как условия на операции можно записать тождествами, то классы полутел и идемпотентных полутел образуют многообразия универсальных алгебр типа (2,2,1,0). Значит, эти классы замкнуты относительно подалгебр, факторалгебр и фильтрованных произведений. Класс сократимых полутел, очевидно, образует квазимногообразие. Следовательно, он замкнут относительно подалгебр и фильтрованных произведений. Заметим, что прямые и ультрапроизведения – частные случаи фильтрованных произведений. Кроме того, прямое произведение полутел с нулем не будет полутелом с нулем. Это еще один довод в пользу «выкидывания» нуля.

Конгруэнции и (гомо)морфизмы определяются обычным для универсальных алгебр образом. Так как умножение – групповая операция, то отображение f полутел будет морфизмом тогда и только тогда, когда $f(xy)=f(x)f(y)$ и $f(x+y)=f(x)+f(y)$, и эквиваленция $\sim$ на полутеле U будет конгруэнцией тогда и только тогда, когда $x\sim y$ влечет $x+z\sim y+z$ и $zxt\sim zyt$ для любых z и t из U. Всякая конгруэнция $\sim$ на полутеле U задает соответствующее факторполутело $U/\sim$. Для полутел верны теоремы о морфизмах и изоморфизмах, общие для всех универсальных алгебр.

СЕМЕНОВ Александр Николаевич – научный сотрудник кафедры алгебры и геометрии ВятГГУ
© А.Н. Семенов, 2003

Назовем *ядром* полутела U (обозначение $A \lhd U$) всякую нормальную мультипликативную подгруппу A в U, для которой

$a,b \in A,\ s,t \in U,\ s+t=1 \Rightarrow s \cdot a+t \cdot b \in A.$

Прообраз 1 некоторого морфизма f полутел назовем *ядром морфизма* и обозначим его *Ker f*. Легко проверяется, что для подмножества A полутела U эквивалентны следующие утверждения: $A \lhd U$; A является классом 1 некоторой конгруэнции на U; A является ядром некоторого морфизма из U в некоторое полутело S.

Полутело U называется *(конгруэнц-)простым*, если в нем ровно две конгруэнции или, что то же, два ядра: {1} и само U. Так, $\mathbf{Q}^+$ оказывается простым полутелом. Действительно, если $\{1\} \neq A \lhd \mathbf{Q}^+$, то в A существует элемент $a>1$. Тогда для любого q из $\mathbf{Q}^+$ найдется такое натуральное n, что $a^{-n}<q<a^n$. Значит, $q=s \cdot a^{-n}+t \cdot a^n$ для некоторых s и t из $\mathbf{Q}^+$ таких, что $s+t=1$, следовательно, q принадлежит ядру A. Аналогично, $\mathbf{R}^+$ – простое полутело. Но не всякое подполутело в $\mathbf{R}^+$ будет простым [3].

Для произвольного полутела U существует единственный морфизм из $\mathbf{Q}^+$ в U, ставящий в соответствие рациональному числу p/q сумму p единиц, умноженную на обратный элемент к сумме q единиц. Для простоты образ рационального числа при этом морфизме будем записывать самим рациональным числом. Так как 1 мультипликативно коммутирует со всеми элементами, то и всякое рациональное число коммутирует со всеми элементами. Понятно, что полутело идемпотентно тогда и только тогда, когда в нем 1=2. Из простоты $\mathbf{Q}^+$ следует, что в идемпотентном полутеле все рациональные числа склеиваются с 1, а неидемпотентное полутело содержит копию $\mathbf{Q}^+$ в качестве наименьшего подполутела.

Как видим, сложение в идемпотентных и сократимых полутелах принципиально различается. Сократимые полутела хороши тем, что полутело вкладывается в кольцо тогда и только тогда, когда оно сократимо (тривиальное полутело вкладывается в тривиальное кольцо). Таким образом, в сократимых полутелах можно использовать кольцевую технику. Класс же идемпотентных полутел совпадает с классом решеточно упорядоченных групп, теория которых глубоко изучена [4]. Но эти два класса не исчерпывают все полутела. Например, прямое произведение нетривиальных идемпотентного и сократимого полутел выходит за рамки этих классов. Поэтому полезно каким-то образом свести изучение произвольных полутел к этим классам полутел.

Приведем еще наиболее интересные известные конгруэнции для полутел. Перед этим напомним, что всякое предмногообразие полутел реплично полно, т.е. во всяком полутеле среди конгруэнций, факторполутело по которым принадлежит данному предмногообразию, существует наименьшая конгруэнция, факторполутело по которой называется репликой в данное предмногообразие.

1. Отношение Берна: $x \sim y \Leftrightarrow \exists z:\ x+z=y+z$.
То есть элементы конгруэнтны, если они уравниваются. Эта конгруэнция дает реплику в квазимногообразие сократимых полутел.

2. Главная конгруэнция, порожденная парой (1,2). Эта конгруэнция дает реплику в многообразие идемпотентных полутел. Ядро этой конгруэнции содержит $\mathbf{Q}^+$ и в полутеле U имеет вид:

$$\left\{a \cdot p+b \cdot q:\ p,q \in \mathbf{Q}^+,\ a,b \in U,\ a+b=1\right\}.$$

3. Конгруэнция Богданова [5]: $x \sim y \Leftrightarrow x+2y=2x+y$.
То есть элементы конгруэнтны, когда они уравниваются своей суммой. Эта конгруэнция дает реплику в квазимногообразие полутел с квазитождеством $x+2y=2x+y \Rightarrow x=y$. Ядро этой конгруэнции с операцией сложения $x \oplus y = \dfrac{x+y}{2}$ становится идемпотентным полутелом.

4. Идеальные конгруэнции в сократимых полутелах. Каждому идеалу I кольца разностей сократимого полутела U соответствует конгруэнция $x \sim y \Leftrightarrow x-y \in I$ [2].

Сейчас мы построим еще одну конгруэнцию, которая и даст нам основной результат данной статьи. Перед этим сделаем последние замечания. Очевидно, всякое ядро содержит единицу, замкнуто относительно умножения, взятия обратного и операции $\dfrac{x+y}{2}$. Поэтому оно будет подполутелом, если и только если содержит 2. Расширим понятие сократимости на ядра: ядро A *сократимо*, если $x+z=y+z$ влечет $x=y$ для любых x, y, z из A.

Итак, зададим функцию $\tau : U \to P(U^2)$ из полутела U в множество всех подмножеств U^2 так, что $\tau(x)$ есть множество пар элементов, уравниваемых элементом x:

$$\tau(x)=\{(a,b):\ a+x=b+x\}.$$

Теорема 1. *Для любого полутела U множество $S(U)=\{x:\tau(x)=\tau(1)\}$ есть подполутело в U, являющееся наибольшим сократимым ядром в U.*

Доказательство. Возьмем произвольное полутело U и определим на нем отношение $\sim$: $x \sim y \Leftrightarrow \tau(x)=\tau(y)$.

Очевидно, что $\sim$ будет эквиваленцией. Кроме того, $\tau(x)=\tau(y)$ влечет: $\tau(x+z)=\tau(y+z)$, так как

$(a,b) \in \tau(x+z) \Leftrightarrow (a+z,b+z) \in \tau(x)=\tau(y) \Leftrightarrow (a,b) \in \tau(y+z)$;

$\tau(txz)=\tau(tyz)$, так как

$(a,b) \in \tau(txz) \Leftrightarrow (t^{-1}az^{-1},t^{-1}bz^{-1}) \in \tau(x)=\tau(y) \Leftrightarrow (a,b) \in \tau(tyz)$.

Таким образом, $\sim$ является конгруэнцией. Ядром этой конгруэнции как раз и будет $S(U)$.

$2 \in S(U)$, действительно,

$a+1=b+1 \Rightarrow a+2=b+2 \Rightarrow 2a+2=a+b+2=2b+2 \Rightarrow a+1=b+1$.

Значит, $S(U)$ – подполутело в U, причем сократимое, потому что $\forall\, a,b,c \in S(U)\ a+c=b+c \Rightarrow$

$(a,b) \in \tau(c)=\tau(a)=\tau(b) \Rightarrow a+a=a+b=b+b \Rightarrow a=b$.

Осталось показать, что всякое сократимое ядро лежит в $S(U)$, или, что то же, доказать импликацию

$A \lhd U,\ A \not\subseteq S(U) \Rightarrow A$ несократимо.

Пусть A – произвольное ядро полутела U и $c \in A \setminus S(U)$, тогда $\tau(c) \neq \tau(1)$, т.е. найдутся такие a и b из U, что $(a+c=b+c) \wedge (a+1 \neq b+1)$ или $(a+c \neq b+c) \wedge (a+1=b+1)$. Но в любом случае выполняются

$$a+1+a+c=b+1+b+c, \qquad (*)$$

$(a+1)^{-1}(a+c) \neq (b+1)^{-1}(b+c)$ и $(a+c)^{-1}(a+1) \neq (b+c)^{-1}(b+1)$. Так как $1,c \in A$ и $(a+1)^{-1}a+(a+1)^{-1}=1$, то по определению ядра $(a+1)^{-1}a \cdot 1+(a+1)^{-1} \cdot c=(a+1)^{-1}(a+c) \in A$. Обратный к нему элемент $(a+c)^{-1}(a+1)$ также лежит в A. Аналогично $(b+1)^{-1}(b+c) \in A$ и $(b+c)^{-1}(b+1) \in A$.

Умножая слева равенство (*) в первом случае на $(a+c)^{-1}=(b+c)^{-1}$ или на $(a+1)^{-1}=(b+1)^{-1}$ во втором случае, получим: $(a+c)^{-1}(a+1)+1=(b+c)^{-1}(b+1)+1$ или $1+(a+1)^{-1}(a+c)=1+(b+1)^{-1}(b+c)$.

В любом случае два различных элемента ядра A уравниваются единицей, т.е. элементом из A. Значит A несократимо, что завершает доказательство.

Данная теорема позволяет назвать $S(U)$ *сократимой частью* полутела U. Понятно, что в сократимом полутеле сократимая часть – само полутело, в идемпотентном – {1}. Если $U=S \times I$, где S – сократимое, а I – идемпотентное полутела, то $S(U) \cong S$.

Полутело U назовем *расширением* полутела A с помощью полутела B, если A изоморфно ядру в U, факторполутело по которому изоморфно B. Тогда, как следствие, получаем следующую структурную теорему для полутел.

Теорема 2. *Любое полутело U является расширением сократимого полутела $S(U)$ с помощью идемпотентного полутела $U / S(U)$.*

Эта теорема позволяет значительно упрощать доказательства сложных теорем для полутел, доказывая их отдельно для идемпотентных и сократимых полутел, а затем с помощью структурной теоремы и для произвольного полутела. В заключение приведем еще несколько интересных следствий теоремы 1, доказательство которых очевидно.

Следствие 1. *Главное ядро полутела, порожденное элементом 2, является сократимым подполутелом.*

Следствие 2. *Если полутело U есть расширение сократимого полутела A с помощью полутела B, то $2 \in A \subseteq S(U)$ и B идемпотентно.*

Следствие 3. *Всякое простое полутело либо идемпотентно, либо сократимо.*

Примечания

1. *Golan J.S.* The theory of semirings with applications in mathematics and theoretical computer science. Pitman; New York, 1991.

2. *Варанкина В.И., Вечтомов Е.М., Семенова И.А.* Полукольца непрерывных неотрицательных функций: делимость, идеалы, конгруэнции // Фундаментальная и прикладная математика. 1998. Т. 4. № 2. С. 493-510.

3. *Семенов А.Н.* Пример числового полуполя, имеющего нетривиальную конгруэнцию // Проблемы современного математического образования в педвузах и школах России. Киров: Изд-во Вят. гос. пед. ун-та, 1998. С. 195.

4. *Копытов В.М.* Решеточно упорядоченные группы. М.: Наука, 1984.

5. *Богданов И.И.* Об аддитивной структуре полутел // Вестник МГУ. Сер. математика, механика (в печати).

В.В. Чермных

ЛАМБЕКОВСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОЛУМОДУЛЕЙ

В работе определяется симметрический полумодуль над полукольцом и строится пучок полумодулей. Основным результатом является доказательство изоморфизма симметрического полумодуля и полумодуля всех глобальных сечений построенного пучка.

В работе обобщается результат Ламбека [1] об изоморфном представлении симметрического модуля сечениями пучка, а именно, нами определяется симметрический полумодуль M_S над полукольцом S и строится пучок полумодулей P. Основным результатом является теорема 1, согласно которой симметрический полумодуль над S изоморфен полумодулю всех глобальных сечений пучка P. Это обобщает также результат о ламбековском представлении симметрического полукольца.

Введем основные понятия.

Определение 1. *Коммутативный моноид* $(M_S,+,0)$ *называется (правым) полумодулем над полукольцом* S, *если введена внешняя операция умножения элементов из* M_S *на элементы из* S, *и выполняются условия:*

$$a(st)=(as)t$$
$$(a+b)s=as+bs$$
$$a(s+t)=as+at$$
$$a1=a$$
$$a0=0$$
$$0s=0$$

для любых $a,b \in M_S$ и $s,t \in S$.

Определение 2. Полумодуль M_S назовем *симметрическим*, если ast=bst влечет ats=bts для любых $a,b \in M_S$ и $s,t \in S$.

Напомним, что модуль A_R над кольцом R называется симметрическим, если ast=0 влечет ats=0 для любых $a \in A$ и $s,t \in R$. Понятно, симметрический полумодуль, являющийся модулем, будет и симметрическим полумодулем.

ЧЕРМНЫХ Василий Владимирович – докторант МПГУ
© В.В. Чермных, 2003

Для первичного идеала P полукольца S введем отношение на полумодуле M_S:

$$a \approx_P b \Leftrightarrow (\exists s \in S \backslash P)(as=bs).$$

Лемма 1. *На симметрическом полумодуле* M_S *отношение* $\approx_P$ *является конгруэнцией для любого первичного идеала* P, *а полумодуль* $M_S/\approx_P$ *симметричен.*

Доказательство. Пусть $a \approx_P b$ и $c \approx_P d$. Тогда существуют $u,v \in S \backslash P$ такие, что au=bu и cv=dv. Для подходящего $s \in S$ $usv \notin P$. Поскольку ausv=busv и cusv=dusv в силу симметричности M_S, то $a+c \approx_P b+d$. Если $t \in S$, то aut=but и, следовательно, (at)u=(bt)u. Это означает $at \approx_P bt$. Пусть a,b – произвольные представители классов из $M_S/\approx_P$, $u,v \in S$ и выполняется [a]uv=[b]uv. Тогда $auv \approx_P buv$ и auvs=buvs для некоторого $s \in S \backslash P$. Поскольку M_S – симметрический полумодуль, то avus=bvus, что влечет [a]vu=[b]vu.

Обозначим через $(a,b)^* = \{s \in S : as=bs\}$ – уравнитель элементов $a,b \in M_S$. Уравнитель элементов произвольного полумодуля является, очевидно, правым идеалом, а для симметрического полумодуля – двусторонним идеалом.

Лемма 2. *Для любого первичного идеала* P *и любых различных* $a,b \in M_S$ *выполняется включение* $([a],[b])^* \subseteq P$.

Доказательство. Опустим индексы в обозначении классов из $M_S/\approx_P$ и предположим, что найдется пара различных элементов $[a],[b] \in M_S/\approx_P$, для которых $([a],[b])^* \not\subset P$. Тогда [a]s=[b]s для некоторого $s \in S \backslash P$ или $as \approx_P bs$. По определению конгруэнции $\approx_P$ для подходящего $t \in S \backslash P$ ast=bst. Первичность P позволяет выбрать элемент $u \in S$, для которого $sut \notin P$. Получаем asut=bsut, откуда $a \approx_P b$, что означает [a]=[b], противоречие.

Для построения пучка полумодулей нам потребуется результат Дэйви [3]:

Пусть A – *универсальная алгебра,* $\{\equiv_x : x \in X\}$ – *семейство конгруэнций на* A, *индексированных точками топологического пространства* X. *Если* $U(a,b)=\{x \in X : a \equiv_x b\}$ *открыто для любых* $a,b \in A$, то $\{A/\equiv_x : x \in X\}$ – *пучок универсальных алгебр над* X.

В качестве базисного пространства пучка выберем первичный спектр SpecS полукольца S – множество всех первичных идеалов из S, наделенное топологией Стоуна-Зарисского. Открытыми при этом являются множества $D(J)=\{P \in SpecS : J \not\subseteq P\}$ для любого идеала J. Обозначим для элемента $a \in S$ $D(a)=D(SaS)=\{P \in SpecS : a \notin P\}$.

В дальнейшем нам потребуются известные свойства первичного спектра:

$$D(J) \cap D(I)=D(JI) \text{ и } \bigcup_i D(J_i)=\sum_i J_i.$$

Пусть сейчас a,b – произвольные элементы полумодуля M_S. Если $a \approx_P b$ для $P \in SpecS$, то as=bs и $P \in D(s)$ для некоторого элемента $s \in S$. Но тогда для любого $Q \in D(s)$ имеем $a \approx_Q b$. Получили, что семейство конгруэнций $\{\approx_P : P \in SpecS\}$ удовлетворяет условию леммы Дэйви, поскольку U(a,b) открыто в SpecS. Следовательно, (L,SpecS) – пучок полумодулей над S, где $L=\cup\{M_S/\approx_P : P \in SpecS\}$. Обозначим через $\hat{m}$, $m \in M_S$, глобальное сечение пучка L, принимающее в каждой точке $P \in SpecS$ значение $[m]_P$ – класс элемента m в фактор-полумодуле $M_S/\approx_P$. Множество всех глобальных сечений пучка обозначим $\Gamma(L)$. Для доказательства основной теоремы потребуется

Лемма 3. *Для произвольных* $a,b \in M_S$ *сечения* $\hat{a}$ *и* $\hat{b}$ *совпадают на* D(J), J – *идеал из* S, *тогда и только тогда, когда для любого* $s \in J$ *найдется такое натуральное* n, *что* $as^n=bs^n$.

Доказательство. Пусть $as^k \neq bs^k$ для любого натурального k. Тогда *m*-ситема $T=\{1,s,s^2,\ldots\}$ не пересекается с идеалом $(a,b)^*$. Максимальный идеал P (существующий по лемме Цорна) среди содержащих $(a,b)^*$ и не пересекающихся с T будет первичным. Условие $(a,b)^* \subseteq P$ означает, что $\hat{a}(P) \neq \hat{b}(P)$. Однако $s \notin P$, поэтому $P \in D(J)$, и $\hat{a}(P)=\hat{b}(P)$, противоречие. Обратная импликация очевидна.

Теорема 1. *Симметрический полумодуль* M_S *изоморфен полумодулю всех глобальных сечений пучка* (L,SpecS).

Доказательство. Пусть $\hat{a}=\hat{b}$ на SpecS для $a,b \in M_S$. Тогда для любого $P \in SpecS$ $ac_P=bc_P$ для подходящего $c_P \in S \backslash P$. Поскольку $\{D(c_P)\}$ покрывает компактное пространство SpecS, то выберем конечное подпокрытие $D(c_1) \cup \ldots \cup D(c_k)=SpecS$. Симметричность полумодуля позволяет считать, что $c_1+\ldots+c_k=1$. Просуммировав по i равенства $ac_i=bc_i$, получаем, a=b, и представление точное.

Пусть σ – произвольное глобальное сечение пучка L. В каждой точке $P \in SpecS$ совпадает с некоторым сечением $\hat{m}_P$, и, следовательно, на некоторой ее базисной окрестности $D(r_P)=\{Q \in SpecS : r_P \notin Q\}$. Вновь воспользуемся компактностью SpecS и выберем подпокрытие $D(r_1),\ldots,D(r_k)$. При этом $\sigma=\hat{m}_i$ на $D(r_i)$, i=1,…,k. Два сечения $\hat{m}_i$ и $\hat{m}_j$ совпадают на $D(r_i) \cap D(r_j)=D(r_i S r_j)$, которое содержит $D(r_i r_j)$. По лемме 3 $m_i(r_i r_j)^{n(i,j)}=m_j(r_i r_j)^{n(i,j)}$ для некоторого натурального n(i,j). Пусть $n=max\{n(i,j)\}$ для всевозможных пар

i,j. Симметричность M_S влечет

$$m_i r_i^n r_j^n = m_j r_i^n r_j^n \qquad (*)$$

Заметим, что $D(r_i)=D((r_i)^n)$, и тогда $SpecS=\bigcup_{i=1}^k D(r_i)=\bigcup_{i=1}^k D((r_i)^n)=D(\sum_{i=1}^k (r_i)^n)$.

Поскольку $\sum_{i=1}^k (r_i)^n=S$, то $1=\sum_{i=1}^k s_i$, где s_i – конечная сумма элементов вида $t_0 r_i t_1 r_i \ldots r_i t_n$. Из (*) получаем $m_i t_0 r_i t_1 r_i \ldots r_i t_n r_j^n = m_j t_0 r_i t_1 r_i \ldots r_i t_n r_j^n$, и, просуммировав должным образом, получаем $m_i s_i r_j^n = m_j s_i r_j^n$. Положим $m=\sum_{i=1}^k m_i s_i$. Далее:

$$m r_j^n = \sum_{i=1}^k m_i s_i r_j^n = \sum_{i=1}^k m_j s_i r_j^n = m_j (\sum_{i=1}^k s_i) r_j^n = m_j r_j^n.$$

Это означает, что $\hat{m}=\hat{m}_j$ на $D(r_j)$, и поскольку $\hat{m}_j=\sigma$ на $D(r_j)$, то глобальное сечение σ совпадает с $\hat{m}$ на всем SpecS. Теорема доказана.

Полукольцо с квазитождеством abc=abd $\Leftrightarrow$ acb=adb называется *симметрическим.*

Пусть сейчас S – симметрическое полукольцо. Рассматривая его как полумодуль над собой, получаем симметрический полумодуль. Конгруэнции $\approx_P$ позволяют построить пучок Ламбека полуколец, и получаем следующий результат.

Следствие ([2], [4]). *Ламбековское представление произвольного симметрического полукольца является изоморфным.*

Замечание. Леммы 1 и 2 позволяют получить дополнительную информацию о пучке (L,SpecS) полумодулей. Во-первых, слои пучка являются симметрическими полумодулями. Попутно заметим, что полумодуль глобальных сечений пучка симметрических полумодулей является симметрическим. В своей работе Ламбек использует аналогичный факт для характеризации симметрических модулей. Во-вторых, конгруэнция $\approx_P$ на полумодуле $M_S/\approx_P$ по лемме 2 является нулевой (отношение равенства).

Примечания

1. *Lambek J.* On the representation of modules by sheaves of factor modules // Canad.Math. Bull. 1971. 14. N 3. P. 359-368.

2. *Чермных В.В.* Пучковые представления полуколец // УМН. 1993. 48. N 5. С. 185-186.

3. *Davey B.A.* Sheaf spaces and sheaves of universal algebras // Math. Zeit. 1973. 134. N 4. P. 275-290.

4. *Чермных В.В.* Полукольца. Киров: Изд-во Вят. гос. пед. ун-та, 1998.

Е.В. Котельников

АВТОМАТНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ А.А. ШАЛЫТО

В статье рассмотрены наиболее важные черты программирования на основе автоматного подхода. Построена автоматная программа поиска подстроки в строке по алгоритму Бойера-Мура. Выделены достоинства и недостатки рассматриваемой технологии.

Автомат – математическая модель дискретного устройства, имеющая конечные множества состояний и входных и выходных сигналов [1, 2]. В каждый момент времени автомат находится в одном из допустимых состояний. При подаче сигнала на его вход выходной сигнал и состояние, в котором окажется автомат, будут зависеть не только от входа, но и от предыдущего состояния. Таким образом, имеет место зависимость от некоторой предыстории, то есть от сигналов, которые поступали на вход системы ранее.

Существует много разновидностей автоматов, но на практике наибольшее распространение получили два класса автоматов – автоматы Мили (Mealy) и Мура (Moore). Различие между ними в том, что в автомате Мили выход зависит как от входа, так и от текущего состояния, а в автомате Мура зависимость от входа явно не задается. Причем один вид автоматов может быть всегда преобразован в другой и наоборот.

Автоматы используются для построения систем управления различными объектами. Традиционными областями применения автоматов в информатике являются:

1) синтез логических схем, применяемых в компьютерах;

2) построение трансляторов для языков программирования.

Однако в 1991 году профессор Санкт-Петербургского государственного института точной механики и оптики А.А. Шалыто предложил использовать автоматы в программировании и ввел понятия «автоматное программирование» и «SWITCH-технология». Данный метод программирования описывается в [1, 3-10] и применяется в основном для программной реализации систем логического управления объектами различной степени сложности, хотя А.А. Шалыто указывает, что автоматный подход может использоваться и для вычислительных алгоритмов.

Опишем принципы SWITCH-технологии путем перечисления этапов процесса автоматного программирования. На первом этапе в объекте управления на основе словесного описания его функционирования выделяется конечное число состояний. Затем опреде-

КОТЕЛЬНИКОВ Евгений Вячеславович – ассистент кафедры информатики и МОИ ВятГГУ
© Е.В. Котельников, 2003

ляются все возможные переходы между состояниями.

На второй стадии выбирается структурная модель автомата (Мура или Мили), реализующего алгоритм функционирования объекта. Далее строится его графическое описание с помощью графа переходов. Граф переходов автомата – это ориентированный граф, вершины которого соответствуют состояниям, а дуги – переходам между ними.

На третьем этапе выбирается любой язык программирования высокого уровня, где есть конструкция, аналогичная оператору SWITCH языка Си или оператору CASE языка Паскаль. Затем производится формальный переход от графа переходов к автоматной программе, в которой указанная конструкция является телом цикла с постусловием.

Рассмотрим особенности автоматного программирования применительно к вычислительным задачам. В [1] указано, что существует два подхода к автоматной реализации вычислительных алгоритмов. Отличия между ними состоят в способе получения графа переходов автомата. Первый способ применяется при наличии граф-схемы алгоритма. Она преобразуется с помощью известных методов (рассмотренных, например, в [2]) к графу переходов автомата Мура или Мили. Второй способ заключается в непосредственном построении графа переходов на основе словесного описания алгоритма путем выделения состояний. Причем А.А. Шалыто отмечает, что последний метод предпочтительнее [1].

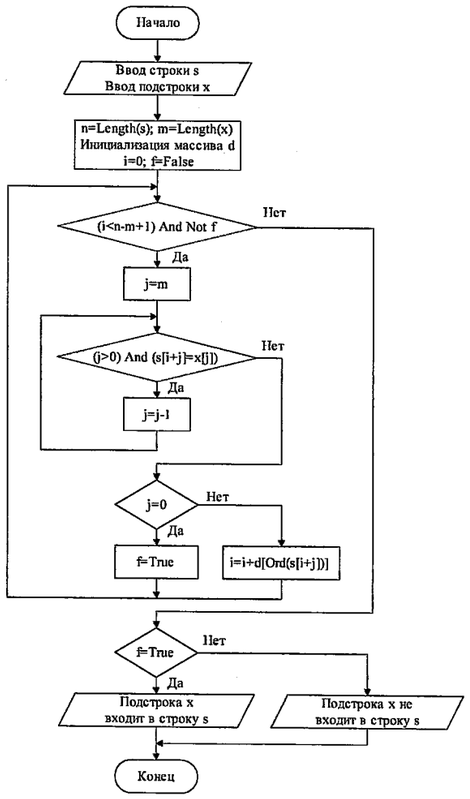


Рис. 1

Поясним второй способ на примере. Возьмем алгоритм Р. Бойера и Дж. Мура для поиска подстроки **x** в строке **s** и на его основе построим автоматную программу.

Основная идея алгоритма: сравнение начинается с конца подстроки **x**, а не с начала. Перед поиском подстрока трансформируется в некоторую таблицу **d**, размерность которой равна количеству всех возможных символов. Элементами таблицы являются расстояния от последнего символа искомой подстроки до её каждого символа. Если символ в подстроку не входит, то соответствующий элемент таблицы равен длине подстроки. Когда в процессе поиска символ подстроки **x** не совпадает с символом строки **s**, для последнего из таблицы расстояний определяется соответствующее смещение, на которое сдвигается вправо подстрока.

Граф-схема алгоритма приведена на рис. 1.

Сначала выделим необходимые состояния автомата и присвоим им номера (см. рис. 2). Во-первых, состояние ввода исходных данных (**s, x**), формирование начальных значений переменных – **n, m, i, j** и инициализация массива **d.** Во-вторых, состояние перемещения к началу подстроки: **j=j-**1. Если найдено несовпадение, нужно продвинуться вперед по строке **s**, в зависимости от элементов массива **d.** За это отвечает третье состояние. И наконец, выделим два состояния вывода ответов. В итоге получаем пять состояний автомата, им соответствуют пять вершин графа переходов, описывающего данный автомат, плюс ещё одна, нулевая, для обеспечения замкнутости графа переходов. Переход в нулевую (одновременно начальную и конечную) вершину вводится для корректного повторного использования автомата.

Затем рассмотрим условия перехода от одного состояния к другому. Из нулевого состояния должен быть единственный безусловный переход к состоянию 1. Чтобы обеспечить рассмотрение всех возможных ситуаций, нужно определить список значимых условий для каждого состояния. Так, на переходы из состояния 1 будут влиять три условия:

1) **m**=0 (длина подстроки равна нулю);
2) **m>n** (длина подстроки больше длины строки);
3) **s[i+j]<>x[j]** (несовпадение символов строки и подстроки с номером **j**).

Анализируя данные условия, получаем, что при выполнении условия 1 нужно перейти к состоянию вывода ответа 4 (пустая подстрока содержится в любой строке). При выполнении условия 2 требуется

переход к вершине 5 (подстрока не может содержаться в строке с меньшей длиной). Если истинно условие 3, то следует продвигаться по строке **s**, то есть нужен переход в состояние 3. Иначе (ни одно из перечисленных условий не выполняется) – переход к вершине 2 (проверка следующего символа). Эти условия должны проверяться в указанном порядке, поэтому присвоим им соответствующие приоритеты от 1 до 3.

Аналогично для состояния 2 проверяем следующие условия. Если достигнут конец подстроки (**j=0**), то нужно выводить ответ в вершине 4. Присвоим этому условию приоритет 1, так как оно должно проверяться раньше остальных условий. При нахождении несовпадения символов строки и подстроки (**s[i+j]<>x[j]**) следует переход в вершину 3 (присвоим второй приоритет). При невыполнении двух последних условий нужно остаться в состоянии 2 – так называемая «петля» (низший приоритет); на схеме рис. 2 обозначен как «Иначе»).

В состоянии 3 проверяется всего одно условие: **i<n-m+1.** Его выполнение означает, что конец строки ещё не достигнут и нужно продолжать поиск в вершине 2. Иначе – переход в состояние 5.

Завершают работу автомата безусловные переходы из вершин 4 и 5 в вершину 0.

Итак, у нас есть всё для построения графа переходов (рис. 2).

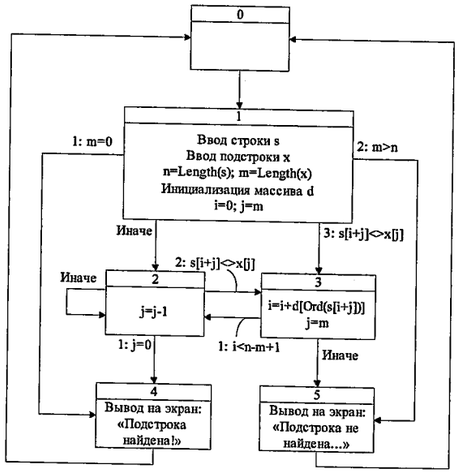


Рис. 2

Автоматная программа строится по графу переходов формально и изоморфно, причем оператор SWITCH языка Си (или CASE языка Паскаль) является телом цикла с постусловием, выход из которого происходит при нахождении автомата в состоянии 0. Приведем автоматную программу на языке Паскаль, построенную по графу переходов рис. 2 (листинг 1).

Листинг 1

```
Program Boyer_Moore; {Автоматная реали-
          зация алгоритма Бойера-Мура}
Var i,j,n,m,y:Integer;
    s,x:String;
    d:Array[0..255] Of Byte;
Begin
 y:=0;
 Repeat
  Case y Of
   0: y:=1;
   1: Begin
       Write("Enter a string:"); ReadLn(s);
       Write("Enter a substring:");
                                 ReadLn(x);
      n:=Length(s); m:=Length(x);
      For i:=0 To 255 Do d[i]:=m;
      For i:=1 To m-1 Do d[Ord(x[i])]:=m-i;
      i:=0; j:=m;
      If m=0 Then y:=4 Else If m>n Then
           y:=5 Else If s[i+j]<>x[j] Then
           y:=3 Else y:=2;
     End;
   2: Begin
        Dec(j);
        If j=0 Then y:=4 Else If s[i+j]
              <>x[j] Then y:=3 Else y:=2;
     End;
   3: Begin
        i:=i+d[Ord(s[i+j])];
        j:=m;
        If i<n-m+1 Then y:=2 Else y:=5;
     End;
   4: Begin
       WriteLn("Подстрока найдена!");
        y:=0;
     End;
   5: Begin
       WriteLn("Подстрока не найдена...");
        y:=0;
     End;
  End;
 Until y=0;
End.
```

Рассмотренным примером можно проиллюстрировать ряд свойств и вытекающих из них достоинств автоматного подхода, которые были выделены на основе анализа работ [1, 3-10].

Как уже было отмечено, программа на листинге 1 построена путем формального соотнесения действий в вершинах графа и условий переходов с операторами

языка Паскаль. Изоморфность графа переходов и автоматной программы очевидна и может быть легко проверена. Возможность быстрого безошибочного формального и изоморфного перехода от графа переходов к тексту программы на языке высокого уровня позволяет использовать при анализе, синтезе, отладке и корректировке программ не текст программы, а граф переходов. Вследствие этого Заказчик, Разработчик и другие специалисты, участвующие в проекте, избавлены от необходимости знания языка программирования.

Если на этапе анализа учтены все значимые для каждого состояния условия переходов, то вероятность ошибки в программе резко снижается, так как построенный граф переходов может быть формально проверен на синтаксическую корректность. При этом граф переходов считается корректным, если он непротиворечив (запрещены одновременные переходы по любым двум или более дугам, исходящим из одной вершины), полон (дизъюнкция логических условий переходов на всех дугах, исходящих из вершины, равна нулю), а также не содержит генерирующих контуров, отличных от петель. Легко проверить, что граф переходов в разобранном примере синтаксически корректен, а это первый шаг к доказательству работоспособности программы.

Использование графов переходов увеличивает надежность программирования, так как в отличие от граф-схем в графах переходов все состояния и все переходы между ними записаны явно, что позволяет определить все функциональные возможности программы. Нужно отметить, что общепринятый в настоящее время подход заключается в тестировании программы на ЭВМ и выявлении её поведения при допустимых воздействиях. При этом полнота проверки обычно не достигается, так как бывает трудно учесть все направления вычислительного процесса. В то же время применение управляющей программы (особенно на ответственных объектах) требует знания о её реакции на все возможные воздействия, что и обеспечивается при автоматном подходе. Также формальность перехода к тексту программы предоставляет возможность автоматизации программирования, что делает SWITCH-технологию близкой к CASE-технологиям.

В каждом автомате используется только одна внутренняя переменная (**y** в листинге 1), обозначающая состояние, в котором находится автомат. Программы, построенные традиционным путем, часто изобилуют вспомогательными внутренними переменными, отсутствующими в «словесном» описании алгоритма и затрудняющими чтение схем алгоритмов другими специалистами. Так, в рассмотренном примере в граф-схеме алгоритма использована внутренняя переменная **f** логического типа, отвечающая за наличие в текущий момент решения задачи. В графе переходов автомата потребности в этой переменной нет, так как её роль играет переменная состояния **y**. Таким образом, за поведением каждого автомата можно следить с помощью одной переменной, что делает программу полностью наблюдаемой и управляемой. Визуализация состояний имеет важное значение особенно для целей обучения [11].

Сопоставление рассмотренных в примере граф-схемы алгоритма и графа переходов показывает, что последний более компактен и нагляднее изображает алгоритм. Так, вместо 8 операторных и 4 условных вершин граф-схемы алгоритма в графе переходов присутствует всего 5 вершин.

Графы переходов, применяемые в качестве языка спецификаций при автоматном программировании, позволяют строить и описывать алгоритмы для разнообразных видов управляющих вычислительных устройств и языков программирования. Таким образом, возможно формирование единого подхода к алгоритмизации в различных областях человеческой деятельности.

Одним из главных достоинств предложенного метода А.А. Шалыто называет понятность программы «не только Разработчику и Программисту, но и Заказчику, Технологу, Оператору и Контролеру» [1]. Это следует из вышеперечисленных свойств и достоинств метода. Единый подход к проектированию дает возможность общения участников разработки на формализованном языке, понятном специалистам из разных стран и областей знания. Формальный и изоморфный переход от графа переходов к тексту программы позволяет использовать практически на всех этапах разработки графы переходов, наглядно изображающие происходящие процессы. И наконец, наличие только одной внутренней переменной для каждого автомата (вместо обычных многих вспомогательных переменных при традиционном программировании) явно способствует улучшению понимания программы.

В то же время при автоматном подходе не нужно отказываться от привычных свойств алгоритмов управления, таких, как иерархичность, параллелизм, вызываемость и вложенность. При решении сложных задач эти свойства реализуются связанными системами автоматов.

При всех достоинствах данный метод не лишен недостатков. Конечно, основным недостатком можно назвать психологические трудности большинства программистов, пытающихся использовать автоматное программирование в своей работе. Это связано и с непривычной реализацией циклов, и, что более существенно, с тем, что для систем логического управления выделение состояний является естественным, так как они в значительной мере определяются физическими состояниями объектов управления; для вычислительных алгоритмов выделение состояний не столь естественно [3].

Также недостатком является то, что программа получается менее компактной и быстродействующей, чем при традиционном подходе [4].

В заключение нужно отметить, что в отличие от

систем логического управления объектами примеры применения автоматного программирования в информатике ещё остаются единичными. По известным публикациям, автоматный подход в Computer Science применяется для решения таких задач, как переход от неструктурированных граф-схем алгоритмов к структурированным [3], переход от рекурсивных алгоритмов к итерационным [8], а также в компьютерных играх [9] и при реализации графического интерфейса [10].

Несмотря на вышеперечисленные недостатки и пока ещё редкое применение, следует надеяться, что благодаря неоспоримым достоинствам автоматный метод проектирования программ займет достойное место среди современных технологий программирования.

Примечания

1. *Шалыто А.А.* SWITCH-технология. Алгоритмизация и программирование задач логического управления. СПб.: Наука, 1998.

2. *Баранов С.И.* Синтез микропрограммных автоматов (граф-схемы и автоматы). Л.: Энергия, 1979.

3. *Шалыто А.А., Туккель Н.И.* Реализация вычислительных алгоритмов на основе автоматного подхода // Телекоммуникации и информатизация образования. 2001. № 6. С. 35-53.

4. *Шалыто А. А.* Автоматное проектирование программ. Алгоритмизация и программирование задач логического управления // Известия Академии наук. Теория и системы управления. 2000. № 6 (ноябрь-декабрь). С. 63-81.

5. *Вавилов К.В.* Программирование за… 1 (одну) минуту // Компьютер Price. 2002. № 31. С. 288–293.

6. *Шалыто А. А.* Алгоритмизация и программирование для систем логического управления и «реактивных» систем // Автоматика и телемеханика. 2001. № 1. С. 3-39.

7. *Кузнецов Б.П.* Психология автоматного программирования // BYTE/Россия. 2000. № 11.

8. *Шалыто А.А., Туккель Н.И., Шамгунов Н.Н.* Реализация рекурсивных алгоритмов на основе автоматного подхода // Телекоммуникации и информатизация образования. 2002. № 5.

9. *Озеров А.А.* Четыре танкиста и компьютер // Магия ПК. 2002. № 11.

10. *Шалыто А.А., Туккель Н.И.* Программирование с явным выделением состояний // Мир ПК. 2001. № 8. С. 116-121.

11. *Казаков М.А., Столяр С.Е.* Визуализаторы алгоритмов как элемент технологии преподавания дискретной математики и программирования // Телематика 2000: Тез. докл. Междунар. науч.-метод. конф. СПб.: СПбГИТМО (ТУ), 2000.

З.Л. Баскин

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ГАЗОХРОМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКОЛОГО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ

В статье рассмотрены непрерывные хроматогфические методы анализа в эколого-аналитическом и технологическом контроле, способы, критерии и средства пробоотбора в ЭАК, динамические методы метрологического обеспечения газоаналитических измерений в диапазоне микроконцентраций.

Организация эколого-аналитического контроля

Из анализа результатов наблюдений на 230 станциях контроля загрязнения атмосферы взвешенными веществами, SO_2, NO_2, CO, а также NH_3, H_2S, фенолом, углеводородами, их фторхлорпроизводными и другими специфическими загрязнителями атмосферы в 34 крупнейших городах России в период с 1988 по 1997 годы следует, что уровень загрязнения атмосферного воздуха сохранялся высоким и рос, несмотря на спад промышленного производства в этот период. В последние годы за счет увеличения выбросов транспортных средств, роста незапланированных залповых и аварийных выбросов промышленных предприятий, восстанавливающих свое производство, и увеличения числа неучтенных промышленных выбросов проблема контроля загрязнения атмосферного воздуха в крупных городах России еще более обострилась [1] .

Парадоксальность сложившейся ситуации заключается в том, что прогрессирующая деградация природы происходит на фоне растущих расходов на ее охрану. Следовательно, этих средств недостаточно и они используются неэффективно.

Охрана окружающей природной среды начинается с контроля степени загрязнения воздуха, воды, почвы в рабочих, промышленных, жилых и заповедных зонах. У экологического контроля (ЭК) две функции: аналитическая, призванная обеспечивать получение представительной и достоверной экологической информации, и управленческая, которая заключается в подготовке законов, норм, правил, обеспечивающих экологическую безопасность, контролируемых объектов, и в проверке выполнения принятых решений. В первом случае ЭК означает измерения, наблюдения, исследования объектов. Одна из форм такого эколого-аналитического контроля (ЭАК), наиболее информативная его форма – экологический мониторинг, т.е. слежение за изменением параметров процессов и явлений в окружающей среде. Во втором случае ЭК – это деятельность государственных органов, предпри-

БАСКИН Захар Львович – доктор технических наук, действительный член РАЕН, профессор кафедры экологии ВятГГУ

© З.Л. Баскин, 2003

ятий, общественных организаций и граждан по разработке и соблюдению экологических законов и стандартов, санитарных норм и правил.

Многие подзаконные акты, например, стандарты систем стандартов безопасности труда и охраны природы [2-5], разработанные несколько десятилетий назад, не соответствуют требованиям экологической безопасности и современному уровню экоаналитики. В результате действующая в Российской Федерации система ЭК не справляется со стоящими перед ней задачами и нуждается в коренном усовершенствовании. Нужна новая идеология, новая нормативная база ЭАК.

Достижения науки и техники в области контроля и управления технологическими процессами позволили развить новые концепции ЭАК, обеспечивающие своевременное получение правильной экологически значимой аналитической информации [6-12].

Наиболее сложным объектом ЭАК является атмосфера. Земную атмосферу можно уподобить гигантскому химическому реактору, на дне которого существует человечество [13]. Локальные объекты ЭАК также следует рассматривать как химические реакторы, которые необходимо контролировать с учетом их динамических характеристик, особенностей функционирования, климатических, географических и других факторов, значимых для каждого из объектов контроля. Случайный характер появления и переменный состав примесей приоритетных и специфических загрязнителей атмосферного воздуха обусловливают необходимость непрерывного промышленного контроля этих объектов.

Одно из возможных перспективных направлений ЭАК атмосферы заключается в создании специализированных адаптированных к контролируемым объектам промышленных автоматических и автоматизированных хроматографических комплексов. Современная хроматография в сочетании с представительными и избирательными сорбционными методами пробоотбора, универсальными и селективными методами детектирования и микроэлектронными компьютерными методами управления операциями и режимами анализа, обработкой и представлением их результатов позволяет осуществить не только количественный анализ многокомпонентных сред известного состава, но и идентификацию веществ. Точность анализов обеспечивается динамическими методами проверки метрологических характеристик комплексов.

Представительный пробоотбор и метрологическое обеспечение измерений динамическими методами в условиях эксплуатации аналитических приборов и пробоотборных устройств являются главными проблемами хроматографического ЭАК. Современным требованиям промышленного ЭАК в наибольшей мере удовлетворяют непрерывные хроматографические методы анализа, включающие непрерывные методы сорбционного пробоотбора и метрологического обеспечения измерений [14].

Непрерывные хроматографические методы анализа в эколого-аналитическом контроле

Интерес к газохроматографическому анализу (анализу примесей в газах) возник в начале 50-х годов XX века в связи с потребностями быстро развивавшейся атомной промышленности в контроле технологических процессов переработки фторсодержащих соединений урана. К концу 50-х годов в США, Англии, Франции были разработаны газохроматографические методы анализа летучих неорганических фторидов и фторуглеродов и первые конструкции промышленных автоматических хроматографов для дистанционного контроля состава радиоактивных агрессивных фторсодержащих сред. Тогда же началось применение лабораторных газовых хроматографов для анализа этих сред в СССР. Промышленные специализированные газовые хроматографы для контроля агрессивных неорганических фторидов в радиохимических производствах были разработаны и применены в СССР в 1968 году. Методы промышленного газохроматографического контроля состава фторсодержащих газов и анализа примесей этих газов в воздухе рассмотрены в аналитических обзорах [15,16].

В 60-х годах газовая хроматография достигла высокого теоретического и методического уровня. Методы газовой хроматографии стали широко использоваться во многих отраслях промышленности и науки. Большие успехи были достигнуты и в анализе загрязненного воздуха, воды, почвы газохроматографическими методами [17-20]. К 1970 году более половины анализов газов и около 90% аналитической информации получали этими методами [21].

Первые отечественные лабораторные газовые хроматографы типов ХЛ-1, ХЛ-2, ХТ-2М и др. с детекторами по теплопроводности (ДТП), разработанные в Горьковском государственном университете, КБ АТ и ВНИГНИ, СКБ АНН, ИФХ, появились в 1958-1962 годах [22, 22а], а в 1963 году в Дзержинском филиале ОКБА был выпущен первый хроматограф марки «Цвет-1» с детекторами ионизации в пламени (ДИП) и ДТП [23]. В 70-х годах ДОКБА достигло наибольших успехов в разработке и производстве лабораторных газовых хроматографов марки «Цвет» [23]. В эти же годы завод «Моснефтехим» развил серийное производство лабораторных газовых хроматографов серии ЛХМ-8.

В последние годы в этой области успешно работает СКБ «Хроматэк» (г. Йошкар-Ола), освоившее выпуск специализированных автоматизированных лабораторных газохроматографических комплексов «Кристалл-2000М» и др. [24].

Первые отечественные промышленные газовые хроматографы ХА-2 с ДТП были разработаны в 1961 году СКБ АНН и ВНИИКАНЕФТЕГАЗом. В 60-70-х годах конструкции промышленных газовых хроматографов быстро совершенствовались. Были выпущены приборы типов ХПА-4, ХП-499, НЕФТЕ-

ХИМ-200, «Нефтехром», «Микрохром-1121» с ДТП и РХ-1, ХПУ-1. ХПИ-21 – с ДИП [22, 22а, 23].

Несмотря на широкое применение промышленных газовых хроматографов для контроля технологических процессов в ЭАК, промышленные методы газохроматографического контроля использовались сравнительно мало [16]. Первым специализированным автоматическим хроматографом для анализа примесей ЗВ в воздухе является промышленный анализатор фторорганических соединений в воздухе «ПАФОС», разработанный на Кирово-Чепецком химическом комбинате в 1965 году [25-27]. В конце 60-х годов в Германии был разработан автоматический реверсивный хроматограф «Сименс» [16]. В конце 70-х – начале 80-х годов в ДОКБА НПО Химавтоматика были выпущены автоматические газовые хроматографы «ТОКСИГАЗ», «МИКРОФТОР», «Цвет-ЭКО» для мониторинга органических примесей в воздухе рабочих и жилых зон [23].

В 1995-1999 годах институтом экологического приборостроения СО РАН была создана серия переносных автоматических газовых хроматографов «ЭХО» для экспресс-анализа следов взрывчатых веществ, наркотиков и других токсичных веществ в воздухе [28].

Способы хроматографического анализа ЗВ в воздухе и технологических средах, реализованные в специализированных промышленных газовых хроматографах «ПАФОС», «ТОКСИГАЗ», «МИКРОФТОР», «Цвет-ЭКО», наиболее полно удовлетворяют современным требованиям ЭАК. Эти способы анализа можно называть непрерывными, поскольку непрерывна одна из основных операций анализа – пробоотбор [29].

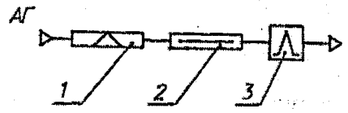


Рис. 1. Способ анализа примесей в газовом потоке

1 – адсорбционная колонка;
2 – хроматографическая колонка;
3 – детектор;
АГ – анализируемый газ

Непрерывные хроматографические методы анализа (НХМА) и в эколого-аналитическом, и в технологическом контроле могут применяться в режимах *on line* (в потоке) и *off line* (вне потока). В первом случае используют автоматический хроматограф и устанавливают его на контролируемом объекте или вблизи него. Постоянный контролируемый газовый поток непрерывно пропускают через адсорбционную колонку прибора и концентрируют на твердом селективном сорбенте анализируемые примеси. Периодически они десорбируются в хроматографическую колонку, разделяются на отдельные компоненты и детектируются. Цикл анализа выбирается в соответствии с постоянной времени объекта контроля. Функциональные газовые схемы приборов, в которых реализованы способы одноточечного и многоточечного непрерывного хроматографического анализа газов, приведены на рис. 1 и 2 [27].

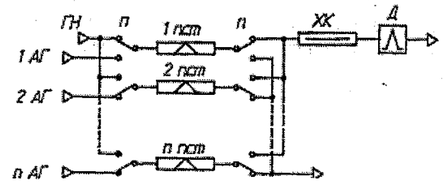


Рис. 2. Способ многоточечного хроматографического анализа газов

1 пст, 2 пст, п пст – пробоотборные сорбционные трубки;
П – переключатель;
ХК – хроматографические колонки;
Д – детектор;
ГН – газ-носитель;
1 АГ – п АГ – анализируемые газы

Во втором случае пробы отбирают непрерывно с помощью пробоотборных сорбционных трубок (ПСТ), установленных в автоматизированных пробоотборных устройствах (АПУ), автоматизированных пробоотборниках воздуха (АПВ) или в индивидуальных химических дозиметрах (ИХД), которые устанавливаются на каждом контролируемом объекте и носятся персоналом, контактирующим с веществами, загрязняющими воздух. Периодически, например, один или несколько раз в час, в смену, в сутки отработанные ПСТ снимают с АПУ, АПВ и ИХД и направляют в лабораторию для хроматографического анализа, а на их место устанавливают новые ПСТ. Такая аппаратура, основанная на НХМА, обеспечивает представительный и достоверный контроль загрязнения воздуха в производственных и жилых помещениях, в городах и заповедных природных зонах.

НХМА могут быть эффективно использованы в промышленном контроле экологически значимых параметров технологических процессов:

- для определения состава, расхода и количества ЗВ в выбросных технологических газах (организованных выбросах) (рис. 3);
- для определения утечек ЗВ из технологического оборудования (неорганизованные выбросы) (рис. 1 и 2);
- для контроля ЗВ, выделяющихся из лакокрасочных материалов, ковровых покрытий, пластмассовых изделий, мебели, одежды, игрушек и других товаров бытового назначения (рис. 4);
- для диагностики повреждения обмоток силовых маслонаполненных трансформаторов и электрических генераторов с водородным охлаждением;

• для непрерывного контроля концентраций ЗВ в воздухе рабочих, производственных, санитарно-защитных и жилых зон (рис. 1 и 2);

• для индивидуального химического дозиметрического контроля.

Общий алгоритм основных операций анализа, единство измерений и их метрологического обеспечения, а также единая элементная база делают промышленные хроматографы непрерывного контроля перспективным направлением аналитического приборостроения.

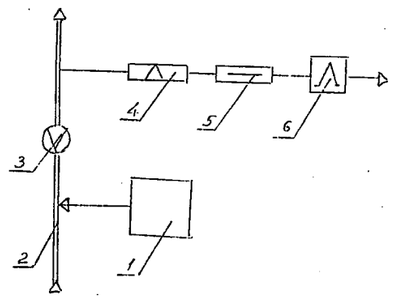


Рис. 3. Схема газохроматографического контроля состава, расхода и количества газовых выбросов

1 – устройство для дозировки газа-метки;
2 – трубопровод газовых выбросов;
3 – сужающее устройство для перемешивания газов;
4 – адсорбционная колонка;
5 – хроматографическая колонка;
6 – детектор

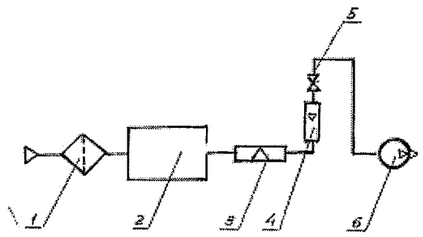


Рис. 4. Установка контроля газовыделений УКГ-20. Схема функциональная

1 – фильтр воздуха;
2 – камера контроля газовыделений;
3 – пробоотборная сорбционная трубка;
4 – индикатор расхода воздуха;
5 – регулирующий вентиль;
6 – побудитель расхода

Способы, критерии и средства пробоотбора в эколого-аналитическом контроле

Способы пробоотбора

Известны четыре способа пробоотбора ЗВ в воздухе: разовый мгновенный, разовый сорбционный, непрерывный и непрерывный сорбционный. Из них требованиям ЭАК в наибольшей степени удовлетворяет непрерывный сорбционный способ отбора проб ЗВ в воздухе [30].

Непрерывным сорбционным пробоотбором (НСП) назван процесс непрерывного предварительного концентрирования примесей анализируемых веществ из контролируемого газового потока на селективных сорбентах. Отобранные пробы анализируют периодически после непрерывной десорбции сконцентрированных примесей в аналитический прибор, например в газовый или ионный хроматограф.

НСП исключает неконтролируемое изменение состава, концентрации и количества анализируемых веществ в контролируемом потоке за цикл пробоотбора. При анализе ЗВ в воздухе в этом случае следует иметь в виду неизбежное усреднение кратковременных изменений концентрации анализируемых веществ за цикл анализа и необходимость использования стабильных во времени сорбентов, сохраняющих характеристики при многократной сорбции, десорбции и регенерации.

При газохроматографическом контроле ЗВ в воздухе применяют низкотемпературные концентрирование, адсорбцию и хемосорбцию при температуре окружающей среды и парофазное концентрирование. Требованиям всех видов ЭАК в наибольшей степени удовлетворяет НСП на твердых селективных сорбентах при температуре окружающей среды. Такой пробоотбор благодаря представительности отобранных проб обеспечивает достоверный статистический учет изменения загрязнения контролируемых зон за каждый цикл пробоотбора (10, 20, 30, 60 мин, смену, сутки и т.д.).

НСП может быть применен в промышленности для анализа загрязнения воздуха токсичными веществами всех классов опасности. Он не только обеспечивает представительность проб, но и позволяет повысить чувствительность анализа, упростить конструкции основных узлов аналитической аппаратуры, уменьшить погрешности, связанные с адсорбцией анализируемых веществ на поверхностях элементов газовых схем приборов [27, 31].

Критерии пробоотбора

Представительный пробоотбор может быть обеспечен только при учете значимых для каждого контролируемого объекта факторов. При анализе воздуха с разовым мгновенным и разовым сорбционным пробоотбором, когда в соответствии с действующими нормами [2-5] период времени между анализами (цикл

контроля) устанавливается от 2 до 720 часов, а пробу отбирают в каждом цикле в случайный или заданный момент времени в течение от нескольких секунд до 20-30 минут, неизбежен пропуск анализируемых веществ, появляющихся в контролируемой зоне в случайные интервалы времени между отборами проб. Вероятность пропуска будет тем больше, чем цикл контроля больше времени отбора пробы или чем большее число зон поочередно контролируется с помощью одного автоматического прибора. Для повышения информативности и достоверности контроля выявляют зависимости времени пробоотбора, цикла анализа и числа зон последовательно контролируемых с помощью одного прибора, от динамических свойств объекта контроля, определяемых спецификой технологических процессов, условиями функционирования оборудования, стабильностью производственной среды и уровнем ее загрязнения, кратностью воздухообмена в контролируемых зонах, временем пребывания в них обслуживающего персонала, токсикологическими характеристиками анализируемых веществ, вредными проявлениями адсорбции ЗВ на элементах систем пробоотбора, пробоподготовки и анализа. Каждый из этих факторов может стать определяющим при выборе критериев пробоотбора в конкретных условиях промышленного контроля загрязнения воздуха рабочих зон, жилых зон, выбросных газов [30, 31]. Например, в качестве главного критерия пробоотбора воздуха в вентилируемой рабочей зоне выбрано уравнение, связывающее цикл периодического анализа загрязнения воздуха $\tau_ц$ с периодом воздухообмена в ней $\tau_в$ [30]:

$$\tau_ц \le 0{,}5\,\tau_в, \qquad (1)$$

где $\tau_в = V_{пом}/Q_{пом}$,

$1/\tau_в = K_в$

$V_{пом}$ – объем помещения (контролируемой зоны), м³;

$Q_{пом}$ – воздухообмен, расход воздуха в помещении (контролируемой зоне), м³/ч;

$K_в$ – кратность воздухообмена в помещении.

В качестве второго критерия в этом примере может быть выбрана зависимость объема воздуха, отбираемого на анализ, от величины адсорбционных потерь. В промышленных хроматографах с НСП масса анализируемых веществ в пробе, достаточная для достоверного их определения, рассчитывается из соотношения

$$g_п = K_п \cdot v_п \cdot \tau_п \cdot C_{п0}, \qquad (2)$$

где $g_п$ – масса загрязняющих веществ на входе в хроматографическую колонку, мг;

$K_п = C_п/C_{п0}$ – коэффициент адсорбционных потерь;

$v_п$ – расход воздуха при пробоотборе, м³/ч;

$\tau_п$ – время пробоотбора, ч;

$C_{п0}$ – концентрация анализируемого вещества в воздухе контролируемой зоны, мг/м³;

$C_п$ – концентрация анализируемого вещества в пробе на входе в хроматографическую колонку, мг/м³.

В качестве третьего критерия пробоотбора в рассматриваемом примере может быть выбрана зависимость цикла контроля $\tau_ц$ от токсикологических характеристик анализируемых веществ. Для веществ III и IV класса опасности, обладающих кумулятивными свойствами, допустим НСП, при котором

$$\tau_ц >> \tau_в. \qquad (3)$$

При использовании и разового, и непрерывного способов сорбционного пробоотбора возможен проскок анализируемых примесей, если время пробоотбора $\tau_п$ будет больше времени сорбции анализируемых веществ до проскока через слой сорбента $\tau_{пр}$. Поэтому четвертым критерием отбора проб в рассматриваемом примере может быть соотношение

$$\tau_п < \tau_{пр}. \qquad (4)$$

Критериями получения правильных результатов измерений могут стать также выбор сорбента для НСП, его массы и размеров частиц, геометрических размеров ПСТ, режимов сорбции и десорбции.

Критерии обеспечения представительности пробоотбора не отражены ни в нормативных и руководящих документах [2-5], ни в учебно-методической литературе [20, 32].

Средства пробоотбора

Пробоотборные устройства для разового мгновенного и разового сорбционного пробоотбора известны [5, 34], как и автоматические газоаналитические приборы с непрерывным отбором проб [33]. Для НСП веществ, загрязняющих воздух, разработаны автоматизированные пробоотборники воздуха АПВ (рис. 5)

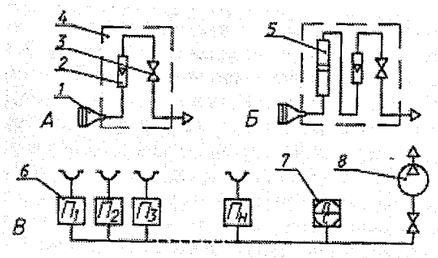


Рис. 5. Пробоотборники воздуха типа АПВ

А – пробоотборник АПВ-1; Б – пробоотборник АПВ-2;
В – схема включения пробоотборников

1 – сменная воронка с фильтром;
2 – ротаметр;
3 – регулирующий дроссель;
4 – панель;
5 – адсорбционная колонка;
6 – АПВ;
7 – регистрирующий вакуумметр;
8 – вакуум-насос

и автоматизированные пробоотборные устройства АПУ (рис. 6).

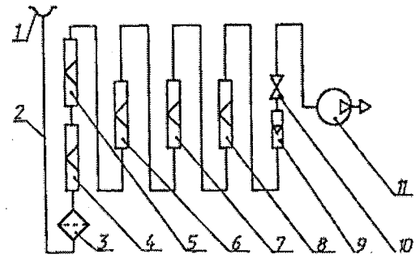


Рис. 6. Схема автоматизированного пробоотборного устройства АПУ 1113

1 – воздухозаборник;
2 – пробоотборная линия;
3 – фильтр аэрозолей;
4 – ПСТ катионов;
5 – ПСТ анионов;
6, 7, 8 – ПСТ газов;
9 – ротаметр;
10 – регулирующий вентиль;
11 – побудитель расхода воздуха

Постоянный расход контролируемого воздуха при НСП обеспечивается в них с помощью автономного вакуум-насоса 8 (рис. 5в) и установленного перед ним регулирующего вентиля 3 (рис. 5а), работающего в режиме критического сопла. АПВ-2 (рис. 5б) содержит соединенную последовательно с аэрозольным фильтром 1 адсорбционную колонку 5, которая служит для улавливания примесей кислых газов в контролируемой зоне. Пробоотборники АПВ, установленные в одном здании, соединены параллельно и подключены к одному вакуум-насосу. Пробоотборники АПВ используются для отбора среднесменных проб загрязняющих веществ в воздухе рабочих зон.

Автоматизированные пробоотборные устройства АПУ, предназначенные для отбора среднесуточных проб загрязняющих веществ в атмосферном воздухе, обеспечивают раздельную селективную сорбцию твердых аэрозолей, неорганических и органических газов в контролируемом воздухе. Через заданное время (смену, сутки) аэрозольный фильтр и пробоотборные сорбционные трубки снимают и заменяют новыми. Отработанные ПСТ отправляют в лабораторию для анализа [30].

В известных пробоотборных устройствах [34] регламентированы лишь диапазоны измерения расхода воздуха и погрешности его поддержания, а технические и метрологические характеристики самих сорбционных устройств и режимы сорбции не рассматриваются. По существу это только побудители расхода контролируемого воздуха. В отличие от них в АПВ и АПУ аэрозольные фильтры, адсорбционные колонки или пробоотборные сорбционные трубки являются средствами измерения, параметры которых и режимы адсорбции, а также десорбции выбираются экспериментально для каждого контролируемого объекта. Метрологические характеристики этих пробоотборных устройств устанавливаются и проверяются динамическими методами в условиях, соответствующих условиям их работы.

Непрерывные динамические методы метрологического обеспечения измерений в эколого-аналитическом контроле

Разработаны способы и устройства непрерывного приготовления поверочных газовых смесей (ПГС) с примесями анализируемых, в том числе агрессивных и легкосорбирующихся газов. Они оказались наиболее пригодными для метрологического обеспечения средств ЭАК. В них использованы смешивание газовых потоков, диффузионное дозирование и экспоненциальное разбавление анализируемых веществ, а также сочетание этих методов [35] (рис. 7-9).

Наибольшее применение получили диффузионные методы дозирования микропотоков анализируемых веществ с помощью фторопластовых стабильных источников микропотоков газов и паров (СИМГП)

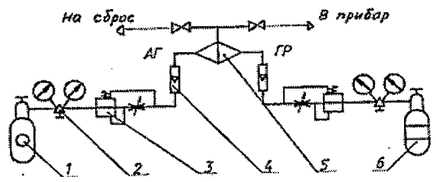


Рис. 7. Функциональная схема динамической газосмеси-тельной установки со смешиванием газовых потоков

1 – баллон с анализируемым газом;
2 – редуктор;
3 – регулятор расхода;
4 – ротаметр;
5 – смеситель;
6 – баллон с газом-разбавителем

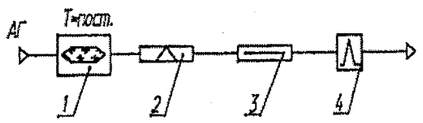


Рис. 8. Способ проверки и градуировки хроматографа для анализа примесей в воздухе методом диффузионного дозирования

1 – диффузионный дозатор с СИМГП «Микрогаз»;
2 – адсорбционная колонка;
3 – хроматографическая колонка;
4 – детектор;
АГ – анализируемый газ

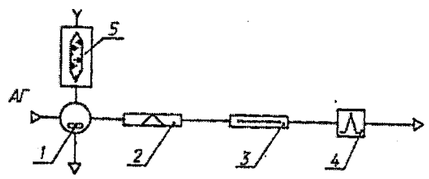


Рис. 9. Способ проверки и градуировки хроматографа для анализа примесей в воздухе методом экспоненциального разбавления

1 – экспоненциальный разбавитель;
2 – адсорбционная колонка;
3 – хроматографическая колонка;
4 – детектор;
5 – диффузионный дозатор;
АГ – анализируемый газ;
ГР – газ-разбавитель (азот, воздух)

«Микрогаз» и динамические установки серии «МИКРОГАЗ». В них на современной элементной базе с использованием наиболее коррозионностойких и обладающих наименьшей сорбционной способностью фторполимерных материалов реализованы непрерывные способы получения ПГС путём смешивания газовых потоков диффузионного дозирования и экспоненциального разбавления анализируемых веществ.

Заключение

1. Современному эколого-аналитическому контролю нужна новая идеология, новая нормативная база, обеспечивающая безопасность объектов промышленности, сельского и коммунального хозяйства и транспорта.

2. Главные задачи промышленного ЭАК, рассмотренные на примере контроля загрязнения воздуха, включают:

- непрерывный контроль экологически значимых параметров технологических процессов, например состава, концентрации и количества загрязняющих веществ в выбросных газах (организованных выбросах);
- непрерывный контроль неорганизованных выбросов, утечек ЗВ из технологического оборудования, газовыделений из химических веществ, материалов и изделий промышленного и бытового назначения;
- непрерывный контроль атмосферного воздуха рабочих, жилых и природоохранных зон;
- индивидуальный химический дозиметрический контроль.

3. Промышленные специализированные газохроматографические комплексы (ПСГК), основанные на НХМА, – одно из перспективных направлений решения этих задач. ПСГК обеспечивают единство и правильность измерений в ЭАК, позволяют осуществить достоверный статистический учет динамики загрязнения контролируемых объектов, а также их оперативный контроль.

4. Автоматизация основных операций анализа, унификация элементной базы аналитической аппаратуры обеспечивают надежность, точность, информативность и низкую стоимость анализа.

5. Промышленный газохроматографический эколого-аналитический контроль целесообразно выделить в самостоятельную отрасль аналитического приборостроения со своей научной, нормативной и производственной базами. Производственной базой может стать ФГУП Ижевский электромеханический завод, создавший мощное производство хроматографической аппаратуры. Научно-техническую поддержку ему могут обеспечить Научный совет по хроматографии и адсорбции РАН, Институт хроматографии Самарского государственного университета и ведущие центры хроматографического приборостроения: СКБ «Хроматэк», г. Йошкар-Ола; НПО «Химавтоматика», г. Москва, ОАО «Цвет», г. Дзержинск, Кирово-Чепецкий химический комбинат.

Примечания

1. Качество воздуха в крупнейших городах России за 10 лет (1988-1997). Главная геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова / Под ред. Э.Ю. Безуглой. СПб.: Гидрометеоиздат, 1999. 144 с.

2. ГОСТ 12.1.005-88. Система стандартов безопасности труда. Общие санитарно-технические требования к воздуху рабочей зоны. М.: Изд-во стандартов, 1988. 15 с.

3. ГОСТ 17.2.3.01-86. Охрана природы. Атмосфера. Правила контроля качества воздуха населенных пунктов. М.: Изд-во стандартов, 1987. 5 с.

4. ГОСТ 17.2.4.02-81. Охрана природы. Атмосфера. Общие требования к методам определения загрязняющих веществ. М.: Изд-во стандартов, 1981. 18 с.

5. РД-52.04.186-89.Руководство по контролю загрязнения атмосферы. М.: Госкомгидромет СССР, 1991. 693 с.

6. *Баскин З.Л.* Концепция непрерывного эколого-аналитического контроля // Химическая промышленность. 2001. Т. 311. С. 28-36.

7. *Золотов Ю.А., Кимстач В.А., Кузьмин Н.М., Нейман Е.Я., Попов А.А., Ревельский И.А.* Концепция химико-аналитического контроля объектов в окружающей среде // РХЖ. 1993. Т. XXXVII. № 4. С. 20-27.

8. *Кузьмин Н.М., Нейман Е.Я., Попов А.А.* Концепция эколого-аналитического контроля в РФ // Заводская лаборатория. 1993. Т. 59. № 4. С. 12-18.

9. *Попов А.А.., Качин С.В., Кузьмин Н.М.* Образ современного эколого-аналитического комплекса // Заводская лаборатория. 1994. Т. 60. № 4. С. 13-18.

10. *Попов А.А., Рыжнев В.Ю., Золотов Ю.А. и др.* Российские эколого-аналитические технологии // Приборы и системы управления. 1999. № 9. С. 3-12.

11. *Матвеев В.В., Стась К.Н.* Ядерное приборостроение и экологическая безопасность // Приборы и системы управления. 1995. № 11. С. 13-16.

12. Некоторые проблемы автоматизации химических производств и развития аналитического приборостроения. К 70-летию со дня рождения Н.Я. Фесты / НТРС «Автоматизация химических производств». М.: НИИТЭХИМ, 1982. Вып. 4. С. 1-10.

13. *Исидоров В.А.* Органическая химия атмосферы. СПб.: Химия, 1992. 288 с.

14. *Баскин З.Л.* Хроматографические методы и метрологическое обеспечение измерений в непрерывном эколого-аналитическом и технологическом контроле: Дис. ... д-ра тех. наук / ИФХ РАН. М., 1997. 187 с.

15. *Баскин З.Л.* Методы и аппаратура для промышленного газохроматографического анализа фторсодержащих газов. Аналитический обзор. М.: Цнииатоминформ, 1975. 53 с.

16. *Баскин З.Л.* Методы промышленного анализа примесей фторсодержащих газов в воздухе. Аналитический обзор. М.: Цнииатоминформ, 1975. 47 с.

17. *Другов Ю.С., Березкин В.Г.* Газохроматографический анализ загрязненного воздуха. М.: Химия, 1981. 256 с.

18. *Другов Ю.С., Родин А.А.* Газохроматографическая идентификация загрязнений воздуха, воды и почвы: Практическое руководство. СПб.: «Теза», 1999. 622 с.

19. *Другов Ю.С., Родин А.А.* Газохроматографический анализ газов: Практическое руководство. Изд. 2-е. СПб.: «Анатолия», 2001. 426 с.

20. *Другов Ю.С., Родин А.А.* Экологическая аналитическая химия: Учеб. пособие для вузов. Изд. 2-е. СПб, 2002. 464 с.

21. *Буров А.Н., Калмановский В.И.* Состояние и перспективы развития работ по созданию промышленных и лабораторных хроматографов: Доклад. Дзержинск: ДФОКБА, 1970. 12 с.

22. *Гольберт К.А., Вигдергауз М.С.* Курс газовой хроматографии. М.: Химия, 1967. 400 с.

22а. *Гольберт К.А., Вигдергауз М.С.* Введение в газовую хроматографию. М.: Химия, 1990. 352 с.

23. *Яшин Я.И.* Хроматографическое приборостроение в НПО «Химавтоматика» // Приборы и системы управления. 1999. № 9. С. 23-27.

24. Хроматографы. Хроматэк-Кристалл-2000 М.: Проспект СКБ Хроматэк. Йошкар-Ола, 2001.

25. *Баскин З.Л., Голубев А.Н.* Способ анализа примесей в газовом потоке: Авт. свид. СССР. G 01N, № 231203 (1968).

26. *Баскин З.Л., Голубев А.Н.* Способ хроматографического анализа газов: Авт. свид. СССР. G 01N, № 240326, 1969.

27. *Баскин З.Л., Лаптев А.Л., Лавринов А.А.* Промышленные анализаторы фторорганическх соединений в воздухе «ПАФОС» // Приборы. 2001. № 8. С. 20-23.

28. Экспресс-хроматографы серии «Эхо» // Проспект КТИ ГЭП СО РАН, 1999.

29. *Баскин З.Л.* Непрерывные хроматографические методы контроля загрязняющих веществ в воздухе // Журнал прикладной химии. 1997. Т. 70. Вып. 12. С. 2011-2015.

30. *Баскин З.Л.* Непрерывные методы пробоотбора при газохроматографическом определении загрязняющих веществ в воздухе // Журнал прикладной химии. 1997. Т. 70. Вып. 10. С. 1671-1677.

31. *Баскин З.Л.* Обеспечение качества эколого-аналитического контроля воздуха рабочих зон, жилых зон и выбросных технологических газов // Заводская лаборатория. 2002. Т. 68. № 2. С. 45-54.

32. Оценка и регулирование качества окружающей и природной среды: Учеб. пособие для инженера-эколога / Под ред. А.Ф. Порядина. М.: Прибой, 1996. 350 с.

33. *Тхоржевский В.П.* Автоматический анализ газов и жидкостей на химических предприятиях. М.: Химия, 1976. 272 с.

34. *Овчаренко Т.Б., Хоботова О.М.* Пробоотборные устройства в экоаналитическом контроле // Приборы и системы управления. 1999. № 9. С. 27-28.

35. *Баскин З.Л.* Непрерывные методы метрологического обеспечения газохроматографического контроля загрязняющих веществ в воздухе // Журнал прикладной химии. 1997. Т. 70. Вып. 10. С. 1678-1681.

Новые книги

Калинин Сергей Иванович

Средние величины степенного типа. Неравенства Коши и Ки Фана

Учебное пособие по спецкурсу

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 368 с.

Учебное пособие посвящено вопросам теории средних величин степенного типа. Рассматриваются среднее степенное и взвешенное среднее степенное положительных чисел, а также новый тип средних – так называемое двукратное среднее степенное и его «взвешенный» аналог. Большое внимание уделяется классическим неравенствам Коши и Ки Фана, связывающим арифметико-геометрические средние положительных чисел, приводятся их различные доказательства, иллюстрирующие собой принципиальные методы обоснования неравенств. Работа содержит новые исследования по тематике средних, часть которых публикуется автором впервые.

Пособие предназначено для студентов математических факультетов, аспирантов, научных работников, учителей математики, руководителей и участников математических кружков.

УЧЕНЫЕ – ШКОЛЕ

Е.А. Шишкин, С.А. Копосова

ПРОВЕДЕНИЕ ФАКУЛЬТАТИВА В 10-м КЛАССЕ ПО РЕШЕНИЮ ХИМИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

В статье раскрываются основные принципы организации и содержания школьного факультатива в 10-х классах по решению химических задач, его программа. Факультатив направлен на подготовку учащихся к участию во 2-м (районном) этапе Всероссийской олимпиады школьников по химии. В качестве примера приводится содержание одного из занятий.

Решение химических задач – важная сторона овладения знаниями основ науки химии. Значение решения задач в школьном курсе химии велико. Оно выполняет три функции обучения: образовательную, воспитательную и развивающую. Решение задач, во-первых, – это практическое применение теоретического материала и приложение научных знаний на практике; во-вторых, это прекрасный способ осуществления межпредметных и курсовых связей, а также связи химической науки с жизнью; в-третьих, при решении задач развивается кругозор, память, речь, мышление учащихся, формируется мировоззрение, происходит сознательное усвоение и лучшее понимание химических законов, теорий и явлений. Умение решать расчетные задачи является одним из показателей уровня развития химического мышления учеников, глубины усвоения ими учебного материала.

В последнее время появилась статья профессора В.В. Гузеева о задачном подходе к обучению [1], в которой автор предлагает изучать химию посредством решения задач, создавая их систему в соответствии с программой и учебником для данного класса. На первом месте в этой системе стоит задача и ее решение, а факты, конкретные вещества и их свойства рассматриваются по ходу решения и являются вторичными, то есть предлагается обратный процесс существующего обучения химии.

Но, несмотря на указанную огромную роль решения химических задач в овладении химическими знаниями, в ряде школ данному вопросу не уделяется должного внимания, поэтому большинство учащихся плохо решают расчетные и качественные задачи по химии. Выходом из создавшегося положения может быть организация факультатива.

Выбор этого факультативного курса определяется следующими важнейшими факторами: производственным окружением школы и ее местонахождением (в городе или селе); направленностью интересов учащихся и учителя; стремлением ряда учащихся научиться решать задачи, завоевать первые места в своей параллели на школьной олимпиаде, войти в состав участников второго этапа Всероссийской олимпиады школьников по химии и дальше, поступить в вуз, решив предложенные конкурсные задачи; характером трудовой подготовки учащихся, осуществляемой в школе; возможностью привлечения для изучения курса преподавателей вуза или студентов.

В населенных пунктах с несколькими средними школами такой факультатив может быть открыт на базе одной из хорошо оборудованных школ. Организация межшкольных факультативов возможна при кафедрах химии высших учебных заведений.

Школьники, изучающие факультатив по решению задач при кафедре химии высшего учебного заведения, как правило, стремятся после окончания школы поступить в этот вуз. Профориентационное значение подобных межшкольных факультативов очевидно.

Проведение факультатива по решению задач предусматривает в первую очередь подготовку школьников к участию в олимпиаде. Анализ работ участников 2-го и 3-го этапов Всероссийской химической олимпиады, а также содержание задач 4-го и заключительного этапов позволяет сделать вывод о том, что учащиеся должны иметь расширенные и углубленные знания по вопросам химии, изучаемые в школе; владеть знаниями школьных курсов физики и математики; располагать знаниями по ряду вопросов, выходящих за пределы школьной программы; владеть рядом знаний из истории химии; знать изменения в номенклатуре химических соединений; обладать методами логического мышления; представлять систему и структуру химической задачи; уметь проводить исследования текста задачи и ее анализ, составлять алгоритм (план) решения предложенной задачи.

На основе свойств олимпиадных задач и необходимых знаний участников II и III этапов Всероссийской олимпиады школьников по химии нами состав-

ШИШКИН Евгений Александрович – кандидат педагогических наук, профессор кафедры химии и МОХ ВятГГУ
КОПОСОВА Светлана Александровна – студентка V курса химического факультета ВятГГУ
© Е.А. Шишкин, 2003
© С.А. Копосова, 2003

лена программа факультативного курса для учащихся 10-го класса.

Введение (3-4 занятия).

Повторение основных положений решения олимпиадных задач: выяснение химической сущности задачи, анализ указанных в ней величин, их соотнесение к поиску неизвестного, умение выдвигать гипотезы, догадки и поиск путей их подтверждения или опровержения; пути анализа задачи, ее структура и ход решения, последовательность действий при этом.

1. Решение качественных задач (4-5 занятий).

Разнообразие качественных задач по химии. Аналитико-синтетический подход в их решении. Методические подходы к решению задач на превращение веществ, по наблюдению химических явлений, применение приборов и их конструирование.

Пути решения задач с веществами, названия которых скрыты за буквами А, В, С, Д и т.д.

Экспериментальное решение задач аналитического характера на определение вещества. Составление двух таблиц: теоретической (матрицы) и таблицы практически получаемых результатов. Техника выполнения решения – использование полумикрометода, составление плана решения в виде таблицы или схемы. Знания качественных реакций на катионы, анионы и функциональные группы.

2. Вопросы, выходящие за рамки школьной программы (5-6 занятий).

Задача – частный случай применения теоретических знаний. Понятия о стереохимии. Различные теории кислот и оснований. Знания этих теорий для решения олимпиадных задач.

3. Способы логических действий при решении сложных задач *(4-5 занятий).*

Ознакомление учащихся с методами логического мышления: сравнение и обобщение, аналогия, индукция и дедукция, анализ и синтез.

Логическое умозаключение при решении задачи, простые и сложные силлогизмы в процессе решения, выдвижение в задачах посылок и формулировка правильного (истинного) заключения.

Поиск «ключа» к решению задач, опора на логические умозаключения и знания, полученные при чтении научно-популярной литературы и учебных пособий.

Решение задач на смеси компонентов алгебраическим способом, широкое использование рациональных способов и записи его решения.

4. Олимпиадные задачи, включающие термохимические уравнения и расчеты на растворы (4-6 занятий).

Решение задач с использованием закона Гесса, энергии химических связей, постоянных термохимических величин (теплота образования вещества, его удельная теплоемкость, энтальпия, энтропия и энергия Гиббса). Задачи на растворимость веществ, перевод одного вида концентрации в другой. Определение концентрации растворов. Задачи, содержащие различные растворы, как среди реагирующих веществ, так и в продуктах реакции.

5. Решение нестандартных задач и заданий повышенной трудности (5-6 занятий).

Решение задач повышенной трудности на материале органической химии. Развитие химической логики при решении задач с «изюминкой», требующих нестандартного логического подхода, когда за условием на полстраницы кроется решение в полстроки.

6. Использование занимательности на занятиях факультатива.

Включение в различные занятия рассказов-задач, задач-загадок, химических сказок, шарад, занимательных случаев в истории химии, технические, тривиальные названия химических веществ, изменение правил номенклатуры в разное время истории химии.

Учитывая программу факультатива, объем знаний и умений ее участников, технология занятий по обучению школьников решению задач может быть разнообразной в зависимости от целей, которые ставит учитель, разрабатывая содержание занятия.

1. Первоначальные занятия, раскрывающие понимание структуры химической задачи и алгоритма действий при решении.

2. Основные занятия, предусматривающие расширение и углубление знаний в соответствии с учебным процессом на уроках.

3. Весьма важны знания по изучению вопросов, выходящих за рамки школьной программы.

4. Целесообразны занятия по овладению учениками логических методов мышления.

5. Обязательны тренировочные занятия, на которых учащимся предлагается самостоятельное решение задач с использованием справочной литературы.

6. Наконец, проведение комбинированных занятий.

Занятия могут включать доклады и сообщения учащихся, выступления приглашенных специалистов по отдельным теоретическим вопросам химии, при этом важно сочетание информационной передачи новых знаний с самостоятельной поисковой деятельностью учащихся по решению нестандартных задач.

Факультативные занятия предусматривают самостоятельную работу с учебными пособиями, справочниками, дополнительной литературой, периодическими изданиями, со словарями и энциклопедиями. Ученики должны найти в них необходимый теоретический материал, выходящий за пределы школьной программы. Наиболее подходящим для этого может быть учебник химии Н.Л. Глинки [2].

Начинать занятия факультатива необходимо с пояснения разнообразия олимпиадных химических задач и их структуры. Важность этого знания определяется тем, что участники олимпиады зачастую теряются в многообразии олимпиадных задач, не имея никаких ориентиров, что отрицательно сказывается на психическом состоянии школьников. Олимпиадные задачи, прежде всего, выделяются комбинированностью знаний из разных разделов химии, необходимых для решения: они часто имеют необычную форму изложения и оригинальность поставленного вопроса; требуют умения логически связывать отдельные химические явления и факты; сочетают иногда кажущуюся несерьезность формулировок со сложностью содержания задачи; в решении используется тесное переплетение химических знаний со знаниями физики и математики; в их тексты включают технические, бытовые и даже алхимические названия веществ; решения иногда предусматривают знания из истории химии; включают в содержание малоизвестные факты, не входящие в школьную программу; иногда химической задаче придает олимпиадный характер какой-нибудь термин или прием, на первый взгляд, не связанный с текстом задачи; олимпиадная задача может быть представлена как химическая головоломка, доставляющая удовлетворение от ее решения, привлечения внимания и возбуждающая живой интерес к предмету.

Среди большого числа необходимых знаний и умений для решения трудных задач олимпиадного характера значительное место занимает владение методами логического мышления. В процессе решения задачи всегда необходимо выявление закономерностей, установление связей и отношений между веществами и их свойствами. Часто в процессе решения приходится проводить различные умозаключения: аналогии, обобщения, индукцию и дедукцию. В ходе решения подобных задач идет сложная мыслительная деятельность учащихся, которая определяет развитие как содержательной стороны мышления (знаний), так и действенной (операций, действий).

Приведем в качестве примера одно из занятий, на котором учеников обучаем выведению формул веществ по известной массе некоторого объема газообразного вещества при нормальных условиях и при данных температуре и давлении. Учитель сообщает, что на этом занятии рассмотрим два способа вычисления молярной массы. Вспомните, как в курсе химии вы определяли плотность вещества? Ученик объясняет, что для вычисления плотности вещества на уроках физики они использовали формулу: $\rho = \frac{m}{V}$, значит, подставив это значение в формулу $M = \rho \cdot V_m$, мы получим: $M = \frac{m \cdot V_m}{V}$, а поместив полученное выражение в формулу $n = \frac{\omega \cdot M_r}{A_r}$, мы получим новую, позволяющую рассчитать число атомов каждого элемента в веществе. Значит, $n = \frac{\omega \cdot m \cdot V_m}{A_r \cdot V}$.

Затем ученикам предлагается самостоятельно решить задачу 1.

Задача 1. *При идентификации полученного вещества 250 мл его паров (н.у.) имеют массу 0,647 г. Качественный анализ показал, что в состав его входит 62% углерода, 10,3% водорода, остальное – кислород. Какова формула соединения?* [5].

V(газ)=0,25 л

m(газ)=0,647 г

ω(C)=0,620

ω(H)=0,103

Формула – ?

$n = \frac{\omega \cdot M_r}{A_r}$

$M = \frac{m \cdot V_m}{V}$

$M_r = \{M\}$

$n = \frac{\omega \cdot m \cdot V_m}{A_r \cdot V}$

$n(C) = \frac{0{,}62 \cdot 0{,}647 \cdot 22{,}4}{12 \cdot 0{,}25} = 3$ (атома)

$n(H) = \frac{0{,}103 \cdot 0{,}647 \cdot 22{,}4}{1 \cdot 0{,}25} = 6$ (атомов)

ω(O)=1–ω(C)+ω(H))

ω(O)=1–(0,62+0,103)=0,277

$n(H) = \frac{0{,}277 \cdot 0{,}647 \cdot 22{,}4}{16 \cdot 0{,}25} = 1$ (атом)

Формула $CH_3–CO–CH_3$

$A_r(C)=12$
$A_r(H)=1$
$A_r(O)=16$
$V_m=22{,}4$ л/моль

Ответ: формула $CH_3–CO–CH_3$ – ацетон.

В дальнейшем все задачи для самостоятельного решения мы будем проверять в форме защиты своего решения у доски перед классом.

Задача 2. *500 мл газа (н.у.) имеют массу 1,94 г. В состав газа входят 81,6% хлора и 18,4% кислорода. Выведите молекулярную формулу газа.*

Ответ: формула Cl_2O – оксид хлора (I).

Задача 3. *250 мл паров (н.у.) неизвестного вещества имеют массу 0,982 г. В составе вещества находится 54,55% углерода, 9,09% водорода и 36,36% кислорода. Рассчитайте формулу вещества* [6].

Ответ: формула C_3H_7–COOH – масляная (бутановая) кислота.

Следующий участник факультатива объясняет, что в олимпиадных задачах часто объем данной массы газа указывается при определенной температуре и давлении. В таком случае молярная масса вычисляется по уравнению Менделеева – Клапейрона: $\rho \cdot V = \frac{m}{M}$, откуда $M = \frac{m \cdot R \cdot T}{p \cdot V}$. Подстановка этого значения молярной массы в формулу $n = \frac{\omega \cdot M(в-ва)}{M(Эл)}$ позволит подсчитать число атомов элемента в веществе: $n = \frac{\omega \cdot m \cdot R \cdot T}{M(Эл) \cdot p \cdot V}$.

В ряде задач в соответствии с их текстом возможно применение объединенного газового закона: $\frac{p_0 \cdot V_0}{T_0} = \frac{p \cdot V}{T} \Rightarrow V_0 = \frac{p \cdot V \cdot T_0}{p_0 \cdot T}$ для вычисления объема газа при нормальных условиях, после чего предлагается задача для самостоятельного решения и проводится защита ее решения.

Задача 4. *Выведите формулу органического вещества, пары которого были взвешены в колбе при 20°С и 93,325 кПа, в ходе которого получили следующие результаты: объем колбы 293 мл, масса колбы с воздухом 48,369 г, масса колбы с парами вещества 48,537 г. Вещество состоит из 85,71% углерода и 14,29% водорода [7].*

V(колб)=0,293 л	$T=273K+t°$	$V_0 = \frac{93{,}325 \cdot 0{,}293 \cdot 273}{101{,}325 \cdot 293} = 0{,}25$ (л)
t°=20°C	$\frac{p_0 \cdot V_0}{T_0} = \frac{p \cdot V}{T}$	$\Delta m = 48{,}537 - 48{,}369 = 0{,}168$ (г)
T=293 K	$V_0 = \frac{p \cdot V \cdot T_0}{p_0 \cdot T}$	m_3(возд. в колбе)=1,2047·0,25=0,301 (г)
p=93,325 кПа	$\Delta m = m_2 - m_1$	m_4(пары в-ва)=0,301+0,168=0,469 (г)
m_1(с возд)=48,369 г	$m_3 = \rho \cdot V_0$	$m(в\text{-}ва) = \frac{22{,}4\,л \cdot 0{,}469\,г}{0{,}25\,л} = 42$ (г)
m_2(с в-вом)=48,537 г	$m_4 = m_3 + \Delta m$	$M(в\text{-}ва) = \frac{42\,г}{1\,моль} = 42$ г/моль
ω(C)=0,8571	$n = \frac{\omega \cdot M(в-ва)}{M(Эл)}$	$n(C) = \frac{0{,}8571 \cdot 42}{12} = 3$ (атома)
ω(H)=0,1429	$M = \frac{m}{\nu}$	$n(H) = \frac{0{,}1429 \cdot 42}{1} = 6$ (атомов)
Формула – ?		Формула C_3H_6

M(C)=12 г/моль
M(H)=1 г/моль
p_0=101,325 кПа
T_0=273 K
V_m=22,4 л/моль
ρ(возд)=1,2047 г/л

Ответ: формула C_3H_6 – пропен.

Аналогично предлагается решить самостоятельно две последующих задачи и защитить свое решение у доски.

Задача 5. *При идентификации полученного вещества его парами наполнили колбу объемом в 300 мл при температуре 107°С и давлении 101,3 кПа. Масса колбы с веществом оказалась 51,751 г. Эта же колба с воздухом при 27°С и 100 кПа имела массу 51,348 г. В состав вещества входят 47,05% углерода, 6,53% водорода, остальное – хлор. Какова формула полученного вещества?* [5].

Ответ: формула C_3H_5Cl – хлорпропен.

Задача 6. *В приборе для определения относительной молекулярной массы испарили 0,75 г вещества, пары которого вытеснили 291 мл воздуха при 18°С и 99,997 кПа. Какова формула этого вещества, состав которого включает 38,4% углерода, 4,8% водорода и 56,8% хлора [5].*

Ответ: формула C_2H_3Cl – хлорэтен.

Занимательная часть может быть включена в любом месте занятия по усмотрению учителя.

1. Опыты юного гения [8; с. 218].

Когда Ю. Либиху исполнилось 15 лет, его исключили из гимназии. Рассерженный отец решил отдать «лентяя» для обучения ремеслу аптекаря. Наставником Либиха стал некто Пирш, проживавший в Геппенгейме. Исключенный из учебного заведения, он стал очень прилежным и способным учеником, но смог продержаться у аптекаря только десять месяцев. Дело в том, что Либих самостоятельно исследовал и готовил гремучую ртуть. Однажды произошел взрыв: часть чердака дома, где размещалась аптека, оказалась разметанной на мелкие кусочки. Раздосадованный и разгневанный Пирш немедленно отослал Либиха домой.

2. Слова давно забытых дней, названия старины глубокой [9].

Тривиальное, старое название	Формула	Современное название в учебнике
Медный блеск, халькозин, сульфид закиси меди	Cu_2S	сульфид меди (I)
Бертолетова соль	$KClO_3$	хлорат калия
Нашатырь, хлористый аммоний	NH_4Cl	хлорид аммония

Домашнее задание

Задача 1. *В приборе для определения относительной молекулярной массы было испарено 0,3905 г жидкого вещества, пары которого вытеснили 112 мл воздуха при н.у. Какова формула соединения, если в нем массовая доля углерода 0,923, остальное – водород* [5].

Ответ: формула C_6H_6 – бензол.

Задача 2. *Масса неизвестного газа объемом 200 мл при н.у. равна 0,27 г. Какова формула газообразного вещества, если в его состав входит 80% углерода и 20% водорода?*

Ответ: формула C_2H_6 – этан.

Примечания

1. *Гузеев В.В.* О системе задач и задачном подходе к обучению // Химия в школе. 2001. № 8. С. 12-18.
2. *Глинка Н.Л.* Общая химия: Учеб. пособие для вузов / Под ред. В.А. Рабиновича. 27-е изд., стереотип. Л.: Химия, 1988.
3. *Николаенко В.К.* Классификация олимпиадных задач и общие подходы к решению некоторых типов задач //Химия в школе. 1986. № 6. С. 65.
4. Всероссийская химическая олимпиада школьников. 1992. III этап, 10-й класс.
5. *Семенов И.Н.* Задачи по химии повышенной сложности для абитуриентов: В 4 вып. Вып. 1. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 4 (задача № 6).
6. Современная химия в задачах международных олимпиад / В.В. Сорокин, И.В. Свитанько, Ю.Н. Сычев, С.С. Чуранов. М.: Химия, 1993. С. 11 (задачи №№ 1-14).
7. *Сорокин В.В., Загорский В.В., Свитанько И.В.* Задачи химических олимпиад. Принципы и алгоритмы решений /Под ред. Е.М. Соколовской. М.: Изд-во МГУ, 1989.
8. *Белеш П., Пумер В., Свободова М., Мажурова Г.Н.* 111 вопросов по химии для всех: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1994.
9. *Сидоров Е.П.* Химический справочник для поступающих в вузы. М.: Компания «Евразийский регион», 1998. С. 151-175.

Н.И. Исупова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБОГАЩАЮЩЕЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена обсуждению проблемы интеллектуального развития учащихся при изучении информатики. Рассматриваются существующие на сегодняшний день психологически ориентированные модели школьного обучения. Выделяется сравнительно новая обогащающая модель учебного процесса. Особое внимание уделяется перестройке содержания образования, в связи с чем рассматриваются психологические требования к конструированию учебных текстов. Обсуждается возможность организовать обучение информатике по типу обогащающего.

ИСУПОВА Наталья Ивановна – аспирант кафедры информатики и МОИ ВятГГУ
© Н.И. Исупова, 2003

...Все люди одинаково успешно могут овладеть любыми областями знаний. Дело не в способностях, а в организации процесса обучения.

Сеймур Пейперт

Проблема интеллектуального развития в процессе обучения далеко не нова, она рассматривалась практически на протяжении всей истории образования. Но сейчас она приобрела небывалую остроту в силу ряда причин. Долгое время школьное обучение было построено таким образом, что в нем ум отождествлялся со знанием. Такая ситуация, к сожалению, часто встречается и в современных школах: разными способами в ребенка пытаются «вложить» как можно больше разнообразных знаний. Однако быть знающим и быть умным – не одно и то же, недаром говорят, что «многознание уму не научает» (Гераклит). Умный, интеллектуально воспитанный человек не просто обладает широкими знаниями, но и эффективно использует весь свой внутренний опыт: интуицию, фантазию, чувства, жизненные впечатления для принятия решений. Хотелось бы, чтобы дети, окончив школу, были интеллектуально развитыми, то есть могли самостоятельно анализировать происходящее, были достаточно критичны, умели сравнивать, планировать, принимать решения и т.д.

Все это возможно, только если при обучении будет развиваться интеллект ребенка, будет повышаться его интеллектуальный уровень, а не простое (часто формальное) усвоение разнообразных знаний об окружающей действительности. Отечественный писатель Д. Гранин как-то заметил: «Образование – это то, что остается, когда все выученное забудется». А остается, вероятно, уровень интеллектуального развития человека.

Нужно отметить, что, несмотря на объективные трудности своего развития, российская школа практически на протяжении всей своей истории не прекращала попытки разработки и внедрения в практику обучения психологически ориентированных методических моделей, основанных как на зарубежном педагогическом опыте, так и на оригинальных разработках отечественных исследователей. В частности, можно выделить следующие основные методические модели, построенные с учетом психологических механизмов умственного развития учащихся, на которых в той или иной степени основываются различные технологии преподавания.

1. «Свободная модель». В процессе обучения в максимальной мере учитывается внутренняя инициатива ребенка. При некоторой помощи со стороны учителя ребенок тем не менее сам определяет интенсивность и продолжительность своих учебных занятий, свободно планирует собственное время, самостоятельно выбирает средства обучения. Какая-либо жесткая система педагогических воздействий отсутствует. Напротив, поощряется импровизация и детей, и учителя относительно как содержания, так и способов обучения. Ключевой психологический элемент – «свобода индивидуального выбора» (Р. Штайнер, Ф.Г. Кумбе, Ч. Сильберман – [8]).

2. «Диалогическая модель». Отмечается необходимость изменения содержания и формы школьного образования в направлении освоения детьми культурных основ человеческого познания. В центре внимания – целенаправленное развитие интеллекта учащихся, понимаемого в качестве «глубинно развитого разума». На первый план выходит формирование диалогизма как основного определения человеческой мысли (в виде диалога культур; диалога идей; диалога знания и незнания; диалога в сознании ученика голосов поэта и теоретика и т.д.). Отсутствует единая программа, не практикуются обычные отметки. Ключевой психологический элемент — «диалогичность индивидуального сознания» [14].

3. «Личностная модель». Основной задачей обучения является общее развитие учащихся. Организация учебного процесса подчиняется определенным взаимосвязанным принципам, таким, как обучение на высоком уровне трудности; ведущая роль теоретических знаний на начальном этапе обучения; быстрый темп изучения учебного материала; осознанный характер учения; одновременная работа по развитию слабых и сильных учащихся. Конечная цель – дать школьникам целостную картину мира с учетом трех основных линий общего психического развития ребенка: наблюдения, мышления и практических действий. Ключевой психологический элемент – «целостный личностный рост». Эта модель является основой личностно-ориентированных технологий обучения [4]. Разновидностью ее является система обучения, основанная на личностно-гуманном подходе к детям [1].

4. «Обогащающая модель». О ней речь пойдет дальше.

5. «Развивающая модель». В центре внимания оказывается перестройка учебной деятельности ребенка как на уровне содержания, так и на уровне формы ее организации с тем, чтобы обеспечить появление некоторых психологических новообразований, превращающих его в субъекта учебной деятельности. Так, ребенок снабжается новыми средствами учебной деятельности (например, в виде граф-схем, знаковых моделей, воспроизводящих общий принцип функционирования изучаемого явления). При этом, как правило, меняется и характер его учебной деятельности (например, он включается в квазиисследовательскую деятельность и т.п.). В итоге наблюдается рост самостоятельности в решении разнообразных познавательных и практических задач, отмечается развитие теоретического мышления и т.д. Ключевой психологический элемент – «способы деятельности». На этой модели основаны все современные технологии развивающего обучения [3].

6. «Структурирующая модель». Особое внимание уделяется организации учебной информации, в частности, созданию содержательных комплексов (блоков) в виде «укрупненных дидактических единиц» (УДЕ). УДЕ обладает качествами системности и целостности, устойчивостью во времени и быстрой актуализацией в памяти ученика. Обучение на основе укрупнения учебной информации предполагает совместное и одновременное изучение родственных разделов, взаимосвязанных действий и операций; самостоятельное усвоение школьниками знаний на основе сравнения, обобщения и аналогии; учет единства образного и логического в мышлении и т. д. Ключевой психологический элемент – «фреймовая организация знаний» [15].

7. «Активизирующая модель». Направлена на повышение уровня познавательной активности учащихся за счет включения в учебный процесс проблемных ситуаций, опоры на познавательные потребности и интеллектуальные чувства. В рамках этой модели учитываются два основных психологических фактора эффективности обучения: познавательная мотивация и мыслительная активность школьников в условиях разрешения учебных проблемных ситуаций. Ключевой психологический элемент – «познавательный интерес» [6].

8. «Формирующая модель». Основывается на утверждении, что влиять на умственное развитие ребенка – значит осуществлять целенаправленное управление процессом усвоения знаний и умений. При условии прохождения учеником всех его необходимых этапов с учетом специально организованной учителем ориентировочной основы действий можно гарантировать сформированность знаний и умений с наперед заданными качествами. Не составляет исключения и творческая деятельность, поскольку последняя, согласно данному подходу, является нормативным процессом, выполняемым на осознаваемом уровне, планомерно, теоретическим путем. Разновидностью этой модели является программированное и алгоритмическое обучение. Ключевой психологический элемент — «умственное действие» [9], [5].

Эти модели образуют своего рода иерархическую «лестницу» в зависимости от баланса двух составляющих: «мера свободы субъективного выбора ребенка – объем управляющих воздействий». Соответственно свободная модель отвечает критерию «максимум свободы субъективного выбора – минимум управляющих воздействий», а формирующая модель – критерию «минимум свободы субъективного выбора – максимум управляющих воздействий».

Все перечисленные модели, несомненно, способствуют повышению эффективности школьного обучения, поскольку на первом плане оказывается ребенок как субъект деятельности и основные педагогические усилия направляются на его познавательное и личностное развитие. Поэтому не удивительно, что на уровне конкретных методических приемов эти модели в той или иной степени пересекаются.

Однако проблема «чему и как учить» все же остается, в частности, возникает весьма серьезный вопрос: как, обучая, тем не менее гарантировать ребенку возможность свободного и конструктивного интеллектуального саморазвития с учетом своеобразия склада его ума? Ведь, формируя у ребенка «систему глубоких и прочных знаний», «способность решать задачи», «умственные действия с наперед заданными качествами», «научные понятия» и т.д., мы тем самым вольно или невольно предопределяем границы его личной интеллектуальной свободы. С другой стороны, предоставляя ребенку полную свободу действий и произвольно варьируя содержание его учебных занятий, мы рискуем превратить ученика в интеллектуального иждивенца, не способного к напряженной и продуктивной интеллектуальной работе.

Кроме того, одним из важнейших условий интеллектуального воспитания учащихся является перестройка содержания школьного образования. Традиционная школа решала следующую проблему: «Как обращаться с ребенком, чтобы он более охотно и успешно усваивал содержание образования?» Однако сейчас вопрос должен стоять принципиально иначе: «Каким должно быть содержание образования, чтобы ребенок плодотворно развивался?». Иными словами, не ребенок должен подстраиваться под содержание образования, а, напротив, содержание образования должно подстраиваться под ребенка. При этом имеется в виду не просто адаптация содержания школьного предмета к индивидуальным и возрастным особенностям школьников, а именно кардинальная его перестройка в направлении учета реальных психологических механизмов интеллектуального развития личности.

Решение этих вопросов (хотя бы частичное) берет на себя так называемая «обогащающая модель» обучения. Ее основным назначением является интеллектуальное воспитание учащихся за счет актуализации и усложнения ментального (умственного) опыта ребенка. Данная модель разработана психологами-методистами Э.Г. Гельфман, М.А. Холодной, Л.Н. Демидовой и др. в рамках школьного обучения математике [2], [7], [10], [11], [12], [13]. В рамках внеучебной деятельности идея обогащения ментального опыта ребенка реализована в программе Дж. Рензулли «Открытый мир» применительно к работе с одаренными детьми [17] и в программе Р. Фейерштейна «Инструментальное обогащение», ориентированной на формирование необходимых когнитивных навыков у отстающих в познавательном развитии учащихся [16].

Коротко суть интеллектуального воспитания в рамках «обогащающей модели» обучения может быть представлена в ряде следующих положений:

1) у каждого ребенка есть свой специфический набор интеллектуальных способностей, то есть каждый

ребенок является носителем некоторого ментального опыта. Состав и строение этого опыта различны, поэтому дети, безусловно, различаются по своим интеллектуальным возможностям;

2) адресатом педагогических воздействий в условиях школьного образования являются особенности состава и строения индивидуального ментального опыта (в том числе его когнитивные, метакогнитивные и интенциональные компоненты), поэтому обучение в рамках данной модели предполагает целенаправленный учет основных линий обогащения умственного опыта учащихся;

3) механизмы интеллектуального развития личности связаны с процессами, идущими в пространстве индивидуального ментального опыта и характеризующими его перестройку и обогащение, следствием чего является рост индивидуальных интеллектуальных способностей, то есть процесс обучения должен быть построен с учетом объективных психических закономерностей развития ребенка и его действий;

4) каждый ребенок имеет свой диапазон возможного наращивания интеллектуальных сил, и задача учителя заключается в оказании ему необходимой помощи средствами индивидуализации учебной и внешкольной деятельности ребенка, в создании условий, соответствующих его интеллектуальному росту за счет максимально возможного обогащения его ментального опыта;

5) критерии эффективности учебного процесса, наряду с ЗУН, связаны с мерой выраженности базовых интеллектуальных качеств личности, таких, как *компетентность*, *инициатива*, *творчество*, *саморегуляция*, *уникальность склада ума* (КИТСУ).

Интеллектуальная компетентность – это особый тип организации знаний, обеспечивающий возможность принятия эффективных решений в конкретной области деятельности.

Интеллектуальная инициатива – это желание самостоятельно, по собственному побуждению отыскивать новую информацию, выдвигать те или иные идеи, осваивать другие области деятельности.

Интеллектуальное творчество – это процесс создания субъективно нового, основанный на способности порождать оригинальные идеи и использовать нестандартные способы деятельности.

Интеллектуальная саморегуляция – это умение произвольно управлять собственной интеллектуальной деятельностью и, главное, целенаправленно строить процесс самообучения.

Уникальность склада ума – это индивидуально своеобразные способы интеллектуального отношения к происходящему, в том числе индивидуализированные формы взаимокомпенсации слабых и сильных сторон своего интеллекта, выраженность индивидуальных познавательных стилей, сформированность индивидуальных интеллектуальных предпочтений.

Таким образом, КИТСУ – это определенная система показателей интеллектуального развития личности, в которых отражаются особенности индивидуального ментального опыта и которые характеризуют уровень развития индивидуальных интеллектуальных возможностей.

Соответственно в рамках предлагаемого методического подхода решаются две основные задачи:

1) создание условий для актуализации наличного ментального опыта конкретного ученика (учет предпочитаемых способов кодирования информации, наличных когнитивных схем, особенностей имеющейся базы знаний, уровня сформированности житейских и научных понятий, своеобразия интеллектуальной саморегуляции и исходных интенций, индивидуального интеллектуального темпа, баланса конвергентных и дивергентных способностей, резервов обучаемости, доминирующего познавательного стиля и т.д.);

2) создание условий для усложнения, обогащения и наращивания индивидуального ментального опыта этого ученика в максимально возможных пределах (формирование умения работать в режиме использования разных модальностей опыта, расширение набора когнитивных схем, дифференциация и интеграция системы индивидуальных значений, формирование понятийных психических структур, развитие основных компонентов метакогнитивного и интенционального опыта, а также создание условий для освоения широкого репертуара различных познавательных стилей).

Как уже отмечалось выше, особое внимание в условиях интеллектуального воспитания учащихся должно уделяться содержанию образования. Поэтому в рамках обогащающей модели ключевым звеном в образовательном процессе считается учебник. Авторы модели утверждают, что тексты учебных пособий, отражая структуру научного знания, в то же время по форме, содержанию и особенностям организации должны быть «проекцией» основных линий интеллектуального развития личности. Поэтому учебник должен представлять собой не привычный «справочник плюс задачник», а своего рода интеллектуальный самоучитель, построенный с учетом следующих требований:

1. Изменена общая конструкция учебного текста, которая представлена в виде сюжетных историй либо с использованием элементов интеллектуальной игры в виде мысленного эксперимента, самостоятельного исследования, моделирования и т.д. Учебник-самоучитель предполагает максимальную мотивационную вовлеченность ученика в работу с текстом. Ясно, что форма традиционного учебника, сделанного по типу «справочник-задачник», этому условию не отвечает. Напротив, при работе с сюжетным текстом либо занимаясь моделированием экологической ситуации, ученик включается в качестве активного участника в происходящие в тексте события, связанные с усвоением тех или иных понятий. Например, при введении учащихся в тему «Базы данных» можно предложить

такую ситуацию: вместе с учащимися попробовать организовать информационную систему, с помощью которой можно будет осуществлять хранение, поиск и отбор их любимых песен. В ходе обсуждения объектов, входящих в эту систему, их свойств и т.д. вводятся основные понятия баз данных.

2. Содержание учебного текста является психологически многоуровневым, поскольку отдельные его фрагменты обращены к разным компонентам ментального опыта ребенка. В частности, текст учебных пособий организован так, что в нем представлены аналитико-логическая, образная, практическая, алгоритмическая, «невозможная» линии ведения учебного материала для детей с разными познавательными стилями. Например, при изучении темы «Измерение информации» важно рассмотреть различные вводимые меры измерения информации (прагматическую, семантическую, вероятностную), а не ограничиваться только вероятностным подходом, который представляет ярко выраженную аналитико-логическую линию, в то время как семантический подход может показаться ребятам более практическим. Кроме того, учебная информация представлена в разных формах – в виде объяснительного текста, тематического словаря, справочных материалов, углубленного дополнительного материала, практикума с возможностью выбрать задания разной степени сложности и вариативности: если ты логик – докажи свои постулаты; если визуал – изобрази это в виде схемы, нарисуй понятие в образе; а если у тебя поэтическое мировосприятие – напиши, например, оду на рассматриваемую тему. Далее, текст характеризуется сочетанием инструктивного и самостоятельного, алгоритмического и проблемно-исследовательского режимов обучения. Это реализовать, наверное, сложнее, так как информатике присущ в основном алгоритмический стиль обучения.

3. Учебный материал предъявляется по принципу «текст в контексте», а именно: научные сведения излагаются в ненаучном контексте с использованием психологических комментариев, размышлений физика, афоризмов, историко-культурных материалов, текстов «от автора», игровых ситуаций и т.д. Избыточность контекста – важное условие для создания смыслового пространства в рамках учебного текста, чтобы ученик имел возможность усваивать различные понятия в более широких мировоззренческих и межпредметных связях. Так, при изучении понятия информации даются самые различные определения и примеры из многих отраслей человеческой деятельности: на бытовом уровне, в технике, в кибернетике, в теории семантики, в генетике, в документалистике, в теории информации и т.д.

4. Вместо задач используются обучающие задания, которые характеризуются наличием определенного психологического адресата (например, в виде основных компонентов понятийного мышления, определенных метакогнитивных навыков и т.д.); отсутствием жесткой заданности условий и требований; наличием предварительной мотивировки, многовариантностью исходных данных и путей их рассмотрения; ориентацией ребенка на анализ своих решений посредством уточняющих, проблемных вопросов и т.д.

5. Последовательное и медленное изложение учебного материала. Почему освоение того или иного понятия, операции, теоремы идет с отступлениями и детальным обсуждением самых разных аспектов вводимого объекта? Потому что главное в учебной деятельности ученика – это понимание им того, что он изучает, и того, что с ним происходит в процессе этого изучения. Однако понимание не может быть результатом одномоментных логических действий, оно является следствием состояния ума ребенка, к которому его еще надо подвести за счет соответствующей организации его ментального опыта. Поэтому изучение нового материала идет медленно, с отступлениями, обсуждениями различных подходов и т.д.

6. Предоставление ученику максимально возможной самостоятельности в процессе изучения материала. При этом меняется распределение ролей на уроке: вместо привычной позиции «учитель впереди ученика» появляется позиция «ученик впереди учителя». Отпустив ребенка вперед, учитель убеждается в том, что даже пятиклассники могут быть активными организаторами и даже соавторами урока, что они могут учить друг друга. В принципе, информатика как никакой другой предмет может в полной мере реализовать такую возможность, так как здесь на помощь учителю и детям приходит новый объект – компьютер, который не только используется как инструмент, но и является активизатором обратной связи в цепочке «ученик – учитель».

7. Основная часть учебных текстов организована в виде прямых и косвенных диалогов (общаются между собой персонажи сюжетных историй, через текст идут постоянные обращения к ученику как читателю и т.д.). Ребенок привыкает учитывать точку зрения собеседника (героя с «другим» взглядом на учебную проблему), подбирать точные и понятные формулировки для своих мыслей. Предполагается, что к старшим классам диалог должен перерасти в полилог (способность думать над проблемой в условиях существования множества точек зрения), который, в свою очередь, должен в своем развитии перейти в способность к конструктивному монологу (способности обсуждать проблему с самим собой в режиме диалога и полилога). Таким образом, диалогичность в качестве базового интеллектуального качества способствует формированию такой формы метакогнитивного опыта, как открытая познавательная позиция, разрушая тем самым эгоцентрический, субъективированный взгляд на мир. Кроме того, диалогичность стимулирует актуализацию и развитие интенционального опыта, поскольку способность к конструктивному монологу делает ребенка более восприимчивым к нюансированным состояниям собственного ума.

9 Заказ 1831

Итак, рассматриваемая «обогащающая модель» преподавания рассчитана на то, что, обучая школьников на основе специально сконструированных учебных текстов, можно выстроить систему индивидуальных интеллектуальных средств, способствующих росту интеллектуальных возможностей каждого ребенка. В частности, можно обеспечить обогащение индивидуального ментального опыта в направлении формирования его когнитивных, метакогнитивных и интенциональных компонентов, а также за счет создания условий для роста индивидуального своеобразия склада ума. Подобного рода обогащение ментального опыта учащихся приведет к тому, что их индивидуальные интеллектуальные возможности к концу завершения образования в средней школе будут в той или иной мере отвечать КИТСУ-критериям (критериям компетентности, инициативы, творчества, саморегуляции, уникальности склада ума).

Предлагаемая модель обучения существенным образом отличается от традиционной системы (сравнительная характеристика традиционного и обогащающего обучения по основным компонентам дидактической системы приведена в таблице).

Вместе с тем она имеет много общего с другими, разработанными ранее психологически ориентированными моделями обучения. В частности, как и в личностной модели, здесь обучение ориентируется на личность ребенка. Ключевой психологический элемент развивающей модели — «способы деятельности» – присущ также и обогащающему обучению, в котором разнообразным способам деятельности уделяется значительное внимание. Кроме того, предполагаемое обогащение когнитивного, метакогнитивного и итенционального опыта учащихся дает основание утверждать, что обогащающая модель является в то же время и активизирующей, поскольку способствует повышению уровня активности учащихся за счет включения в учебный процесс проблемных ситуаций, опоры на познавательные потребности и интеллектуальные чувства. Есть в обогащающем обучении и элементы формирующей модели, например, осуществляется целенаправленное управление процессом формирования понятий, который включает пять основных последовательных этапов: мотивировка, категоризация, обогащение, перенос, свертывание. Отличительной же особенностью обогащающей модели является опора на индивидуальный ментальный опыт ребенка, на его актуализацию и обогащение, а основной задачей интеллектуального воспитания считается возможность помочь ребенку сформировать собственный ментальный мир. Имея же необходимые интеллектуальные ресурсы, ребенок впоследствии самостоятельно сможет решить, над чем и как он будет думать.

Компоненты дидактической системы	Традиционная дидактика	Обогащающая модель обучения (МПИ)
Цели обучения	Познавательные	Психологические – обогащение интеллекта
Содержание образования	Школьный предмет как система научных фактов, понятий, правил. Учебник как справочник	Школьный предмет как особое мировоззрение. Учебник как интеллектуальный самоучитель
Критерии эффективности	Знания. Умения. Навыки	Компетентность. Инициатива. Творчество. Саморегуляция. Уникальность склада ума
Методы обучения	Информационные. Иллюстративные. Вопросно-ответные методы решения проблем	Развивающие. Диалоговые. Исследовательские. Рефлексивные
Функции учителя	Трансляция общественного опыта	Проектирование путей индивидуального интеллектуального развития учеников
Урок	В главной роли – учитель	В главной роли – ученик
Прямой адресат дидактических воздействий	База знаний. Формально	Индивидуальный умственный опыт

В заключение нужно отметить, что рассматриваемая обогащающая модель обучения представляется достаточно интересной, поскольку основной своей целью имеет интеллектуальное развитие личности в процессе обучения, а это одна из наиболее острых проблем школьного образования в настоящее время. Как уже говорилось ранее, эта модель реализована в рамках школьного обучения математике, и, как отмечают авторы, прошла довольно успешную апробацию, показав хорошие результаты [2]. Поэтому возникает желание попробовать перенести эту модель на другие предметы школьного обучения (в частности на информатику). Однако уже на данном этапе ясно, что при попытке организовать обучение информатике по типу обогащающего произойдут некоторые изменения в структуре модели. Некоторые ее требования довольно легко представить выполненными в информатике, например, такие, как предоставление ученику максимально возможной самостоятельности в процессе изучения материала, последовательное и медленное изучение материала. В то же время конструирование учебного текста с учетом принципов психологической многоуровневости, диалогичности, сюжетного содержания пока вызывает некоторые затруднения и сомнения в возможности осуществления. Тем не менее есть некоторые основания (пока теоретического характера) полагать, что успешная реализация такой модели обучения на примере изучения информатики может предложить несколько иную методику ее преподавания, положительно повлияв на интеллектуальное развитие учащихся.

Примечания

1. *Амонашвили Ш.* Педагогическая симфония. Ч. I-III. Екатеринбург, 1993.
2. *Гельфман Э.Г. и др.* Психологическая основа конструирования учебной информации (проблема интеллектоемких технологий преподавания) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 35-45.
3. *Давыдов. В.В.* О понятии развивающего обучения. Томск: Пеленг, 1995.
4. *Занков Л.В.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1990.
5. *Калошина И.П.* Структура и механизмы творческой деятельности (нормативный подход). М.: Педагогика, 1983.
6. *Матюшкин А.М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Педагогика, 1972.
7. Обогащающая модель обучения в проекте МПИ / Сост. Э.Г. Гельфман, Л.Н. Демидова и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998.
8. Одаренные дети / Под ред. Г.В. Бурменской, В.М. Слуцкого. М.: Прогресс, 1991.
9. *Талызина Н.Ф.* Управление процессом усвоения знаний. М.: Педагогика, 1975.
10. *Холодная М.А.* Интегральные структуры понятийного мышления. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983.
11. *Холодная М.А.* Когнитивные стили и интеллектуальные способности // Психологический журнал. 1993. Т. 13. № 3. С. 84-93.
12. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
13. *Холодная М.А.* Сочини для себя задачу! (О том, как на уроке пропустить ученика вперед) // «Первое сентября». 2000. № 92.
14. Школа диалога культур. Идеи. Опыт. Проблемы / Под ред. В.С. Библера. Кемерово: Алеф, 1993.
15. *Эрдниев П.М., Эрдниев Б.П.* Обучение математике в школе. Укрупнение дидактических единиц. М.: Просвещение, 1996.
16. *Feuerstein R.* The theory of structural cognitive modifiability // Learning and thinking styles: Classroom interaction / Ed. B.Z. Presseisen. Washington, D.C.: Nat. Educat. Association, 1990. P. 68-134.
17. *Renzulli J.S., Reis S.M.* The schoolwide enrichment model. Mansfield Center, CT: Great. Learning press, 1984.

С.Б. Башмакова

КОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА УЧИТЕЛЯ В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье предпринята попытка дать научное определение коррекционной деятельности учителя общеобразовательной школы. Освещены основные подходы к понятиям «деятельность» и «коррекция». Коррекционная работа рассматривается с точки зрения современной методологии в теории деятельности. Представлена модель содержания коррекционной работы. Статья рассчитана на преподавателей и студентов педагогических вузов, учителей общеобразовательных школ, педагогов-дефектологов.

Сегодня много говорят о личностно-ориентированном, развивающем образовании как о новой парадигме российского образования. Перед педагогикой возникает проблема организации обучения, обеспечивающего развитие каждого ребёнка. К сожалению, в последнее время в общеобразовательной школе резко увеличивается число детей, нуждающихся в специальных условиях, предупреждающих формирование негативных отклонений в их развитии. В связи с этим остро встаёт вопрос о необходимости совершенствования работы учителя, внесения изменений во все её элементы на основе требования учёта не только возрастных, но и индивидуально-типологических различий между детьми одного возраста. Такой возможностью является коррекционная работа как специально организованная деятельность учителя.

Категория деятельности является ключевой в понимании человека, его сущностных и социальных характеристик. Современные философы и психологи

БАШМАКОВА Светлана Борисовна – аспирант кафедры социальной работы, сервиса и туризма ВятГГУ
© С.Б. Башмакова, 2003

дают разные определения понятию «деятельность», выделяют существенные свойства деятельности, присущие любому её виду и имеющие объективно-субъективное значение. Исследователи называют такие свойства деятельности, как целеполагание, предметность, осмысленность, преобразующий характер (В.П. Иванов, А.Н. Леонтьев, Г.И. Щукина и др.). Эти свойства составляют сущность деятельности любого вида. Они выражают единство объективного и субъективного в деятельности. Каждый вид деятельности по необходимости выявляет всеобщие, универсальные характеристики деятельности и может быть объяснен лишь на основе их.

Согласно другой концепции, центром деятельности являются субъективно-объективные отношения (К.А. Абульханова-Славская, П.Г. Ананьев, М.С. Каган, Б.Ф. Ломов, В.И. Слободчиков и др.)

Для педагогического процесса и построения теории деятельности в педагогике значение имеют исследования об общественной сущности человека, о преобразующей, изменяющей мир деятельности людей, поскольку личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает. Опираясь на общую теорию деятельности, разрабатываемую на теоретическом уровне философией, психологией, социологией, деятельностный подход в педагогической теории и практике открывает значительные реальные возможности построения образовательных процессов. Одну из таких возможностей мы видим в использовании коррекционной деятельности как одного из видов профессиональной деятельности педагогов.

Вопросы сущности и содержания коррекционной работы, процесс определения основополагающих компонентов и ведущих направлений деятельности, особенности проведения диагностики и технологии коррекционного процесса являются предметом изучения научных отраслей специальной психологии и педагогики, объектом пристального внимания дефектологической науки. Вместе с тем с активизацией психолого-педагогических исследований различных категорий детей, выявлением у них психофизиологических отклонений, как в норме, так и в патологии, увеличением в общеобразовательной школе контингента детей, требующих особого педагогического внимания и специального педагогического воздействия, возрастает необходимость более целенаправленного подхода к разработке сути коррекционно-педагогической деятельности.

Термин «коррекция» как определенная форма психолого-педагогической деятельности приходит, прежде всего, в специальную педагогику и применяется в отношении детей, имеющих те или иные варианты аномального развития.

В специальной литературе понятие «коррекция» трактуется как система специальных педагогических мероприятий, направленных на преодоление или ослабление недостатков психофизического развития детей, сориентированных на исправление не только отдельных нарушений, но и формирование личности детей в целом для достижения положительного результата в процессе их обучения, воспитания и развития.

Достаточно глубоко психолого-педагогическую сущность коррекционной деятельности и её профилактическую направленность раскрыли психологи и психотерапевты (С.А. Бадмаев, Г.В. Бурменская, О.А. Карабанова, А.Г. Лидерс, А.С. Спиваковская и др.), которые видят коррекцию как особым образом организованное психологическое воздействие, осуществляемое по отношению к группам повышенного риска и направленное на перестройку, реконструкцию тех неблагоприятных психологических новообразований, которые определяются как психологические факторы риска, на воссоздание гармоничных отношений ребенка со средой.

Несмотря на то, что понятие термина «коррекция» широко и достаточно глубоко проработано представителями общей, возрастной, педагогической психологии, такими, как Л.В. Занков, Ж.И. Шиф, В.И. Лубовский, С.Я. Рубинштейн и др., наибольшее содержательное значение его раскрыто в научных трудах специальных педагогов, в частности олигофренопедагогов (Г.М. Дульнев, В.Г. Петрова, Б.И. Пинский, С.Л. Мирский и др.)

«Дефектологи видят в коррекционном процессе главную цель – устранение или уменьшение рассогласования между установленной (нормальной) и реальной (имеющей отклонения) деятельностью ребёнка. Поэтому важным в коррекции являются правильный учёт величины и характера рассогласования и оперативное исправление этого несоответствия между нормой и отклонением. Коррекция рассматривается как путь или способ преодоления и ослабления психофизических недостатков через формирование соответствующих жизненно необходимых качеств в ходе учебно-воспитательного процесса или различных видов деятельности учащихся» (А.Д. Гонеев).

Представители специальной (коррекционной) педагогики приходят к выводу, что не существует отдельной программы коррекционной работы, что она проводится на том учебном материале, который является содержанием того или иного предмета, то есть следует говорить о коррекционной направленности образовательного процесса. Большое количество авторов рассматривают отдельные виды обучения как фактор коррекции психического развития аномальных детей. «Сердцевиной специальной образовательной работы с детьми, имеющими отклонения в развитии, является коррекционный подход», – констатирует положение дел В.В. Коркунов. По его мнению, коррекция недостатков развития ребенка непосредственно в процессе учебно-воспитательной работы с ним является наиболее существенным моментом отечественной модели оказания педагогической помощи детям. В.В. Коркунов указывает на неоспоримые достижения специальной педагогики, проявляющиеся в глубокой проработке механизма коррекции познавательной деятельности в процессе обучения. Вместе с тем он считает, что «коррекционная педагогика» до сих пор не определилась в трактовке понятия «коррекция». Это утверждение базируется на существовании разнообразных взглядов на суть коррекции. В частности, В.В. Коркунов выделяет «два взгляда»:

1. Считается, что «специально организованное обучение предполагает коррекцию познавательных процессов, способствующих развитию регулирующей функции коры головного мозга, тем самым будут найдены обходные пути исправления других нарушенных функций.

2. Процесс обучения должен быть направлен на исправление деятельностных сторон личности детей, и как результат этого – приближение их к норме».

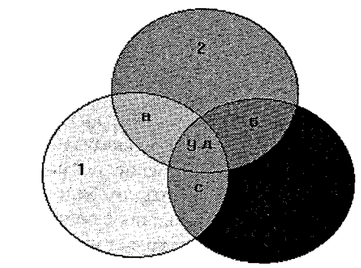
Следует согласиться с автором этих строк, так как в реальной практической деятельности определить эффективность коррекционной работы как степень развития регулирующей функции коры головного мозга ребенка в результате коррекционного воздействия учебно-воспитательного процесса достаточно сложно. Поэтому вслед за В.В. Коркуновым следует признать большую значимость для теории и практики коррекционной работы второго взгляда.

Таким образом, под коррекцией понимается исправление или ослабление недостатков деятельностных сторон личности детей, имеющих отклонения в развитии, осуществляемое в образовательном процессе, на учебном материале, являющемся содержанием учебных предметов, путем использования системы специальных педагогических приемов.

Педагогический анализ построения коррекционной деятельности с учетом своеобразия образовательного процесса рассматривается нами с точки зрения структуры феномена деятельности, представленного В.И. Слободчиковым: Деятельность = Ресурс – Потенциал – Действие – Условия – Цель, где первые три элемента – структура субъекта деятельности, а последние три – структура объекта. Обучение младших школьников всегда двусторонний процесс. Его успешность зависит от согласованности деятельностей двух субъектов – учителя и ученика. Трудности обучения детей с нарушениями в развитии обусловлены несоответствием их психофизических особенностей как потенциала деятельности и условиями обучения, организуемыми учителем на уроках. Рассогласование субъект-объектных отношений, где потенциальные возможности ребенка – субъектная характеристика, а условие обучения – объектная, приводит к нарушению его учебной деятельности.

В свою очередь, работа учителя, направленная на создание педагогических условий, учитывающих психофизические особенности ребенка, будет коррекционной, целью которой является формирование полноценной учебной деятельности как источника развития ребенка, а объектом коррекционной деятельности – обучение с помощью специальных приемов, учитывающих особенности учебной деятельности детей, обусловленные их психофизическим развитием. Субъектом коррекционной деятельности может стать только тот учитель, который обладает ресурсами и потенциалом для осуществления данной деятельности, где ресурсами, источниками возможного действия будет знание причин, вызывающих нарушение учебной деятельности детей, особенностей их проявления и приемов коррекционной работы. Умения диагностировать нарушения в развитии ребенка и строить учебный процесс с учетом психофизических особенностей школьников, подкрепленные внутренними побуждениями, станут потенциалом коррекционной деятельности.

Содержание деятельности – необходимый компонент структуры. По определению В.И. Слободчикова, всякое содержание (а это всегда со=держание) определяется, с одной стороны, вполне конкретной предметностью (тем, что держат), а с другой – своей ориентацией на субъектов (кто и как держит). Поэтому



Основные блоки:
1) диагностический;
2) дидактический;
3) лекционно-просветительский.

Соединящие блоки:
а) диагностико - коррекционный;
б) самостоятельная учебная деятельность;
в) диагностико - консультативный.

Рисунок. Содержание коррекционной работы учителя

содержание коррекционной работы учителя можно представить в виде схемы (см. рисунок), которая представлена тремя основными блоками: диагностическим, коррекционно-дидактическим, и лекционно-просветительским (или блоком работы с родителями). Все направления не изолированы друг от друга, а являются частью целой системы, взаимосвязь и взаимовлияние компонентов которой осуществляются на основе принципов коррекционно-педагогической деятельности.

Диагностико-коррекционный блок обеспечивает реализацию принципа единства диагностики и коррекции, так как невозможно вести эффективную и полномасштабную коррекционную работу, не зная исходных данных об объекте, трудно подобрать необходимые методы и приемы коррекции. Диагностико-консультативный блок реализует принцип интеграции усилий ближайшего социального окружения. Ребенок не может развиваться вне социального окружения, он активный его компонент, составная часть целостных социальных отношений. На пересечении блоков работы с родителями и дидактического находится организация самостоятельной учебной деятельности младшего школьника. Здесь реализуется деятельностный принцип коррекции. Он определяет тактику проведения коррекционной работы и способы реализации поставленных целей, подчеркивая, что исходным моментом в их достижении является организация активной деятельности ребенка, создание необходимых условий для её осуществления.

Таким образом, все направления коррекционной работы организованы так, что связью, сердцевиной, центром пересечения их становится учебная деятельность школьников, коррекция, которой как результат работы учителя, выражает итоги взаимосвязи всех структурных компонентов построения деятельности и уровень достижения цели.

Примечания

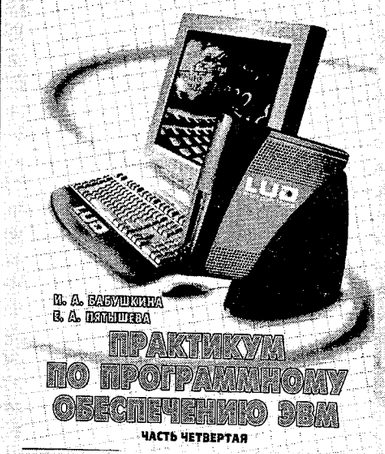
1. *Гонеев А.Д. и др.* Основы коррекционной педагогики. М.: Академия 1999.
2. *Иванов В.П.* Человеческая деятельность – Познание – Искусство. Киев, 1977.
3. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат 1972.
4. *Слободчиков В.И.* Анализ нормативной структуры деятельности // Вопросы психологии. 2000. № 2.
5. *Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1992.

Новые книги

Бабушкина Ирина Анатольевна
Пятышева Елена Анатольевна

Программное обеспечение ЭВМ. Электронные таблицы Excel
Часть IV

Учебное пособие
Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 240 с.



Учебное пособие предназначено для изучения электронных таблиц на примере Excel 2000 в рамках таких курсов, как программное обеспечение ЭВМ и информационные технологии в образовании.

Основные темы, включенные в пособие: форматирование таблиц, расчет по формулам, массивы, формирование связанных книг, построение диаграмм, использование таблиц в качестве базы данных, создание сводных таблиц, подбор параметров и поиск решения с помощью сценария.

Пособие позволяет изучить материал, непосредственно выполняя упражнения за компьютером. Предлагаются задания для самостоятельного выполнения.

Книга предназначена для студентов вузов, учащихся школ и учителей информатики.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Т.Н. Перевощикова

О КОНЕЧНЫХ ПОЛУКОЛЬЦАХ

В статье рассматриваются конечные полукольца, аддитивно порожденные единичным элементом. Описаны конгруэнции на них. Дана конструкция вложения конечного полукольца в конечное полукольцо с единицей.

Статья посвящена изучению конечных полуколец. Описываются конечные полукольца, аддитивно порожденные своей единицей 1, и конгруэнции на них. Затем эти полукольца применяются при вложении конечных полуколец в конечные полукольца с единицей.

1. «Маленькие» полукольца. «Вручную» решена задача о количестве различных – с точностью до изоморфизма – полуколец с $n \le 4$ элементами. Хорошо известно, что существует одно одноэлементное полукольцо – нулевое $S=\{0\}$, четыре двухэлементных полукольца $S=\{0, a\}$ и шесть трехэлементных полуколец с единицей $S=\{0, 1, a\}$ [1]. Найдем количество трехэлементных полуколец $S=\{0, a, b\}$. Начнем с выяснения количества аддитивных коммутативных моноидов с нулем 0, которые будем представлять в виде таблиц Кэли. Так как нуль по сложению и умножению ведет себя обычно, то нет необходимости включать его в таблицы в дальнейшем. Из всех полученных таблиц исключим изоморфные. В результате получим пять полугрупп по сложению:

I

+	a	b
a	b	0
b	0	a

II

+	a	b
a	0	b
b	b	b

III

+	a	b
a	a	b
b	b	b

IV

+	a	b
a	a	a
b	a	a

V

+	a	b
a	a	b
b	b	a

Для каждого из этих моноидов вводится операция умножения, превращающая их в полукольцо. В результате получаем следующие 22 полукольца:

I. 1)

.	a	b
a	0	0
b	0	0

2)

.	a	b
a	a	b
b	b	a

II. 3)

.	a	b
a	0	0
b	0	0

4)

.	a	b
a	0	0
b	0	b

III. 5)

.	a	b
a	0	0
b	0	0

6)

.	a	b
a	0	0
b	0	a

7)

.	a	b
a	0	0
b	0	b

8)

.	a	b
a	0	a
b	a	b

9)

.	a	b
a	a	a
b	a	a

10)

.	a	b
a	b	b
b	b	b

11)

.	a	b
a	a	a
b	a	b

12)

.	a	b
a	a	b
b	b	b

13)

.	a	b
a	0	0
b	a	b

14)

.	a	b
a	0	a
b	0	b

15)

.	a	b
a	a	a
b	b	b

16)

.	a	b
a	a	b
b	a	b

IV. 17)

.	a	b
a	0	0
b	0	0

18)

.	a	b
a	a	a
B	a	a

19)

.	a	b
a	a	a
b	a	b

V. 20)

.	a	b
a	0	0
b	0	0

21)

.	a	b
a	a	a
b	a	a

22)

.	a	b
a	a	a
b	a	b

Аналогичным образом исследуются все попарно неизоморфные четырехэлементные полукольца с единицей $S=\{0, 1, a, b\}$. Всего их получается 42. Получаем также 35 четырехэлементных аддитивно идемпотентных полуколец (с точностью до изоморфизма). Заметим, что подобные задачи можно предложить в качестве тем курсовых и дипломных работ по математике и информатике.

2. Полукольца, аддитивно порожденные единицей. Рассмотрим полукольцо всех неотрицательных целых чисел N_0 с обычными операциями сложения и умножения и множество $Con\, N_0$ всех конгруэнций на нем, с отношением включения. Упорядоченное множество $Con\, N_0$ является решеткой с наименьшим элементом **0** – нулевой конгруэнцией, которой служит отношение равенства на N_0, и наибольшим элементом

ПЕРЕВОЩИКОВА Татьяна Николаевна – аспирант кафедры алгебры и геометрии ВятГГУ
© Т.Н. Перевощикова, 2003

1 – одноклассовой конгруэнцией. Отношение $\rho(k,n)$ на N_0 для любых $k\in N_0$ и $n\in N$, определенное следующим образом: для любых $a,\ b\in N_0$.

$a\rho b \Leftrightarrow a=b$ при $a,b\le k-1$ или $a\equiv b(n)$ при $a,b\ge k$,

является конгруэнцией на N_0.

Пусть $S(k,n)=N_0/\rho(k,n)$ – факторполукольцо полукольца N_0 по конгруэнции $\rho(k,n)$. Это полукольцо с единицей 1 и имеет $k+n$ элементов: 0, 1,..., k-1, k, k+1,..., $k+n$-1. Конгруэнция $\rho(0,n)$ – это отношение сравнимости по модулю n, и соответствующее полукольцо $S(0,n)$ изоморфно кольцу классов вычетов $\boldsymbol{Z}_n$ по модулю n. Полукольцо $S(k,n)$ представляет собой цикл длины n с хвостом длины k, в котором $(k+n)\rho k$ [3, с. 64-67].

Теорема 1. *Любая ненулевая конгруэнция на полукольце N_0 равна конгруэнции $\rho(k,n)$ для некоторых однозначно определенных $k\ge 0$ и $n>0$.*

Доказательство. Пусть ρ – ненулевая конгруэнция на N_0. Возьмем $k\in N_0$ – наименьшее из чисел, такое, что класс $[k]_\rho$ неодноэлементен. И пусть n – наименьшее такое натуральное число, что $(k+n)\rho k$. Рассмотрим два случая.

1) k=0, то есть $n\rho 0$. Тогда $1\rho(n+1), 2\rho(n+2),..., n\rho 2n,...$. Это означает, что элементы n, $2n$, $3n$,... лежат в классе нуля. Для любых l и m таких, что $0<l<m<n$ и $l\rho m$, справедливо соотношение $(l+n-m)\rho(m+n-m)$, то есть $(n-(m-l))\rho n\rho 0$. Так как число, стоящее в первой скобке, меньше n, то мы получаем противоречие с выбором числа n . Значит, элементы, меньшие n, попарно несравнимы по конгруэнции ρ. Таким образом, $\rho=\rho(k,n)$ есть отношение сравнимости по модулю n.

2) $k>0$, то есть классы всех чисел $\le k$-1 одноэлементны: $[0]_\rho=\{0\}, [1]_\rho=\{1\},...,[k-1]_\rho=\{k-1\}$. Рассмотрим l и m такие, что $1\le l\le m\le$ n-1 и $(k+l)\le(k+m)$, тогда $(k+l+n-m)\rho(k+m+n-m)$, то есть $(k+n-(m-l))\rho(k+n)\rho n$, получаем противоречие с выбором числа n. Значит, числа k, k+1,..., $k+n$-1 попарно несравнимы друг с другом по конгруэнции ρ и для любых $a,b\ge k$ имеем $a\rho b \Leftrightarrow a \equiv b(n)$, то есть $\rho=\rho(k,n)$.

Теорема доказана.

Положим $D(n)$ – множество всех натуральных делителей числа n и $\tau(n)$ – число натуральных делителей n. По отношению «делится» $\vdots$ $D(n)$ образует дистрибутивную решетку с операциями НОД и НОК, с наименьшим элементом n и наибольшим элементом 1. Пусть $C(m)$ – цепь из m элементов, а $Con\ S(k,n)$ – решетка всех конгруэнций полукольца $S(k,n)$.

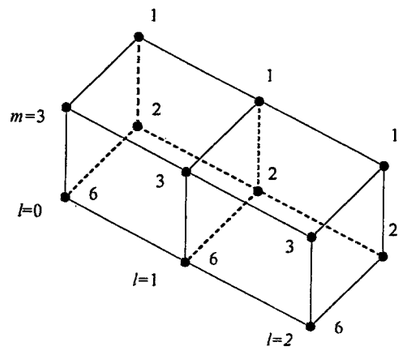
Теорема 2. *Решетка конгруэнций полукольца $S(k,n)$ изоморфна прямому произведению цепи из $k+1$ элементов и решетки всех натуральных делителей n, то есть $Con\ S(k,n)\cong C(k+1)\times D(n)$.*

Доказательство. По второй теореме об изоморфизмах [2, с. 67] конгруэнции на полукольце $S(k,n)=N_0/\rho(k,n)$ находятся во взаимно однозначном соответствии с конгруэнциями полукольца N_0, содержащими $\rho(k,n)$. По теореме 1 это будут конгруэнции $\rho(l,m)\supseteq\rho(k,n)$. Легко видеть, что $\rho(l,m)\supseteq(k,n)\Leftrightarrow k\ge 1$ и $n\ \vdots\ m$.

Точнее, конгруэнции на $S(k,n)$ имеют вид $\sigma=\sigma(l,m)=\rho(l,m)/\rho$, где $\rho=\rho(k,n)$ и для любых $a,b\in N_0$ $[a]_\rho\sigma[b]_\rho$ означает $a\sigma b$. Каждая конгруэнция $\sigma(l,m)$ на $S(k,n)$ определяется числом l=0, 1, 2,..., k и делителем m числа n. Поэтому получаем, что решетка $Con\ S(k,n)$ изоморфна прямому произведению цепи $C(k+1)$ с порядком $\ge$ и решетки $D(n)$ с порядком $\vdots$.

Следствие. $|Con\ S(k,n)|=(k+1)\cdot\tau(n)$.

Пример. $Con\ S(2,6) = C(3)\cdot D(4)=12$.



3. Присоединение единицы. Известно [1], что любое полукольцо S можно вложить в бесконечное полукольцо $S\times N_0$ с единицей (0,1), с покоординатным сложением и умножением по формуле

$$(s_1,t_1)\cdot(s_2,t_2)=(t_1 s_2+t_2 s_1+s_1 s_2, t_1 t_2). \qquad (*)$$

Мы покажем, что всякое конечное полукольцо может быть вложено в конечное полукольцо с единицей.

Пусть S – произвольное конечное полукольцо (без единицы или с единицей). Любой элемент $a\in S$ порождает в S циклический аддитивный моноид со своими параметрами $k_a\in N_0$ и $n_a\in N$. Положим

k=max $\{k_a : a\in S\}$, n = НОК $\{n_a : a\in S\}$ и $S=S(k,n)$.

На множестве $\overline{S}=S\times S(k,n)$ зададим покоординатное сложение и умножение (*).

Теорема 3. *Любое конечное полукольцо S с указанными k и n можно вложить в конечное полукольцо $\overline{S}$ с единицей мощности $|\overline{S}|=|S|\cdot(k+n)$.*

Доказательство. Убедимся, что $\overline{S}=S\times S(k,n)$ – полукольцо. Ассоциативность и комутативность сложения очевидны в силу покомпонентно определенной операции. Возьмем произвольные элементы (s_1, t_1), (s_2, t_2) и (s_3, t_3) в $\overline{S}$. Проверим ассоциативность умножения:

$$((s_1,t_1)\cdot(s_2,t_2))\cdot(s_3,t_3)=(t_1s_2+s_1t_2+s_1s_2,\ t_1t_2)\cdot(s_3,t_3)=$$
$$=(t_1t_2s_3+(t_1s_2+s_1t_2+s_1s_2)t_3+(t_1s_2+s_1t_2+s_1s_2)s_3,\ t_1t_2t_3)=$$
$$=(t_1t_2s_3+t_1s_2t_3+s_1t_2t_3+s_1s_2t_3+t_1s_2s_3+s_1t_2s_3+s_1s_2s_3,\ t_1t_2t_3)=$$
$$=(t_1t_2s_3+t_1s_2t_3+t_1s_2s_3+s_1t_2t_3+s_1t_2s_3+s_1s_2t_3+s_1s_2s_3,\ t_1t_2t_3)=$$
$$=(t_1(t_2s_3+s_2t_3+s_2s_3)+s_1t_2t_3+s_1(t_2s_3+s_2t_3+s_2s_3),\ t_1t_2t_3)=$$
$$=(s_1,t_1)\cdot(t_2s_3+s_2t_3+s_2s_3,\ t_1t_2t_3)=(s_1,t_1)\cdot((s_2,t_2)\cdot(s_3,t_3)).$$

Проверим левый закон дистрибутивности:

$$((s_1,t_1)+(s_2,t_2))\cdot(s_3,t_3)=(s_1+s_2,t_1+t_2)\cdot(s_3,t_3)=$$
$$=((t_1+t_2)s_3+(s_1+s_2)t_3+(s_1+s_2)s_3,(t_1+t_2)t_3)=$$
$$=(t_1s_3+t_2s_3+s_1t_3+s_2t_3+s_1s_3+s_2s_3,\ t_1t_3+t_2t_3)=$$
$$=(t_1s_3+s_1t_3+s_1s_3,\ t_1t_3)+(s_2t_3+t_2s_3+s_2s_3,\ t_2t_3)=$$
$$=(s_1,t_1)\cdot(s_3,t_3)+(s_2,t_2)\cdot(s_3,t_3).$$

Аналогично проверяется правый закон дистрибутивности в $\overline{S}$. Очевидно, что элемент (0,0) нейтрален в $\overline{S}$ относительно сложения и является нулем по умножению, а элемент (0,1) играет роль единичного элемента. Таким образом, $\overline{S}$ является полукольцом с единицей (0,1), содержащим подполукольцо $S\times\{0\}\equiv S$, причем число его элементов равно $|S|(k+n)$.

Замечание 1. Если S – кольцо (k=0), то $S(k,n)$ изоморфно кольцу классов вычетов $\boldsymbol{Z}_n$ целых чисел по модулю n, и $\overline{S}$ также является кольцом.

Идеал I полукольца S называется *строгим*, если $a+b\in I$ влечет $a\in I$ и $b\in I$, для любых $a,b\in S$, и называется *простым*, если $ab\in I$ влечет $a\in I$ или $b\in I$ для всех $a,b\in S$.

При любых $s\in S$ и $t\in S(k,n)$ отождествим $(s,0)\equiv s$ и $(0,t)\equiv t$, при этом получим $(s,t)\equiv s+t$.

Теорема 4. *Полукольцо S является простым идеалом полукольца $\overline{S}$, служит ядром конгруэнции Бернa ρ_s, факторполукольцо по которой $\overline{S}/\rho_s$ изоморфно $S(k,n)$.*

Доказательство. Ясно, что S является идеалом полукольца $\overline{S}$. Пусть $s_1,s_2\in S$ и $t_1,t_2\in S(k,n)$.

Если $(s_1+t_1)\cdot(s_2+t_2)=(s_1t_2+t_1s_2+s_1s_2,\ t_1t_2)\in S$, то $t_1t_2=0\Rightarrow t_1=0$ или $t_2=0\Rightarrow(s_1+t_1)\in S$ или $(s_2+t_2)\in S$, то есть S – простой идеал в $\overline{S}$.

Для идеала S полукольца $\overline{S}$ определено бинарное отношение Берна ρ_s, являющееся конгруэнцией на $\overline{S}$:

$$(s_1+t_1)\rho_S(s_2+t_2)\Leftrightarrow s_1+t_1+x=s_2+t_2+y$$

для некоторых $x,y\in S$.

А это равенство выполняется тогда и только тогда, когда $t_1=t_2$ в $S(k,n)$ и $s_1+x=t_1+y$ в S при некоторых $x,\ y\in S$ (последнее равенство выполняется при $x=t_1$, $y=s_1$). Поэтому $(s_1,t_1)\rho_S(s_2,t_2)\Leftrightarrow t_1=t_2$ в $S(k,n)$. Таким образом, имеем $S=[0]\rho_s$ и

$\overline{S}/\rho_S=\{S=S+0,\ S+1,\ S+2,\ ...,\ S+k+n-1\}\cong S(k,n)$.

Замечание 2. Если полукольцо S не является кольцом ($k\ne 0$), то и полукольцо $\overline{S}$ не будет кольцом. В этом случае идеал S служит строгим идеалом в $\overline{S}$.

Действительно, если $(s_1+t_1)+(s_2+t_2)\in S$, то $t_1+t_2=0$, откуда $t_1=0$.

Примечания

1. *Вечтомов Е.М.* Введение в полукольца. Киров: Изд-во ВГПУ, 2000.

2. *Мальцев А.И.* Алгебраические системы. М.: Наука, 1970.

3. *Скорняков Л.А.* Элементы алгебры. М.: Наука, 1986.

Д. В. Широков

УСЛОВИЯ ДИСТРИБУТИВНОСТИ РЕШЕТКИ КОНГРУЭНЦИЙ ПОЛУПОЛЯ НЕПРЕРЫВНЫХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

В статье рассмотрены условия дистрибутивности решетки конгруэнций полуполя непрерывных положительных функций, определенных на топологическом пространстве X. В частности, доказано, что для дистрибутивности этой решетки необходимо и достаточно, чтобы X было F-пространством.

Пусть X – топологическое пространство. Множество всех непрерывных действительнозначных функций на X и множество всех непрерывных положительных функций на X образуют относительно поточечных операций сложения и умножения кольцо $C(X)$ и полуполе $U(X)$ соответственно. По отношению включения множество всех конгруэнций на $U(X)$ образует ограниченную решетку $Con\ U(X)$, которая модулярна, но не всегда дистрибутивна (о решетках см. [1]).

Топологическое пространство X называется *F-пространством*, если $C(X)$ является кольцом Безу, то есть любой конечно-порожденный идеал кольца $C(X)$ является главным. Известен ряд критериев F-пространств (см., например, [2], гл. 14, [3]). В статье используются следующие функционально-топологические критерии:

а) любое конуль-множество на X C^*- расширяемо в X;

б) для любой функции $f\in C(X)$ существует функция $k\in C(X)$, $-1\le k\le 1$ такая, что $f=k\cdot|f|$;

ШИРОКОВ Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры алгебры и геометрии ВятГГУ

© Д.В. Широков, 2003

в) для любой функции $f\in C(X)$ множества pos f и neg f функционально отделимы.

Напомним, что подмножество Y топологического пространства X называется C^*-*расширяемым* в X, если для любой ограниченной функции $f\in C(Y)$ существует функция $g\in C(X)$ такая, что $g=f$ на Y. Непересекающиеся подмножества A и B топологического пространства X называются *функционально отделимыми*, если существует функция $f\in C(X)$ такая, что $f=0$ на A и $f=1$ на B.

Для произвольной функции $f\in C(X)$ определим подмножества топологического пространства X:
$Z(f)=\{x\in X: f(x)=0\}$ – *нуль-множество функции* f,
coz $f=X\setminus Z(f)$ – *конуль-множество функции* f,
pos $f=\{x\in X: f(x)>0\}$, neg $f=\{x\in X: f(x)<0\}$. Нетрудно видеть, что множества $Z(f)$, pos f и neg f образуют разбиение пространства X.

Главной конгруэнцией на $U(X)$, порожденной парой (a,b), называется наименьшая конгруэнция, содержащая пару (a,b). Любая главная конгруэнция ρ на $U(X)$ порождается парой $(a,1)$ для некоторой функции $a\in U(X)$ и определяется следующим образом (см. [4]):

$$(\forall f,g\in U(X))$$

$$f\rho g\Leftrightarrow\begin{cases}f-g\in(a-1)C(X),\\(a\vee a^{-1})^{-n}\le\dfrac{f}{g}\le(a\vee a^{-1})^{n}\end{cases}$$

для некоторого $n\in\mathbf{N}$.

Теорема 1. *Для любого топологического пространства X равносильны утверждения:*

1) *X - F-пространство;*

2) *для любой функции $a\in U(X)$ главные конгруэнции на $U(X)$, порожденные парами $(a,1)$ и $(a\vee a^{-1},1)$, совпадают;*

3) *для любой функции $a\in U(X)$ главная конгруэнция на $U(X)$, порожденная парой $(a,1)$, содержит пару $(a\vee a^{-1},1)$.*

Доказательство. Обозначим через ρ главную конгруэнцию на $U(X)$, порожденную парой $(a,1)$, через σ – главную конгруэнцию на $U(X)$, порожденную парой $(a\vee a^{-1},1)$.

Докажем импликацию 1) $\Rightarrow$2). Пусть X – F-пространство, $a\in U(X)$.

Покажем сначала, что $(a\vee a^{-1})\rho 1$. Это равносильно выполнению следующих условий:

$$\begin{cases}a\vee a^{-1}-1=(a-1)\varphi,\\(a\vee a^{-1})^{-n}\le a\vee a^{-1}\le(a\vee a^{-1})^{n}\end{cases}$$

для подходящих $\varphi\in C(X)$ и $n\in\mathbf{N}$.

Так как X – F-пространство, то существует функция $k\in C(X)$ такая, что $a-1=k\cdot|a-1|$. Очевидно, $k=1$ на pos $(a-1)$, $k=-1$ на neg $(a-1)$.

Рассмотрим функцию

$$\varphi=\frac{1}{2}\left(1-a^{-1}+k(1+a^{-1})\right)\in C(X).$$

На $Z(a-1)$ имеем $a=1$, $a\vee a^{-1}-1=1-1=0$, $(a-1)\varphi=(1-1)\varphi=0$.

На pos $(a-1)$ имеем $a>1$, $a\vee a^{-1}-1=a-1$, $k=1$, $\varphi=1$, $(a-1)\varphi=a-1$.

На neg $(a-1)$ имеем $a<1$, $a\vee a^{-1}-1=a^{-1}-1$, $k=-1$, $\varphi=-a^{-1}$, $(a-1)\varphi=-(a-1)a^{-1}=-(1-a^{-1})=a^{-1}-1$.

Следовательно, равенство $a\vee a^{-1}-1=(a-1)\varphi$ верно для всех $x\in X$.

Второе условие системы выполняется при $n=1$ в силу верных неравенств $a\vee a^{-1}\ge 1$, $(a\vee a^{-1})^{-1}\le 1$. Значит, $(a\vee a^{-1})\rho 1$.

Теперь покажем, что $a\sigma 1$. Это равносильно выполнению следующих условий:

$$\begin{cases}a-1=(a\vee a^{-1}-1)\psi,\\\left((a\vee a^{-1})\vee(a\vee a^{-1})^{-1}\right)^{-n}\le a\le\left((a\vee a^{-1})\vee(a\vee a^{-1})^{-1}\right)^{n}\end{cases}$$

для некоторых $\psi\in C(X)$ и $n\in\mathbf{N}$.

Рассмотрим функцию

$$\psi=\frac{1}{2}\left(1-a+k(1+a)\right)\in C(X).$$

Рассматривая по отдельности множества $Z(a-1)$, pos $(a-1)$, neg $(a-1)$, нетрудно проверить, что первое условие системы выполняется для всех $x\in X$.

Покажем, что второе соотношение выполняется при $n=1$.

На pos $(a-1)$ имеем $a>1$, поэтому $(a\vee a^{-1})\vee(a\vee a^{-1})^{-1}=a\vee a^{-1}=a$, $((a\vee a^{-1})\vee(a\vee a^{-1})^{-1})^{-1}=a^{-1}<1$. Соотношение принимает вид верного неравенства $a^{-1}\le a\le a$.

На $X\setminus$ pos $(a-1)$ имеем $a\le 1$, поэтому

$$(a\vee a^{-1})\vee(a\vee a^{-1})^{-1}=a^{-1}\vee(a^{-1})^{-1}=a^{-1}\vee a=a^{-1}\ge 1,$$
$$((a\vee a^{-1})\vee(a\vee a^{-1})^{-1})^{-1}=(a^{-1})^{-1}=a.$$

Соотношение принимает вид верного неравенства $a\le a\le a^{-1}$.

Следовательно, неравенство выполняется для всех $x\in X$. Поэтому $a\sigma 1$.

Таким образом, $\rho=\sigma$.

Импликация 2) $\Rightarrow$3) очевидна.

Докажем 3) $\Rightarrow$1). Пусть $\sigma\subseteq\rho$ для любой функции $a\in U(X)$. Докажем, что X – F-пространство. Для этого возьмем произвольную функцию $f\in C(X)$ и покажем, что множества pos f и neg f функционально отделимы.

Рассмотрим функцию

$$a=\left(f\vee\left(-\frac{1}{2}\right)\right)+1\in U(X).$$

По условию главная конгруэнция, порожденная парой $(a,1)$, содержит пару $(a\vee a^{-1},1)$, следовательно, $a\vee a^{-1}-1=(a-1)\varphi$ для некоторой функции $\varphi\in C(X)$.

Нетрудно видеть, что $\varphi=1$ на pos $(a-1)$ и $\varphi=-a^{-1}$ на neg $(a-1)$.

Рассмотрим функцию $h=\dfrac{\varphi\cdot a+1}{a+1}\in C(X)$.

На pos f имеем $f>0$, значит, $a=f+1>1$, откуда $\varphi=1$, $h=\dfrac{1\cdot a+1}{a+1}=1$. Значит, $h=1$ на pos f.

На neg f имеем $f\vee\left(-\dfrac{1}{2}\right)<0$, поэтому $a<1$. Тогда $\varphi=-a^{-1}$, $h=\dfrac{-a^{-1}\cdot a+1}{a+1}=0$. Значит, $h=0$ на neg f.

Итак, функция $h\in C(X)$ отделяет множества pos f и neg f, следовательно, X является F-пространством. Теорема доказана.

Всегда $a\vee a^{-1}\ge 1$, где $a\in U(X)$. Если $a\ge 1$, то $a\vee a^{-1}=a$ и $\left(a\vee a^{-1}\right)^{-1}=a^{-1}$. В связи с этим имеем

Следствие. *Пусть X – F-пространство и ρ - произвольная главная конгруэнция на $U(X)$. Тогда она порождается некоторой парой $(a,1)$, где $a\ge 1$ и определяется следующим образом:*

$$(\forall f,g\in U(X))\ f\rho g\Leftrightarrow\begin{cases}f-g\in(a-1)C(X),\\a^{-n}\le\dfrac{f}{g}\le a^{n}\quad(\exists n\in\mathbf{N}).\end{cases}$$

Теорема 2. *Для дистрибутивности решетки Con $U(X)$ необходимо и достаточно, чтобы пространство X являлось F-пространством.*

Доказательство. Необходимость доказана в [5].

Докажем достаточность. Пусть X – F-пространство. Сначала покажем выполнимость дистрибутивного закона для главных конгруэнций ρ, ρ_1,ρ_2 на $U(X)$. В силу следствия из теоремы 1 эти конгруэнции порождены парами $(a,1)$, $(b,1)$, $(c,1)$ соответственно, где $a\ge 1$, $b\ge 1$, $c\ge 1$. Известно, что на *Con $U(X)$* операция $\vee$ совпадает с операцией $\circ$.

Достаточно доказать включение $\rho\cap(\rho_1\circ\rho_2)\subseteq(\rho\cap\rho_1)\circ(\rho\cap\rho_2)$.

Пусть $f,\ g\in U(X)$ и $f(\rho\cap(\rho_1\circ\rho_2))g$. Тогда $(\exists h\in U(X))\ f\rho g$ и $f\rho_1 h\rho_2 g$. Значит, выполняются следующие соотношения:

$$\begin{cases}f-g=(a-1)u\\a^{-n}\le\dfrac{f}{g}\le a^{n}\end{cases},\quad\begin{cases}f-h=(b-1)v\\b^{-n}\le\dfrac{f}{h}\le b^{n}\end{cases}\quad\text{и}\quad\begin{cases}h-g=(c-1)w\\c^{-n}\le\dfrac{h}{g}\le c^{n}\end{cases}$$

для некоторых $u,\ v,\ w\in C(X)$ и $n\in\mathbf{N}$. Докажем, что $f((\rho\cap\rho_1)\circ(\rho\cap\rho_2))g$. Это равносильно выполнению соотношений $f\rho t$, $t\rho g$, $f\rho_1 t$ и $t\rho_2 g$. Соотношение $t\rho g$ вытекает из оставшихся условий и данных.

Таким образом, достаточно доказать при указанном $n\in\mathbf{N}$ следующие соотношения:

$(\exists t\in U(X))(\exists\varphi,\ \psi,\ \xi\in C(X))$

$$\begin{cases}f-t=(a-1)\varphi\ (1)\\a^{-n}\le\dfrac{f}{t}\le a^{n}\ (4)\end{cases},\quad\begin{cases}f-t=(b-1)\psi\ (2)\\b^{-n}\le\dfrac{f}{t}\le b^{n}\ (5)\end{cases},\quad\begin{cases}t-g=(c-1)\xi\ (3)\\c^{-n}\le\dfrac{t}{g}\le c^{n}.\ (6)\end{cases}$$

Так как X – F-пространство, то существует $k\in C(X)$, $-1\le k\le 1$ такая, что $b-a=k\,|b-a|$. Очевидно, $k=1$ на pos $(b-a)$, $k=-1$ на neg $(b-a)$.

Рассмотрим функцию $\alpha=\dfrac{b-1}{a-1}$ на

$$M=\{x\in X: 2a>b+1,\ a\ne 1\}.$$

M является конуль-множеством функции

$$\omega=(a-1)\left(2a-b-1+|2a-b-1|\right).$$

Имеем $2a>b+1\Leftrightarrow 2(a-1)>b-1\Leftrightarrow 0\le\dfrac{b-1}{a-1}<2$. Значит, α ограничена. Поэтому существует функция $\chi\in C(X)$, для которой на множестве M выполняется равенство $\chi=\dfrac{b-1}{a-1}$.

Рассмотрим функцию $\beta=\dfrac{a-1}{b-1}$ на

$$N=\{x\in X: 2b>a+1,\ b\ne 1\}.$$

β ограничена, поэтому существует функция $\mu\in C(X)$, для которой на множестве N выполняется равенство $\mu=\dfrac{a-1}{b-1}$.

Определим функции t, φ, ψ, ξ:

$$t=\frac{1}{2}\left(g+h+k(g-h)\right)=\frac{1}{2}\left(g(k+1)+h(1-k)\right)\in U(X);$$

$$\varphi=\frac{1}{2}\left(u+\chi v+k(u-\chi v)\right)\in C(X);$$

$$\psi=\frac{1}{2}\left(\mu u+v+k(\mu u-v)\right)\in C(X);$$

$$\xi=\frac{1}{2}w(1-k)\in C(X).$$

Найдем значения функций t, φ, ψ, ξ на coz $(b-a)$.

$$t=\begin{cases}g & \text{на pos}\,(b-a)\\h & \text{на neg}\,(b-a)\end{cases};\qquad\varphi=\begin{cases}u & \text{на pos}\,(b-a)\\\chi v & \text{на neg}\,(b-a)\end{cases};$$

$$\psi=\begin{cases}\mu u & \text{на pos}\,(b-a)\\v & \text{на neg}\,(b-a)\end{cases};\qquad\xi=\begin{cases}0 & \text{на pos}\,(b-a)\\w & \text{на neg}\,(b-a).\end{cases}$$

Проверим равенство (1).

На $Z(a\text{-}1)$ имеем $a = 1$, поэтому $f = g$. В этом случае на $Z(b\text{-}1)$: $b=1$, значит, $f=h=g$, отсюда

$$t+(a-1)\varphi=\frac{1}{2}g\big(k+1+1-k\big)+\big(1-1\big)\varphi=g=f.$$

На coz $(b\text{-}1)$: $b>1$, поэтому $b>a$, значит

$$t+(a-1)\varphi=g+(1-1)\varphi=g=f.$$

На coz $(a\text{-}1)$ рассмотрим два подмножества. На pos $(b\text{-}a)$ имеем $t = g$, $\varphi = u$, $t + (a\text{-}1)\varphi = g + (a\text{-}1)u = f$. На $X \setminus$ pos $(b\text{-}a)$ имеем верное неравенство $2a>b+1 (2a>2b\geq b+1$ на neg $(b\text{-}a)$, $2a=2b>b+1$ на $Z(b\text{-}a))$. Тогда $\chi=\dfrac{b-1}{a-1}$,

$$t+(a-1)\varphi=\frac{1}{2}\big(g+h+k(g-h)\big)+$$

$$+(a-1)\frac{1}{2}\left(u+\frac{b-1}{a-1}v+k\left(u-\frac{b-1}{a-1}v\right)\right)=$$

$$=\frac{1}{2}\big(g+h+(a-1)u+(b-1)v+k\big(g-h+(a-1)u-(b-1)v\big)\big)=$$

$$=\frac{1}{2}\big(f+f+k(f-f)\big)=\frac{1}{2}\cdot 2f=f.$$

Значит, равенство (1) выполняется на X.

Проверим равенство (2).

На $Z(b\text{–}1)$, рассматривая множества $Z(a\text{–}1)$ и coz $(a\text{-}1)$, убеждаемся в истинности равенства (по аналогии с проверкой равенства (1)).

На coz $(b\text{–}1)$ имеем $b>1$. Тогда на neg $(b\text{–}a)$ получим $t=h$, $\psi=v$, $t+(b\text{–}1)\psi=h+(b\text{–}1)v=f$. На $X \setminus$ neg $(b\text{–}a)$ имеем верное неравенство $2b>a+1$, поэтому $\mu=\dfrac{a-1}{b-1}$.

Расписав выражение $t+(b\text{–}1)\psi$, нетрудно получить, что оно равно f. Значит, равенство (2) выполняется на X.

Проверим равенство (3). Имеем

$$g+(c-1)\xi-t=g+(c-1)\frac{1}{2}w(1-k)-\frac{1}{2}\big(g+h+k(g-h)\big)=$$

$$=g+\frac{1}{2}\big((c-1)w-(c-1)kw-g-h-k(g-h)\big)=$$

$$=g-\frac{1}{2}\big(g+h-(c-1)w+k\big(g-h+(c-1)w\big)\big)=$$

$$=g-\frac{1}{2}\big(g+g+(c-1)w-(c-1)w+$$

$$+k\big(-(c-1)w+(c-1)w\big)\big)=g-\frac{1}{2}\cdot 2g=0.$$

Проверим неравенство (4), которое равносильно $a^{-n}\leq\dfrac{t}{f}\leq a^n$. На pos $(b\text{–}a)$ имеем $a^{-n}\leq\dfrac{t}{f}=\dfrac{g}{f}\leq a^n$. На $X \setminus$ pos $(b\text{–}a)$ имеем $b\leq a$, $b^n\leq a^n$, $b^{-n}\geq a^{-n}$. В силу неравенств $k+1\geq 0$ и $1\text{–}k\geq 0$ получаем:

$$\frac{t}{f}=\frac{1}{2}\left(\frac{g}{f}(k+1)+\frac{h}{f}(1-k)\right)\leq\frac{1}{2}\big(a^n(k+1)+b^n(1-k)\big)\leq$$

$$\leq\frac{1}{2}\big(a^n(k+1)+a^n(1-k)\big)=\frac{1}{2}a^n\big(k+1+1-k\big)=a^n,$$

$$\frac{t}{f}\geq\frac{1}{2}\big(a^{-n}(k+1)+b^{-n}(1-k)\big)\geq$$

$$\geq\frac{1}{2}\big(a^{-n}(k+1)+a^{-n}(1-k)\big)=a^{-n}.$$

Таким образом, $a^{-n}\leq\dfrac{t}{f}\leq a^n$ на X.

Проверка неравенства (5) осуществляется аналогичным образом (достаточно отдельно рассмотреть множества neg $(b\text{-}a)$ и $X \setminus$ neg $(b\text{-}a)$).

Проверим неравенство (6). В силу неравенства $c^n\geq 1$ имеем

$$\frac{t}{g}=\frac{1}{2}\left(\frac{g}{g}\cdot(k+1)+\frac{h}{g}(1-k)\right)\leq\frac{1}{2}\big(c^n(k+1)+c^n(1-k)\big)=\frac{1}{2}c^n\cdot 2=c^n.$$

Аналогично получаем $\dfrac{t}{g}\geq c^{-n}$.

Теперь возьмем σ, σ_1, σ_2 – произвольные конгруэнции на $U(X)$. Пусть $f(\sigma\cap(\sigma_1\circ\sigma_2))g, f, g\in U(X)$. Тогда $(\exists\, h\in U(X))\, f\sigma g$ и $f\sigma_1 h\sigma_2 g$. Рассмотрим главные конгруэнции ρ, ρ_1, ρ_2, порожденные парами (f,g), (f,h), (h,g) соответственно. Тогда, во-первых, $f\rho g$ и $f\rho_1 h\rho_2 g$, значит, $f(\rho\cap(\rho_1\circ\rho_2))g$. Во-вторых, $\rho\subseteq\sigma$, $\rho_1\subseteq\sigma_1$, $\rho_2\subseteq\sigma_2$, поэтому $(\rho\cap\rho_1)\circ(\rho\cap\rho_2)\subseteq(\sigma\cap\sigma_1)\circ(\sigma\cap\sigma_2)$. По доказанному выше имеем $\rho\cap(\rho_1\circ\rho_2)=(\rho\cap\rho_1)\circ(\rho\cap\rho_2)$. Следовательно, $f((\sigma\cap\sigma_1)\circ(\sigma\cap\sigma_2))g$. Таким образом, дистрибутивный закон на $Con\, U(X)$ выполняется для любых конгруэнций. Теорема доказана.

Примечания

1. *Гретцер Г.* Общая теория решеток. М.: Мир, 1982.

2. *Gillman, L., Jerison, M.* Rings of continuous functions. N.Y.: Springer-Verlag, 1976.

3. *Вечтомов Е. М.* Дистрибутивные кольца непрерывных функций и F-пространства // Матем. заметки. 1983. Т. 34. № 3. С. 321-332.

4. *Семенова И.А.* Главные конгруэнции на полуполе непрерывных положительных функций // Вестник Вятского педуниверситета. Вып.1. Матем., инф., физ. 1996. С. 14-16.

5. *Варанкина В.И., Вечтомов Е.М., Семенова И.А.* Полукольца непрерывных неотрицательных функций: делимость, идеалы, конгруэнции // Фундам. и прикл. матем. 1998. Т. 4. № 2. С. 493-510.

Ю.А. Бобров

ЭКОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ВИДОВ СЕМЕЙСТВА *PYROLACEAE* DUMORTIER

В статье изучено распространение видов семейства Грушанковые, определен центр видового разнообразия, сделан анализ экологической приуроченности и фитоценотического распределения. Проведено сравнение результатов по Кировской области с общемировыми.

Семейство *Pyrolaceae* (Грушанковые) необычайно интересно для выяснения эволюции жизненных форм, поскольку содержит виды с жизненными формами, переходными от древесных к травянистым растениям. Анализ жизненных форм обычно проводят с учётом эколого-географической характеристики видов. Это и побудило нас к данному исследованию.

Целью работы было провести изучение литературных данных по эколого-географическому распространению представителей семейства Грушанковые. Для этого были решены несколько задач: изучена таксономическая характеристика семейства для определения его объёма; проведено сравнение эколого-географической приуроченности растений в целом по миру и по Кировской области.

Для исследования использовали как литературные данные, так и собственные материалы. Они получены при обработке полевых сборов, проведённых в нескольких районах Кировской и Нижегородской областей во все вегетационные сезоны 2001-2002 гг., и гербарных образцов. Проанализированы материалы Гербариев Ботанического института РАН (LE), МГУ (MW), Института биологии КомиНЦ УрО РАН (SYKO), Сыктывкарского государственного университета (SYKT), гербарные коллекции кафедры ботаники Вятского ГГУ и Кировского областного краеведческого музея.

Таксономическая характеристика

Семейство *Pyrolaceae* объединяет от 30 (Willis, 1973; цит. по: Чукавина, 1984) до 45 (Тахтаджян, 1966) видов. Большинство авторов (Буш, 1952; Тахтаджян, 1970; Скворцов, 1981; Губанов и др., 1995 и др.) принимают существование самостоятельного семейства Pyrolaceae, входящего в состав порядка *Ericales* (Вересковые). В то же время E. Haber et J.E. Cruise (1974), Ю.П. Кожевников (1981) и А.Л. Тахтаджян (1980, 1987) рассматривают *Pyrolaceae* как подсемейство (*Pyroloideae*) в семействе *Ericaceae* Juss. (Вересковые), а H.F. Copeland (1947) – как трибу (*Pyroleae*) в этом же семействе. Н.Н. Цвелёв (2000) добавляет в состав *Pyrolaceae* виды из семейства *Monotropaceae* Nutt. (Вертляницевые).

Первоначально (в 1753 году) все виды современного семейства *Pyrolaceae* были включены Линнеем в один род *Pyrola* L. (грушанка). Но уже в XIX в. произошло выделение и остальных родов. Как самостоятельное семейство *Pyrolaceae* выделил Dumortier в 1829 году (Буш, 1952).

В настоящее время виды семейства объединены в четыре рода (не включая роды семейства *Monotropaceae*): *Chimaphila* Pursh (зимолюбка; род описал в 1814 г. Pursh), *Pyrola, Moneses* Salisb. (одноцветка, выделил в 1821 г. Salisb.) и *Orthilia* Rafin. [*Ramischia* Opiz ex Garcke] (ортилия или рамишия; описали как рамишию в 1852 г. Opiz et Seznam, как ортилия – в 1840 г. Rafin.). Число видов в каждом роде различно.

Род *Moneses* монотипный, представлен *Moneses uniflora* (L.) A.Gray [= *M. grandiflora* Salisb.] (одноцветка одноцветковая или крупноцветковая). Однако с тихоокеанского побережья Северной Америки описана *Moneses reticulata* Nutt., которая признается в качестве самостоятельного вида и даже разновидности не всеми современными систематиками (Скворцов, 1981).

В род *Chimaphila* разные авторы включают от 2 (Буш, 1952) до 5-7 (Скворцов, 1981) видов. Из них на территории России произрастают *Chimaphila umbellata* (L.) W. Barton (зимолюбка зонтичная) и *Ch. japonica* Miq. (зимолюбка японская). Иногда для Европы отмечается *Ch. corymbosa* Pursh. (MW). На территории Северной Америки встречается замещающий для *Ch. japonica* вид – *Ch. maculata* Pursh. (Буш, 1952), а также *Ch. mensiesii* Spreng. (LE).

В род *Orthilia* включают от двух до трёх видов. Наиболее часто (Буш, 1952; Скворцов, 1981 и др.) указываются *Orthilia secunda* (L.) House [= *Ramischia secunda* (L.) Garcke] (ортилия однобокая) и *O. obtusata* (Turcz.) Jurtz. [= *R. obtusata* (Turcz.) Freyn] (ортилия тупая).

Объём рода *Pyrola* из-за морфологической изменчивости особей (Скворцов, 1981) понимается по-разному. Значительные затруднения в определение числа видов в роде вносит также их способность скрещиваться между собой и видами других родов с образованием гибридов (Буш, 1952).

Н.Н. Цвелёв (2000) подразделяет род *Pyrola* на два подрода: подрод *Amelia* (Alef.) Hook. f. с *Pyrola minor* L. (грушанкой малой) и подрод *Pyrola*. В последнем он выделяет две секции – *Pyrola* и *Chlorantha* Krisa. Секция *Pyrola* объединяет *Pyrola rotundifolia* L. (грушанку круглолистную) и *P. media* Sw. (грушанку среднюю). Вторая секция включает *P. chlorantha* Sw. [*P. virens* Schweigg., *P. virescens* auct.] (грушанку зеленоцветковую). Вполне вероятно дальнейшее увеличение объёма этих внутриродовых единиц, так как в цитируемой работе Цвелёв даёт характеристику видов только Северо-Запада России.

БОБРОВ Юрий Александрович – аспирант кафедры ботаники ВятГГУ

© Ю.А. Бобров, 2003

Мы принимаем семейство *Pyrolaceae* как самостоятельное, состоящее из четырёх родов, – *Pyrola, Chimaphila, Orthilia* и *Moneses*. Два последних рода мы считаем монотипными. Кроме того, в *Pyrolaceae* мы не включаем семейство *Monotropaceae*.

Географическая характеристика

Семейство *Pyrolaceae* – циркумполярное бореальное семейство, виды которого проникают на севере в Арктику, а на юге распространены до северного Средиземноморья, Малой Азии, Гималаев и гор Мексики. Основная часть ареала расположена в умеренном поясе северного полушария, но по высокогорьям грушанковые заходят и в тропический пояс.

Грушанковые – достаточно древнее семейство. Это подтверждается абсолютным сходством популяций видов, обитающих и в Палеарктике, и в Неоарктике. Поскольку *Pyrolaceae* распространены в основном в таёжной зоне, расселились они, очевидно, в то время, когда область современного Берингова моря была покрыта хвойными лесами. Как виды они должны были возникнуть раньше обезлесения этой территории, что, вероятно, произошло на рубеже между плиоценом и плейстоценом (Толмачёв, 1974).

Виды семейства обладают различными по размеру ареалами. *Chimaphila umbellata, Pyrola minor, Moneses uniflora, Orthilia secunda* обитают на территории нескольких областей Голарктического царства. *Pyrola media* и *P. incarnata* распространены в пределах нескольких провинций Циркумбореальной области. *Pyrola renifolia* Maxim. и *P. alpina* Andres встречаются в основном в Маньчжурской провинции. Ареалы многих видов характеризуются как аркто-бореально-монтанные (например, *P. rotundifolia*).

Центр видового разнообразия семейства находится на территории Восточноазиатской флористической области Голарктического флористического царства (по районированию А.Л. Тахтаджяна, 1978). На этой территории встречаются представители, по крайней мере, четырнадцати видов.

В России встречается не менее двадцати четырёх видов из семейства *Pyrolaceaea*. В пределах Кировской области отмечены *Pyrola minor, P. media, P. chlorantha, P. rotundifolia, Moneses uniflora, Orthilia secunda, Chimaphila umbellata* (Определитель растений Кировской области, 1975).

На территории соседних административных образований в целом распространены те же виды, что и в Кировской области. Однако по Республике Коми проходит северная граница ареала *Chimaphila umbellata*, а остальные виды находятся в крайней северной части своих ареалов. Это существенно сказывается на их фитоценотическом распределении (по устному сообщению Л.В. Тетерюк). Кроме того, из-за различной трактовки объёма таких видов, как *Orthilia secunda* и *Pyrola rotundifolia*, на территориях, включающих в свой состав тундры или Урал, выделяются ещё несколько мелких видов. Мы рассматриваем эти виды как *Orthilia secunda* s.l. и *Pyrola rotundifolia* s.l.

Экологическая характеристика (табл. 1)*

Широкое географическое распространение грушанковых базируется на их экологических требованиях. Они в большинстве своём обладают широкой экологической валентностью.

По отношению к влажности все грушанковые – мезофиты. При этом *Pyrola media* и *Moneses uniflora* являются индикаторами достаточно влажных мест обитания, а *P. chlorantha* и *Chimaphila umbellata* – сухих.

Растут грушанковые при различной освещённости – от глубокой тени до открытых мест. Чаще всего они встречаются в затенённых местах с относительной освещённостью не более 10%, а *Moneses uniflora* обитает даже там, где затенение оказывается чрезмерным и для типичных таёжных растений (Толмачёв, 1954).

Большинство грушанковых произрастает на бедных оподзоленных почвах. Многие европейские виды являются индикаторами почв, бедных минеральным азотом (Штина, 1996). При этом все виды требовательны к содержанию гумуса. Почвы могут быть различными по механическому составу, но всегда должны быть хорошо аэрируемыми. Обычны для грушанковых слабокислые почвы, но они могут расти и на нейтральных, и на слабощелочных. При этом *Pyrola chlorantha* – индикатор почв, богатых основаниями, а *P. minor* – кислых почв.

Таким образом, несмотря на то, что большинство грушанковых являются устойчивыми к широкому спектру экологических условий, некоторые из них могут служить в качестве индикаторов на какие-либо факторы естественной внешней среды. Дальнейшее изучение особенностей их биологии и экологии, вероятно, позволит расширить количество видов-индикаторов.

Цветки всех видов чаще автогамны. Однако изредка они могут опыляться насекомыми. Есть данные об опылении грушанковых шмелями (*Bombus scrimshiranus* K., *B. hypnorum* L., *B. terrestris* L., *B. agrorum* F.), мухами (*Platycheiris clypeatus* Mg.) и жуками (*Trichopticus hirsutulus* Zett.). Опыление насекомыми возможно на ранних стадиях цветения, а на поздних происходит самоопыление, что связано с направлением роста столбика. *Pyrola rotundifolia, P. media* и *P. minor* имеют специальные приспособления для автогамии – в пыльниках есть апикальные поры, через которые в поникших цветках пыльца высыпается на рыльце (Пономарёв, Верещагина, 1973; цит. по: Багдасарова и др., 1983).

Все грушанковые встречаются на равнинах и в горах, поднимаясь до 3600 метров над уровнем моря

* При составлении таблицы использованы материалы Т.В. Багдасаровой и др. (1983), Т.В. Багдасаровой (1990), Т.В. Багдасаровой, М.Г. Вахрамеевой (1990) и Т.В. Багдасаровой (1993)

(Чукавина, 1984). Многие виды в Западной и Средней Европе, в Крыму, в Средней Азии и на Дальнем Востоке растут преимущественно в горах.

Виды семейства *Pyrolaceae* приурочены в основном к различным типам лесов, как равнинным, так и горным (Толмачёв, 1954; Определитель растений Кировской области, 1975; Губанов и др., 1995 и др.). Являясь обычными членами свиты ели (Абрамов, 2001), они встречаются в различных типах хвойных, широколиственных и мелколиственных лесов (Растительный покров СССР, 1956; Камелин, 1973; Растительные ресурсы... , 1985; Рысин и др., 2000), на болотах (Толмачёв, 1959), по берегам водоёмов (Васильев, 1957), выходят в тундру, в альпийский пояс гор, в гольцы (Юрцев, 1968).

На основе собственных наблюдений и анализа материалов гербарных коллекций Вятского ГГУ и Кировского областного краеведческого музея составлена таблица распределения видов семейства *Pyrolaceae* в различных фитоценозах Кировской области (табл. 2).

Анализ таблицы показал, что в общем фитоценотическое распределение представителей рассматриваемого семейства на территории области не отличается от общемирового. В то же время строгая приуроченность видов к «своему» древесному растению не всегда прослеживается. Так, наличие рассматриваемых растений в мелколиственных лесах или на болотах, произрастание *Chimaphila* или *Pyrola chlorantha* в тёмнохвойных лесах, а остальных видов в борах может свидетельствовать о существовании ранее в данных местах иных растительных сообществ, а также о патиентности этих видов.

Заключение

Семейство *Pyrolaceae* мы рассматриваем как самостоятельное, включая в него роды *Pyrola, Chimaphila, Orthilia* и *Moneses*. Два последних рода считаем монотипными.

Pyrolaceae распространены в северном полушарии от Арктики на севере до Средиземноморья, Малой Азии, Гималаев и гор Мексики на юге. Центр видового разнообразия находится в Восточноазиатской флористической области Голарктического флористического царства.

На территории России произрастает не менее 24 видов, в Кировской области – 7. Значимых отличий от видового состава сопредельных территорий нет.

Грушанковые – мезофиты, встречаются в затенённых местах с относительной освещённостью не более 10%, на бедных оподзоленных слабокислых почвах, богатых гумусом и хорошо аэрируемых.

Pyrolaceae распространены в основном в равнинных и горных лесах, но могут встречаться и в иных фитоценозах. На территории Кировской области распределение по фитоценозам в целом не отличается от общемирового.

Полученные данные позволяют дополнить статью по семейству *Pyrolaceae* в Определителе растений Кировской области (1975).

Примечания

1. *Абрамов Н.В.* Флора Республики Марий Эл: инвентаризация, анализ, районирование, охрана и проблемы рационального использования её ресурсов: Дис. ... д-ра биол. наук. Пермь, 2001. 60 с.
2. *Багдасарова Т.В.* Ортилия однобокая // Биологическая флора Московской области / Под ред. В.Н. Павлова, Т.А. Работнова, В.Н. Тихомирова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 172-180.
3. *Багдасарова Т.В.* Зимолюбка зонтичная // Биологическая флора Московской области. Вып. 9. Ч. II / Под ред. В.Н. Павлова, В.Н. Тихомирова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 71-77.
4. *Багдасарова Т.В., Вахрамеева М.Г.* Одноцветка крупноцветковая // Биологическая флора Московской области / Под ред. В.Н. Павлова, Т.А. Работнова, В.Н. Тихомирова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 181-188.
5. *Багдасарова Т.В., Вахрамеева М.Г., Никитина С.В., Денисова Л.В.* Род Грушанка // Биологическая флора Московской области. Вып. 7 / Под ред. Т.А. Работнова. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 153-176.
6. *Буш Н.А.* Сем. CXXI. Грушанковые – *Pyrolaceae* Lindl. // Флора СССР. Т. XVIII / Гл. ред. В.Л. Комаров. Ред. тома Б.К. Шишкин и Е.Г. Бобров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 7-19.
7. *Васильев В.Н.* Флора и палеогеография Командорских островов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 259 с.
8. *Губанов И.А., Киселёва К.В., Новиков В.С., Тихомиров В.Н.* Определитель сосудистых растений центра европейской России. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Аргус, 1995. 558 с.
9. *Камелин Р.В.* Флорогенетический анализ флоры Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 356 с.
10. *Кожевников Ю.П.* Семейство вересковые (*Ericaceae*) // Жизнь растений / Гл. ред. А.А. Фёдоров: В 6 т. Т. 5. Ч. 2: Цветковые растения / Под ред. А.Л. Тахтаджяна. М.: Просвещение, 1981. 510 с.
11. Определитель растений Кировской области: В 2 ч. Ч.2. Киров, 1975. 303 с.
12. Растительные ресурсы СССР: Цветковые растения, их химический состав, использование. Л.: Наука, 1985. 336 с.
13. Растительный покров СССР / Под ред. Е.М. Лавренко, В.Б. Сочавы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 971 с.
14. *Рысин Л.П., Абатуров А.В., Савельева Л.И., Малышева Т.В., Маслов А.А., Меланхолин П.Н., Полякова Г.А., Полунина М.А., Рысин С.Л., Антюхина В.В.* Динамика хвойных лесов Подмосковья. М.: Наука, 2000. 221 с.
15. *Тахтаджян А.Л.* Систематика и филогения цветковых растений. М.; Л.: Наука, 1966. 611 с.
16. *Тахаджян А.Л.* Происхождение и расселение цветковых растений. Л.: Наука, 1970. 146 с.
17. *Тахтаджян А.Л.* Флористические области Земли. Л.: Наука, 1978. 248 с.
18. *Тахтаджян А.Л.* Система магнолиофитов. Л.: Наука, 1987. 439 с.
19. *Толмачёв А.И.* К истории возникновения и развития тёмнохвойной тайги. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.
20. *Толмачёв А.И.* О флоре острова Сахалин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 101 с.
21. *Толмачёв А.И.* Введение в географию растений: лекции, читанные студентам Ленинградского университета в 1958-1971 гг. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 244 с.

22. *Скворцов А.К.* Сем. 73. *Pyrolaceae* Dum. – Грушанковые // Флора европейской части СССР. Т. V. / Отв. ред. Ан.А. Фёдоров; Ред. тома Р.В. Камелин. Л.: Наука, 1981. С. 52-57.

23. *Цвелёв Н.Н.* Определитель сосудистых растений Северо-Западной России (Ленинградская, Псковская и Новгородская области). СПб.: Изд-во СПХФА, 2000. 781 с.

24. *Чукавина А.П.* Сем. 93. Грушанковые – *Pyrolaceae* Dumort. // Флора Таджикской ССР. Т. VII / Гл. ред. акад. П.Н. Овчинникова; Ред. тома А.П. Чукавина. Л.: Наука, 1984. С. 218-222.

25. *Штина Э.А.* Растения-индикаторы состояния почв // Экология родного края / Под ред. Т.Я. Ашихминой. Киров, 1996. 720 с.

26. *Юрцев Б.А.* Флора Сунтар-Хаята: Проблемы истории высокогорных ландшафтов северо-востока Сибири. Л.: Наука, 1968. 235 с.

27. *Copeland H.F.* Observations on the structure and classification of the *Pyroleae*. 1947. Madrono, №9. P. 65-102.

28. *Haber E., Cruise J.E.* Generic limits in the *Pyroloideae* // Canad. Jurn. Bot. 1974. Vol. 52, № 4. P. 877-883.

29. *Takhtajan A.L.* Outline of the classification of flowering plants Magnoliophita // The bot. rev. ew. 1980. Vol. 46. № 3. P. 225-359.

Таблица 1

Экологическая характеристика видов семейства *Pyrolaceae* Кировской области*

Вид	*Chimaphila umbellata*	*Moneses uniflora*	*Orthilia secunda*	*Pyrola rotundifolia*	*Pyrola media*	*Pyrola minor*	*Pyrola chlorantha*
Признак							
1. Освещённость							
шкала Ландольта	4	4	3	2	2	2	3
шкала Эленберга	—	4	4	4	—	6	—
2. Увлажнение							
шкала Раменского	—	70-82	—	60-74	72-84	—	59-74
шкала Ландольта	2	3	3	3	3	3	2
3. Кислотность почвы							
шкала Ландольта	3	2	3	3	3	2	4
4. Богатство почвы (особенно минеральным азотом)							
шкала Ландольта	2	2	2	2	2	2	2
шкала Раменского	—	4-8	—	—	4-10	—	3-5
5. Содержание гумуса							
шкала Ландольта	4	5	4	5	4	4	4
6. Механический состав							
шкала Ландольта	4	—	4	4	4	4	—

* Прочерк означает отсутствие данных по рассматриваемому признаку

Таблица 2

Фитоценотическая характеристика видов семейства *Pyrolaceae* Кировской области*

Вид	*Chimaphila umbellata*	*Moneses uniflora*	*Orthilia secunda*	*Pyrola rotundifolia*	*Pyrola media*	*Pyrola minor*	*Pyrola chlorantha*
Фитоценоз							
Сосновый лес							
зеленомошный	+	+	+	+	+	+	+
лишайниковый	+		+				
сложный	+		+				
болотно-травяной	+	+	+				
Сосново-еловый лес		+		+	+		+
Елово-сосновый лес	+		+	+			+
Еловый лес							
зеленомошный	+	+	+	+	+	+	+
болотно-травяной			+	+			
Елово-пихтовый лес			+	+			
Пихтово-еловый лес	+					+	+
Смешанный лес			+				
Хвойно-мелколиственный лес		+	+	+			
Мелколиственный лес			+			+	
Болото		+	+	+			

* Пустая клетка означает отсутствие данных по встречаемости в этом фитоценозе

В.В. Машковцева

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЯТСКОГО БРАТСТВА СВЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ СРЕДИ СТАРООБРЯДЦЕВ

В статье освещаются основные направления деятельности Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая, сыгравшего важную роль в борьбе со староверием во второй половине XIX – начале XX вв. Рассматриваются главные методы, с помощью которых братство выполняло свои миссионерские, просветительские и благотворительные функции. Статья написана с привлечением архивных материалов, большая часть которых впервые введена в научный оборот.

Начиная с середины XVII в., с момента раскола в Русской православной церкви, государственные власти пытались противостоять развитию старообрядчества, действуя при этом совместно с православными служителями культа. Борьба со староверием (а также сектантством) определила содержание внутренней миссии Русской православной церкви. Уже в XVIII в. существовали Вятская, Тобольская, Иркутская, Астраханская и Рязанская миссии.

Важную роль в деле распространения вероучения Русской православной церкви играли братства, открывавшиеся с благословения епархиального архиерея и разрешения губернатора. Они выполняли благотворительные и просветительские функции. Первое братство было открыто в 1865 г. в г. Саратове при Спасо-Преображенском монастыре – братство Святого Креста. Вскоре братства появились и в других городах: Святой Троицы в Златоустове (1868 г.), Святого Гурия в Казани (1869 г.) Святого Петра в Москве (1872 г.), Святого Дмитрия, митрополита Ростовского в Томске (1884 г.) и др.

В 1882 г. при Вятском кафедральном соборе по инициативе протоиерея Стефана Кашменского было основано братство Святителя и Чудотворца Николая. В уставе данного учреждения четко определялась сфера его деятельности: содействие епархиальному начальству и духовенству в их борьбе со староверием [1]. Вятское братство находилось под покровительством великого князя Сергея Александровича. Средства, за счет которых братство осуществляло свою деятельность, составляли следующие элементы: 1% от доходов церквей Вятской епархии, членские взносы, пожертвования, определенный процент с капитала братства [2]. В ведении Вятского братства находилось несколько школ, действовавших в разных регионах губернии. Так, в 1887 г. братство содержало 21 школу [3], в 1895 г. – 38 [4], в 1897 г. – 39 [5], в 1906 г. – 47 школ [6]. Школы, финансируемые братством Святителя и Чудотворца Николая, находились в тех населенных пунктах, где значительную часть населения составляли старообрядцы. Так, в Малмыжском уезде действовало несколько братских школ: в деревнях Сосновка, Нижнетойминская, Старая Тушка, Вихарево, Гыбдан [7]. В Яранском уезде миссионерские школы были открыты в деревнях Левкино, Павлово, Широково, Арзаматово [8]. По сообщению православных миссионеров Данила Шерстенникова и Александра Попова, в Глазовском уезде работали Омутнинская, Павлушатская, Сизевская, Кулигинская, Боринская, Балуинская, Слеповская, Шмыковская и Подгорновская братские школы [9]. В Уржумском уезде следует отметить Максинерскую, Еленбаевскую, Канчаренскую, Комаровскую, Тошнурскую, Черногрязинскую школы [10]. В ведении братства находились также школы в селе Июльском Сарапульского уезда и в деревнях Волково и Вишур Елабужского уезда [11]. В Орловском уезде насчитывалось пять братских школ (в Подрельском, Быстрицком, Верхораменском, Белозерском и Поломском приходах) [12].

Центральным учебным заведением братства Святителя и Чудотворца Николая являлась школа в Вятке, ученики которой знакомились с основами вероучения официальной церкви и историей старообрядчества. В числе изучаемых ими предметов значились история и обличение русского раскола, богослужение, священная история, катехизис и церковная история. Особое внимание уделялось первому названному учебному предмету, в рамках которого учащиеся получали сведения о сущности и причинах раскола в Русской православной церкви, о личности патриарха Никона и проведенных им реформах, о различных старообрядческих толках и согласиях, о догматах, обрядах и таинствах господствующей церкви и отношении к ним староверов. Под руководством епархиального миссионера и его помощника учащиеся овладевали навыками ведения бесед со старообрядцами, учились грамотно и тактично возражать им, убеждать в истинности официального православия. При этом пособиями служили сочинения архимандрита Павла Прусского, протоиерея С.Н. Кашменского, А. Озерского, Н. Тихвинского, старопечатные церковные книги.

Из вышеперечисленных следует особо выделить книгу главного миссионера Вятской епархии С.Н. Кашменского «Краткое руководство к собеседованию с мнимыми старообрядцами, отпадшими от святой церкви». В своем труде протоиерей дает практические советы, как следует вести беседу со старообрядцами, какой тон избрать, что отвечать на те или иные вопросы. В частности, он рекомендует «воздерживать себя от раздражительности и укоризн», поскольку отсутствие спокойствия отталкивает староверов и мешает миссионеру понять доводы собеседника и дать правильный ответ [13]. С.Н. Кашменский советует православным проповедникам начинать свое обраще-

МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и краеведения ВятГГУ

© В.В. Машковцева, 2003

10 Заказ 1831

ние к старообрядцам словами: «Вы говорите, что...», «А как же в такой-то книге пишется, что...». Он призывает также не переходить к обсуждению нового вопроса в случае, если остался не решенным предшествующий. Не следует также, отмечает протоиерей, одновременно говорить нескольким участникам беседы.

По окончании вятской школы ее выпускники назначались учителями в миссионерские братские школы, устроенные по принципу церковно-приходских школ. Вместе с православными в них учились и дети старообрядцев, причем численность последних возрастала пропорционально увеличению количества школ и в связи с постепенной либерализацией конфессиональной политики царского правительства. Так, в 1894 г. в школах Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая обучались 142 старообрядца, что составляло 14% от общего числа учащихся [14]. В них дети староверов и адептов Русской православной церкви вместе изучали Закон Божий, Катехизис, овладевали основами грамоты и арифметики. Таким образом, программа братских школ в основном соответствовала таковой в церковно-приходских школах, но в миссионерских школах акцент делался на изучение Закона Божия, сущности и основных положений староверия и принципов ведения бесед со старообрядцами. Однако следует отметить, что в ряде школ учителя вынуждены были отказаться от преподавания Закона Божия, поскольку в противном случае старообрядцы отказывались отпускать своих детей на занятия. Так произошло, например, в Черногрязинской братской школе Уржумского уезда.

Без сомнения, огромную помощь духовенству оказывали православные учебные заведения всех типов, в частности школы грамоты, церковно-приходские школы, училища названного Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая, земские народные училища и др. Их учащиеся не только постигали православную теологию, но и принимали участие в отправлении культа (как певцы, чтецы и пр.). Основной целью данных учебных заведений было формирование образованной, социально активной православной молодежи, способной к проведению миссионерской деятельности среди адептов различных старообрядческих согласий.

В церковно-приходских школах ученики изучали такие предметы, как Закон Божий, церковно-славянская грамота, русский язык, чистописание, математика, церковное пение. В качестве учебников и наглядных пособий в них использовались «Начальное наставление в Законе Божием» Н.А. Попова, Евангелие на русском языке, Молитвослов, карта Палестины, «Начатки православного христианского учения», «Начальное наставление в православной христианской вере» Соколова (по Закону Божию); Октоих, «Курс хорового пения», «Краткое руководство обучению пению по квадратной ноте» (по церковному пению); Евангелие на церковно-славянском языке, Псалтырь, Часослов, Молитвослов (по церковно-славянской грамоте); «Азбука правописания» Тихомирова, «Уроки правописания» Пуцыковича, «Книга для чтения» Паульсона, «Букварь» издания Святейшего Синода (по русскому языку); прописи, составленные Гербачем, С.Н. Кашменским (по чистописанию); «Сборник арифметических задач и численных примеров» Евтушевского (по математике) и др. [15]. Однако миссионеры, учителя школ в своих отчетах постоянно подчеркивали недостаточное количество литературы для учащихся и пособий для преподавателя, что порой негативно отражалось на результатах учебного процесса.

Как в братских, так и в церковно-приходских школах совместно обучались дети староверов и приверженцев официальной церкви. Это был один из шагов на пути их сближения. В 1902 г. в церковно-приходских школах, находившихся в ведении Вятского епархиального училищного совета, насчитывалось 306 старообрядцев [16]. Некоторые из них отказывались молиться, исполнять долг исповеди и причастия, принимать участие в церковных песнопениях, другие же иногда, по воскресным и праздничным дням, приходили в храм на богослужение. Не случайно организации братских и церковно-приходских школ придавали большое значение как светские, так и духовные власти. В частности, сенатор В.К. Саблер, выступая на открытии III Всероссийского миссионерского съезда в Казани 22 июля 1897 г., отметил, что дети староверов, обучаясь в школе, «приносят в семью знакомство с учением церкви и смягчают враждебное к ней отношение своих родителей» [17]. Он назвал школу, служившую делу единения адептов официальной церкви и старообрядцев, «полезной сотрудницей миссии» [18]. Высоко оценил роль школы в деле борьбы со староверием и обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. По его признанию, обучение в школе детей старообрядцев под руководством и непосредственным наблюдением приходских священников, участие в церковном чтении и пении постепенно «подрывает в раскольнических ребятах то средостение, которым раскольники думают себя оградить от влияния православной церкви» [19].

Яркий пример подвижничества являли собой учителя школ. Многие из них были выходцами из крестьянского сословия и длительное время проживали в селах, где староверие получило свое распространение. Социальное родство и знание духовных традиций и быта старообрядцев способствовали установлению прочных контактов с ними. Это, в свою очередь, помогало учителям влиять и на религиозные воззрения старообрядцев, а также проповедовать среди них вероучение Русской православной церкви. Например, учитель Масканурской школы Уржумского уезда – сын крестьянина Михаил Петрович Гуляев – всецело посвятил себя педагогической деятельности, несмотря на то, что ему достаточно тяжело было исполнять свои профессиональные обязанности. Будучи калекой, он ходил на костылях и не мог

долго стоять на ногах. М.П. Гуляев во всем показывал пример своим ученикам: являлся примерным христианином, соблюдал посты, читал молитвы, вместе с детьми исполнял долг исповеди и причастия [20]. Он заслужил поощрение епархиального училищного совета.

С «неослабевающим усердием» трудился и учитель Власовской братской школы Симеон Ложкин. Благодаря его усилиям школа получила высокую оценку не только адептов официальной церкви, но и старообрядцев, которые охотно отдавали в нее своих детей. С. Ложкин успешно занимался и миссионерской деятельностью. За 19 лет работы он вернул в лоно Русской православной церкви 40 староверов. Ярким доказательством результативности труда Симеона Ложкина служит факт уважения власовских старообрядцев официального православия и служителей культа господствующей церкви. За многолетнюю педагогическую и миссионерскую деятельность Симеон Ложкин, по решению совета Вятского Братства Святителя и Чудотворца Николая, был представлен к серебряной медали на александровской ленте и получил денежную награду [21].

Нельзя не назвать и имя талантливого проповедника, опытного миссионера, учителя Зубаринской братской школы Иоанна Маракулина. Как отметил священник Николай Ергин, с прибытием И. Маракулина в центр беспоповщины Нолинского уезда – деревню Зубари – «православные ободрились, колеблющиеся утвердились в православии, раскольники присмирели» [22]. Благодаря его пастырским наставлениям местные старообрядцы утратили былой фанатизм. В 1899 г. Иоанн Маракулин за весомый вклад в дело искоренения староверия получил благодарность епархиального начальства (о чем было выдано соответствующее свидетельство) и денежное пособие для дальнейшего ведения противораскольнической деятельности в размере 25 рублей.

Успешно совмещал труд педагога и миссионера Александр Шатров – учитель церковно-приходской школы села Зюздино-Христорождественского. Он регулярно проводил воскресные религиозные чтения между утренней и литургией, на которых присутствовали как адепты Русской православной церкви, так и староверы, что, бесспорно, способствовало их сближению [23].

Талант учителей школ проявлялся и в том, что они пытались найти разные способы воздействия на ум и сердце старообрядцев. Некоторые проповедники писали обращения к ним в стихах. Например, в дневнике бесед со староверами учителя Ботанинской братской школы Михаила Сергеева содержатся следующие поэтические строки:

Начетчику старообрядцу

Человек ты – значительный,
В Слове Божием – начитанный,
Вот возьми ты книгу старую,
Ты зовешь ее – книгой верою,
Прочитай ее со вниманием,
Дорожишь и ты ведь спасением,
Лист пятнадцатый перекидывай,

Вот смотри сие, не проглядывай:
Иже церкви Сионския удаляется,
Врагом Божием называется,
А бесам друг горемычныя,
К церкви Божия не привычныя,
Посрамятся они от Господа,
Как трава от огня иссохшая [24].

В приведенных выше стихотворениях чувствуется искреннее желание учителя-миссионера убедить старообрядцев в истинности вероучения официальной церкви, побудить их к воссоединению с нею. Обращает на себя внимание и вежливый тон проповедника, избрание которого уже служило одной из составляющих успеха.

Известны случаи, когда учителя школ, выполняя свои педагогические и миссионерские обязанности, сталкивались с серьезным сопротивлением со стороны старообрядцев и даже подвергались опасности. В частности, сведения об этом содержатся в отчете миссионера Павла Тронина за 1894 год. 13 июля он посетил деревню Куприял-Сола Уржумского уезда. Вечером жители деревни собрались в доме Абрама Алексеевича Богданова, учителя местной школы, бывшего ученика Павла Тронина. В ходе беседы вспомнили, как в 1844 г. Богданов, перекрестившись, пообещал миссионеру, что отдаст все свои силы и средства на открытие школы в родной деревне. Слово свое он сдержал. Абрам Алексеевич начал с того, что стал брать уроки у П. Тронина и перестроил свой дом, приспособив его под школу. Когда все было готово, Богданов с рвением принялся за обучение детей. Однако старикам, которые видели, что ребята ходят с учителем в церковь, усердно молятся дома, все это пришлось не по нраву. Тогда они собрались вместе, вызвали Богданова и потребовали от него отказаться от своего учительского труда. Разумеется, Абрам Алексеевич не согласился выполнить их требование. Услышав такой ответ, толпа набросилась на учителя. Защитил его своей «богатырской грудью» брат Никита. А. Богданову удалось вырваться из рук разъяренной толпы, а Никита, истерзанный, был брошен посреди улицы. Недовольный народ унял случайно проезжавший мимо старшина волостного правления. Абрам Алексеевич по-христиански простил своих «врагов», а брат его вскоре умер от нанесенных побоев. Школа стала продолжать свою работу уже под защитой местных властей [25].

Многие миссионеры, члены братства, для борьбы со старообрядчеством активно использовали такую меру, как организация религиозно-нравственных собеседований (как публичных, так и индивидуальных). Для проведения общественных собеседований со старообрядцами предварительно составлялась их программа. Так, например, 7 октября 1902 г. священникам г. Уржума, собравшимся в Уржумском соборе, местный благочинный зачитал императорский указ от 18 сентября 1902 г. Согласно данному документу, каждый из них должен был принять участие в проведении бесед со старообрядцами. Активную работу в данном направлении вели священники Стефан Попов, Павел Тронин, Ефрем Александров, Федор Тихвинский, Павел Сушков, Михаил Разсветов и протоиерей Ипполит Мышкин. Ими регулярно проводились собеседования на религиозные темы, как-то: о страданиях и мученической смерти Иисуса Христа, силе крестного знамения, необходимости принятия и почитания четырехконечного креста (9 марта 1903 г.); о сугубой и трегубой аллилуйе, двоеперстии и троеперстии, хождении по солнцу и против солнца при совершении религиозных обрядов (16 марта 1903 г.); о написании имени Господа Иисус, о проскомидии и количестве просфор на ней (23 марта 1903 г.); о расколе в Русской православной церкви (из истории вопроса), о церковных соборах 1666-70-х гг. XVII в. (30 марта 1903 г.). После каждой из бесед устраивались хоровые религиозные песнопения [26].

Подобные публичные собеседования со старообрядцами с благословения епископа Вятского и Слободского проходили в городе Вятке в доме общественного призрения бедных по воскресным дням во время Великого Поста в 1903 г. Всего миссионерами было организовано четыре беседы: о Русской православной церкви и роли служителей культа (2 марта); об антихристе (9 марта); о таинстве святого причастия и его необходимости (16 марта); о непринятии старообрядцами реформ патриарха Никона (23 марта) [27].

Кроме того, миссионеры, учителя братских школ практиковали индивидуальные беседы со старообрядцами, в ходе которых они пытались убедить «ревнителей древнего благочестия» в истинности официального православия, в необходимости воссоединения с господствующей церковью. Так, протоиерей Василий Раевский уверял старообрядцев: «Каждому человеку должно непременно принадлежать к Церкви, если хочет он спастись, каждому непременно должно освящаться таинствами, которые совершаются только в Святой Церкви и нигде, кроме ея» [28]. При этом священнослужитель ссылался на такую уважаемую староверами книгу, как Катехизис. Несмотря на это старообрядец Матвей Гаврилов остался непреклонным, ответив, что староверы не перейдут в лоно Русской православной церкви, поскольку там со времен патриарха Никона принято троеперстие и хождение против солнца во время совершения обрядов крещения и венчания, что неприемлемо для них. Аналогичное суждение высказали Алексей Подьячев и Стефан Соловьев в беседе с окружным благочинным Елабужского уезда: «... в вашей церкви иконы и книги новые, и таинства совершаются не по чину, какой существовал в древней церкви, это-то самое как легло на совести и оттолкнуло нас от вашей церкви» [29].

Действительно, непринятие староверами обрядовых новшеств, а именно: поясных поклонов, троеперстного крестного знамения, изменения формы креста, хождения против солнца при совершении религиозных обрядов, троекратного повторения слова «аллилуйя» в религиозных песнопениях и др. – стало одной из причин раскола. Именно духовные, религиозные мотивы побудили вождей старообрядчества встать в ряды противников официальной церкви. По словам С. Зеньковского, «без знамени защиты древлего православия боголюбцы и капитоны вряд ли пошли бы на открытый разрыв с церковью» [30]. Исходя из концепции «Москва – Третий Рим», они считали лишь русское православие истинным и единственно правильным. Вследствие этого русские православные не могли даже допустить мысли о том, что их религиозные обряды оказались «поврежденными» по сравнению с греческими, требующими исправления [31]. Все обрядовые новшества, наряду с правкой книг, оказали огромное психологическое воздействие на русских верующих и были восприняты ими как «полная революция в уставе», что вело «только к подрыву веры, а не вящей славе Господа» [32]. Старообрядцы считали своим долгом умереть «за единый аз», отдать дань традиции. Они восприняли от своих предков отношение к религии. Для древнерусского начетчика, как отмечает известный общественно-политический деятель первой половины XX в., исследователь культуры П.Н. Милюков, религия представляла собой ряд «молитвенных формул», наполненных божественным смыслом. Изменить в одной из таких формул «хотя бы малейшую подробность» означало лишить ее высшего смысла, «таинственной силы». Следовательно, «с неприкосновенностью формулы связывалась сила и действенность обряда» [33]. Недопустимо было изменить обряд, добавить йоту к святому имени Иисуса, когда он сказал: «Истинно говорю вам, небо и земля прейдут, а слова мои не прейдут!» [34]. За эту «йоту» старообрядцы готовы были принять страдание, отдать свою жизнь. «Умру за персты, за хождение по солнышку!» – ответил вятский старовер Михаил Гаврилов на увещевания православного миссионера [35].

Беседуя с православными служителями культа, старообрядцы высказывали и свое отношение к патриарху Никону. Как известно, глава Русской православной церкви воспринимался ими как одно из воплощений антихриста, воцарившегося в мире со времен религиозных реформ патриарха. Под властью антихриста, как считали староверы, оказалась официальная церковь, которая в связи с этим утратила свою благодать.

Для того, чтобы доказать истинность своих убеждений, старообрядцы рассказывали православным миссионерам и мирянам «сказку» о Никоне. Приведем один из её вариантов: «Никон пришел к одному пустыннику, чтобы совратить его в свою веру. Пустынник был прозорливый, послал его к морю, посмотреть, что там есть. И вот видит Никон: бежит по морю человек, а за ним – лютый зверь с разинутой пастью, бежит и нагнать не может; так и скрылись из виду. Воротился Никон, передал это чудо пустыннику, тот послал его снова к морю. Во второй раз Никон видит: летит над морем стадо гусей, которое и пролетело мимо. В третий раз послал пустынник Никона к морю и Никон увидел, что «птичка – синичка» пьет из моря воду и на вопрос Никона, что она делает, ответила, что хочет выпить море. Тогда пустынник объяснил Никону, что как зверь не может нагнать человека, как гуси летят своею дорогою, так и ему, Никону, не нагнать, не совратить пустынника, который идет своею дорогою, и что скорее «птичка-синичка» выпьет море своим клювом, чем он, Никон, совратит пустынника в свою веру. Так и ушел Никон ни с чем от пустынника» [36].

Пытаясь опровергнуть вероучение старообрядцев и их взгляды на официальное православие, миссионеры рассказывали им о благодати и истинности Русской православной церкви, ее таинствах, убеждали в необходимости воссоединения с ней для спасения души. Среди наиболее активных проповедников выделяются миссионер северной полосы Глазовского уезда Александр Попов, который провел 40 бесед со старообрядцами в 1904 г.; учитель Александр Палкин (Сележский приход Глазовского уезда), организовавший 37 бесед за период с 1октября по 6 мая 1904 г.; миссионер Сарапульского уезда Василий Юферев, на счету которого значилось 8 публичных бесед. Больших успехов достигли также миссионеры Уржумского уезда Павел Тронин, присоединивший в 1894 г. к Русской православной церкви 15 человек; Алексей Бехтерев, в 1897 г. вернувший в лоно официальной церкви 16 старообрядцев (из семидесяти, числившихся в его приходе) и др.

Помимо вышеперечисленных мер (финансирования школ, проведения частных и публичных собеседований) братство Святителя и Чудотворца Николая открывало библиотеки, где хранились книги, обличающие староверие. Отметим, что подобные противораскольнические библиотеки создавались при церквах и соборах, например при Троицком соборе в Уржумском уезде. Всего в ней хранилось 107 книг, в числе которых «История русского раскола» митрополита Макария (1853), «Обличение ответов, данных раскольниками австрийского священства» игумена Парфения (1864), «Очерк раскола» протоиерея Охотина (1857), «История белокриницкой иерархии» Н. Субботина (1874), «Письма о расколе» П. Мельникова (1862), «Мысли старообрядца» (1861), «О сложении перстов для крестного знамения» (1861), «Краткое руководство к собеседованию с мнимыми старообрядцами, отпадшими от святой церкви» С.Н. Кашменского (1882) и др. [37]. Тридцать две книги по истории старообрядчества и опровержению его вероучения находились и в личной библиотеке уржумского протоиерея Ипполита Мышкина. Литература такого содержания являлась необходимой для успешной работы миссионеров, в частности проведения бесед со старообрядцами, поскольку для результативной деятельности им нужно было знать идеологию своих оппонентов.

В целях противодействия старообрядчеству братство практиковало распространение среди народа книг, брошюр противораскольнического содержания через миссионеров, их помощников и учителей братских школ. Например, в 1897 г. на средства Братства было приобретено и распространено 3116 экземпляров соответствующих брошюр и «листков» [38].

В 1901 г. братство Святителя и Чудотворца Николая приступило к созданию специального фонда для оказания помощи материально нуждающимся присоединившимся к Русской православной церкви [39]. Данный факт имел немаловажное значение, поскольку часто новообращенные православные христиане испытывали жесткий прессинг со стороны своих недавних единоверцев, находившихся в более выгодном финансовом положении. Нередко старообрядцы подчеркивали свое материальное благосостояние как одно из доказательств истинности их вероучения, беседуя с адептами официальной церкви. В такой ситуации, бесспорно, последние нуждались в поддержке как духовной, так и материальной, с целью укрепления религиозных чувств. В связи с этим соответствующие меры предприняло Вятское братство.

Таким образом, Вятское братство Святителя и Чудотворца Николая выполняло свои миссионерские, просветительские и благотворительные функции через открытие школ, проведение частных и общественных бесед со старообрядцами, создание противораскольнических библиотек, распространение книг и брошюр, обличающих староверие, организацию помощи материально нуждавшимся православным, вернувшимся в лоно господствующей церкви.

Примечания

1. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3212. Л. 3.
2. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1897 год. Вятка, 1898. С. 78.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 238. Л. 65.
4. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1895 год. Вятка, 1896. С. 56.
5. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1897 год. Вятка, 1898. С. 78.
6. Обзор Вятской губернии за 1906 год. Вятка, 1907. С. 91.
7. РГИА. Ф. 803. Оп. 10. Д. 84. Лл. 101об.-104.
8. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 520. Л. 11.
9. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 668. Л. 16; ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 672. Л. 13.
10. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 669. Лл. 13об.-14.

11. РГИА. Ф. 803. Оп. 10. Д. 84. Лл. 12, 59об.-60.
12. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 170. Л. 5об.
13. *Кашменский С.Н.* Краткое руководство к собеседованию с мнимыми старообрядцами, отпадшими от святой церкви. Вятка, 1879. С. 53.
14. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 94. Л. 59.
15. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 124. Л. 302об.
16. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 124. Л. 302 об.
17. *Скворцов В.М.* Указ. соч. С. 12.
18. Там же. С. 13.
19. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб., 1903. С. 226 - 227.
20. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 118. Лл. 215-216.
21. ГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 110. Лл. 7-9 об.
22. ГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 197. Л. 4 об.
23. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 124. Л. 308.
24. ГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 52. Лл. 24-25.
25. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 382. Лл. 19об.-20.
26. ГАКО. Ф. 237. Оп. 203. Д. 424. Лл. 125-126.
27. Беседы со старообрядцами // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1903. № 25. С. 1.
28. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 331. Л. 15.
29. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15к. Д. 441. Л. 69 об.
30. *Зеньковский С.* Русское старообрядчество. М., 1995. С. 496.
31. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 155.
32. *Зеньковский С.* Указ.соч. С. 225.
33. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1994. С. 44, 46.
34. *Розанов В.В.* Психология русского раскола // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 34.
35. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 331. Л. 16.
36. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 515. Л. 28.
37. ГАКО. Ф. 237. Оп. 203. Д. 424. Лл. 46об.-47.
38. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1897 год. Вятка, 1898. С. 78.
39. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 409. Л. 163.

А.В. Казаков

ОБРАЗНЫЕ ПАРАДИГМЫ С ЛЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ «РУКА»

В статье рассматриваются образные парадигмы с левым компонентом «рука», собранные из Библии, произведений Шекспира и современных авторов. Парадигмы анализируются с точки зрения их этимологии, преемственности, продуктивности, мелиоративной и пейоративной оценки.

Под образной парадигмой мы, вслед за Н.В. Павлович, понимаем «как сам инвариант, так и множество образов, в которых он реализуется» (Павлович, 1995, с. 48). Под инвариантом образа понимается сложный смысл X → Y; X и Y – понятия, находящиеся в отношении противоречия, а стрелка показывает направление отождествления X и Y. При этом X и Y есть инварианты лексических рядов, X – того, что отождествляется, а Y – того, с чем происходит отождествление. То, что отождествляется (X), принято называть левым членом парадигмы, а то, с чем происходит отождествление (Y), – правым членом парадигмы.

Собранный нами материал позволил выделить следующие инварианты с левым компонентом «рука»: рука → растение, рука → живое существо, рука → соматизм, рука → вещество, рука → стихия, рука → предмет, рука → пространство, руки → вместилище.

Большая парадигма орган → растение имеет малую – рука → растение. Эта парадигма была очень продуктивна как во времена Шекспира, так и в настоящее время. Наш материал позволил выделить несколько направлений, по которым эта парадигма развивается.

Во-первых, сопоставление возможно за счет перенесения действий, свойственных растениям, на руку: в основном это способность цвести (*her hand **like** a drifting white **blossom*** (Stephen Vincent Benet)).

Во-вторых, ассоциации с цветами идут за счет:

1) прямого отождествления: *with the touches of those **flower-soft hands*** (Shakespeare); ***the flowery** hands of spring* (Clive Hamilton). У современных авторов парадигма обновляется за счет создания обратной парадигмы цветок → рука: *What **flowers are like** her hands* (Algernon Charles Swinburne), а также за счет совмещения с олицетворением весны; 2) сопоставления с конкретным видом цветов – чаще всего это лилии: *Her **lily hand** her rosy cheek lies under* (Shakespeare); розы: *She comes ... with **wild-rose** hands and feet* (Madison Cawein); маргаритки: *Whose perfect white **Show'd like an April daisy on the grass*** (*Как **маргаритка** на траве в апреле, Над пеленой зеленых покрывал **Ее рука** откинута в постели*) (Shakespeare); 3) сравнения с частями цветов – лепестками: *Her hands like **waxen petals*** (Stephen Vincent Benet) или бутоном: *A baby's hands, **like rosebuds furled*** (Algernon Charles Swinburne).

В-третьих развитие парадигмы идет за счет сравнения с травой: *such **wither'd herbs** as these Are meet for plucking up, and therefore mine* (*...подобает **Засохшие растенья** вырывать А посему мою рубите **руку***) (Shakespeare); с изделиями из травы: *make **a wreath** Of my locked hands* (Millay); указания на разновидности трав: *Soft little hands that stray and clutch, **Like fernfrondscurl*** (Laurence Binyon).

Очень часто сравнение идет по линии 1) рука-дерево (кустарник): *mine arm Is, like a blasted **sapling**, wither'd up* (Shakespeare) ; 2) рука-ветка, весьма распространенной как во времена Шекспира: *what stern ungentle hands Have lopp'd and hew'd and made **thy body** bare Of her **two branches***, так и в настоящее время: *I reach her with her green-armed bowers, I kiss her with the lips of flowers* (John Greenleaf Whittier). Данная парадигма рука → ветка имеет обратную ей парадигму ветка → рука: *the **arms of the blossomed boughs*** (Nesbit); 3) сравнения рука-лист: *those lily **hands Tremble, like aspen-leaves*** (Shakespeare). В настоящее время возникла обратная парадигма – лист → рука: ***leaves like** hands Weaving the fairdaythrough* (Arthur O'Shaughnessy).

Перечисленные парадигмы рука → дерево, рука → ветка, рука → лист пересекаются между собой. На сравнение с веткой указывает сопоставление с деревом: *Trees ... Quavering up like withered arms* (Stephen Vincent Benet) или листом: *A tree ... lifts **her leafy** arms to pray* (Joyce Kilmer).

Одушевляя растения, рука и сама олицетворяется. Парадигма рука → живое существо представлена двумя малыми парадигмами: рука → животное и рука → человек.

Интересно соотношение значения «рука» со значением «лошадь» (символизирует внешний мир): лат. Mannus «мерин», но лат. Manus «рука», англ. mare «кобыла», но и.-е. *mer- «рука» (Маковский, 1996, с. 107). Шекспир олицетворяет руку, сравнивая ее с голубкой: *She takes him by the **hand**... This beauteous combat, wilful and unwilling, Show'd like two silver **doves** that sit a-billing.* У современных поэтов нам встретилось лишь косвенное отождествление руки и птицы: *her hand **hovers** on my Shaking limbs* (Trumbull Stickney).

Более продуктивна другая парадигма – рука → человек. Это находит подтверждение в этимологических исследованиях. Например, по мнению М.М. Маковского, понятие руки может соотноситься с понятием Бога, человека, мужчины: лат. Manus «рука», но англ. man, нем. Mann «человек» (Маковский, 1996, с. 281-282). В настоящее время актуализируется потенциальная сема «властный» в следующих примерах: рука-солдат (*the arm our **soldier*** (Shakespeare)); рука-охранник (*her arms **Shall be thy guard*** (Shakespeare)).

Мелиоративная оценка представлена образами рука-девушка, рука-женщина: *this **hand** of mine Is **yet a maiden and an innocent hand*** (Рука моя, как девушка, чиста...) (Shakespeare). Развитие парадигмы идет за счет совмещения двух разных образов – рука → снег и рука → женщина: *the snow's **daughter**, a white hand* (George Darley).

Мужская природа имеет как положительную оценку, актуализированную семой «властный» (рука-солдат, рука-охранник), так и отрицательную окраску, например, в образе рука-враг: *She takes him by the **hand**... So white a **friend** engirts so white a **foe*** (Shakespeare).

Парадигма рука → соматизм малопродуктивна, но интересна тем, что продолжает парадигму рука → *живое существо.* Значение рука, по мнению М.М. Маковского, нередко соотносится со значением «рот»: ср. др.-англ. mund «рука», но др.-в.-нем. Mund «рот» (Маковский, 1996, с. 280). Пример из Шекспира подтверждает сказанное: *speaking is for beggars; he wears his **tongue in's arms.*** Слова «рот», «язык», «зубы» принадлежат к одному семантическому полю, поэтому образы рука → зуб, рука → язык представляются нам корректными: *thou mayst **hold a serpent by the tongue, A chafed lion by the mortal paw, A fasting tiger safer by the tooth, Than** keep in peace **that hand** which thou dost hold* (Shakespeare).

На связь парадигм рука → животное (птица) и рука → соматизм указывают образы, в которых рука сравнивается с крылом: *His arms spread wider than **a dragon's wings** (Shakespeare); **like twitching pinions**, an arm twisted* (Stephen Vincent Benet).

Понятие «рука» сравнивается с другими соматизмами по признаку «большой – маленький». Так, например, большие руки сравниваются с бараньей ногой: *Her **arms were like legs of mutton**, her breasts like giant cabbages* (Maugham); а маленькие – с цыплячьими косточками: ***the arms**... were frail bones that reminded you **of chicken bones*** (Maugham) или даже пальчиками: ***Thy hand is but a finger** to my fist, Thy leg a stick compared with this truncheon* (Shakespeare).

Парадигма включает несколько малых парадигм: рука → земля (камень), металл, материал.

По мнению М.М. Маковского, в древнем обществе рука как орудие производства была заменена камнем, что находит отражение в языке: ср. русск. «рука», но англ. rock «скала». Кроме того, подобные образы мы встречаем и в поэзии в настоящее время: *wilt thou have my hand, Dear, to lie along in thine? As a little **stone** in a running stream* (Elizabeth Barrett Browning). «Вполне возможно, однако, – пишет М.М. Маковский, – что соотношение "рука" и "камень" обусловлено и тем обстоятельством, что и рука, и камень использовались как средство заклинания, как средство наложения и снятия чар, как источник колдовства, как талисман» (Маковский, 1996, с. 283). Наш материал показывает, что ассоциации могут идти по цвету: рука сравнивается с алебастром (*their innocent **alabaster** arms* (Shakespeare)); слоновой костью (*her **ivory** hand* (Shakespeare); *an **ivory** arm*); или и тем и другим одновременно (*She takes him by the **hand**... So... **ivory** in an **alabaster** band* (Shakespeare)).

В парадигме рука → металл образному переосмыслению подвергаются семы «ценное»: *His hands are rods of **gold** set with beryl* (Bible); *Fair hand whose touches thrill, Like **golden rod** of wonder* (William Johnson-Cory); «сильный»: *He was scarce Three-fourths the other's bulk, but **steel his arms*** (Edgar Lee Masters); и сема цвета: *His arms and feet like burnished **bronze*** (Bible).

Достаточно отчетливо прослеживаются противоположные семы «мягкий» и «грубый» в малой парадигме рука → материал. В первом случае используется сопоставление руки и пуха: *this hand, As soft as **dove's** down* (Shakespeare); руки и меха: ***Furry** arm*

КАЗАКОВ Андрей Викторович – ассистент кафедры романо-германской филологии ВятГГУ
© А.В. Казаков, 2003

around my neck (Fannie Stearns Davis); руки и шелка: *no lace Of cotton or* ***silk*** *could ever be Tossed into being more airily Than the filmy golden hands* (Lowell). Грубые руки Шекспир сравнивает с жесткой кожей (*leathern hand*) или деревом: *Bind fast his* ***corky*** *arm (вяжите крепче высохшие руки*).

Парадигма рука → стихия включает в себя в основном образы рука-снег. Они широко использовались как у Шекспира (***Snow-white*** *hand; Is there not rain enough in the sweet heavens* ***To wash it (hand) white as snow?***), так и у современных авторов (*the wee hands that now are white as* ***snows*** (Eugene Lee-Hamilton)). В качестве основания сравнения в большинстве случаев выступают семы «белый»: ***snowy*** *hand* (John Lyly) или «холодный»: *Daphne's* ***snowy*** *hand but touched does melt* (John Lyly). В настоящее время парадигма расширяется за счет слов того же семантического поля, что и слово «снег»: рука-снежинка (*her* ***palm*** *... cool and* ***soft as a snowflake*** (London)); рука-лед (*Whose* ***icy*** *hand no human ever grasped* (Elsa Barker)); рука-мороз (*Mine is the* ***frost-pale*** *hand* (Madison Cawein)). Появление обратной парадигмы снег → рука свидетельствует о ее продуктивности (*at thy pane beat hands of* ***sleet and snow*** (Sophie Jewett)).

В парадигме рука → предмет материал позволил выделить малые парадигмы руки → веревки. В Библии парадигма представлена образом руки-путы: *whose* ***hands*** *are* ***fetters*** (Bible), у Шекспира это руки-ленты: *her arms infold him* ***like a band.*** В работах современных поэтов повторяется образ руки-ленты: *They close, clenched hard* ***like tightening bands*** (Algernon Charles Swinburne), *our* ***arms enlace*** (Stephen Vincent Benet). Индивидуально-авторские образы – руки-саван: *These arms of mine Shall be thy* ***winding-Sheet*** (Shakespeare), руки-ярмо: *on his neck her* ***yoking arms*** *She throws* (Shakespeare) и руки-паруса: *his arms like the* ***sails of a windmill*** (Twain) можно понять, зная парадигму руки → веревки.

Парадигма рука → оружие представлена в Библии в виде косвенного образа *My hand like a* ***breakthrough*** *of water* (Бог прорывался через моих врагов. Бог сделал это моими руками). Данные образы немногочисленны у Шекспира, но оформлены более прозрачно: в виде квазитождества (*thy own* ***hand yields thy death's instrument***) и сравнения (*Men do their broken* ***weapons rather*** *use* ***Than their bare hands***). У современных авторов образ рука-оружие повторяется (*She cannot be attacked with* ***masculine weapons, e.g., fists and firearms*** (Mencken)), но добавляется новый образ, где называется конкретное оружие (*he... Could not rise nor wander from* ***my Shielding arm****; kiss down* ***her Shielding*** *hand* (Dora Sigerson Shorter)).

Парадигма рука → часы представлена в собранном материале следующими образами. Во-первых, общим словом «механизм»: ***her arm*** *moved mechanically, that* ***Should never have been subdued to a mechanism*** (Lawrence); во-вторых, более конкретным «часы»: *Their arms are set* ***like clocks****, stiff to strike on*; в-третьих, используется образ руки-стрелки: *the old* ***Dutch clock*** *in the chimney-place Up with its hands before its face* (Eugene Field); *the* ***bawdy hand*** *of the dial is now upon the prick of noon* (***Шаловливая стрелка*** *часов уже указывает на полдень...*) (Shakespeare).

Парадигма рука → пространство представлена у Шекспира образами рука-поле (*Making my arms* ***his field****, his tent my bed*) и индивидуально-авторским образом рука-Шотландия: *in what part of her body stands...* ***Scotland?*** *I found it by the barrenness; hard* ***in the palm of the hand.*** Парадигма встречается и у более поздних поэтов в виде обратного образа берег-рука: ***a Shelving bank of turf****... dared to fling* ***Its green arms*** *round the bosom of the stream* (Percy BysShe Shelley).

С парадигмой пространство связаны образы другой парадигмы – руки → вместилище, которая представлена двумя типами образов: руки-гнездо и руки-здание. Данные образы свойственны только современным писателям: *your* ***nest is my arm's embrace*** (John Todhunter); *Come* ***nestle in my*** *arms* (Winthrop Packard).

Образы руки-здание представлены проивоположными примерами руки-тюрьма (*let her* ***prison be my*** *arms* (Charles Wyndham)) и руки-храм (*folded from all harms, In* ***her Shrining arms*** (Josephine Preston Peabody)).

Парадигмы с левым членом «рука» встречаются как в произведениях авторов XVII века, так и в настоящее время. Некоторые из парадигм имеют этимологическое обоснование (рука → человек, рука → животное). Не все парадигмы одинаково продуктивны. Наиболее многочисленны образы рука → человек, рука → растение, рука → вещество. Непродуктивные парадигмы могут являться продолжением более традиционных парадигм. Некоторые парадигмы представлены образами как мелиоративной, так и пейоративной оценки.

Примечания

1. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. 415 с.

2. *Павлович Н.В.* Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995. 491 с.

Л.В. Кропотова

О СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЯХ СЛОВОЗНАЧЕНИЯ

Проблематика значения в современной семасиологии наиболее интенсивно разрабатывается в разделах лексической и синтаксической семантики. Структура значения определяется содержанием интенсионала и импликационала. Природа значения обнаруживается в сравнении их содержания. Компоненты содержательной структуры понятия определяют значения многозначного слова и увязывание этих значений в единую смысловую структуру.

Не только речь, но и вообще знаковая деятельность любого рода осуществляется ради передачи значения. Словесные и всякие иные знаки и знаковые системы предназначены для того, чтобы служить передатчиками, трансляторами значений. Значение – предмет не одной только лингвистики, но проблема общенаучная и, более того, одна из центральных проблем современной лингвистики. Проблематика значения органически вошла в круг интересов целого ряда наук и научных дисциплин, и прежде всего философии, логики, кибернетики, социологии, психологии, семиотики, лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики и других. Наиболее интенсивно эта проблематика исследуется с позиций философии (гносеология, или теория познания), логики (логическая семантика, модальная логика), семиотики (семантика), лингвистики (семасиология) и психолингвистики [8].

Возникающие при исследовании значения проблемы настолько сложны, многочисленны, так тесно связаны с решением кардинальных вопросов гносеологии и методологическими вопросами ряда наук – лингвистики и семиотики прежде всего, – что теория значения еще не вышла из начальной стадии своей разработки. Выдвинуты различные концепции значения, которые отчасти находятся в дополнительном отношении друг к другу, объясняя различные аспекты значения, а отчасти – в отношении взаимоисключения, когда одна концепция отрицает другую.

В современной семасиологии, то есть лингвистической дисциплине, исследующей проблематику значения в естественных языках, наиболее интенсивно разрабатываются разделы лексической и синтаксической семантики. В первом случае предметом изучения выступает лексическое значение слова, во втором – семантическая структура предложения. Помимо лексической и синтаксической семантики, существует еще промежуточная область комбинаторной семантики, или семантической синтагматики, предмет которой составляют правила комбинирования и взаимодействия лексических значений слов в словосочетаниях.

Один из итогов семасиологических исследований последнего времени сводится к тому, что представление о значении отдельного словесного знака (виртуальном значении) как о чем-то четко и определенно заданном, имеющем жесткие границы, значительно схематизирует реальное положение вещей. Это касается как полисемии слова, так и отдельного словозначения. В первом случае нельзя указать с полной определенностью, сколько значений у слова и какие это значения, так, чтобы наперед задать все возможные речевые актуализации слова. Во втором случае нельзя предугадать все конкретные модификации актуального словозначения, то конкретное содержание, которое может быть связано с ним в контекстах [1; 5; 11]. Стабильность полисемии и содержательная определенность отдельного словозначения справедливы лишь в вероятностном смысле, они оказываются лингвистическим (словарным) конструктором, допустимым для определенных целей и в определенных пределах.

Фактически же дело обстоит таким образом, что, описывая семантику виртуального знака, мало дать перечень его значений, указать их содержательные связи и статутные признаки. Надо еще описать общие правила содержательного варьирования слов, которыми определяются окказиональные флуктуации узуальных значений, их возможные ассоциативные переосмысления.

Значение не имеет жестких и четких границ и ирадиирует связи, охватывающие в конечном счете все знание. Кроме того, на значение какого-то словесного знака проецируются особенности его парадигматических и синтагматических связей с другими знаками, оно испытывает также воздействие паронимических и иных ассоциаций, идущих от формы и структуры десигнатора. Наконец, когнитивное содержание знака взаимодействует с прагматическими аспектами значения: эмотивным, эстетивным и т.п. В итоге связь между десигнатором и десигнатом оказывается не жесткой, однозначной, а свободной. Десигнатор способен подключать к своему содержанию концепты, ассоциируемые по определенным правилам с его первичным значением [8].

Это и определяет трудности, с которыми сталкиваются при установлении виртуального содержания слов, при демаркации полисемии, разграничении полисемии и омонимии. Виртуальное словозначение представляет собой нечто вроде массы с гравитационным полем, способным захватить другие тела-концепты.

Здесь следует подчеркнуть один важный момент, нередко недопонимаемый. Известная неопределенность виртуального значения, о которой говорилось выше, никак не дает повода видеть в языковых значе-

КРОПОТОВА Лариса Васильевна – аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГГУ
© Л.В. Кропотова, 2003

ниях когнитивную форму особого рода, нечто отличающееся от понятий расплывчатостью содержания*. Виртуальное значение неопределенно только в том смысле, что слово допускает известную свободу корреляций с концептами и способно в определенных условиях обозначать нечто сверх того, что ему узуально положено. Это неопределенность выбора. Характер же концепта, четкий или расплывчатый, глубокий или поверхностный, содержательный или бедный, реальный или мнимый и т.д., отношения к делу не имеет. Он обусловлен знанием предметной области, деятельностью, опытом. Актуализация слова в контексте устраняет неопределенность значения, т.е. снимает неопределенность возможного выбора между концептами [9].

Лексическое значение обычно представляет собой совокупность семантических признаков, относящихся к описанию называемых словом денотатов (класса денотатов). Эти признаки организованы в структуру определенными зависимостями, отражающими структуру денотата (класса денотатов). В совокупном содержании лексического значения различаются две части: содержательное ядро лексического значения, или его интенсионал, и периферия семантических признаков, окружающих ядро, его импликационал.

Интенсионал лексического значения – приблизительно то же, что содержание понятия в логике, это структурированная совокупность семантических признаков, наличие которых полагается обязательным для денотатов данного класса. Интенсионалы понятий значений лежат в основе мыслительных и речевых операций по классификации, отождествлению – различению денотатов и их именованию. К примеру, все матери являются женщинами-родительницами, и эти два признака («родитель» и «женский пол»), связанные спецификационной (родо-видовой) зависимостью, составляют интенсионал слова «мать».

В силу всеобщности связей и зависимостей одни признаки заставляют помыслить другие. Равным образом интенсиональные признаки могут с необходимостью или вероятностью предполагать (имплицировать) наличие или отсутствие других признаков у денотатов данного класса. По отношению к интенсионалу – ядру значения – совокупность таких имплицируемых признаков составляет импликационал лексического значения, периферию его информационного потенциала. Информация о денотате, которая связывается со словом в тексте, складывается из двух частей: его непременных интенсиональных признаков и некоторой части его импликационных признаков, имплицитно «оживляемых», актуализируемых контекстом или эксплицитно называемых в нем.

Импликация признаков может быть жесткой (обязательной), высоковероятностной, слабой (свободной) и отрицательной. В первых двух случаях интенсионал значения ипмлицирует некие признаки с вероятностью, равной или близкой к 1 (речь, понятно, идет о приблизительных количественных оценках так называемой житейской вероятности). Совокупность таких признаков образует сильный импликационал значения. Признаки сильного импликационала близки к интенсиональному ядру, составляя почти непременную часть значения*, но тем неменее они не входят в интенсионал. Теоретически возможное отсутствие такого признака в денотате еще не исключает денотат из того класса, к которому оно отнесено данным именем.

С другой стороны, импликация каких-то признаков по отношению к интенсионалу представляется невозможной или маловероятной, т.е. признаки представляются несовместимыми. Совокупность таких признаков образует отрицательный импликационал значения, или коротко – его негимпликационал. Нетрудно видеть, что знание значения и умение правильно применять слово предполагает не только знание того, что входит в его содержание или совместимо с ним, но и осознание того, чего в нем нет и что с ним несовместимо. Тем самым негимпликационал также вовлекается в содержание значения как его отрицательный информационный потенциал. Ср. «зубы – *смелые*, нож – *усмехаться*, глаза – *гудеть, золотые*». Атрибуция несовместимых признаков сигнализирует особый характер номинации и комбинаторики значений: *Твои зубы смелы, как усмешка ножа, И гудят, как шмели, Золотые глаза* (А. Вознесенский).

Наконец, помимо сильной и отрицательной импликации, остается обширная область признаков, о совместной встречаемости которых с данным понятием можно судить лишь гадально: их наличие или отсутствие одинаково вероятно и одинаково проблематично, они могут быть, а могут и не быть или, точнее говоря, могут быть по данному основанию то одними, то другими. Эта область признаков по отношению к интенсионалу какого-то значения образует его слабый, или свободный импликационал.

Например, интенсионал слова «река» можно определить как «естественный поток в берегах относительно большой массы воды». Указанные признаки отличают реку от озера (не поток), ручья (не большой), морского течения (не в берегах), канала (искусственный) и т.д. Тем самым определяется не только содержание понятия, но и очерчивается его экстенсионал, т.е. объем понятия, круг его применения. Обратим внимание на то, что определение указывает не

* Ср. высказывание Ст. Ульмана: «...meanings have no clearcut demarcation lines but rather a hazy fringe through which they imperceptibly merge into each other; they are, as Wittgenstein once put it, "concepts with blurred edges» (275).

* Поэтому дефиниции и толкования значений в толковых словарях часто указывают признаки не только интенсионалов, но и сильных импликационалов значений.

только интенсиональные признаки, но и их логические зависимости, структуру их связей. Такие признаки, как «некоторый перепад высоты (наклон русла), увлажненность поймы, наличие какой-то водной флоры и фауны, более обильная прибрежная растительность» и т.п., не входят в интенсионал, но с необходимостью или большой вероятностью вытекают из содержащихся в нем семантических признаков и тем самым составляют сильный импликационал значения. Признаки вроде «непрочность всей массы воды, горючесть ее, газообразность» и т.д. и т.п. поясняют негимпликационал значения.

Остаются, наконец, признаки вроде «длинный-короткий, широкий-узкий, быстро-медленно текущий, полноводный-неполноводный» и т.д. и т.п., т.е. конкретные значения (здесь – в математическом смысле термина) обязательных для данного интенсионала оснований (протяженность, ширина, скорость течения, величина массы воды и т.д.). Речь идет о том, что река может быть широкой или узкой, т.е. имеет некоторую ширину. Признаки такого рода не входят в содержание значения и не отрицаются им, но импликация и тут имеет место. Основания признаков заложены в интенсионале как своеобразные семантические валентности, как пустые места, подлежащие заполнению [9]. Импликация, однако, носит свободный (слабый) характер, так как интенсионал не предопределяет, какое значение (в математическом смысле) эти пустые основания могут конкретно принять.

Как видим, в когнитивном аспекте лексические значения слов представляют собой сложные образования, на структуру которых спроецированы связи и отношения концептуальных систем сознания. Структура лексического значения образуется прежде всего логическими связями, иррадиируемыми его интенсиональным ядром и захватывающими в периферию его содержания импликациональные признаки. В свою очередь, интенсионал и импликационал имеют свою структуру. Структура интенсионала образована логическими зависимостями составляющих его семантических признаков, а кроме того, в его составе обычно выделяются гиперсема и гипосема, т.е. родовая и видовая части, связанные спецификационным (гипергипонимическим) отношением. Так, в интенсионале слова «мать» гиперсемой является признак «родитель», а гипосемой – «женский пол» (см. об этом ниже). Признаки импликационала значения также не являются простым неупорядоченным множеством. Как нетрудно видеть, они структурно упорядочены логическими импликационными связями (причинно-следственными, временными и т.п.) и вероятностными характеристиками.

Хотя интенсионал и импликационал составляют структурные части лексического значения, между ними имеется существенное различие. Интенсионал – закрытая жесткая структура конечного множества признаков. Импликационал – открытая вероятностная структура неконечного множества признаков. Интенсионал связан с познавательно-преобразующим аспектом деятельности человека и предполагает известную конструктивизацию деятельности, допустимое отвлечение от бесконечности ее связей, переходов и переливов. Импликационал, напротив, отражает вероятностную (стохастическую) природу мира. Тем самым, в понятиях-значениях сочетаются детерминистский и вероятностный аспекты объективного мира и познавательного процесса.

Интенсионал предопределяет область того, что может быть названо данным именем, т.е. его экстенсионал. Импликационал имени отражает разнообразные предметные связи сущностей, т.е. очерчивает ожидаемую область того, что может быть названо в связи с данным именем. Интенсионал составляет непременный постоянный компонент значения имени, а импликационал – его обусловленный и варьирующийся компонент, зависимый от логической структуры контекста. В определенном смысле можно сказать, что импликационал составляет не столько часть собственной семантики имени, сколько его «силовое поле».

Если же мы говорим об импликационале как части значения имени, то этим стремимся подчеркнуть следующее: в естественных языках между интенсионалом и импликационалом имени нередко нет жесткой границы, так что интенсиональное ядро значения может незаметно переходить к его импликационному полю. Это касается прежде всего области признаков сильного импликационала, незаметно подключающихся к собственной семантике слова.

Интенсионалы всех понятий, кроме элементарных, имеют сложный состав и структуру, т.е. содержат более простые понятия, определенным образом связанные в целое, структуру.

Применительно к значениям знаков принято понятие как части других понятий-значений называть семами*. Семы отличаются от значений тем, что не связываются в данном десигнаторе с какой-либо определенной его частью, т.е. не выражены в данном знаке какой-либо его значимой частью. Когда различие сем и значений несущественно, говорим о семантических признаках. Семантический признак-понятие как часть содержания знака не зависит от того, имеет это понятие в структуре знака собственный десигнатор или нет (т.е. не зависит от того, имеет оно статус семы или значения).

Структура интенсионала определяется путем выявления семного состава значений, которое известно как компонентный анализ значения [2; 3; 4; 7; 8; 10; 12; 13].

Вплоть до последнего времени десигнат часто определяли как простую совокупность, пучок семантических признаков, не связанных внутренними зави-

* Другие возможные термины – дифференциальные признаки, семантические множители.

симостями. Такой подход не характерен для современного языкознания. С первых шагов компонентного анализа он рассматривался как недостаточный: значения отдельных слов и сложных выражений рассматриваются как структуры со сложной внутренней организацией и выдвигается задача описания означаемых именно в виде структурных формул, или конфигураций.

В работах В.Г. Гака [3] было четко сформулировано представление о значении слова как иерархической организации, которая «включает архисемы (общие семы родового значения), дифференцирующие семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого предмета» [3], и в которой «доминирующая роль принадлежит категориальному признаку».

Структура интенсионала и ее составные части выявляются в классификационных связях концептов. Как уже сказано ранее, классификационные связи концептов – это когнитивный аналог распределения признаков в сущностях объективного мира. Устанавливаются они по общности – различию содержания концептов. Наличие – отсутствие импликационных зависимостей концептов при этом несущественно. Классификационные связи выявляют в концептах-понятиях две основные части, связанные в структуру родовидовым (категориально-спецификационным) отношением*. Простейшая классификационная схема, выявляющая компоненты и их отношение в структуре интенсионала, – это треугольник отношений с тремя концептами в вершинах, например:

Eltern

Vater *Mutter*

Классификация предполагает различие в уровнях обобщения входящих терминов. Понятие уровня представляется достаточно ясным. Если понятию С соответствует референционное множество V и в этом множестве выделяются подмножества М1, М2...Mn, такие, что в совокупности они исчерпывают множество М и ни один из элементов любого одного из этих подмножеств не принадлежит ни к какому другому из указанных подмножеств, то понятия С1, С2... Cn, соответствующие этим подмножествам, являются понятиями низшего уровня обобщения сравнительно с С. Понятия одного уровня обобщения и соответствующие им имена будем называть по отношению к друг другу эквонимами. Будем также в соответствии с имеющейся традицией называть понятия и имена низшего уровня по отношению к высшему гипонимами, а высшего уровня по отношению к низшему – гиперонимами. Будем также говорить о референционной области (экстенсионале) гиперонима как о предметной области размещения гипонимов.

Так, в нашем примере *Vater* и *Mutter* – понятия низшего уровня обобщения, а *Eltern* – понятие ближайшего высшего уровня. Vater и Mutter находятся в отношении эквонимии друг к другу (эквонимия – это отношение понятий и имен одной предметной области и одного уровня обобщения). Иначе говоря, они эквонимы в предметной области Eltern. Вместе с тем каждое из них является гипонимом по отношению к общему гипероними Eltern [8]. Таким образом, гипероним и гипоним – то же, что родовое и видовое понятия (термины, слова). Они лишь короче и удобнее для образования производных.

Классификация в элементарном случае предполагает, как минимум, два гипонима при одном гиперониме. Вместе с тем она предполагает двоякого рода отношения между входящими понятиями (терминами, именами, словами) по содержанию: эквонимические и гипо-гиперонимические (последние также называют видо-родовыми, категориально-спецификационными или инклюзивно-эксклюзивными). Первые обнаруживаются у понятий одного уровня обобщения, вторые – у понятий разных уровней обобщения. И в том и в другом случае необходимо, чтобы понятия относились к одной предметной области.

В эквонимических и гипо-гиперонимических отношениях, взаимно предполагающих друг друга, обнаруживается компонентная структура понятий. Более того, компонентный анализ обязательно предполагает соотнесения понятия с его гиперонимом и эквонимами. Сравнение эквонимов выявляет в них общую часть, содержательно равную гипероними и получающую то же имя. Назовем этот общий семантический компонент категориальным признаком, или гиперсемой. Наряду с гиперсемой, в содержании эквонимов обнаруживаются также различные признаки, специфические для каждого эквонима. Этот различительный компонент назовем для краткости гипосемой. Таким образом, содержание эквонима составляется, как минимум, из двух сем, связанных категориально-спецификационным (гипер-гипонимическим, родо-видовым) отношением. Первая указывает общее в понятии (общее для понятий данной предметной области), т.е. его категорию, вторая – частное, специфическое для данного понятия.

Компонентная природа понятий обнаруживается только в сравнении (оппозиции) их содержания. Равным образом категориальный или спецификационный статус семы не есть ее собственное, абсолютное свойство, а свойство относительное. Статус семы обнаруживается и зависит от набора терминов сравнения. В оппозиции *Vater – Mutter* понятие *Vater* содержит гиперсему *Eltern* и гипосему *Frau*. В оппозиции *Vater* – Mann гиперсемой того же понятия оказывается Frau, а гипосемой – Eltern [9].

* Основания такого взгляда на структуру понятия были сформулированы еще И. Кантом в виде его известных принципов гомогенности и гетерогенности понятий.

Компоненты содержательной структуры понятия, т.е. семы, сами также являются понятиями, но, так сказать, понятиями второй очереди. Сема – понятие в качестве структурного элемента другого понятия. Соответственно сема – понятие более простое по структуре содержания, чем то понятие, в состав структуры которого она входит. Предельно простыми (атомарными, структурно не разложимыми) оказываются понятия, соответствующие или верхнему пределу обобщения (например, понятия вещи, свойства и т.п.) или нижнему пределу расчленения действительности, достигнутому в общественной человеческой деятельности и отраженному в сознании.

При полисемии словозначения имеют не только общий десигнатор, но и общие семантические признаки. Этим полисемия отличается от омонимии. Поскольку общность десигнатора дополняется ассоциативными связями между значениями, можно считать, что словозначения образуют не просто семантический состав слова, а его семантическую структуру. Термин тем более оправдан, что значения эти способны взаимодействовать при порождении речи (выбор слова) и ее восприятии (осмысление – понимание слова).

В семантической структуре слова связаны по содержанию определенные, но не любые пары словозначений. Совокупность этих связей образует схему семантической структуры слова. Каждое значение в такой схеме характеризуется с двух сторон: 1) по содержанию и 2) по статусу в системе номинативных средств языка. Содержательная характеристика словозначения – это структура свойственных ему семантических признаков плюс прагматическое (коннотативное) значение, присущее данному лексико-семантическому варианту. Языковой статус словозначения определяется соотносительными характеристиками лексико-семантического варианта как элемента системы номинативных средств языка (см. ниже). В целом семантическую структуру слова можно определить как схему содержательных связей между словозначениями совокупно с их статутными характеристиками.

Содержательные связи словозначений есть практическое выражение общих правил семантического варьирования слова, определяющих его семантический потенциал, его «силовое поле». Исследуя содержательные связи в семантической структуре слова, мы как раз и регистрируем способы семантического варьирования. Типология содержательных связей словозначений поэтому прямо связана с установлением структуры того неясного ореола, который окружает прямое значение виртуального знака. Тем самым потенциальное в семантике слова выделяется через узуальное.

Традиционно содержательные связи словозначений описываются в терминах метонимических (включая синекдоху) и метафорических (включая синестезию и перенос по функциональному сходству) сдвигов значения, а также сужений (специализаций) и расширений (обобщений, генерализаций) значения. Указанные понятия, хотя и указывают многие случаи, недостаточны, чтобы объяснить все. Обнаруживаются виды связей, не подводимые под традиционную классификацию. Но традиционная схема и не разрабатывалась для описания связей в синхронии; ее делом было объяснить, как изменяются значения, а не как они соотносятся в семантических структурах слов. Более того, изначально эти понятия относились, как известно, к фигурам образной речи. Между тем связи словозначений – нечто большее, чем тропы, и, чтобы адекватно объяснить их, надо опираться на более общую теорию, чем риторика.

Типы содержательных связей словозначений одинаковы во всех естественных языках, т.е. относятся к всеобщим языковым универсалиям. Этим, понятно, никак не исключается своеобразие распределения содержательных связей в семантических структурах корреспондирующих слов и классов в разных языках, равно как и различия в удельном весе тех или иных видов содержательных связей на определенных участках лексико-семантических систем разных языков. Универсальны типы связей, идиоэтнично их распределение в семантических структурах.

В лингвистических целях достаточно выявить общие типы содержательных связей. Детальная классификация всех возможных подтипов ассоциативных связей в семантических структурах также интересна, но не столько для лингвистики, сколько для психологии и психолингвистики. Подробная классификация практически не имеет нижнего предела.

Установление типов содержательных связей предполагает в качестве условия, что уже произведено отграничение полисемии от омонимии, демаркация полисемии, т.е. выделены отдельные значения многозначной единицы, и известны содержательные определения значений на семантическом подъязыке. Полное осуществление этих условий в эксплицитном виде на основе строгих формализованных процедур остается задачей будущего и, как можно было видеть раньше, задачей довольно гипотетической. Обычно опираются при этом на данные толковых словарей, при необходимости видоизменяя их в соответствии с общими правилами логической обработки эмпирического материала.

Содержательные связи словозначений – те же концептуальные связи, т.е. связи понятий и представлений. Связи концептов базируются в конечном счете на определенных коррелятах в объективном мире и являются их мыслительным отражением. Вместе с тем, будучи сущностями сознания, они обнаруживают известное своеобразие. Отражающая система имеет собственный субстрат и организацию, и некоторые особенности процесса отражения и его результатов обусловлены субстратом отражающей системы. Объективным основанием концептуальных связей являются 1) связи сущностей объективного мира,

2) общности сущностей объективного мира по наличным признакам. Соответственно выделяются два основных типа концептуальных связей, равно как и содержательных связей между словозначениями: 1) импликационный и 2) классификационный.

Как уже отмечалось, импликация может быть отражением самых разнообразных видов реальных связей: симультанных и суксессивных, статических и динамических, жестких (детерминированных) и вероятностных, слабых и сильных.

Импликационные связи концептов (тип: если С1, то С2; символ: С1 С2) – это когнитивный аналог реальных связей (взаимодействий, зависимостей) сущностей объективного мира: связей между вещами, между частью и целым, между вещью и признаком, между признаками вещи. Концепты С1 и С2 имплицируют друг друга, если предполагается какая-то зависимость, взаимодействие их денотатов. Наиболее явным примером импликационных связей являются сильные причинно-следственные зависимости, но сюда же относятся и зависимости слабые пространственные, временные и др.

Импликация в таком понимании имеет место как на знаковом, так и незнаковом (в том числе дознаковом) уровнях сознания. Понятно поэтому, что термин «метонимия, метонимический» недостаточен и неадекватен. Под метонимией понимают троп, основанный на «ассоциации по смежности». Суть дела состоит в том, чтобы уяснить природу этой «ассоциации по смежности». Обнаруживается, что за этим неудовлетворенным термином, который, заметим, сам содержит метафору, скрывается один из двух универсальных способов организации сознания и связи концептов – импликация, а «смежность» – это не менее как связи объективного мира.

Предпочтительно поэтому общее понятие об этого рода концептуальных связях обозначать термином «импликация, импликационный (импликативный)», а термин «метонимия, метонимический» в соответствии с его этимологией и принятыми определениями использовать только для частного случая импликационных связей, а именно для случаев переименования на импликационной основе, когда метоним не является основным именем детоната и противопоставлен исходному словозначению и основному имени по признаку переносности значения и ослабленной номинативности, т.е. обозначать им не более чем вид образной фигуры речи. Импликационная связь значений широко представлена в семантических структурах многозначных слов. Конкретные виды связей, служащие основанием импликации, весьма разнообразны: материал-изделие, причина-следствие, исходное-производное, действие-цель, процесс-результат, часть-целое, признак-вещь, смежность (сположенность) в пространстве, следование во времени и т.д., т.е. все разновидности указанных выше симультанных и суксессивных, статических и динамических, слабых и сильных связей с жесткой и вероятностной зависимостью. В лингвистических целях достаточно указать общность типа связи. Заметим еще, что онтологические связи (связи предметных сущностей) могут быть однонаправленными (детерминация) или взаимными (интердепенденция), но для концептуальных связей это различие несущественно. К примеру, не только концепт причины имплицирует концепт следствия, но и наоборот, чем и объясняется символ импликации.

Базой концептуальных связей служат не только дедуктивно-логические понятия с жестко фиксированным содержанием, но и индуктивно-эмпирическое понятие стохастической природы. Иными словами, импликация и классификация могут опираться на семантические признаки, входящие как в интенсионал, так и в жесткий или вероятностный импликационал исходного словозначения. Импликация там носит вероятностный характер. Импликационная связь устанавливается между концептами с вероятностной структурой.

Обратимся теперь ко второму общему типу концептуальных связей словозначений – классификационным связям.

Как уже говорилось, объективным основанием классификационных связей концептов является общность сущностей объективного мира по обнаруживаемым ими признакам. В отличие от импликационных связей в этом случае сущности объективного мира не объединены какими-либо реальными отношениями, взаимодействиями, но обнаруживают известную общность признаков. Связь между двумя концептами устанавливается в сознании, но отражает не какую-то реальную связь (зависимость, взаимодействие) между соответствующими сущностями, а общность присущих им признаков. Классификационные связи концептов – это мыслительный аналог распределения признаков у сущностей объективного мира.

Классификационные связи концептов устанавливаются исключительно на основе известной общности содержания концептов. Наличие – отсутствие импликационной зависимости концептов при этом несущественно. Классификационные связи могут быть двоякого рода: 1) гипо-гиперонимический (видо-родовые, инклюзивно-эксклюзивные) и 2) симилятивные.

Гипо-гиперонимические связи устанавливаются между концептами разного уровня обобщения. В зависимости от направления связи, т.е. от того, какой концепт и, в частности, какое значение многозначного слова берется за отправное, различаются связь специализации (инклюзивная, родо-видовая) и связь генерализации, обобщения (эксклюзивная,видо-родовая). Инклюзивная связь соответствует отношению менее содержательного понятия – гиперонима к более содержательному понятию – гипониму, а эксклюзивная связь, напротив, – отношению более содержательного понятия к менее содержательному, т.е. гипонима к гипероним. В плане объемов (экстенсионалов) понятий гипо-гиперонимической связи соответствует отношение более широкого и более узкого понятий. Наконец, в диахроническом (а точнее сказать, генетическом, динамическом) плане те же соотношения описываются известными терминами «сужение» и «расширение значения».

Гипо-гиперонимические связи широко представлены в семантических структурах как имен вещей, так и имен признаков (свойств и отношений).* Возможность этого рода связей в семантике имен признаков объясняется тем, что противопоставление вещь – признак не абсолютно, а относительно. Две сущности осмысляются как признаки по отношению к какой-то вещи или вещам, но по отношению друг к другу они могут быть осмыслены как две вещи или как вещь и признак. Вырождаясь в вещи, признаки также образуют классы, и в этом смысле класс свойств или отношений может входить в более общий класс свойств или отношений.

Таковы основные типы содержательных связей словозначений. Ими определяются соотношение и взаимодействие значений многозначного слова и увязывание этих значений в единую смысловую структуру, а также описываются с содержательной стороны пути возникновения у слов новых значений на базе старых.

Примечания

1. *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963.
2. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
3. *Гак В.Г.* Семантическая структура слова. М., 1971.
4. *Ельмслев Л.* Можно ли считать, что значения слов образуют структуру // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
5. *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. М., 1980.
6. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
7. *Кузнецов А.М.* Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.
8. *Никитин М.В.* Лексическое значение слова. М., 1983.
9. *Никитин М.В.* О семантике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. № 1.
10. *Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
11. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
12. *Nida, E.A.* Componential analysis of meaning. An introduction to semantic structures. The Hague-Paris, 1975.
13. *Palmer, F.H.* Semantics. A new outline. Cambridge University Press, 1976.

* Из трех терминов «гипо-гиперонимические, инклюзивно-эксклюзивные, видо-родовые (связи)» предпочтительнее первый, так как третий обычно связывают с соотношением классов вещей, а не признаков, второй же нехорош тем, что способен описывать отношение понятий как по их интенсионалам (содержанию), так и по экстенсионалам (объему).

Е.С. Кощеева

АДМИНИСТРАТИВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РФ

В статье рассматривается юридическая природа исполнительного производства, его место в современной теории права, анализируется структура правоотношения, возникающего при принудительной реализаций судебных актов и актов иных юрисдикционных органов. В настоящее время исполнительное производство необходимо рассматривать в рамках науки административного процессуального права.

Исполнительное производство - динамично развивающаяся сфера российского права, которая в последнее время приобретает все более существенное значение. Законодательство об исполнительном производстве подверглось значительным изменениям. В 1997 г. были приняты ФЗ «О судебных приставах» и ФЗ «Об исполнительном производстве», которые определили новый законодательный подход к данной проблеме. В соответствии с ФЗ «О судебных приставах» создана федеральная Служба судебных приставов-исполнителей как самостоятельная система государственных исполнительных органов. Включение службы судебных приставов-исполнителей в исполнительную ветвь власти во многом предопределило актуальность проблемы.

С принятием ФЗ «Об исполнительном производстве» [1] остро встал вопрос об окончательном определении в теории правовой природы исполнительного производства. О месте и сущности исполнительного производства в настоящее время существует множество точек зрения, которые в итоге приходят к диаметрально противоположным выводам: начиная с того, что исполнительное производство - это стадия гражданского процесса, и заканчивая идеей полной его самостоятельности как отрасли российского права. Традиционно оно считалось заключительной стадией гражданского процесса [2]. А.М. Треушников и И.Б. Морозова ссылались на исторически сложившийся взгляд на исполнительное производство как часть гражданского процесса [3]. По их мнению, данная позиция была представлена еще в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. [4]. Однако в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года [5] уже видим разграничение понятий «исполнительное производство» и «исполнение судебных актов». Существо исполнительного производства, как оно описано в Уставе, сводилось к рассмотрению дела между истцом и ответчиком, решение по которому уже судом вынесено, и вопрос о праве разрешен. Во многих случаях определение вопроса о количестве требования от вопроса о существе самого требования имеет большую

КОЩЕЕВА Елена Сергеевна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ
© Е.С. Кощеева, 2003

практическую важность и для суда, и для тяжущихся. Все главные, существенные вопросы в деле уже решены с соблюдением всех, нередко пространных и сложных форм обыкновенного процесса; юридическое отношение между истцом и ответчиком определены решением, определены и последствия этого юридического отношения: каждое требование истца юридически разобрано, и признано, что ответчик обязан удовлетворить истца по таким-то основаниям. Но для осуществления этих требований необходимо было сделать количественный расчет между сторонами, – расчет, в котором общий итог мог слагаться из множества мелких и отдельных статей, но по каждой статье нельзя было допустить между сторонами взаимных объяснений и возражений. В случае отнесения судом вопроса о количестве требования к особому производству производство это является не самостоятельным иском, а только последствием прежнего решения. Целью исполнительного производства являлось выяснение и установление размера известного требования в пределах, установленных судебным решением. Его суть заключалась в количественном определении уже присужденных в судопроизводстве сумм, то есть исполнительное производство являлось неотъемлемой частью гражданского судопроизводства. Исполнительное производство являлось «дополнительным» судопроизводством, которое решало спор в части количественных исчислений. То есть термин «исполнительное производство» имел отличное от современного понимания этой категории содержание.

Юридический смысл понятия «исполнение судебных актов» по Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. был аналогичен современному пониманию исполнительного производства. Органами, приводящими в исполнение судебные решения, являлись судебные приставы, состоящие при судах. Но их деятельность полностью находилась под контролем суда. Принудительное исполнение начиналось по требованию взыскателя, он же избирал способ исполнения. Действия по принудительному исполнению решения суда не включались в судопроизводство, но они регулировались нормами Устава, т.е. гражданско-процессуальными нормами.

В настоящее время отношения, возникающие в исполнительном производстве, не включаются в сферу регулирования гражданского процессуального права. Действительно, рассматриваемые отношения характеризуются как «властеотношения», их участником является государственный орган, они облекаются в процессуальную форму. Однако существуют отличия отношений, возникающих в ходе исполнительного производства, от гражданских процессуальных правоотношений. Исполнение судебных постановлений и иных актов, предусмотренных законом, – это правоприменительная деятельность специальных субъектов исполнительного производства – судебных приставов-исполнителей. В отличие от судебной деятельности судебный пристав-исполнитель не решает спор о праве, о правах и обязанностях, а исполняет те требования, которые ранее определены в судебном процессе, нотариальном производстве, процессе рассмотрения трудового спора в комиссии по трудовым спорам, иным путем. Задача судебного пристава-исполнителя, – не изменяя существо требований, принудительно исполнить их с помощью особого механизма исполнительного производства.

Для выяснения отраслевой принадлежности норм, регулирующих принудительное исполнение, необходимо проанализировать структуру правоотношений и статус участников исполнительного производства. Сторонами в исполнительном производстве являются должник и взыскатель. Принудительно исполняются не только судебные акты, но и акты иных юрисдикционных органов.

Некоторые процессуалисты [6] именуют совокупность норм, регулирующих принудительную реализацию актов, исполнительным правом. Основным аргументом сторонников данной позиции является выделение самостоятельного предмета и метода правового регулирования, специфических принципов. Кроме того, издание самостоятельных законов по вопросам исполнительного производства вместо внесения соответствующих поправок и изменений в ГПК говорит об избранности российским законодателем позиции относительно места исполнительного производства в системе российского права. Однако сам термин «исполнительное право» [7] предполагает в качестве содержания нормы материальные. В решении этого противоречия видятся возможным два варианта. Первый: придерживаясь позиции сторонников самостоятельности отрасли, применять характеристику исполнительного права как комплексной отрасли права. Однако подобное утверждение приводит к новому противоречию в определении термина «отрасль права», так как возникнет необходимость разграничения понятий «отрасль права» и «комплексная отрасль права». Второй: наиболее предпочтительным является традиционный подход. Нормы, определяющие статус органов, осуществляющих принудительное исполнение, следует включать в состав административного права. Подобным образом решается вопрос в иных отраслях, например, следственная деятельность определяется нормами уголовно-процессуального права, а статус следственных работников определяется нормами, регулирующими статус органов исполнительной ветви власти. Следовательно, исполнительное производство нельзя назвать самостоятельной отраслью права, так как, во-первых, эта деятельность носит процессуальный характер и не может определяться только нормами материального характера; во-вторых, материальные нормы в механизме принудительного исполнения определяют лишь статус органов – судебных приставов-исполнителей. По мнению М.А. Викут и О.А. Исаенковой, предметом правового регулирования исполнительного права являются общественные отношения, складывающиеся в

процессе исполнительного производства [8]. Однако сами авторы замечают, что «отраслью права будет не само исполнительное производство, а исполнительное право как совокупность норм, регулирующих исполнение юрисдикционных актов» [9]. Следовательно, необходимо определить природу отношений, возникающих в исполнительном производстве.

Правоотношения в исполнительном производстве опосредуют охранительные отношения. В рамках охранительных правоотношений происходит защита не только субъективных прав, но и охраняемых законом интересов, а также реализация различных мер государственного принуждения. При необходимости упорядочить с помощью специальных юридических средств определенную часть отношений, дальнейшее развитие которых нарушит или создаст угрозу нарушения прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций, возникает особая форма государственной деятельности – процессуальная деятельность. Охранительные правоотношения становятся объектом процессуального воздействия и требуют для своей реализации наличия процессуальных норм, которые определяют порядок разрешения противоречий, возникающих в материально-правовой сфере. Юридическим фактом, порождающим данные отношения в целом, необходимо рассматривать нарушение права на своевременное исполнение юрисдикционного акта или угрозу нарушения этого права [10]. Особенностью субъектного состава является обязательное наличие властного субъекта, действующего от имени государства. Объектом процессуального правоотношения считаются результаты действий участников процессуальной деятельности, удовлетворяющие материальный и процессуальный интерес лиц [11]. Исполнительное производство является сложной формой правоприменительной деятельности, которая осуществляется постадийно. Кроме того, вся правоприменительная деятельность судебного пристава-исполнителя облекается в процессуальную форму. Следовательно, отношения в исполнительном производстве можно определить как процессуальные.

Ряд ученых [12], исключая исполнительное производство из гражданского процесса, настаивают на внепроцессуальном характере данных норм. Одним из основных аргументов в защиту является указание на то, что «принудительное исполнение не является единым производством, а выступает в качестве целой системы определенных производств по исполнению конкретных юрисдикционных актов» [13]. Однако существо отношений, возникающих в исполнительном производстве, позволяет утверждать обратное. Особенности содержания этих отношений заключаются в статусе судебного пристава-исполнителя, положении сторон исполнительного производства, категории принудительно реализуемых актов.

Исполнительное производство следует понимать как процессуальную деятельность, относящуюся к сфере действия органов исполнительной власти. Рассматриваемые отношения не входят в предмет гражданского процессуального права, они относятся к другой отрасли права – административно-процессуальному праву. Предмет административного процесса не понимается широко [14], то есть как совокупность всех действий, совершаемых административными органами для реализации своей компетенции, так как это ведет к размыванию границ между нормами материального и процессуального права. Административно-процессуальной деятельностью является последовательность действий органов исполнительной власти, направленных на защиту права, если оно нарушено или создана угроза его нарушения, то есть процессуальные нормы следует отграничивать не только от материальных норм, в том числе и норм, опосредующих правовую процедуру. Таким образом, не вся административная деятельность носит процессуальный характер (например, регистрационное производство имеет материальную природу). Отнесение исполнительного производства к сфере исполнительной власти определяет взаимоотношения с судебной властью. Однако не следует полагать, что выведение процесса принудительного исполнения из сферы судопроизводства отстраняет судебные органы власти от участия в нем. Влияние суда на процесс принудительного исполнения будет происходить в пределах взаимодействия органов судебной и исполнительной власти вообще, а именно осуществлением функций предварительного и последующего контроля.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

• во-первых, исполнительное производство по своей правовой природе является деятельностью процессуального характера, которая не входит в сферу регулирования гражданско-процессуальными нормами;

• во-вторых, совокупность норм, регулирующих исполнительное производство, нельзя назвать самостоятельной отраслью права;

• в-третьих, процесс принудительного исполнения судебных актов и актов иных юрисдикционных органов следует относить к сфере деятельности исполнительной ветви власти, принимая во внимание все особенности ее регулирования;

• в-четвертых, нормы, регулирующие исполнительное производство, следует включать в состав отрасли административного процессуального права;

в-пятых, исполнительное производство - неотъемлемая часть механизма защиты нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций. Причем выведение процесса принудительного исполнения из сферы судопроизводства не отстраняет судебные органы власти от участия в нем, взаимодействие осуществляется в рамках взаимного контроля ветвей государственной власти.

Примечания

1. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» № 119-ФЗ от 21.07.97 (с изм., внес. Постановлением Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П, ФЗ от

24.12.2002 № 176-ФЗ, ФЗ от 10.01.2003 № 8-ФЗ).

2. См.: Гражданское процессуальное право России / Ред. М.С. Шакарян. М.: «Былина», 1996; Гражданский процесс / Ред. К.С. Юдельсон. М., 1972; Лесницкая Л.Ф. Комментарий к ФЗ «Об исполнительном производстве». М.: «Юстицинформ», 1999; Авдюков М.Г. Советский гражданский процесс. М.: Юрид. лит.», 1977.

3. *Морозова И.Б., Треушников А.М.* Исполнительное производство. М.: «Городец-издат», 2002. С. 4.

4. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. / Сост. В. Гордон. СПб., 1903. С. 193.

5. Там же.

6. *Решетникова И.В., Ярков В.В.* Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М.: НОРМА, 1999. С. 208.

7. Там же.

8. *Викут М.А., Исаенкова О.В.* Исполнительное производство. М.: Изд-во «Юристъ», 2001. С. 33.

9. Там же.

10. *Лукьянова Е.Г.* Теория процессуального права. М.: НОРМА, 2003. С. 62.

11. Там же.

12. *Решетникова И.В., Ярков В.В.* Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М.: НОРМА, 1999. С. 204.

13. Там же.

14. *Бахрах Д.Н.* Административное право. М.: НОРМА, 2002.

Е.А. Созинова

ИЗМЕНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ

В настоящей статье рассматриваются проблемы современного законодательства в области лицензирования и причины его систематического изменения; анализируются основные требования, которые предъявляются к вновь принимаемым нормативным актам.

В условиях перехода к рыночной экономике государственному регулированию лицензирования предпринимательской деятельности придается особое значение.

Законодательство о лицензировании существует в России более десяти лет, подвергаясь все время постоянным изменениям. Все они проводятся с учетом необходимости защиты публичных интересов, устранения административных барьеров на пути предпринимательской деятельности и повышения эффективности государственного контроля за ее осуществлением.

Не стал исключением новый Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [1].

СОЗИНОВА Екатерина Александровна – преподаватель Кирово-Чепецкого колледжа экономики и права
© Е.А. Созинова, 2003

Учитывая, что лицензирование представляет собой одно из средств государственного регулирования рынка – единую систему оценки условий, содержания и результатов предпринимательской деятельности [2], законодателю следует учитывать два основных критерия, которым должно отвечать действующее законодательство в области лицензирования.

Во-первых, лицензирование должно выступать как средство ограничения свободы предпринимательской деятельности, которое необходимо для защиты публичных интересов населения страны.

Во-вторых, одновременно действующее законодательство должно обеспечить устранение неоправданных бюрократических препятствий для предпринимательской деятельности.

Согласно ст. 2 Закона лицензирование – это действие лицензирующих органов по предоставлению, переоформлению, приостановлению, возобновлению и аннулированию лицензии, а также по контролю за соблюдением лицензионных правил [3]. Однако в новом законе не определена его цель, и этот недостаток не раз подвергся критике. Так, например, К. Тотьев отмечает, что такой важный признак лицензирования, как его цель, в новом законе может быть выявлен только путем толкования [4].

Тем не менее некоторые авторы не считают подобный пробел серьезным упущением законодателя. По мнению Я. Парция, несмотря на то что в новом законе сформулирована лишь сфера его применения, по крайней мере данное понятие определено более конкретно: указывается не просто на органы государственной власти, а на федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов как на одну из сторон отношений [5].

Кроме того, анализ нового закона позволяет сделать вывод о том, что общей идеей законодателя при принятии данного нормативного акта было упрощение процедуры лицензирования и устранения необоснованных препятствий деятельности хозяйствующих субъектов. Определенным достижением в этом смысле можно считать значительное сокращение (практически на половину) числа лицензируемых видов деятельности.

По сравнению с ранее действующим законом о лицензировании, вновь принятый нормативный акт не воспроизводит понятие надзора за соблюдением лицензиатом лицензионных требований и условий. Согласно ст. 12 действующего закона, за соблюдением требований и условий, определенных положением о лицензировании конкретного вида деятельности, осуществляется контроль. В отличие от Закона от 25 сентября 1998 года (158-ФЗ), согласно которому надзор осуществлялся государственными надзорными и контрольными органами, а также лицензирующими органами, в Законе 2001 года единственными контролирующими органами названы лицензирующие органы. Такое решение согласуется с общей тенденцией Закона на разделение функций лицензирующих и контролирующих органов и обособление первых. Это еще раз подчеркнуто в п. 7 ст. 13 Закона № 128-ФЗ (ФЗ от 8 августа 2001 года), согласно которому лицензирующий орган не вправе проводить проверки по предмету ведения иных органов государственной власти и органов местного самоуправления. Из изложенной позиции вытекает, что иные государственные органы не вправе проводить проверки по предметам своей компетенции в рамках лицензирования, а утверждаемые ими требования не подлежат включению в лицензионные требования и условия.

По пути упрощения законодатель следовал и в вопросе о порядке передачи полномочий федеральными органами исполнительной власти органам исполнительной власти субъекта.

Кроме того, в новом законе предусмотрено, что на всей территории Российской Федерации может осуществляться деятельность, на занятие которой лицензия выдана не только федеральным органом исполнительной власти, но и органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Это может быть объяснено упомянутым правом федеральных органов передавать свои полномочия органам исполнительной власти субъектов.

Существенные изменения претерпела и статья, регулирующая срок действия лицензии. Минимальный срок действия увеличен с 3 до 5 лет. По окончании установленного срока он может быть продлен по заявлению лицензиата в порядке, установленном для переоформления документа, подтверждающего наличие лицензии, предоставление лицензии на срок до 5 лет не предусмотрено. Кроме того, в новом законе возможность отказа в продлении срока действия лицензии, в отличие от Закона № 158-ФЗ, не предусмотрена.

Вообще, анализ нового законодательства о лицензировании позволяет выделить две основные тенденции, которые оно в себе сочетает, – единство и дифференциацию правового регулирования.

Единство проявляется в следующих формах: а) сокращение в законе количества бланкетных правовых норм, отсылки к подзаконным актам сведены к минимуму, многие статьи претерпели уточнение и конкретизацию; б) увеличение единых сроков для деятельности лицензирующих органов. Так, максимальные сроки принятия решения о предоставлении или об отказе в предоставлении лицензии и о ее переоформлении увеличены в два раза; в) установление размера лицензионных сборов в твердой сумме (ст. 15 Закона).

Что касается дифференциации правового регулирования лицензионных отношений, то она проходит по трем направлениям: а) исключение из сферы действия Закона отдельных видов лицензируемой деятельности (п. 2 ст. 1); б) установление специальных лицензионных требований в подзаконных нормативных актах. Так, в положениях о лицензировании конкретных видов деятельности (утверждаются Правительством РФ) может быть расширен перечень документов, представляемых соискателем лицензии (п. 1 ст. 9 Закона); в) установление компетенции, в пределах которой действуют лицензирующие органы. При этом, как уже ранее отмечалось, уточнен круг таких органов, куда входят лишь органы исполнительной власти.

Дифференциация лицензионного законодательства обусловлена очевидным стремлением законодателя сделать более адекватным главный инструмент лицензирования – лицензию.

Очевидно, что в настоящее время законодательство РФ о лицензировании вместе с экономикой переживает переходный период, одной из характерных черт которого является либерализация отношений, устранение неоправданных бюрократических препятствий для предпринимательской деятельности. Об этом свидетельствуют изменения действующего законодательства о лицензировании, и это, несомненно, можно считать положительной тенденцией. Однако, проводя в жизнь подобные законодательные новшества, необходимо учитывать, что лицензирование должно оставаться средством защиты публичных интересов населения страны.

Примечания

1. Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 34.

2. П. 3 Постановления Конституционного суда РФ от 21 октября 1999 года № 13-П// Вестник Конституционного суда РФ. 1999. № 6.

3. СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3430.

4. *Тотьев К.* Лицензирование по новым правилам: необходимость и перспективы развития // Хозяйство и право. 2001. № 4. С. 3.

5. *Парций Я.* О лицензировании отдельных видов деятельности // Хозяйство и право. 2002. № 1. С. 32.

ПЕРСОНАЛИИ

ЕВГЕНИЮ МИХАЙЛОВИЧУ ВЕЧТОМОВУ – 50

Евгений Михайлович Вечтомов родился 15 мая 1953 г. в городе Кирове. В 1960 г. пошел учиться в школу села Сретенское Нолинского района. Среднюю школу закончил в г. Краснокамске Пермской области, куда был переведен главным ветврачом района его отец Михаил Александрович. Мать Нина Алексеевна получила два высших образования – ветеринарное и педагогическое. Дед – Александр Федорович Вечтомов, филолог, выпускник Варшавского университета – 7 лет преподавал в Кировском госпединституте. Воспитывавшая в детстве братьев Женю и Вову Вечтомовых сестра деда Любовь Федоровна училась в Вятском епархиальном училище, размещавшемся в здании теперешнего главного корпуса ВятГГУ.

Евгений Михайлович – коренной вятчанин. Все его прадеды по отцовской линии были священниками в Вятской, Пермской и Казанской губерниях (существует и киевская ветвь Вечтомовых), начиная с дьякона Кунгурской церкви (1646 год). Наиболее известен трижды прадед Александр Григорьевич Вечтомов, служивший благочинным в селе Курчум. Дочь священника Ольга – бабушка художников Васнецовых, учившая своих внуков Виктора и Аполлинария рисовать. Прослеживаются родственные связи Е.М. Вечтомова с первым вятским историком и ботаником Александром Ивановичем Вештомовым (до начала XIX века фамилия была с буквой «ш»), профессором медицины из Перми Е.И. Вечтомовым, местным историком А.С. Верещагиным. Интересно отметить, что архимандрит Владимир (В.Н. Вечтомов) в середине XIX века служил в США, в частности на Аляске проповедовал среди индейцев.

В 1974 г. Е.М. Вечтомов окончил Кировский госпединститут по специальности «Математика». Большое влияние на выбор его научного пути оказал преподаватель кафедры алгебры Владимир Павлович Матвеев. В 1977 г. Вечтомов окончил аспирантуру по кафедре алгебры Московского госпединститута им. В.И. Ленина с представлением диссертации. С 1979 г. – кандидат физико-математических наук, диссертацию защитил в Институте математики с ВЦ АН Молдавской ССР. Его научным руководителем был известный математик, прекрасный алгебраист, профессор МГУ Лев Анатольевич Скорняков.

С 1977 по 1983 г. работал ст. преподавателем и доцентом кафедры алгебры Кировского госпединститута. В 1984-1986 гг. – доцент кафедры математического анализа Тобольского госпединститута. Далее до 1991 г. он работал доцентом и заведовал кафедрой алгебры Кировского госпединститута. В 1994 г. окончил докторантуру по кафедре алгебры в Московском педгосуниверситете. С 1994 г. по настоящее время является профессором, заведующим кафедрой алгебры Вятского госпедуниверситета, а с 2002 г. заведует кафедрой алгебры и геометрии Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ – бывший педуниверситет).

В апреле 1994 г. Е.М. Вечтомов защитил докторскую диссертацию по теории колец непрерывных функций в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. В мае 1995 г. ему присвоено ученое звание профессора. В 1996 г. стал членом-корреспондентом Академии естествознания, а в 2001 г. – членом-корреспондентом РАЕН. Четырежды соросовский профессор (1998-2001 годы). Член Московского математического общества с 1989 г.

Е.М. Вечтомов – известный в стране и за рубежом специалист по теории колец функций, с 1994 г. – руководитель научной школы по функциональной алгебре и аспирантуры по алгебре. Является автором 180 научных и учебно-методических работ по математике, среди которых две монографии, 5 научных обзоров (изданы в России и США общим объемом 20 п.л.), целый ряд статей в центральных математических журналах страны, 10 учебных пособий и разработок. Выступал с докладами на международных математических конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Баку, Тарту, Казани. Более 20 раз выступал в МГУ на алгебраических и топологических семинарах. Был организатором, председателем и сопредседателем межрегиональных научных конференций по математическому образованию в Тобольском госпединституте в 1985 г. и Вятском госпедуниверситете в 1989, 1990, 1998 и 2001 гг.

Под руководством Е.М. Вечтомова подготовлено и защищено пять кандидатских диссертаций по алгебре (В.В. Чермных, В.И. Варанкина, И.А. Семенова, М.Н. Подлевских, А.В. Ряттель), четыре аспиранта работают над диссертациями, а доцент В.В. Чермных учится в докторантуре МПГУ. Функционирует научный алгебраический семинар по функциональной алгебре и теории полуколец. Е.М. Вечтомов является редактором периодического межвузовского сборника «Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона», зам. главного редактора журнала «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета», председателем научного

экспертного совета ВятГГУ, зам. председателя регионального диссертационного совета по методике, членом диссертационного совета по философии. За научные достижения награжден Почетной грамотой Кировской городской думы и администрации города Кирова (1996 г.), Почетными грамотами Министерства образования России (1990 г., 1997 г.), научной премией Вятского госпедуниверситета за 2001 г.

Е.М. Вечтомов успешно работает по двум научным разделам математики – это кольца и полукольца непрерывных функций и теория полуколец. В теории колец функций им решены известные проблемы Капланского, Хенриксена, Л.А. Скорнякова, А.А. Туганбаева, проблема структурного изоморфизма, построена теория делимости, создано новое научное направление «Общая теория колец непрерывных функций». Теория полуколец – перспективное научное направление, имеющее важные приложения. По этому направлению Е.М. Вечтомовым и его учениками получены существенные результаты: разработана теория абелево-регулярных положительных полуколец, развита теория пучковых представлений полуколец, изучаются конгруэнции на полукольцах, исследуются полукольца непрерывных функций (делимость, строение идеалов, подалгебр и конгруэнций), построена двойственность для топологических полуколец, разрабатывается теория полутел.

Е.М. Вечтомов – ведущий профессор и педагог ВятГГУ и г. Кирова, отличник народного просвещения, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, победитель областного смотра-конкурса на лучшего работника по профессии 1999 г. (среди вузовских преподавателей). За годы работы в вузе вел основные кафедральные курсы, прочитал 10 различных спецкурсов по математике, разработал и внедрил в учебный процесс вводный курс алгебры, обновленные программы по алгебре, теории чисел, числовым системам, соавтор «Вводного курса математики». Под его руководством защищено около 50 дипломных работ, ведутся студенческие научные кружки. Е.М. Вечтомов продуктивно руководил НИРС на математическом факультете, подготовил ряд выпускников к поступлению в аспирантуру по математике. 13 лет занимается вопросами современной алгебры со способными школьниками города и области, трое из которых стали победителями областного конкурса «Шаг в будущее» по математике. Более двух лет вел рубрики по занимательной математике в газете «Вятский край».

Е.М. Вечтомов неоднократно был председателем ГАК по математике в Вятском и Глазовском педвузах, в Сыктывкарском госуниверситете. В 1999-2003 гг. был экспертом по математике и физике при государственной аттестации Бирского, Нижневартовского, Челябинского, Глазовского, Нижнетагильского педвузов и Северодвинского филиала Поморского госуниверситета. В настоящее время является председателем совета УМО по математике педвузов Волго-Вятского региона. Многократно выступал с пленарными докладами на различных республиканских конференциях по проблемам математического образования.

Жена – Варанкина Вера Ивановна, также работает в ВятГГУ, являясь деканом математического факультета и доцентом кафедры математического анализа и МПМ. Две дочери: Юля – выпускница исторического факультета ВятГГУ, Маша – ученица экономико-правового лицея. Брат – Вечтомов Владимир Михайлович – ведущий программист одной из кировских фирм.

Евгений Михайлович полон творческих сил, научных замыслов и педагогических свершений. Он является инициатором и организатором многих начинаний. Главные его человеческие качества - неизменная доброжелательность, демократизм, интеллигентность, высочайший профессионализм – вызывают большое уважение коллег и учеников.

Редколлегия журнала и коллектив математического факультета сердечно поздравляют Евгения Михайловича с золотым юбилеем и желают ему крепкого здоровья, семейного счастья, дальнейших творческих успехов в труде и науке!

ВЛАДИМИРУ БОРИСОВИЧУ ПОМЕЛОВУ – 50

Владимир Борисович Помелов родился 8 июля 1953 г. в г. Веймаре (ГДР) в семье инженера-железнодорожника. По окончании средней школы № 31 г. Кирова поступил на учебу в Кировский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, на факультет иностранных языков, который закончил с отличием в 1975 г.

По собственному признанию Владимира Борисовича, за все годы обучения в институте он не пропустил ни одного учебного занятия. Эту привычку трудиться на совесть молодой учитель в полной мере применил к делу, когда начал педагогическую деятельность в Нижнеивкинской средней школе Куменского района, куда был направлен по распределению. В те годы эта школа справедливо считалась не только одной из лучших в Кировской области, но, пожалуй, одной из лучших сельских школ страны. Возглавлял ее замечательный подвижник-просветитель Геннадий Ефимович Заузолков, которого наш юбиляр неизменно называет «вятским Сухомлинским». Впоследствии В.Б. Помелов пропагандировал опыт работы коллектива Нижнеивкинской школы в центральных и местных изданиях, а также в выходивших за пределами России.

По семейным обстоятельствам В.Б. Помелов осенью 1979 г. меняет место жительства и приступает к работе в Опаринской восьмилетней школе (ныне несуществующей). Кстати, в этой же школе начинал свой педагогический путь нынешний глава областного де-

партамента образования Кировской области А.М. Чурин.

Если годы работы в Нижнеивкино дали В.Б. Помелову опыт непосредственной учительской работы, то два учебных года в Опарино были знаменательны тем, что именно тогда у молодого педагога зародился интерес к научно-педагогической работе, к педагогической журналистике и публицистике.

В стремлении реализовать себя как ученого В.Б. Помелов в 1981 г. переезжает в Киров и начинает работу в родном институте в должности заведующего подготовительным отделением. Уже через год он становится аспирантом Научно-исследовательского института общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР (научный руководитель – член-корреспондент АПН СССР, доктор педагогических наук, профессор О.С. Богданова).

После защиты в октябре 1985 г. кандидатской диссертации по проблемам воспитания деловых качеств у старшеклассников в общественно полезной деятельности В.Б. Помелов возвращается в институт и вскоре, в марте 1987 г., избирается на должность проректора по заочному обучению, в которой трудился до декабря 1996 г. В эти годы им было немало сделано для подготовки педагогических кадров для школ и дошкольных учреждений области.

В 1996-1998 гг. В.Б. Помелов находится в должности старшего научного сотрудника, работает над докторской диссертацией на тему «Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX в. – по Октябрь 1917 г.», которую успешно защищает 5 апреля 1999 г. (научный консультант – действительный член РАО, доктор педагогических наук, профессор З.И. Равкин).

Известно, что, работая над докторскими диссертациями, ученые, как правило, ставят перед собой задачу разрешения какой-то крупной научной проблемы и лишь в немногих случаях (примерно в 5%) в диссертации ставится задача открытия нового научного направления. Применительно к вышеуказанной диссертации это как раз такой случай: в своей работе В.Б. Помелов обосновал возможность и целесообразность проведения докторских диссертационных исследований на сугубо региональном материале. Ныне с его именем связывают такое научное направление, как историко-педагогическая регионалистика.

В.Б. Помелов – автор более двухсот научных публикаций. Его статьи печатались во многих педагогических журналах, в том числе в журналах «Педагогика» («Советская педагогика»), «Воспитание школьников», «Народное образование». Среди крупных изданий можно выделить монографии «Педагоги и психологи Вятского края» (Киров, 1993), «Воспитание деловых качеств у школьников» (Москва, 1988), «Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX в. – 1917 г.» (Киров, 1998), учебное пособие для вузов «Российские педагоги второй половины XIX в. – начала XX в.».

Широкий резонанс научно-педагогической общественности получили коллективные монографии, одним из основных авторов которых был В.Б. Помелов: «Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания» (вторая половина XIX – 90-е гг. XX вв.) (Москва, 1997), «Воспитание всесторонне развитой личности школьника в процессе трудовой деятельности» (Кишинев, 1989), «Кировский педагогический: 1914-1989» (Киров, 1989), «Ученическое самоуправление в школе: сегодня и завтра» (Киев, 1989). Последняя из названных работ была опубликована тиражом 40 тысяч экземпляров.

Большую ценность представляют многочисленные учебно-методические пособия В.Б. Помелова, написанные (некоторые в соавторстве) на самые разнообразные темы, например «Студенту-вожатому», «Организация педагогического класса в школе», «Внеклассная работа по биологии» (в 2 книгах), «Организация ученической производственной бригады в школе», «Туристско-краеведческая работа в школе» и др., всего около десятка.

В.Б. Помелов является членом докторских диссертационных советов при ВятГГУ и Удмуртском госуниверситете, постоянно выступает в качестве рецензента и оппонента. Им подготовлен один кандидат наук, к защите готовятся еще несколько аспирантов.

В апреле 1999 г. В.Б. Помелов был избран деканом факультета начальных классов, который в октябре того же года был объединен с факультетом дошкольного воспитания, и на их базе был образован единый педагогический факультет. С июля 2003 г. в состав факультета вошла специальность «Социальная педагогика». В итоге факультет является одним из крупнейших в университете. Он неизменно в числе лидеров по многим показателям, и прежде всего по показателю успеваемости студентов.

За успехи в деле подготовки учительских кадров и плодотворную научную работу В.Б. Помелову было присвоено ученое звание доцента (1990 г.), ученое звание профессора (2000 г.).

За заслуги в деле народного образования он награжден значком «Отличник просвещения» (1994 г.), знаком «Почетный работник высшего профессионального образования» (2003 г.).

Редакция журнала желает юбиляру долгих лет плодотворной деятельности на благо педагогической науки и народного образования.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

«РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В ТЕМАХ, ОБРАЗАХ И СИМВОЛАХ 1913 ГОДА»: ИТОГИ НАУЧНОЙ ВСТРЕЧИ

Межрегиональный семинар молодых ученых, который уже в четвертый раз проводится факультетом культурологии при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, преследовал несколько целей:

• консолидировать научные усилия специалистов смежных областей гуманитарного знания вокруг проблемы, решение которой в теоретическом, методологическом и прикладном отношении призвано соответствовать новейшим научным технологиям, связанным с интегративным подходом в сфере гуманитарного знания (философии, культурологии, филологии, искусствоведения, истории и др.);

• представить в рамках семинара разные поколения ученых (главным образом научные школы), специальное внимание уделяя молодым исследователям, в том числе и аспирантам, в процессе совершенствования их методологической подготовки и использования новых исследовательских методик; с этой целью планировалось приглашение крупных ученых академического уровня и тех, кто только начинает свой путь в науку;

• создать атмосферу подлинной научной дискуссии вокруг спорных проблем (в том числе историко-культурного, понятийного и терминологического характера), которые встают перед всеми исследователями, занимающимися культурой рубежных эпох. В этих параметрах данный проект соотносится с другим проектом, осуществляемым кафедрой культурологии ВятГГУ, – «Интеллектуальная элита России XIX-XX вв.»;

• в качестве инновационных научных стратегий использовать форму научного мастер-класса, который предусматривал лекции и консультации ведущих ученых России и зарубежья для аспирантов, рецензирование и научное редактирование их исследований.

Цели, поставленные организаторами семинара, были выполнены. Исследование аспектов философской и художественной картины мира в русской культуре 1913 года, характеризующегося яркими художественными процессами в искусстве и смежных областях гуманитарного мышления, реализующимися как на уровне создания новых эстетических концепций, так и в изменении художественной картины мира, подводящей итог последнему предвоенному десятилетию, позволило выявить дискурсивное поле художественной культуры в целом и отдельных ее представителей в разных сферах, которые формировали семиотический комплекс культуры в границах единого текста. Семинар способствовал выработке системного принципа комплексного изучения искусства в историко-культурном контексте, формированию представлений о явлениях культуры как о едином тексте.

В работе семинара приняли участие 45 докладчиков. В работе секций, подведении итогов, научных мастер-классов участвовало более 50 слушателей – преподаватели, студенты и аспиранты вузов г. Кирова, научная и творческая интеллигенция, журналисты. Работу всех мероприятий семинара освещали СМИ.

Среди участников семинара – 14 докторов наук, профессоров, 8 кандидатов наук, доцентов, 23 аспиранта и соискателя, 2 представителя дальнего зарубежья (Франция, Венгрия).

В ходе работы семинара и серии научных консультаций выявилось три блока проблем, представляющих широкое поле для дискуссий, индивидуальных авторский прочтений, методологических дискурсов общей темы.

1. «1913 год: смысловое и художественно-эстетическое поле культуры»

Главным предметом дискуссий явилась проблема идентификации 1913 года одновременно в контексте реальности (что вызвано «местом» этого года в истории России и Европы) и исследовательского мифа, обусловленного мифом художественным. Доклады д.филол. наук Н.О. Осиповой (Киров) «1913 год: художественная реальность или исследовательский миф?», чл.-корр. РАН Г.Ю. Стернина (Москва) «1913 год: между радикализмом и консерватизмом», д.филол.наук И. Надя (Будапешт) «1913 год: национальные аспекты культурной рефлексии», проф. В. Лосской (Париж) «А. Ахматова и М. Цветаева: истоки 1913 года», близкие в методологическом отношении, выходили на проблему целостности историко-культурного процесса изучаемого периода, несмотря на кажущуюся разнонаправленность художественных векторов. Методологически оправдано, на взгляд докладчиков, в ситуации «кануна» усматривать своеобразный синтез традиции, освоенной новаторскими рефлексиями, и новейших интуиций предвоенной эпохи, в том числе и в крайних их проявлениях, каким был авангард.

Интересный и научно аргументированный подход прозвучал в докладе венгерского ученого, размышляющего о различиях в восприятии 1913 года в России

и Западной Европе, которое, при многих общих чертах, формировалось национальной философско-религиозной традицией.

Что есть ситуация «границы» в культуре? И можно ли говорить о 1913 годе как о культурной границе? Об этом в связи с функционированием и трансформацией различных художественных школ и направлений говорили в своих докладах Т.И. Ерохина (Ярославль) «Символизм в 1913 году: конец или продолжение?», А.В. Карпов (Санкт-Петербург) «Грядущая культура: дискуссии предвоенных лет», И.А. Едошина (Кострома) «Проблема синтеза искусств в контексте fin de siecle», Е.Н. Струнина «Пластика кризисных эпох в аспекте сочетания несочетаемого», А.Г. Борисова «Становление абстрактного метода в русском изобразительном искусстве», М.Д. Суслов (Пермь) «Российская консервативная утопия в 1913 году». В связи с привлечением обширного архивного и фактологического материала, разнообразием подходов в названных сообщениях, обусловленным акцентировкой разных научных граней рассматриваемых проблем (филологической, философской, исторической, искусствоведческой и др.), стало возможным не только «панорамное» освещение эпохи и не только ее «болевых», кризисных моментов (в этом смысле в неожиданном ракурсе прозвучал доклад проф. В.И. Бакулина (Киров) о социально-экономической ситуации в 1913 году, вызвавший острую полемику), но и непреходящей ценности ее эстетических, философских и художественных достижений как результата своеобразного культурного «взрыва».

Своеобразным итогом этого направления научной дискуссии стал доклад д. иск. Е.И. Кириченко (Москва) «Лики национального Возрождения. Россия начала XX века».

2. «1913 год как текст русской культуры»

Обсуждение основных проблем, связанных с названным направлением, можно с полной уверенностью назвать «рабочим процессом», потому что оно сопровождалось дискуссиями, разнообразием интерпретаций, многообразием методологических подходов – от имманентного анализа культурного текста (текста поведения, творчества, автора и даже отдельного произведения, рассмотренного на фоне основных доминант эпохи. Отсюда – внутренние переклички, видимые ассоциации, новые открытия, когда далеко отстоящие друг от друга культурные тексты неожиданно оказывались соотносимыми, корреспондировали друг с другом, вызывая к жизни новые интерпретационные подходы. Получила реальное подтверждение мысль о том, что наука, как и культура в целом, существует «на границах», и подлинные научные открытия ждут исследователей, в том числе и начинающих, там, где привлекаются методики, используемые в разных сферах гуманитарного знания – именно потому, что культурные доминанты 1913 года складывались на пересечении разных векторов культурного сознания. Все эти положения были убедительно (хотя и в ряде случаев не бесспорно) продемонстрированы в докладах д.филол.н. Ю.Б. Орлицкого (Москва) «Русская поэзия в 1913 году: заглавия, жанры, стих», д.иск. Т.Н. Левой (Н. Новгород) «Артур Лурье и петербургский авангардный миф», д.иск. Т.С. Злотниковой (Ярославль) «Милосердие для бедных: "Праздник мира" Е. Вахтангова и "Фальшивая монета" М. Горького – нравственные концепты предвоенного года», к.иск. Н.И. Поспеловой (Киров) «Русское притяжение. Музыкальные премьеры 1913 года», д.филол.н. Н.В. Дзуцевой (Иваново) «Красавица 1913 года (женский портрет в поэтическом сознании предвоенной эпохи)». В качестве перспективного направления представленных научных сообщений можно назвать семиотический ракурс, что соответствует представлению о «структурности» художественного сознания 1913 года. Но, в отличие от принципов структурно-семиотических исследований 1970-х гг., так называемая «новая семиотика» учитывает системность всех сторон бытия, типы и способы включения индивидуального художественного сознания в целостный контекст культуры. В данной связи по-новому в системе «знаковой эстетики» были представлены такие культурные «тексты», как текст бытового поведения («"Литературная драка" как феномен русской культуры 1913 года» – д.филол.н. А.А. Кобринский, Санкт-Петербург), войны («1913 год в романах о первой мировой войне» – д.филол. н. Т.Н. Фоминых, Пермь), пространственно-временных характеристик («"Пустота" Н. Гончаровой как знак смены художественного кода» – асп. Е.И. Кириченко, Киров), архетипики («П. Филонов: апокалиптические видения 1913 года» – к. культ. Э.В. Гмызина, Киров), онтологических категорий («Концепция света в философско-эстетическом наследии русского авангарда 1913 года» – асп. А.Л. Зайцева, Киров), культурной мифологии («Пасторальный текст» в пространстве культуры 1913 года – асп. Н.Е. Клементьева (Киров).

В ходе обсуждений были отмечены поиски новых исследовательских возможностей в освещении «пограничных» тем в сообщениях аспирантов и молодых ученых, продемонстрировавших самостоятельность в трактовке материала, стремление отойти от традиционных методик анализа, корректность ведения полемики (доклады аспирантов А. Масловой, Т. Токарева, М. Горохова, Е. Ружковой и др.). В то же время эта самостоятельность обнаружила и оборотную сторону проблемы, когда молодые исследователи оказываются в «плену» собственной концепции, подчиняя ей художественный текст, тем самым исключая полноту его прочтения. Обсуждение и научные консультации ведущих ученых, проведенные в рамках семинара, стали для многих молодых исследователей полезной школой.

3. «Культурная и художественная жизнь русской провинции в 1913 году»

Этому направлению работы семинара организаторы придавали особую роль, потому что в данной сфере наиболее значим и актуален в контексте современных наук о культуре анализ основных проявлений художественного сознания эпохи в региональных проявлениях культуры на отдельном хронологическом отрезке с привлечением исторического, социокультурного, антропологического пластов исследования. Подтверждение тому – оригинальные, основанные на серьезных архивных разысканиях сообщения к.иск. И.В. Беровой (Киров) «Выпуск "Известий Императорской археологической комиссии" 1913 года как источник изучения вятской архитектуры»; к.ист.н. И.Н. Фельдт (Архангельск) «Надежды и реалии культурной жизни Архангельска в 1913 году»; асп. Н.Н. Менчиковой «Вятские кустари на II Всероссийской кустарной выставке 1913 года»; Е.А. Князевой и К.В. Загородневой о праздновании 300-летия Дома Романовых в Перми и Пермской области; д.ист.н. В.А. Бердинских «Провинциальные краеведы накануне первой мировой войны: краеведение как хобби русской интеллигенции», асп. Э.Г. Клейна «Военные оркестры в культуре Костромской губернии 1913 года"; журналиста Т.К. Николаевой «Елена Гуро – М. Матюшин: вятские страницы жизни семьи».

В рамках семинара прошли встречи с творческой интеллигенцией, организованы экскурсии, в том числе в уездный город Слободской, в музеях которого представлен достаточно богатый материал по истории Вятского края и культуре 1913 года.

В заключение были подведены итоги работы семинара. Несомненная его польза, как отметили все участники, заключается в выработке системного принципа к комплексному изучению искусства в историко-культурном контексте, формированию представления о явлениях культуры как о едином тексте, что способствует расширению научно-теоретической базы современных исследований и отвечает основному принципу всех «Культурологических штудий» – интегративности в подходе к явлениям культуры. В качестве позитивного момента отмечалась широта «географии» участников, что позволило представить целостную картину развития гуманитарной науки в России во всех ее проявлениях – как тематического, так и методологического характера. Участники с удовлетворением отметили особый характер «диалогичности» конференции, что проявилось в полемике, атмосфере высокой заинтересованности, преодолении узкой элитарности, свободе обмена мнениями.

По материалам семинара подготовлен и сдан в печать сборник научных статей и докладов, который будет представлен в экспертный совет РГНФ по выходе из печати.

Н.О. Осипова,
профессор,
зав. кафедрой культурологии,
руководитель проекта

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА РОССИИ XX ВЕКА: СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ»

Заметным событием в жизни научного сообщества 2002–2003 учебного года стала межрегиональная научная конференция для аспирантов, молодых преподавателей, сотрудников вузов и научных организаций «Интеллектуальная элита России XX века: столица и провинция», проведенная факультетом культурологии совместно с учеными Российского института культурологии Министерства культуры РФ в рамках федеральной целевой программы «Интеграция науки и высшего образования России на 2002-2006 годы» (руководитель – доцент Н.И. Поспелова). Она была посвящена глубокому анализу процессов, связанных с формированием и деятельностью интеллектуальной элиты России XX века в новой парадигме научного мышления, ориентированной на диалог «столица – провинция» и актуальные задачи формирования научно-образовательного потенциала молодых перспективных ученых области и региона в целом.

Это уже вторая конференция по проблемам изучения традиций и перспектив интеллектуальной элиты России, ее вклада в развитие творческого, образовательного и научного потенциала общества, организованная в сотрудничестве со столичными культурологами по линии совместной долгосрочной программы. Если в 2001 году международный форум «Интеллектуальная элита России на рубеже XIX – XX веков» был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований, то данный проект профинансировало Министерство образования. Материальная поддержка свидетельствует об удачно найденной организаторами актуальной и перспективной теме и удачном опыте ее реализации, что в условиях «выживания науки» немаловажно. Как и прежде, конференция собрала с целью обсуждения элитарных процессов в разных сферах интеллектуальной деятельности ученых разных областей знания – философов, культурологов, математиков, филологов, историков, искусствоведов, краеведов, педагогов, журналистов из Москвы, Нижнего Новгорода, Ярославля, Костромы, Йошкар-Олы, Кирова и других городов России. Акцент был сделан на тех тенденциях, которые репрезентативно представляют основной вектор развития отечественной элитологии в единстве творческих, аналитических и методологических интуиций, что позволило наметить новые идеи, концепции, методологию культурологических исследований, сфокусированных в предложенных проблемных блоках: философско-методологические аспекты интеллектуальной элиты; проблемы интеллектуальной элиты в культуре, искусстве и образовании России; культурный диалог «столица – провинция» в интеллектуальном контексте XX века.

Основной спектр исследований развернулся в следующих направлениях:

• выработка методологии исследований интеллектуального и элитарного в разных сферах духовной деятельности человека (политика, философия, литература, история, художественная культура) и как ответвление – разработка терминологического аппарата;

• этические аспекты элит;

• портрет интеллектуальной элиты XX века;

• роль культурного наследия в формировании интеллектуальной элиты России;

• гуманитарное знание в канун XXI века и интеллектуальная элита;

• интеллектуальные аспекты искусства XX века;

• роль и место эмиграции в интеллектуальной жизни России в XX веке;

• интеллектуальная элита российской провинции;

• проблемы образования и его роль в формировании новой интеллектуальной элиты XXI века.

Острая дискуссия традиционно возникла вокруг проблем теоретического характера. По-прежнему в поле зрения гуманитариев и негуманитариев находятся такие системообразующие понятия, как *интеллект* (его природа, статус, функционирование и т.д.), *интеллектуальное, элитарное, духовное, рациональное, метафизическое, интеллигенция* (в корреляте с интеллектуальным, интеллигибельным, образованным), содержание и смысл которых еще научно не выверен. Есть феноменологическая определенность этих философских реалий культуры, однако нет инструментария, учитывающего специфику работы категориального аппарата в поле междисциплинарности; нет четких критериев анализа интеллектуальной палитры современной культуры – безотносительно к конкретно-историческому и национальному контексту. Все эти и другие вопросы заострил К.З. Акопян (Москва), выступивший на пленарном заседании с докладом «Интеллект как естественно–культурный феномен». Проблему относительной самостоятельности психики и интеллекта от функционирования мозга и роли «сверхмозгового культурного творчества» обозначил в своем развернутом выступлении на тему «Может ли структура мозга определять содержательные характеристики мышления?» В.Ф. Юлов (Киров). Со многими положениями его доклада корреспондировали идеи подключившегося к «большой теме» гуманитариев математика Е.М. Вечтомова (Киров, доклад «Главенство разума как критерий интеллектуальности элиты»). О нравственной ответственности (и негативных последствиях ее отсутствия) напомнила А.И. Шемшурина (Москва) в докладе на тему «Этическая составляющая интеллектуальной элиты России начала XX века и ее современное осмысление а педагогике воспитания».

Важным результатом межрегиональной научной конференции стало то, что она актуализировала концептуальную идею «элита – для общества», подчеркнув все возрастающую важность, значимость и практическую востребованность интеллекта и интеллектуалов в современном обществе. Этой теме, в частности, был посвящен доклад «Программа "Культурная столица" как инструмент культурной политики» Г.Г. Фирсова (Нижний Новгород).

Другая особенность прошедшего научного форума связана с явным перевесом «провинциального» компонента в тематике докладов. В предложенном жанровом ограничении – «столица и провинция» – смысловая паритетность уступила место новой парадигме – «провинция для столицы».

Полемика о судьбе провинции, ее интеллектуальном потенциале, способности развиваться, сохраняя свою самобытность, о комплексе проблем, связанных со спецификой и современным состоянием российской провинциологии, нашла отражение в докладах «В России центр на периферии». Провинциология как ракурс культурологии» Т.С. Злотниковой (Ярославль) и «О провинциальных генеалогических изданиях. Европейская Россия» М.В. Майорова (Тула). Понимание провинции как единства исторической и художественной реальности, вписанной в контекст интеллектуального диалога со столицей, заявила в своем докладе «Мифопоэтика провинции в художественном мире А. Грина» Т.Е. Загвоздкина (Киров). Намеченный «провинциальный вектор» научного разговора получил развитие в трех направлениях – историческом, религиозно-философском, искусствоведческом. А. Балыбердин (Киров) поднял актуальные проблемы кадровой политики Кировской епархии 50-х годов XX века, систематизировав исторические факты, свидетельствующие о «массовом возвращении храмов верующим». Тему возрастающего влияния православного духовенства на жизнь советских людей, но уже в культурологическом аспекте – с выходом на проблемы национального художественного самосознания и современного российского храмостроения – продолжила И.В. Берова (Киров) в докладе «Провинция в поисках образности культового сооружения XX века».

В светском контексте раскрыла процессы этносоциальной рефлексии (на материале марийского изобразительного искусства) Э.М. Колчева (Йошкар-Ола). Интеллектуальный дискурс, выстроенный уже за пределами провинциального текста – на основе анализа мировоззрения и характерных черт русского ренессанса начала XX века, тематически объединил доклады Е.Ф. Владыкиной, Э.В. Гмызиной и М.Н. Солоницыной (Киров), содержание которых (соответственно, «Георгий Федотов о путях русской интеллигенции в русской культуре», «Интеллектуальные истоки творчества П. Филонова», «Интеллектуальный аспект личности художника в русском портрете начала XX века») так или иначе раскрывалось как «штрихи к портрету» русской интеллигенции.

Особое место в комплексном изучении интеллектуально-элитарной проблематики занимают темы, связанные с изучением культуры русской эмиграции и ее влияния на современное сознание. На конференции этот культурный пласт разрабатывали Л.А. Мнухин, А.В. Попов, Н.В. Бобылева (Москва), Н.О. Осипова (Киров), выступившие с соответствующими докладами («Русский музыкальный Париж в первые годы эмиграции», «Духовное наследие русского зарубежья и соблазн глобализма», «Интеллектуальная жизнь русских эмигрантов в Латвии», «Проблемы интеллектуальной истории в творческом наследии российской эмиграции (И. Берлин)»).

Отдельно высветился блок теоретических проблем, имеющих отношение к генерации и функционированию интеллектуальных идей в искусстве XX века, чему были посвящены доклады «Полистилистика как проявление интеллектуальности музыкального мышления» Н.И. Поспеловой (Киров), «Категория времени в культурфилософии Петра Сувчинского» Ю.И. Колобовой (Киров), «Дизайн в системной модели культуры» М.П. Голенок (Киров).

Интересный поворот в научной дискуссии состоялся, когда речь зашла о вкладе в развитие культуры России ее конкретных представителей – ученых, художников, издателей, предпринимателей, меценатов. В связи с этим потребовался акцент на раскрытии содержания некоторых смыслообразующих понятий, что и было предпринято Е. И. Кузнецовой (Москва) в докладе «Дефиниция «художественная интеллигенция» в отечественной историографии второй половины XX века» и А.Е. Едошиной (Кострома), выступившей с темой «Интеллигенция как смысловое ядро «Введения» в работе Ф.Ф. Зелинского «Древнегреческая религия»». Е.И. Кириченко (Киров) в своей научной разработке «Коллекционирование как сфера культурных интересов предпринимательской элиты» подняла проблемы типологии и ментальности русских коллекционеров разных поколений.

Образовательно-просветительский статус элиты в целом дополнил обобщенный портрет российского интеллектуала и получил раскрытие в докладах кировских ученых и журналистов: «Культурологическое образование как инструмент формирования современной элиты» В.А. Криушиной, «Педагогический институт – центр интеллектуальной жизни Вятки 20-х годов XX века» Л.Н. Зориной, «Поэтическая "информация" в формировании интеллектуальных качеств у детей младшего школьного возраста» О.И. Колесниковой, «Книга "О степени отечественной" – одно из уникальных изданий старообрядческой типографии Л.А. Гребнева» В.К. Семибратова.

Особенностью конференции стал ее практический аспект – проведение Круглого стола на тему «Столица и провинция: диалог или противостояние?», инициированного организаторами по случаю завершения в городе Кирове масштабной программы «Киров – культурная столица Поволжья – 2002». Состоявшийся разговор с участием ученых, представителей разных ветвей власти, журналистов, менеджеров культуры, творческой интеллигенции стал своеобразным итогом конференции и региональной программы в целом. Так ли на самом деле поляризованы понятия «столица и провинция», «элита и власть»? Нужны ли столице интеллектуальные ресурсы провинции и если да, то в каком алгоритме следует выстраивать отношения между столичными и провинциальными элитами? Где заканчивается граница метафорической диспозиции «столица – провинция» или нет метафоры, а есть противостояние? Все эти и другие вопросы, связанные с практическим «выходом» интеллектуально-элитарной проблематики, были в центре внимания участников Круглого стола. Обсуждение не сняло напряженного противоречия, заложенного в самой теме, однако заострило мысль о несомненно благотворном воздействии научно-творческой деятельности человека на жизнь общества, о необходимости интеллектуальной элите отстаивать свои идеалы, противостоять всяческим проявлениям антикультуры и служить нравственным барометром.

Успех международной научной конференции, состоявшейся в Вятском государственном гуманитарном университете, обязан высокому научному уровню принимавших в ней участие ученых – их заинтересованности, интеллектуальности и элитарности в том смысле, в каком на данном этапе «работают» эти понятия – в смысле генерирования новых идей, духовной свободы, нравственной смелости, гуманизма, научной принципиальности, веры в прогресс.

Результаты конференции имеют не только научно–теоретическое, но и прикладное значение (в рамках программ научно-исследовательских институтов гуманитарного профиля, высших учебных заведений). Введенные в научный оборот новые имена, архивные материалы, интерпретации уже находят применение в образовательном процессе (в частности, в Вятском государственном гуманитарном университете на факультетах культурологии и социально–гуманитарном), а сама методология изучения проблем российской интеллектуальной элиты в формате комплексного подхода представляется перспективной и значимой. По итогам конференции подготовлен и опубликован сборник материалов.

Н.И. Поспелова

ДИАЛОГ С БЕЛОРУССКИМИ КОЛЛЕГАМИ В СТЕНАХ ВЯТСКОГО ГУМАНИТАРНОГО

О развитии союза Российской Федерации с Республикой Беларусь мы в основном знаем из сообщений средств массовой информации. В апреле текущего года удалось начать непосредственное сотрудничество с рядом научных организаций Республики Беларусь при активной помощи Министерств образова-

ния обоих государств и финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 03-06-00517/Б). Со 2-го по 4-е апреля 2003 года на базе ВятГГУ прошла российско-белорусская научно-теоретическая конференция на тему «Становление сознания специалиста: междисциплинарный диалог».

Инициатором встречи ученых России и Белоруссии в форме научно-теоретической конференции стал Вятский государственный гуманитарный университет, в котором более десяти лет ведутся исследования по проблемам сознания. Опубликовано семь выпусков тематического сборника научных статей «Сознание – мировоззрение – мышление», проведено несколько межрегиональных конференций. Преподаватели вуза имели научные контакты с белорусскими коллегами, и, когда Российский гуманитарный научный фонд и Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований объявили совместный конкурс научных проектов, вполне естественно родилась идея двусторонней конференции.

В июне 2002 года был создан оргкомитет конференции, в состав которого вошли доктор педагогических наук, профессор, заместитель министра образования Республики Беларусь А.И. Жук, доктор психологических наук, профессор, директор Института педагогических инноваций В.И. Слободчиков, доктор педагогических наук, профессор, директор Института психологии и педагогики Вятского государственного гуманитарного университета В.З. Юсупов, доктор философских наук, профессор, проректор Республиканской высшей школы Республики Беларусь Я.С. Яскевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Вятского государственного гуманитарного университета В.Ф. Юлов. Под руководством членов оргкомитета в России и в Белоруссии были созданы инициативные группы ученых, которые обеспечили распространение информации о конференции и осуществили весь комплекс подготовительных работ.

В конференции приняли участие ученые из 35 вузов Российской Федерации и Республики Беларусь. В опубликованном сборнике материалов помещено 170 статей и тезисов докладов участников конференции.

Конференцию открыл проректор по научно-исследовательской работе ВятГГУ, профессор В.Т. Юнгблюд. Он отметил, что данная конференция необычна в нескольких аспектах. Впервые в вятском вузе в научной конференции участвует представительный коллектив ученых из Республики Беларусь. Выбрана весьма перспективная тема – сознание специалиста в междисциплинарных измерениях, которая имеет все основания для коллективного исследования.

Наибольший интерес вызвали пленарные сообщения. Профессор Я.С. Яскевич в докладе «Роль социально-гуманитарных дисциплин в становлении сознания специалиста» дала глубокий анализ реформаторских изменений места и роли социально-гуманитарных дисциплин в вузах Республики Беларусь. Ею не только рассмотрено современное положение, но и дан прогноз ближайших перспектив развития высшей школы. Докладчик признает, что мировоззренческое состояние белорусского общества есть региональная форма духовного кризиса. Выход из него Я.С. Яскевич видит на путях обращения к новому гуманизму и толерантному разуму, плюрализму мнений и диалогу культур. Эти идеи требуют должного осмысления и дидактического внедрения в многоуровневую систему подготовки специалистов.

В своем докладе «Архитектоника сознания и подготовка специалистов» профессор В.Ф. Юлов предложил модель сознания, которая вызвала живой интерес участников конференции. Дискуссионным оказалось выделение иерархии уровней: аффективная психика, ментальная психика, интеллект, представленный эмпирическим опытом, эмпирическим и теоретическим мышлением. Как полагает докладчик, четкое разведение этих уровней и слоев позволит выработать перспективные дидактические технологии, из них самым главным направлением должно быть проблемное обучение, где ключевыми элементами выступают проблема, метод и результат.

Широкий спектр развивающих возможностей диалога показала в своем выступлении «Диалог в образовании: пространство становления сознания специалиста» доктор педагогических наук Е.О. Галицких. Наличие равноправных сознаний, которые существуют и взаимодействуют в полифоничном мире, определяет востребованность процесса приобщения личности к культуре, вопросно-ответному познанию, самопознанию. Диалог раскрывается как способ реализации диалектики «вопрошающего бытия» в профессионально-личностном становлении специалистов.

Профессор В.З. Юсупов в докладе «Развитие проектного сознания специалиста» представил не только модель проектного сознания, но и показал оптимальные формы ее практического воплощения. С позиции деятельностного подхода становление проектного сознания позволяет целенаправленно развивать у студентов способности к таким видам деятельности, как проектирование, прогнозирование, программирование. Это дает возможность будущему профессионалу осознать не только то, *с чем* ему предстоит работать, но и *как* целесообразно действовать в конкретной ситуации.

Панорама идей и концепций, представленная пленарными докладами, была существенно дополнена и углублена выступлениями на методологическом семинаре «Потенциал активности сознания и развитие вышей школы Республики Беларусь и Российской Федерации». Профессор В.И. Слободчиков проследил сложные связи профессионального сознания и профессиональной деятельности. Их уже нельзя понять с позиций классической науки, ибо здесь необходима новая исследовательская стратегия. Профессия становится одной из ведущих фундаментальных форм и способов существования современной цивилизации. С этой точки зрения антропологические категории, которые задают бытие человека в мире – деятельность, сознание, общность, – обретают в форме профессионального бытия онтологический статус.

Доцент Т.В. Мишаткина обрисовала новизну и актуальность этики успеха, которая весьма важна для переходного состояния экономик обоих государств. Эта новая этика не повторяет путь, который прошла протестантская этика, хотя у них есть некоторые общие моменты. Оригинальную концепцию веры выдвинул профессор Ю.А. Сауров. Опираясь на идеи Г.П. Щедровицкого, он придал вере универсальный характер, пронизывающий все уровни личности. Не все положения, высказанные докладчиком, приняли участники семинара, но их проблемность придала обсуждению дискуссионный характер.

Особый ритм приняла работа конференции на трех секциях: «Научное сознание и мышление специалиста – перспективы интеграции», «Высшая школа: осознание диалоговой позиции преподавателя и студента», «Мировоззренческая и методологическая культура специалиста». Из многообразия докладов можно выделить сообщения, которые вызвали особый резонанс среди участников. Свои соображения в понимании идеи М.К. Мамардашвили о сознании как орудии личностного развития и ответственности специалиста высказала Н.А. Низовских. Группа участников конференции центром внимания сделала связь сознания с языком, хотя эта тема является классической, здесь предложены оригинальные решения. Так, Е.В. Саутина проанализировала феномен языковой личности, выделила его типы и установила перспективные этапы развития от слабого типа к сильному. Т.А. Горюнова попыталась осмыслить различие языкового и речевого сознания специалиста. Философско-лингвистические принципы получили интересные конкретизации, вплоть до социологического эксперимента. Семиотический ракурс интеллектуальной культуры специалиста попробовала раскрыть О.Н. Сысолятина. Используя отечественную и зарубежную литературу, она показала разнообразие видов ментальной репрезентации, которые участвуют в процессе формирования специализированной информации.

В содержательном докладе Г.В. Бороздиной проведен глубокий анализ основных условий психолого-педагогической подготовки высшей школы Республики Беларусь, что оказалось весьма интересным для российских коллег. Активную дискуссию вызвал доклад Ф.И. Висмонта, посвященный вопросам медицинской этики и ее значимости в формировании будущего врача.

В сообщении Г.И. Симоновой нашли отражение психолого-педагогический и культурологический подходы к проблеме становления самосознания специалиста. Ключевой момент в работе – ориентация образовательного процесса в вузе на формирование профессиональной культуры и профессионального самосознания студентов на основе междисциплинарного подхода.

В докладе Т.Т. Щелиной обосновывается мысль о необходимости разработки методов воспитания будущих поколений, которые были бы способны к самостоятельной деятельности, преодолению психологического и социального инфантилизма и развитию собственных нравственно-этических качеств. Тезис о возрастании в сфере профессионального образования роли рефлексивного управления детально раскрыла Е.А. Ходырева. В ее сообщении само рефлексивное управление представлено как полисубъектное диалогическое взаимодействие. Важнейшим механизмом осуществления такого управления выступает педагогический мониторинг в виде непрерывного научно обоснованного слежения за состоянием педагогического процесса в целях оптимизации образовательных целей, задач и средств их решения. В докладе С.П. Ярошевича подчеркнуто, что в гуманизации высшего медицинского образования Республики Беларусь важное значение придается биомедицинской этике. Выступающий поделился опытом подготовки будущих медиков в этом направлении, сравнивая его с международным опытом.

В целом выступления дали многомерное видение и понимание проблем формирования сознания и профессиональных качеств специалиста. Многие докладчики на секциях высказали оригинальные идеи, апеллируя к своему педагогическому опыту и опыту своих коллег. Примечательно, что целый пласт работ преподавателей из разных вузов России и Республики Беларусь посвящен исследованию и использованию междисциплинарного подхода в образовательном процессе. Все это дает основание для продолжения разговора на последующих конференциях.

Большой успех имели актовые лекции, которые прочитали для студентов, аспирантов и преподавателей Вятского государственного гуманитарного университета профессора и доценты из Республики Беларусь: Г.В. Бороздина, Ф.И. Висмонт, Т.В. Мишаткина, С.П. Ярошевич, Я.С. Яскевич. Глубокое содержание и яркий стиль чтения лекций вызвали у студентов лавину вопросов, которые заставили белорусских коллег проявить всю их научную эрудицию.

Следует признать, что конференция достигла поставленных целей. Был представлен широкий спектр естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, которые изучаются в высшей школе. Междисциплинарный диалог состоялся на разных уровнях, в нем приняли участие преподаватели естествознания, с одной стороны, и психологи, философы, педагоги, лингвисты, с другой стороны. На всех мероприятиях конференции царил стиль конструктивной и доброжелательной дискуссии. Докладчикам были заданы вопросы, и их ответы определили высокий уровень публичного обсуждения.

Весьма оригинальным и ярким получилось выездное заседание круглого стола конференции в г. Сло-

бодском на тему «Формирование сознания учащейся молодежи в инновационных образовательных учреждениях». В рамках культурной программы участники конференции встретились с представителями творческой интеллигенции областного центра, ознакомились с достопримечательностями городов Кирова и Слободского.

Конференция выработала следующие рекомендации:

1. Высшим учебным заведениям Республики Беларусь и Российской Федерации продолжить междисциплинарный диалог ученых-преподавателей по тематике проведенной конференции, сосредоточив внимание на следующих аспектах:

– философско-культурологическое осмысление структуры сознания специалиста;

– дифференциация междисциплинарного подхода (гуманитарное и естественнонаучное, научное и мировоззренческое, теоретическое и практическое);

– соотношение категорий «профессиональное сознание», «профессиональная деятельность», «профессиональное развитие», «профессиональная компетентность», «профессиональная общность»;

– психологическое и педагогическое содержание профессиональной подготовки специалиста.

2. Министерствам образования и учебно-методическим объединениям по направлениям высшего профессионального образования Республики Беларусь и Российской Федерации инициировать работу по обобщению и обмену новаторским опытом, стимулировать создание инновационных образовательных проектов подготовки специалистов для оптимальной интеграции высших школ Республики Беларусь и Российской Федерации в мировое образовательное пространство.

3. Российскому государственному научному фонду и Белорусскому республиканскому фонду фундаментальных исследований оказывать согласованную поддержку в подготовке и проведении российско-белорусских научных мероприятий, имеющих определенный задел, инициативные группы исследователей и перспективные проекты.

4. Вятскому государственному гуманитарному университету и Белорусскому государственному университету с учетом опыта подготовки и проведения научно-теоретической конференции «Становление сознания специалиста: междисциплинарный диалог» разработать в течение 2003 года новый проект комплексных научных исследований и мероприятий по теме «Профессиональное сознание и профессиональное развитие в контексте междисциплинарного диалога».

В.Ф. Юлов, В.З. Юсупов

Новые книги

Сквозь границы

Культурологический альманах

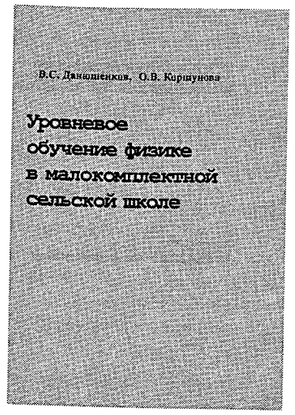
Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 222 с.

Новый выпуск культурологического альманаха содержит материалы, связанные с культурной жизнью города Кирова в 2002 году, одной из сторон которой была реализация программы «Культурная столица Поволжья».

В фокусе внимания редакции были и остаются такие темы, как наука, образование, искусство, художественное краеведение, студенческое творчество.

Содержание альманаха выходит за рамки университетского издания и включает анализ культурных событий регионального масштаба.

В 2003 году в издательстве ВятГГУ вышли книги:



Данюшенков Владимир Степанович
Коршунова Ольга Витальевна

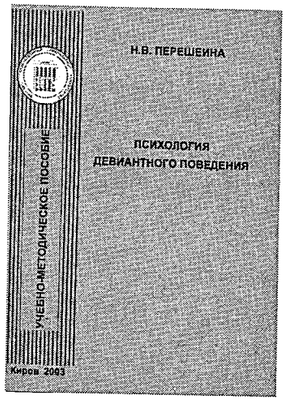
Уровневое обучение физике в малокомплектной сельской школе

Монография

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 221 с.

В монографии впервые исследуется процесс обучения физике в малокомплектной сельской школе с позиций индивидуального развития личности ученика в учебной деятельности. Рассмотрение педагогических явлений через интегральную призму педагогики, психологии и методики позволило создать теорию уровневой дифференциации в обучении физике в МКСШ и разработать новые технологии обучения. Приводится математическая статистика результатов на достоверность, значимость и эффективность.

Книга будет полезна научным работникам, аспирантам, студентам, интересы которых лежат в области обучения.



Перешеина Надежда Васильевна

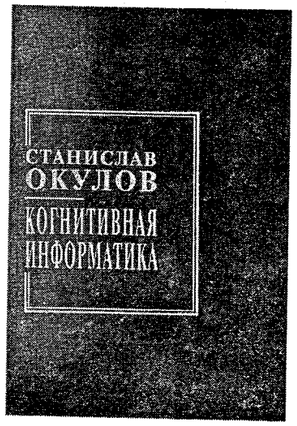
Психология девиантного поведения

Учебно-методическое пособие

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 110 с.

Пособие содержит теоретический материал, раскрывающий понятие девиантного поведения и особенности его проявления у современных подростков. Подробно рассматриваются причины девиантного поведения, его виды, формы и методы профилактики.

Пособие адресовано психологам, студентам педагогических вузов, социальным работникам, учителям, работникам правоохранительных систем и всем, кто занимается вопросами профилактики поведения несовершеннолетних и проблемами психического и физического здоровья молодого поколения.



Окулов Станислав Михайлович

Когнитивная информатика

Монография

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 224 с.

В монографии рассматривается новое направление в развитии теории и методики обучения информатике. Анализируются современное состояние развития образовательной информатики и достижения когнитивной психологии в исследованиях структуры интеллекта. Дается обзор развития технологий программирования. Показывается, как изучение программирования связано с тем, что в когнитивной психологии определяется как интеллект. Приводятся ключевые идеи построения курса по изучению информатики.

Монография предназначена для студентов старших курсов, аспирантов и преподавателей, сферой деятельности которых является *Computer Science*.

В 2003 году в издательстве ВятГГУ вышли книги:

Периодические издания

Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. Вып. 5 / Гл. ред. Е.М. Вечтомов

Сквозь границы: Культурологический альманах. 2003. № 2 / Гл. ред. Н.И. Поспелова

Монографии

Мартынова Г.А. Теория и методика обучения школьников основам стандартизации

Рудницкая Е.Е. Формирование проблемного мышления студентов

Социальное самоопределение учащейся молодежи в условиях современного общества / Ред. М.И. Рожков, Т.В. Машарова

Учебные пособия

Зайцев Н.В., Попов В.М. Основы безопасности дорожного движения

Лабораторный практикум по общей физике. Ч. 1. Механика. Молекулярная физика. Электродинамика / Сост. К.А. Коханов

Малкова И.Е., Мосунова Л.А. Личностно ориентированное проектирование чтения художественного текста

Некрасова Г.Н., Тарасова Н.Г. Уроки технологии в начальных классах с компьютерной поддержкой

Ончукова Л.В. Элементы логики. Логические приемы в курсе математики

Састамойнен Н.Р. Английский язык для студентов математического факультета

Саутина Е.В. Развитие основ проблемного мышления у младших школьников

Ситникова И.В. Элементарная математика

Стахов А.И. Административная ответственность

Стахов А.И. Административное право Российской Федерации

Харунжев А.А. Интеграция в образовании: теория и практика

Шишкин Е.А. Изучение понятия «эквивалент» на факультативных занятиях в школе (химия)

Сборники научных трудов

Актуальные проблемы современной филологии. Языкознание. Ч. 1, 2 / Ред. С.В. Чернова

Актуальные проблемы современной филологии. Литературоведение / Ред. Е.О. Галицких

Познание процессов обучения физике. Вып. 4 / Ред. Ю.А. Сауров

Проблемы физической культуры на современном этапе и пути их решения / Ред. М.П. Бандаков

Сборники тезисов

Актуальные вопросы психологии и педагогики: студенты в научном поиске. Ч. 1, 2 / Ред. В.П. Кузьмина и др.

Интеллектуальная элита России XX века: Столица и провинция / Ред. Н.И. Поспелова и др.

Проблемы социального самоопределения учащейся молодежи в условиях современного общества / Ред. Т.В. Машарова

Адаптивный подход в обучении студентов / Ред. Г.А. Русских

Становление сознания специалиста: междисциплинарный диалог / Ред. В.Ф. Юлов

Правила приема в аспирантуру Вятского государственного педагогического университета в 2003 году

Аспирантура является основной формой подготовки научно-педагогических кадров и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования и предоставляет гражданам РФ возможность повышения уровня образования, научной и педагогической квалификации.

Подготовка аспирантов осуществляется по отраслям наук и научным специальностям в соответствии с действующей номенклатурой специальностей научных работников.

Обучение в аспирантуре осуществляется по **очной** и **заочной** формам.

В аспирантуру на конкурсной основе принимаются **лица, имеющие высшее профессиональное образование**. Для поступающих в аспирантуру **по педагогическим наукам** необходим **двухлетний стаж педагогической работы после окончания вуза.**

Лица, ранее прошедшие полный курс обучения в аспирантуре, не имеют права вторичного обучения в аспирантуре за счет средств бюджета.

Прием заявлений и документов в аспирантуру проводится **с 15 мая по 16 июня.**

Вступительные экзамены – с 15 по 23 сентября.

Поступающие в аспирантуру подают заявление на имя ректора по установленному образцу и следующие документы:

- характеристику с места работы или учебы;
- рекомендацию Совета факультета (для выпускников текущего учебного года);
- нотариально заверенные копии диплома о высшем профессиональном образовании и приложения к нему;
- копию трудовой книжки, заверенную по месту работы;
- удостоверение о сдаче кандидатских экзаменов (для лиц, сдавших кандидатские экзамены);
- список опубликованных научных работ с приложением одной из них;
- лица, не имеющие опубликованных научных работ, представляют реферат по избранной специальности;
- медицинскую справку по форме № 086 У,
- 2 фотографии (3х4, 4х5), папку-скоросшиватель, почтовый конверт с маркой.

Паспорт и диплом об окончании вуза поступающие в аспирантуру представляют **лично**.

Прием в аспирантуру проводится на госбюджетной и на договорной (платной) основе. Количество мест для приема в аспирантуру за счет средств федерального бюджета определяется контрольными цифрами приема, устанавливаемыми Министерством образования Российской Федерации.

Поступающие в аспирантуру в период подачи документов проходят **собеседование** с предполагаемым научным руководителем**, который сообщает о результатах собеседования в приемную комиссию.**

Решение о допуске к вступительным экзаменам выносится приемной комиссией с учетом итогов собеседования поступающего с предполагаемым научным руководителем, а также с учетом отзывов на представленные научные работы, реферат.

Лицам, допущенным к вступительным экзаменам в аспирантуру, для подготовки и сдачи экзаменов предоставляется **отпуск** продолжительностью тридцать календарных дней с сохранением средней заработной платы по месту работы.

Поступающие в аспирантуру сдают следующие **конкурсные вступительные экзамены** в соответствии с государственными стандартами высшего профессионального образования: *специальную дисциплину, философию, иностранный язык.*

Лица, сдавшие полностью или частично кандидатские экзамены, при поступлении в аспирантуру **освобождаются** от соответствующих вступительных экзаменов.

Пересдача вступительных экзаменов не допускается.

Приемная комиссия по результатам вступительных экзаменов принимает решение по каждому претенденту, обеспечивая зачисление на конкурсной основе наиболее подготовленных к научной работе и научно-педагогической деятельности.

Зачисление в аспирантуру производится приказом ректора университета.

Срок обучения в очной аспирантуре не должен превышать трех лет, в заочной – четырех лет.

Освобождение от работы лиц, принятых в очную аспирантуру, производится в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. Стипендия аспирантам очной формы обучения, зачисленным на места в счет контрольных цифр Минобразования РФ, выплачивается со дня зачисления, но не ранее дня увольнения с предыдущего места работы.

Иногородние аспиранты очного обучения обеспечиваются общежитием (без членов семьи).

Выпускники аспирантуры ВятГГУ, защитившие диссертации на соискание ученой степени кандидата наук (1994-2003 гг.)

ФИО	Год защиты	Место защиты	Отрасль науки, по которой присуждена ученая степень
Прием 1991 г.			
Девонина В.А.	1996	РГПУ	философские
Джергения С.Л.	1995	Российский университет дружбы народов	биологические
Криушина В.А.	1995	РГПУ	философские
Морозова М.А.	2000	МПГУ	биологические
Поляков О.Ю.	1995	Нижегородский ГПУ	филологические
Решетова З.П.	1994	Нижегородский ГПУ	филологические
Прием 1992 г.			
Дядькина Л.Н.	1997	Санкт – Петербургский ГУ	культурология
Шушканова Е.Г.	1997	МПГУ	биологические
Ярыгин Н.Н.	1995	МПГУ	философские
Прием 1993 г.			
Бородатая М.Н.	1997	ВГПУ	педагогические
Гмызина Э.В.	2000	Ярославский ГПУ	культурология
Ефимова Н.М.	1996	МПГУ	философские
Полякова О.А.	1997	Нижегородский ГПУ	филологические
Порошина О.Г.	1998	Нижегородский ГПУ	филологические
Прием 1994 г.			
Завойчинская И.Г.	1999	ВГПУ	педагогические
Зевахина Ф.Р.	1998	ВГПУ	педагогические
Зотова Л.М.	2002	ВГПУ	педагогические
Калинина Л.В.	1999	Нижегородский ГУ	филологические
Колесников К.А.	1998	ВГПУ	педагогические
Сахаров В.А.	1998	ВГПУ	педагогические
Семенова И.А.	1999	МПГУ	физико – математические
Сизова Е.Н.	1998	МПГУ	биологические
Прием 1995 г.			
Бочкарева М.В.	1999	ВГПУ	педагогические
Валова О.М.	1999	Нижегородский ГПУ	филологические
Волков А.Г.	2000	Тюменский ГУ	биологические
Ефремов В.Л.	1999	ВГПУ	педагогические
Жуйкова И.А.	1999	Институт географии РАН	географические
Журавлева О.Н.	1999	УрГПУ	филологические
Патрушева Л.К.	1999	МПГУ	педагогические
Подлевских М.Н.	1999	МПГУ	физико-математические
Саутина Е.В.	1999	ВГПУ	педагогические
Симонова Е.Е.	2000	ВГПУ	педагогические
Скопина О.А.	1999	МПГУ	педагогические
Туманова Г.В.	1998	МПГУ	биологические
Ходырева Е.А.	1998	ВГПУ	педагогические
Прием 1996 г.			
Гилязова О.Г.	2000	ВГПУ	педагогические
Кимеева О.А.	2000	ВГПУ	педагогические
Машковцев А.А.	1999	ВГПУ	исторические
Рудницкая Е.Е.	1999	ВГПУ	педагогические
Сазанов А.В.	2000	Челябинский ГПУ	биологические
Селецкая О.В.	2000	ВГПУ	педагогические
Ситникова Л.А.	2000	Санкт-Петербургский университет педагогическо-го мастерства	педагогические
Чибаков А.С.	2000	ВГПУ	педагогические
Шустов С.М.	2000	ВГПУ	педагогические
Прием 1997 г.			
Банина Е.Н.	2002	Нижегородский ГЛУ	филологические
Долгушин М.И.	2000	Пермский ГТУ	философские
Злыгостева Е.П.	2000	Пермский ГТУ	философские
Клепцова Е.Ю.	2001	Курский ГПУ	психологические
Корчагина Г.И.	2000	Калужский ГПУ	психологические
Костина В.Б.	1999	МПГУ	педагогические
Коханов К.А.	2000	ВГПУ	педагогические
Попова П.В.	2000	ВГПУ	педагогические

Сазанова М.Л.	2002	КГМА	биологические
Ситникова И.В.	2000	ВГПУ	педагогические
Тимина С.А.	2003	Нижегородский ГЛУ	филологические
Харин А.Н.	2000	ВГПУ	исторические
Щербакова Т.В.	2001	Нижегородский ГПУ	филологические
Прием 1998 г.			
Бабушкина И.А.	2002	МГПУ	педагогические
Бушмелева Н.А.	2001	Институт общего среднего образования РАО	педагогические
Иванов Ю.В.	2001	УрГУ	педагогические
Козловский С.И.	2002	Сыктывкарский ГУ	исторические
Коршунова О.В.	2002	МПГУ	педагогические
Лаптева Н.В.	2001	Ярославский ГПУ	психологические
Страбыкина Л.А.	2003	ВятГГУ	педагогические
Трушков С.А.	2001	Удмуртский ГУ	исторические
Хапова Л.В.	2002	ВГПУ	педагогические
Ширяева Н.С.	2002	ВГПУ	педагогические
Прием 1999 г.			
Габидуллина Л.Л.	2003	ВятГГУ	педагогические
Исупов М.В.	2003	ВятГГУ	педагогические
Костин А.А.	2002	РГПУ	исторические
Машковцева В.В.	2002	Удмуртский ГУ	исторические
Ряттель А.В.	2003	МПГУ	физико-математические
Татаринова М.Н.	2003	ВятГГУ	педагогические
Чеканов Д.А.	2002	МГПУ	педагогические
Чернова С.А.	2002	ВятГГУ	педагогические
Четверикова Л.Г.	2003	ВятГГУ	педагогические
Шилова З.В.	2003	ВятГГУ	педагогические
Прием 2000 г.			
Капустин А.Г.	2003	ВятГГУ	педагогические

На естественно-географическом факультете
Вятского государственного гуманитарного университета

2-8 мая 2004 года

состоится X Школа по теоретической морфологии растений

«Идентичность органов в морфологии растений»

Председатель Оргкомитета – проректор по НИР ВятГГУ профессор **В.Т. Юнгблюд.**
В составе оргкомитета русские ботаники: **Н.П. Савиных** (ВятГГУ, Киров), **А.К Тимонин** (МГУ, Москва), **А.А. Оскольский** (БИН РАН, Петербург), **А.А. Нотов** (Ботанический сад, ТверГУ, Тверь), **Н.И. Шорина** (МПГУ, Москва), **Д.Д. Соколов** (МГУ, Москва) и наш коллега **Р.К. Эбервайн** (R.K. Eberwein, Ботанический центр Каринтии, Клагенфурт, Австрия).

На Школе планируется обсуждение следующих вопросов:
1. Что такое орган? В чём его отличие от части, фрагмента, мерона и т.д.?
2. Критерии идентичности органов растений с точки зрения морфологии, физиологии, генетики.
3. Способы конструирования растительного тела: ткани, модули, архитектурные модели, жизненные формы.
4. Корень, стебель, лист: реальность или фикции?
5. Цветок и соцветие: реальность или фикции?
6. Место и роль теоретической морфологии в высшем биологическом образовании.

В работе Школы предполагаются лекции с их подробным обсуждением, круглые столы и постерная сессия по обозначенным проблемам, научные консультации.

Мы приглашаем всех заинтересованных ботаников, специалистов других дисциплин, имеющих материалы по обозначенным выше проблемам, или просто заинтересованных слушателей, принять участие в работе Школы.

Просим **до 1 октября 2003 года** представить Заявку на участие, в которой указать следующее:
- Ф.И.О.;
- место работы;
- должность;
- ученую степень, звание;
- почтовый адрес;
- адрес электронной почты;
- номер телефона и факса;
- вид предполагаемого участия: лекция, доклад (устный или стендовый), слушатель, заочное участие;
- тему доклада или лекции

Заявки просим представлять в электронном виде: по электронной почте или на дискете по обычной почте или лично. Предпочтительной формой связи с Оргкомитетом является электронная почта.

Адрес Оргкомитета: **610007, г. Киров, ул. Ленина, 198, Вятский государственный гуманитарный университет, естественно-географический факультет, каф. ботаники, Боброву Юрию Александровичу.**
Тел. **(8332) 674-086**
E-mail: botany@vshu.kirov.ru

Дополнительную информацию о Школе Вы сможете получить на сайте ВятГГУ www.vshu.rirov.ru.

К сведению авторов!

С 2002 года ВятГГУ является одним из учредителей общедидактического и методического журнала «Наука и школа XXI века», издающегося МПГУ (6 раз в год). Издание зарегистрировано в Министерстве по делам печати РФ (свидетельство регистрации № 014427 от 1 февраля 1996 г.).

Журнал включен в «Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты дисертаций на соискание ученой степени доктора наук (2001–2003 гг.)».

Особенность журнала заключается в том, что в нем печатается как рядовой учитель, так и профессор по различным методическим проблемам: от теории до конкретных разработок.

В журнале следующие рубрики:

- Школа и общество;
- Педагогическое образование;
- Педагогические исследования;
- Новые информационные технологии;
- Точка зрения;
- Книжная полка.

К рассмотрению принимаются машинописные тексты объемом не более 12 страниц, отпечатанные через два интервала, снабженные полной подписью автора с указанием должности и научных званий, полным почтовым адресом для переписки и телефоном автора.

Возможно представление текстов в электронной версии, совместимой с IBM PC, а также передача материалов по факсу.

Редакция сохраняет за собой право внесения незначительных сокращений и стилистической правки.

Перепечатка материалов возможна только с письменного разрешения редакции.

Статьи представлять в редакционно-издательский отдел ВятГГУ:

г. Киров, ул. Свободы, 122, к. 307, т. 673-674.

Требования к статьям, представляемым в журнал «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»

В журнале публикуются статьи, сообщения, рецензии, информационные материалы по всем отраслям науки. Статьи и другие материалы должны быть научно аргументированы, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью.

К рукописи предъявляются следующие требования.

1. Объём рукописей: для статьи – до 10 страниц; для рецензии, отзыва на книгу, информации о научной конференции, семинаре – до 3 страниц. Представление ранее опубликованных или посланных в другие издания работ не допускается.

2. Текст статьи должен быть набран на компьютере с одной стороны белого листа бумаги стандартного формата (A_4) через одинарный (компьютерный) интервал. В редакцию представляется 1 экземпляр компьютерной распечатки и идентичная версия на дискете или лазерном диске. Текст должен быть набран в редакторе Word 7 for Windows, шрифт Times New Roman, размер 14; абзацный отступ устанавливается автоматически (через меню «Формат» или клавишей табуляции).

3. Заглавие статьи печатается прописными буквами по центру. **Название должно быть переведено на английский язык.** Инициалы и фамилия автора (авторов) пишутся над заглавием статьи.

4. В тексте статьи следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Сокращения слов допускаются только общепринятые. Цитаты тщательно сверяются с первоисточником и визируются автором на обороте последней страницы рукописи: «Цитаты и фактический материал сверены». Подпись. Дата.

5. Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках с номером страницы, на которой расположена цитата (ссылки не должны выполняться верхними индексами). Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–84.

6. Формулы набираются автором статьи во встроенном формульном редакторе Word и сопровождаются экспликацией; рисунки, фотографии сканируются с высоким качеством изображения; схемы набираются в компьютерном графическом редакторе. Рукописи с иллюстративными материалами низкого качества в печать не принимаются.

7. Рукопись должна быть тщательно вычитана. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отправлять авторам на доработку.

8. Статье предпосылается краткая (до 10 строк) **аннотация** на русском языке, в которой отмечаются новизна содержания, основные выводы и рекомендации.

9. К статье прилагается авторская справка. **Сведения об авторе**: фамилия, имя, отчество, ученое звание, должность, место работы, адрес, контактные телефоны.

10. Рукопись в конце обязательно подписывается авторами, и ставится дата.

Рукописи направляются по адресу:

610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, проректору по НР, каб. 207 главного корпуса.

Рукописи не возвращаются, дискеты рассылаются авторам через отдел делопроизводства университета после выхода журнала.

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научно-методический журнал № 8

Подписано в печать 15.08.2003.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,39. Тираж 500. Заказ 1831